

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 11 (77).№2

**Симферополь
2025**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 11(77), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издавался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 6 от 27.06.2025 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург)

Наumenko Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь) – выпускающий редактор;

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 27.06.2025 г. Формат 70х100 1/16. Усл. п. л. 20,7. Заказ № 765. Тираж 25. Распространяется бесплатно.

Дата выхода в свет 20.09.2025 г.

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 902.21

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-3-26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ДЕРЕВНИ ХОДЖА-САЛА У СЕВЕРНОГО ПОДНОЖИЯ МАНГУПА (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ) В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ¹

Ганцев В. К.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: valentin.gancev@mail.ru*

Поселенческая археология позднесредневекового и Нового времени сегодня находится на стадии формирования источниковой базы. В связи с этим актуальным является введение в научный оборот историко-археологических материалов изучения этих селений. В статье анализируется историческая топография деревни Коджа (Ходжа)-Сала. Для чего привлекаются документальные, письменные, картографические, фотографические и археологические источники. Деревня Ходжа-Сала располагалась у северного подножия мыса Чамну-бурун Мангупского плато, на стыке Каралезской долины и балки Джан-дере в Юго-Западном Крыму. Впервые она упоминается в дефтере № 370 1520 г. В последующем и особенно в XIX в. сведения о селении увеличиваются. В 1980-е гг. и начале XXI в. здесь были проведены археологические раскопки, лишь отчасти затронувшие несколько объектов. К интересующему нас времени относятся пять памятников: деревня Коджа (Ходжа)-Сала (XVI в. – 1944 г.), деревянная мечеть XVIII – начала XX в., мусульманское кладбище, расположенное на юго-западном склоне горной возвышенности Чердаклы-баир, водосборник второй половины XIX в. и остатки землянки (?) периода Крымской войны у входа в церковь Кильсе-Тубю (1855–1856 гг.). Собранные и проанализированные материалы позволяют говорить, что в селитебную зону входили постройки деревни, мечеть и мусульманское кладбище. В тальвеге Каралезской долины и в балке Джан-дере располагались сельскохозяйственные поля.

Ключевые слова: османская археология, археология Нового времени, историческая топография, Мангуп, Ходжа-Сала, поселение.

Исследование поселений позднесредневекового времени на территории Крымского полуострова является одним из ответвлений османской археологии. Следует согласиться с авторитетным мнением В. Е. Науменко, что это направление сегодня находится на стадии формирования источниковой базы [31, с. 429–430]. Пожалуй, справедливо это заключение и для сельских поселений Нового времени [26, с. 83]. Для анализа исторической топографии этих памятников авторами привлекаются археологические, письменные, картографические, а для более позднего периода и фотографические источники (например, см.: [11, с. 339–342, 345–347; 358–366; 369–381; 12, с. 58–59; 24, с. 170–173; 29, с. 192, 196–197; 34, с. 260–271; 42, с. 57–81]). Данные о количестве жителей, размерах и инфраструктуре

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00032, <https://rscf.ru/project/24-78-00032/>

The investigation was carried out with help of Russian Science Foundation, project No. 24-78-00032, <https://rscf.ru/en/project/24-78-00032/>

поселенческих структур позволяют установить масштабы изменений человеком окружающего его природного ландшафта в прошлом [56, с. 175]. Кроме этого, учитывая традиционализм сельскохозяйственного труда крестьян доиндустриальной эпохи, собранные сведения о селениях XVI – XIX вв. мы можем с определенной долей осторожности интерполировать на раннесредневековую эпоху. Важным также является определение закономерностей развития этих деревень и сел. Их соотношение с подобными явлениями, происходившими в Османской и Российской империях, в состав которых входил Крым на разных исторических этапах.

Предметом нашего анализа является деревня Коджа (Ходжа)-Сала¹ или Бугаз (Богазы)-Сала². Это поселение располагалось на стыке Каралезской долины и балки Джан-дере, у северного подножия мыса Чамну-бурун Мангупского плато, в 17 км к юго-западу от г. Бахчисарай (рис. 1). В историографии в основном рассматривалась только административная принадлежность этой деревни в период с XVI в. по 1944 г. [15, с. 378; 44, с. 33; 38, с. 86, сноска 26]. Историческая топография Ходжа-Салы или, более шире, северного пригорода Мангупской крепости не становилась объектом отдельного исследования. Разбор опубликованных и архивных материалов позволят проследить эволюцию поселенческой структуры у северного подножия Мангупа в позднесредневековое и Новое время.

Ценная и порой единственная информация о поселениях XVI – XVII вв., расположенных на территории османских владений в Крыму, содержится в тапу тахрир дефтерах³. Деревня Коджа-Сала фигурирует в дефтерах №№ 370 и 214, датированных 1520 и 1542 гг. соответственно [59, s. 247, 249, tab. XXVI, XXVII; 15, с. 226]. В это время здесь проживали «неверные» (скорее всего, христиане) и мусульманское по вероисповеданию население. Согласно дефтеру 1520 г. в деревне числилось 82 двора иноверцев и один двор мусульман [59, s. 247, tab. XXVI; 15, с. 226]. По переписи податного населения 1542 г. количество дворов мусульман увеличивается до семи, а неверных уменьшилось до 55 [59, s. 249, tab. XXVII]. Среди перечисленных в дефтере № 737 1682–1683 гг. имен землевладельцев в селении значится всего один иноверец по имени Мидаш [38, с. 86–87]. Вокруг деревне находилось 535,5 дёномов сельскохозяйственной земли (или 49,2 га)⁴. Среди собственников которой указаны не только обитатели Коджа-Салы, но и хан Хаджи II Герай (1683–1684) и житель деревни Толи (современное село Дачное) Хандан Челеби. Отметим, что указанный в этом дефтере размер сельхозугодий практически соответствует площади полей в Каралезской долине и в балке Джан-дере, запечатленных на аэрофотоснимке 1942 г. (рис. 2). Это позволяет предполагать, что

¹ В переводе с крымскотатарского языка – «село ходжи / учителя» или «село добродетельного старца» [6, с. 194, 202, 229].

² Этот наименование деревни в своих работах приводят П. С. Палас, П. И. Кеппен и Е. В. Марков [39, с. 64; 21, с. 270; 28, с. 463]. Его можно перевести с крымскотатарского языка как «село в ущелье» или «село на горном проходе» [6, с. 126, 202].

³ Дела, содержащие материалы переписей податного населения Османской империи [16, с. 127–129].

⁴ 1 дёном = 918,672 кв.м.

на протяжении османского и российского периода сельскохозяйственная зона деревни Ходжа-Сала, располагавшаяся в долинах между горными возвышенностями Чердаклы-баир, Мангуп и Шулдан, не претерпела существенных изменений.

Рис. 1. Верховья Каралезской долины и западная часть балки Джан-дере на космическом снимке из ресурса Google Earth (дата съемки – 04.2020 г.). Цифрами указаны: 1 – деревня Коджа (Ходжа)-Сала; 2 – предполагаемое место расположения деревянной мечети; 3 – Каралезская базилика; 4 – мусульманское кладбище; 5 – пещерная церковь Кильсе-Тубю; 6 – водосборник второй половины XIX в.; 7 – место находки надгробия и архитектурных деталей фонтана в 1982 г.

Во второй половине XVI – начале XVII в. произошло кардинальное изменение в конфессиональном составе населения деревни Коджа-Сала. Подобное случилось на Мангупе и в ближайшем селении Чоргунь (ныне с. Черноречье), где между переписями 1542 и 1682 гг. исчезает христианская община, переселившаяся, скорее всего, на территорию подконтрольную Крымскому ханству [32, с. 268; 54, с. 111–112; 34, с. 267]. Исследователями неоднократно указывалось, что причинами этого процесса, затронувшего турецкие владения в Крыму во второй четверти XVII в., были набеги запорожских казаков и меньший размер налогов, собираемый ханской администрацией с христианского населения [14, с. 30, 34; 34, с. 267–268; 54, с. 112]. Кроме этого, это явление, как нам видится, следует также рассматривать в контексте противостояния и непростых взаимоотношений султана Мурада IV (1623–1640) с ханом Мехмед Гераем (1623–1628) и его братом Шагин Гераем [37, с. 97–100; 17, с. 427]. Не способствовало возвращению христиан на территорию лива-и Кефе и

внутренняя политика Мурада IV особенно после 1631 г., отмеченная, кроме всего прочего, усилением контроля над соблюдением конфессиональных различий и возвращению к старине [37, с. 20; 58, р. 49]¹.

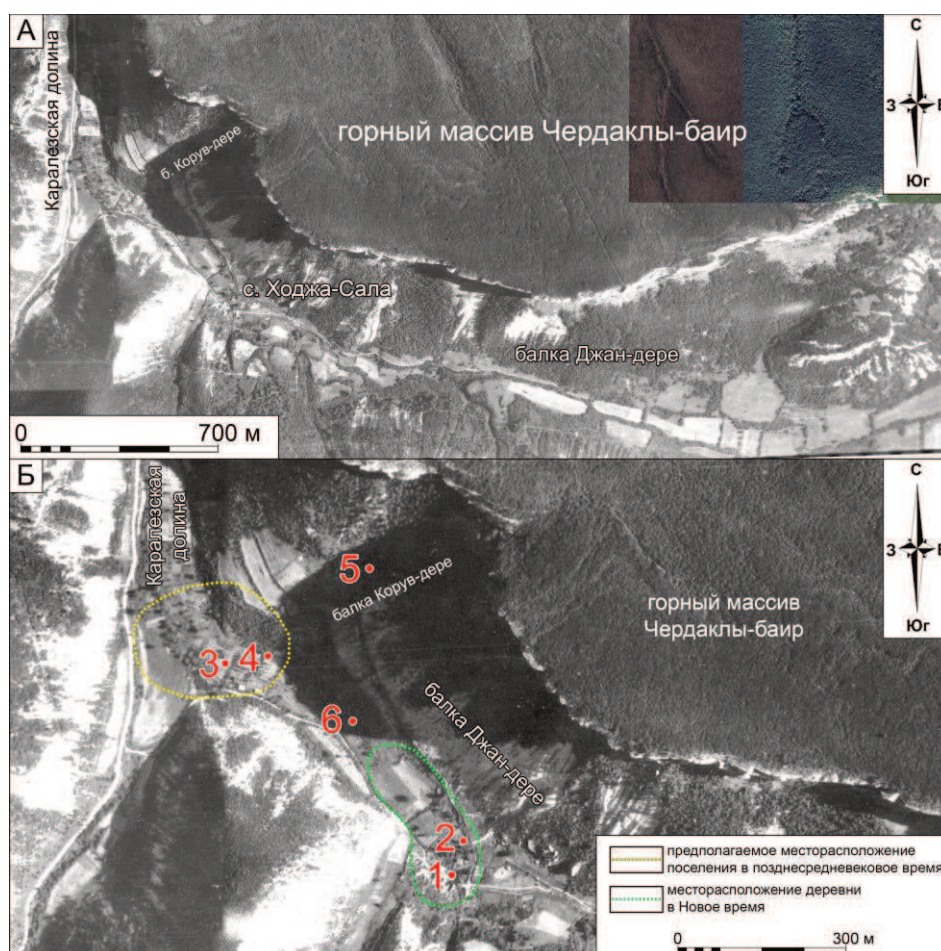

Рис. 2. Верховья Каралезской долины и балка Джан-дере у северного подножия Мангупа на аэрофотоснимке 1942 г. (цифровые обозначения 1–6 соответствуют подписи к рис. 1)

¹ Ярким примером неподчинения крымского хана воле султана Мурада IV является рассказ Эмиддио Дортелли д'Асколи главы доминиканской миссии в Кафе в 1624–1634 гг. Он сообщает, что султан повелел уничтожить город Карасубазар (современный г. Белогорск) из-за того, что его поданные «постоянно уходят с семьями на жительство в Карасу и таким образом пропадает подать». Хан рекомендовал «паше» «управлять помягче» и тогда переселенцы вернуться в Кафу [36, с. 120]. К сожалению, д'Асколи не уточняет в правление Мехмед Герая (1623–1628) или Джанибек Герая (1628–1635) произошло описываемое им событие.

По данным османских переписей, в первой половине XVI в. основным занятием жителей деревни Коджа-Сала было сельское хозяйство [59, s. 383, 530, tab. LXIX, ekler tab. I]. Здесь главным образом выращивали злаковые культуры (пшеницу, ячмень, рож, просо) и лен, десятина из которых составляла 2728 акче или 46,8 % от общего количества налогового вычета с продуктов сельскохозяйственного производства. Также развито было виноградарство, виноделие и пчеловодство. Суммарных налог с этих специализированных отраслей равнялся 2803 акче или 48 % от общего количества. Вероятней всего, эта специализация сохранялась и в XVII в. По сообщению турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего Крым в 1666–1667 гг., в долине, где располагалась Ходжа-Сала, находились сады и виноградники [55, с. 80]. Для их орошения во второй половине XIX в. у западной окраины деревни владельцем Мангупа и земель в Каралезской долине Асан-агой Абдураманчиковым был построен водосборник, вмещающий около 800 куб. м воды [40, с. 126] (рис. 1,6; 2,6). Судя по сведениям путешественников и фотоснимкам начала XX в. эти сады располагались в верховьях Каралезской долины и юго-западном склоне горной возвышенности Чердаклы-баир [21, с. 270; 51, с. 708; 22, с. 112] (рис. 3–4). В последнем случае склоны террасировали, вдоль террас сооружали каменные крепиды (рис. 4–5).

Рис. 3. Верховья Каралезской долины, фото начала XX в., вид с севера [53, л. 12]

В последней четверти XIX в. жители деревни, по данным Статистического бюро Таврического губернского земства, разводили крупный рогатый скот [43, с. Б54–Б55]. Следует полагать, что животноводство развивалось и в османский период

истории Ходжа-Салы, однако его масштабы не нашли отражения в документальных источниках.

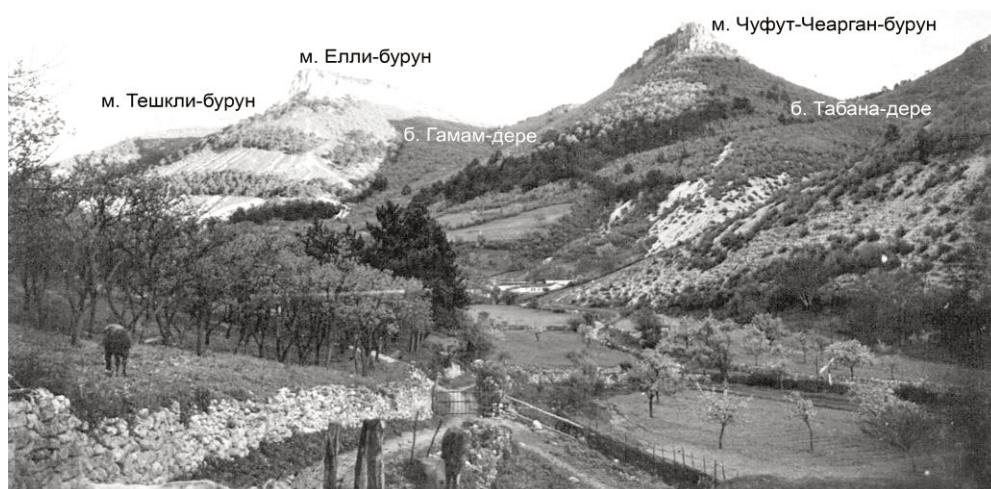

Рис. 4. Верховья Каралезской долины и деревня Ходжа-Сала в истоке балки Табана-дере, фото начала XX в., общий вид с северо-запада [53, л. 11]

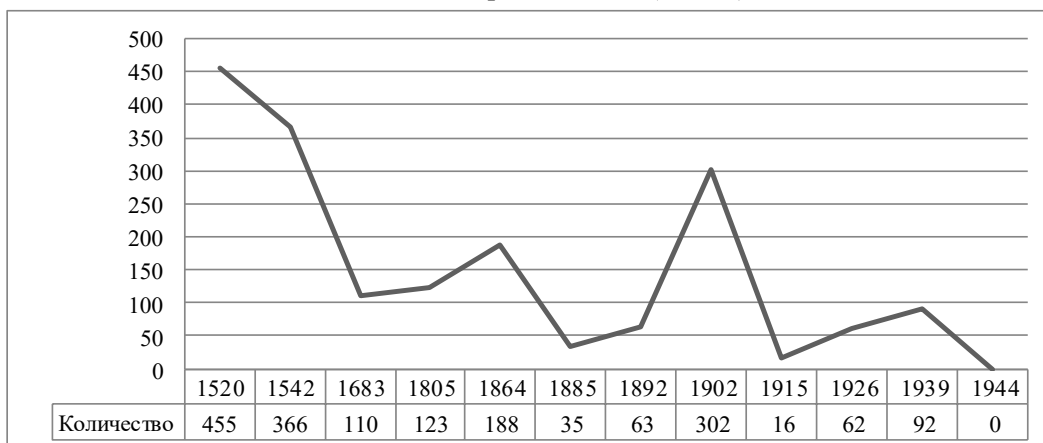
Рис. 5. Верховья Каралезской долины и деревня Ходжа-Сала в истоке балки Табана-дере, фото начала XX в., общий вид с северо-северо-запада (номер в Государственном каталоге Музейного фонда России 25383368)

Сообщения о деревне Коджа-Сала кратно увеличиваются в XIX в. Это в первую очередь связано с пристальным вниманием путешественников и исследователей, побывавших на Мангупе в это время [13, с. 221–245]. На вершину плато можно было попасть двумя основными путями [28, с. 447; 51, с. 710]. Первый из них проходил по южному склону Мангупского плато и вел к главным крепостным воротам, второй – по тальвегу балки Табана-дере, в устье которой располагались постройки селения (рис. 4–5). В связи с этим при описании своего маршрута путешественники как топографический ориентир упоминают местонахождение деревни Ходжа-Сала у подножия Мангупа [21, с. 270; 28, с. 443–447; 40, с. 126]. К сожалению, в этих записках о планировке селения или его архитектурных доминантах ничего не сказано.

На основании дефтеров XVI – XVII вв. и статистических сведений XIX – первой половины XX в. можно реконструировать демографическую ситуацию в деревне Ходжа-Сала (график 1). Конечно же, следует признать фрагментарность данных для XVI – XVII вв. и их отсутствие для XVIII в. Тем не менее, имеющиеся показатели демонстрируют, что за более чем 400-летний период количество населения, проживающего у северного подножия Мангупа, не превышало полтысячи человек. Это, скорее всего, свидетельствует о возможностях потенциальной экономической территории вокруг рассматриваемой нами деревни. Вряд ли размер пахотных угодий в тальвеге Каралезской долины и балки Джан-дере мог обеспечить большее количество населения сельскохозяйственными продуктами.

График 1.

Динамика численности населения деревни Коджа (Ходжа)-Сала с 1520 по 1944 гг.¹

Следует также обратить внимание на как минимум четыре резких падения численности населения в Ходжа-Сале (график 1). Уменьшение числа жителей

¹ График составлен на основании сведений, приведенных в следующих работах: [59, с. 247, 249; 38, с. 86–87; 25, с. 87; 49, с. 21; 43, с. А6–А7; 18, с. 72; 19, с. 126–127; 1, с. 68–69; 50, с. 14–15; 23, с. 774]. Отметим, что Ю. Озтюрк в своих подсчетах количества населения исходит из критерия, что в домохозяйстве (дворе) проживало, как минимум пять человек [59, с. 205].

деревни в XVI – XVII вв., скорее всего, связано, как было сказано выше, с внутренней миграцией и его переселением на территорию Крымского ханства. Также не следует забывать об эмиграции мусульманского населения из Крыма в последней четверти XVIII в. В третьей четверти XIX в. падение демографических показателей вызвано переселением крымских татар в Турцию. Его причинами было тяжелое социально-экономическое состояние местного населения¹ и введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., которая была распространена и на крымских татар [4, с. 27, 31; 9, с. 60–65]. В начале XX в. выросшее к концу XIX в. население Ходжа-Салы снова покидает деревню. На этот повлияли общий для всей Российской империи экономический кризис 1900–1903 гг., не решенный аграрный вопрос, позднее начало Первой Мировой войны [4, с. 31–32; 9, с. 66]. После депортации 1944 г. село опустело, и было вскоре ликвидировано [44, с. 33].

Впервые деревня «Коджасала» рядом с Мангупом была отмечена на «Карте области Таврической» 1787 г. (рис. 6, 1). На картах XIX в. месторасположение селения указано точнее – у северного подножия мысов Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун (рис. 6, 2–7). Это подтверждают и фотографические снимки, сделанные во второй половине XIX – начале XX в. (рис. 4–5, 7–8). Судя по крупномасштабным картам 1836, 1842 и 1865 гг. постройки деревни размещались в тальвеге балки Джан-дере и были вытянуты по линии восток-запад вдоль одной главной улицы (рис. 6, 3, 4, 7). На трехверстовой карте Таврической губернии 1865 г. есть указание на наличие в деревне мечети, расположенной на северо-восточной окраине Коджа-Салы (рис. 1, 7). На верстовой карте 1889 г. впервые использован ойконим «Ходжа-сала» (рис. 9). К концу XIX в. он окончательно вытеснил название деревни «Коджа-Сала» и стал доминирующим (рис. 10).

Учитывая высокую точность карты 1889 г., мы можем локализовать местонахождение сельской мечети. Она располагалась у юго-западного подножия горного массива Чердаклы-баир, на северной окраине деревни, рядом с фонтаном² (рис. 9, 2). Скорее всего, на картах 1865 и 1889 гг. обозначена деревянная мечеть, возведенная в Ходжа-Сале в начале XVIII в. и перестроенная в 1890 г. [44, с. 35]. Единственный известный нам ее фотоснимок был сделан в 1927 г., скорее всего, одним из участников экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских при Главнауки РСФСР под руководством И. Э. Грабаря (рис. 11). Известно, что И. Э. Грабаря на Мангупе, как впрочем, и на других объектах, сопровождал У. А. Боданинский, которого этот культовый объект крымскотатарской архитектуры должен был заинтересовать [5, с. 415]. Эта мечеть, по словам Н. И. Репникова была разрушена в 1937 г. [41, с. 238]³ (рис. 12).

¹ В первую очередь сказывалось обезземеливание крестьян и слабое развитие промышленности в Крыму. В соответствии со статистическими данными 1885 г. из десяти дворов в Ходжа-Сале только шесть имели в собственности «неудобную» землю [43, с. А6–А7].

² Ныне это незастроенный участок к северо-востоку от д. 17 по ул. Челеби (рис. 1, 2).

³ Эту информацию Н. И. Репникову, скорее всего, сообщил Е. В. Веймарн, проводивший в 1937 г. археологические разведки в Каралезской долине [7, с. 117].

Рис. 6. Фрагменты карт 1787 (1), 1817 (2), 1836 (3), 1842 (4), 1854 (5–6) и 1865 гг. (7) на которых указана деревня Коджа-Сала

Рис. 7. Деревня Коджа-Сала, фото около 1869 г., общий вид с северо-запада (Royal Collection Trust, RCIN 2700846)

Рис. 8. Постройки деревни Ходжа-Сала, фото 1912 г., вид с запада (номер в Государственном каталоге Музейного фонда России 25383339)

Рис. 9. Верховья Каралезской долины и западная часть балки Джан-дере на топографической карте 1889 г. (цифровые обозначения 1–6 соответствуют подписи к рис. 1)

Рис. 10. Фрагменты карт 1918 (1), 1924 (2), 1934 (3) и 1941 гг. (4) на которых указана деревня Ходжа-Сала

Рис. 11. Деревянная мечеть в деревне Ходжа-Сала, фото 1927 г., вид с юго-востока (номер в Государственном каталоге Музейного фонда России 40652095)

Рис. 12. Территория, где располагалась деревянная мечеть в деревне Ходжа-Сала, фото Е. В. Веймарна, скорее всего, 1937 г. [7, л. 119А]

На фото 1927 г. отчетливо видна конструкция деревянной мечети (рис. 11). Она имела прямоугольную в плане форму, вытянутую по оси север-юг. Это культовое сооружение было сложено из бруса и перекрыто двускатной крышей, крытой черепицей типа «татарка». Вход в помещение располагался с северной стороны постройки. Склон Чердаклы-баира на месте этого здания был выровнен. По периметру террасы уложены разнокалиберные камни в два ряда кладки, выполняющие своего рода роль фундамента (рис. 11–12). На углу мечети располагалась могила, сложенная из четырех тесаных блоков установленных на ребро. На торцах этого погребального сооружения были размещены две вертикальные каменные стелы: у головы покойного – баш-таш с навершием в форме мужского головного убора (чалмы) и у ног – аяк-таш (рис. 11–13). Если погребение было совершено по религиозному канону, то сооружение длинной осью ориентировано с востока на запад [30, с. 107]. В результате разведки, проведенной на северо-восточной окраине села в 2024 г., к сожалению, выявить остатки этого сооружения не удалось.

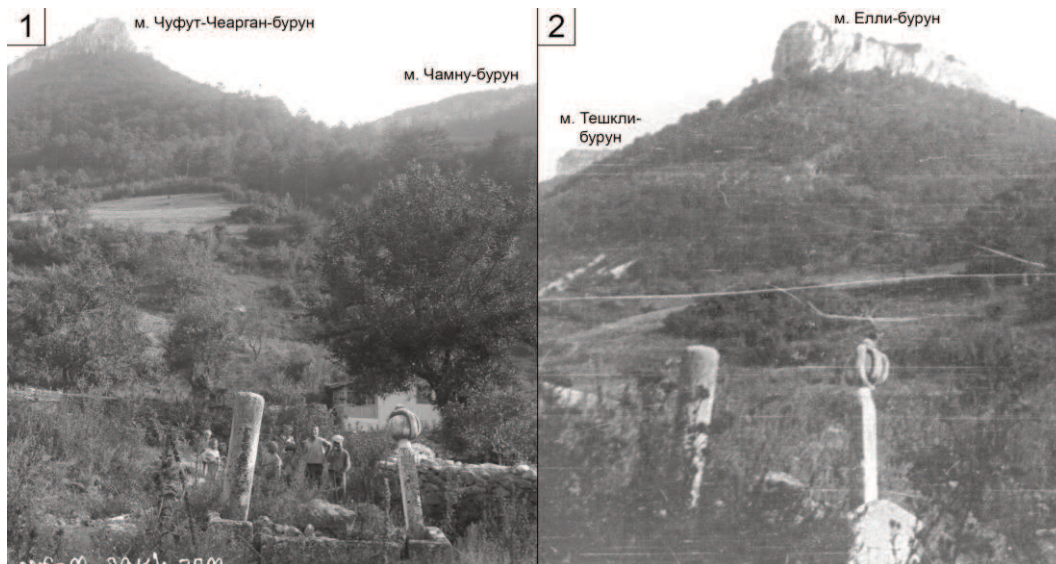

Рис. 13. Погребальное сооружение с двумя вертикальными стелами, располагавшееся у деревянной мечети в деревне Ходжа-Сала. 1 – фото второй половины 1930-х гг. (после 1937 г.), вид с севера (номер в Государственном каталоге Музейного фонда России 25383007); 2 – фото 1939 г., вид с северо-запада [52, л. 36]

Предваря описание известных археологических объектов, связанных с функционированием деревни Коджа (Ходжа)-Сала следует отметить, что планомерных раскопок здесь не проводилась. На сегодняшний день историческая

часть этой деревни находится практически полностью в границах современного села Ходжа-Сала, что делает невозможным проведение здесь полноценных археологических изысканий (ср. рис. 1 и 2).

Учитывая данные дефтера 1520 г. следует полагать, что поселение в верховьях Каралезской долины возникло гораздо раньше даты проведения переписи. Однако достоверно указать местонахождение этого селения «феодоритского» времени, т.е. XV в., сегодня затруднительно. Вероятней всего, оно располагалось на месте нынешнего водохранилища, возведенного в первой половине 1980-х гг. у северного подножия м. Чамну-бурун [10, с. 41] (рис. 2,Б). Кроме этого, материал XIV – XV вв. в разные годы фиксировался на юго-западном склоне горной возвышенности Чердаклы-баир, рядом с балкой Корув-дере, ниже пещерной церкви Кильсе-Тубю [41, с. 238; 8, с. 20–21]. Однако в виду отсутствия таблиц с находками этой керамики, как-либо уточнить эту датировку сегодня не представляется возможным. Достоверно можно говорить лишь о культурном горизонте золотоордынского времени конца XIII – XIV в., который был выявлен на площадке перед входом в храм Кильсе-Тубю [33, с. 196–197] (рис. 1,5). Также этим временем, но без должной аргументации, В. А. Сидоренко датирует церковь, возведенную на месте центрального нефа Каралезской раннесредневековой базилики [60, с. 313] (рис. 1,3).

По предположению В. А. Сидоренко, проводившего охранно-спасательные раскопки у северного подножия Мангупа в первой половине 1980-х гг., первоначально мусульманское культовое сооружение в деревне Коджа-Сала располагалось на руинах Каралезской базилики [47, с. 5] (рис. 1,3). На месте строящегося водохранилища археологом были выявлены материалы XVII – XVIII вв. Кроме этого в южной стене поздней постройки, возведенной на стенах базилики, была зафиксирована ниша, интерпретированная исследователем как михраб [47, с. 5; 48, с. 11]. К сожалению, до момента полной публикации материалов этих раскопок, признать эту гипотезу верной затруднительно.

Восточней Каралезской базилики В. А. Сидоренко также были засвидетельствованы мусульманские надгробия (рис. 1,4). Разведки, проведенные в 2024 г. участниками Мангупской археологической экспедиции, подтверждают расположение на этом участке склона Чердаклы-баира мусульманского кладбища.

Также отметим, что В. А. Сидоренко в балке Урауз-дере, примерно в 500 м к юго-западу от поворота с шоссе Бахчисарай – Севастополь к селу Ходжа-Сала в обкладке землянки времени Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) были выявлены архитектурные детали фонтана¹ и фрагмент плиты от мусульманского надгробия [45, с. 3; 46, с. 328] (рис. 1,7). На этой плите содержалась надпись, датированная автором находки 1264 г. хиджры, т.е. 1848 г. [45, с. 3].

На площадке перед входом в церковь Кильсе-Тубю, на площади раскопа 2022 г., в верхних горизонтах был зафиксирован керамический материал с широкой датой XVI – XIX вв. Он представлен желобчатой черепицей группы «татарка»,

¹ На карте 1889 г. на стыке Каралезской долины и балки Урауз-дере есть отметка о месторасположении здесь фонтана (рис. 9).

водоотводными трубами, фрагментом глазурованной миски группы Monochrome (Green) Glazed Ware (рис. 14,1). Здесь же была выявлена довольно презентабельная группа находок первой половины – середины XIX в., связанных с пребыванием русских войск у Мангупа в годы Крымской (Восточной) войны (1853–1856) [28, с. 446]. Это фаянсовые тарелки (рис. 14,2–3), стеклянные сосуды с квадратным профилем стенок (рис. 14,4), свинцовая ружейная пуля (рис. 14,5), медная монета номиналом 1 копейка 1853 г. выпуска (рис. 14,6) и четыре пуговицы (рис. 14,7–10).

Рис. 14. Археологические находки позднесредневекового и Нового времени из раскопок у церкви Кильсе-Тубю (фрагменты сосудов из глины (1), фаянса (2–3) и стекла (4); свинцовая пуля (5); монета 1853 г. (6); костяные пуговицы (7–8); металлические пуговицы с номерами воинских подразделений (9–10)

Две костяные дискообразные пуговицы с четырьмя отверстиями и невысоким ободком можно отнести к типу 1 по классификации Б. Е. и О. Б. Янишевских (рис. 14,7–8). Подобные пуговицы выявлены у с. Бородино, в санитарном

захоронении, устроенном рядом с селом после Бородинского сражения 26 августа 1812 г. [57, с. 536–537, рис. 1]. Этот тип пуговиц крепился к нижнему белью.

Еще две форменных металлические пуговицы с округлыми шляпками являются частью мундирного обмундирования. Одна из них изготовлена из латуни, на ее лицевой стороне отчеканена цифра «31» (рис. 14,9). В русской армии с 1835 по 1856 гг. этот номер на пуговицах был закреплен за Владимирским пехотным и Углицким егерским полками [35, с. 152, 291]. Вторая пуговица, скорее всего, произведена из олова, на ее лицевой части просматривается цифра «17» (рис. 14,10). Учитывая контекст находки, следует полагать, что этот номер указывает на Новомиргородский уланский полк [35, с. 160–161, 308]. Все эти полки принимали участие в сражениях на Крымском театре боевых действий [2, с. 55, 108, 129, 132–133, 137, 243; 3, с. 56, 112, 150]. Обнаружение этих пуговиц у Кильсе-Тубю выглядит не случайным. В культурном слое они могли отложиться в короткий промежуток времени. В связи с этим датировку рассматриваемых находок XIX в. можно сузить до 1855–1856 гг. Известно, что в это время в районе деревни Коджа-Сала велось строительство землянок для войск пехотных полков, расположенных на р. Бельбек и в Каралезской долине [27, с. 185]. Именно во время этих работ был вырыт котлован у входа в церковь Кильсе-Тубю, нарушивший в этом месте целостность средневековых культурных напластований [33, с. 197].

Рис. 14. Водосборник второй половины XIX в. у западной окраины деревни Ходжа-Сала. 1–2 – археологические раскопки 2003 г., фото Н. В. Кашовской (архив Мангупской археологической экспедиции); 3 – современное состояние, фото 2024 г., вид с севера

В 2003 г. Н. В. Кашовской был локализован на местности водосборник, построенный, как было сказано выше, Асан-агой Абдураманчиковым во второй половине XIX в.¹ [20, с. 246] (рис. 1,6; 9,6). Тогда же здесь были проведены археологические мероприятия: зачистка бортов котлована и фиксация уцелевших архитектурных остатков его обкладки (рис. 14,1–2). К сожалению, руководителем раскопок, ответственным за работы на этом участке исследований, научный отчет так и не был составлен. Были ли здесь, кроме строительных обработанных блоков явно вторичного использования (рис. 14,2), обнаружены керамические или иные находки, нам не известно.

Таким образом, анализ письменных, картографических, фотографических и археологических источников позволяет говорить о непрерывном функционировании поселенческой структуры у северного подножия Мангупа в позднесредневековое и Новое время вплоть до 1944 г. К этому времени можно отнести как минимум пять археологических памятников: постройки деревни Коджа (Ходжа)-Сала, деревянную мечеть XVIII – начала XX в., расположенную на северо-восточной окраине селения, мусульманское кладбище у подножия юго-западного склона горной возвышенности Чердаклы-баир, водосборник второй половины XIX в. и остатки землянки (?) периода Крымской войны у входа в церковь Кильсе-Тубю (рис. 1,1–2,4–6). Эти объекты имеют разную степень сохранности и изученности, что затрудняет построение завершенной концепции развития северного пригорода Мангупа в османский и российский имперский период истории региона. Безусловно, предложенные ниже выводы могут быть скорректированы в будущем в результате появления новых данных, полученных в первую очередь в ходе археологических раскопок.

Скорее всего, основная часть позднесредневековых построек селения Коджа-Сала располагалась в верховьях Каралезской долины и у подножия юго-западного склона Чердаклы-баира, в южной части заброшенного к тому времени раннесредневекового могильника (рис. 2). В качестве гипотезы выскажем предположение, что христианская и мусульманская части этого поселения развивались отдельно, т.е. здесь могло возникнуть два квартала (махалле). Например, подобная структура проживания населения по этноконфессиональным кварталам известна на Мангупе [31, с. 424; 54, с. 109–110]. Христианская часть поселения располагалась на месте нынешнего водохранилища, мусульманская – у северо-восточного подножия м. Чамну-бурун, в истоке балки Табана-дере. Только после того как «неверные» ко второй половине XVII в. покинули деревню, на юго-западном склоне Чердаклы-баира было устроено кладбище (рис. 2,4). Однако следует учитывать, что точная датировка этого мусульманского некрополя на сегодняшний день нам не известна. На основании имеющейся источниковой базы достоверно можно утверждать только то, что в истоке балки Табана-дере деревня Коджа (Ходжа)-Сала размещалась с конца XVIII в. по 1944 г. (рис. 1,1; 2; 4–10).

¹ В 1937 г. этот котлован был обследован Е. В. Веймарном [7, с. 117]. Он находится северо-восточней д. 3 по ул. Челеби (рис. 1,6; 14,3).

Жилые и хозяйственные постройки Коджа-Салы, деревянная мечеть и мусульманское кладбище являлись ядром селитебной зоны, занимая территорию на стыке Каралезской долины и балки Джан-дере. Тальвег этих природных понижений, примыкающие к ним пологие участки склонов горных возвышенностей входили в сельскохозяйственную зону деревни. Судя по имеющимся данным о численности населения за период с XVI по начало XX в., максимальное количество обитателей Ходжа-Салы, обрабатывающих эти поля, не превышало 500 человек. Следует полагать, что в раннесредневековый период эти показатели также едва могли составлять большее значение. Часть излишков сельскохозяйственной продукции в османский период могла поступать в Мангупскую крепость, где базировался военный гарнизон.

В XIX – начале XX в. социально-экономические процессы в деревне протекали в соответствии с общекрымскими и российскими тенденциями. В годы Крымской войны Мангуп и Ходжа-Сала находились практически на линии соприкосновения между противоборствующими сторонами. По сообщению Е. В. Маркова союзные войска доходили до южной стороны Мангупа. В связи с этим в Каралезской долине были размещены русские войска [28, с. 446]. Материальным доказательством их пребывания у деревни Ходжа-Сала является презентабельная коллекция вещей, обнаруженная у церкви Кильсе-Тубю (рис. 14,2–10).

Список использованных источников и литературы

1. Андриевский Ф. Н. Статистический справочник Таврической губернии. – Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства, 1915. – 1202 с.
Andrievskii F. N. Statisticheskii spravochnik Tavricheskoi gubernii. – Simferopol': Tip. Tavr. Gub. Zemstva, 1915. – 1202 s.
2. А. С. Меншиков в Крымской войне: дневники, письма, воспоминания. / Гл. ред. Г. Н. Гржибовская. – Симферополь: Антиква, 2018. – Ч. 1. – 288 с.
A. S. Menshikov v Krymskoi voine. Dnevnik. Pis'ma. Vospominaniya. Ch. 1. – Simferopol': Antikva, 2018. – 288 s.
3. А. С. Меншиков в Крымской войне. Ч. 2: Приказы 1853–1855 гг. / Сост. А. В. Ефимов. – Симферополь: Антиква, 2019. – 280 с.
A. S. Menshikov v Krymskoi voine. Ch. 2: Prikazy 1853–1855 gg. / Sost. A. V. Efimov. – Simferopol': Antikva, 2019. – 280 s.
4. Бойко В. В. Эмиграционные движения крымских татар в Турцию в середине XIX – начале XX века: причины и влияние на социально-экономическое развитие Крыма // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. История. – 2008. – Т. 21(60), № 1. – С. 27–34.
Boiko V. V. Emigratsionnye dvizheniya krymskikh tatar v Turtsiyu v seredine XIX – nachale XX veka: prichiny i vliyanie na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Kryma // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoriya. – 2008. – Т. 21 (60). № 1. – С. 27–34.
5. [Боданинский У. А.] № 6. Отчет о деятельности Государственного дворца и музея тюрко-татарской культуры в г. Бахчисарае с 1-го октября 1926 г. по 1-е октября 1927 г. // Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Т. III: Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934) / Отв. ред. И. В. Зайцев. – Казань; Симферополь: Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – С. 412–455.
[Bodaninskii U. A.] № 6. Otchet o deyatel'nosti Gosudarstvennogo dvortsa i muzeya tyurko-tatarskoi kul'tury v g. Bakhchisarae s 1-go oktyabrya 1926 g. po 1-e oktyabrya 1927 g. // Usein Bodaninskii. Sbranie sochinenii. T. III: Materialy: dnevnik. ekspeditsii, risunki, plany, otchety i dr. Bakhchisaraiskogo dvortsa-

muzeia (1920–1934) / Otv. red. I. V. Zaitsev. – Kazan'; Simferopol': In-t ist. im. Sh. Mardzhani AN RT, 2020. – S. 412–455.

6. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. – Київ, 2003. – 226 с.

Bushakov V. A. Leksichnii sklad istorichnoi toponimii Krimu. – Kiïv, 2003. – 226 s.

7. Веймарн Е. В. Материалы к археологической карте. Бахчисарайский район. II // Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Научный архив Е. В. Веймарна, ф. 22, д. 43.

Veimarn E. V. Materialy k arkheologicheskoi karte. Bakhchisaraiskii raion. II // Nauchnyi arkhiv Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika. Nauchnyi arkhiv E. V. Veimarna, f. 22, d. 43.

8. Веймарн Е. В. Отчет о работах Мангупского отряда Крымской экспедиции в 1973 г. // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (далее – НА ИА НАНУ), ф. 64, д. 1973/14-в.

Veimarn E. V. Otchet o rabotakh Mangupskogo otryada Krymskoi ekspeditsii v 1973 g. // Nauchnyi arkhiv Institutu arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (dalee – NA IA NANU), f. 64, d. 1973/14-v.

9. Возгрин В. Е. Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.) (часть II) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. – 2014. – № 12. – С. 43–78.

Vozgrin V. E. Nemetskie kolonisty i krymskie tatory v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii (XVIII – konets XIX v.) (chast' II) // Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 12. – S. 43–78.

10. [Воронин Ю. С., Герцен А. Г.] Научно-исследовательские работы по обследованию территории и по организации зон охраны памятника архитектуры и археологии городища Мангуп и памятников его окружи. Кн. 2. Альбом 2. Материалы предварительных и историко-архивных исследований. Памятники окружи Мангупа. – Симферополь, 1994. – 105 с.

[Voronin Yu. S., Gertsen A. G.] Nauchno-issledovatel'skie raboty po obsledovaniyu territorii i po organizatsii zon okhrany pamyatnika arkhitektury i arkheologii gorodishcha Mangup i pamyatnikov ego okrug. Kn. 2. Al'bom 2. Materialy predvaritel'nykh i istoriko-arkhivnykh issledovani. Pamyatniki okrug. Mangupa. – Simferopol', 1994. – 105 s.

11. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак: Академперіодика, 2008. – Вып. 3. – С. 331–384.

Gavrilov A. V. Srednekovyie pamyatniki Yugo-Vostochnogo Kryma (materialy k arkheologicheskoi karte) // Sugdeiskii sbornik. – Kiev; Sudak: Akademperiodika, 2008. – Vyp. 3. – S. 331–384.

12. Ганцев В. К., Новиков С. А., Эшрепов С. Т. Археологические исследования на поселении «Сеткин» в Нижнегорском районе Республики Крым // Матер. Междунар. науч. конф. «XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное» / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2022. – С. 57–62.

Gantsev V. K., Novikov S. A., Eshrepov S. T. Arkheologicheskie issledovaniya na poselenii «Setkin» v Nizhnegorskom raione Respubliki Krym // Mater. Mezhdunar. nauch. konf. «XXIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednekov'ya. Sakral'noe i material'noe» / Red.-sost. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko. – Simferopol'; Kerch': Solo-Rich, 2022. – S. 57–62.

13. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Антика, 2008. – Вып. 3. – С. 212–254.

Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.) // Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Antikva, 2008. – Vyp. 3. – S. 212–254.

14. Ефимов А. В. Джизйе-дефтер лива-и Кефе 1634 г. как источник по истории Крыма // Греки Балаклавы и Севастополя / Оtv. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2013. – С. 25–35.

- Efimov A. V. Dzhizie-defter liva-i Kefe 1634 g. kak istochnik po istorii Kryma // Greki Balaklavy i Sevastopolya / Otv. red. K. V. Nikiforov. – М.: Indrik, 2013. – S. 25–35.
15. Ефимов А. В. Перепись османских владений в Крыму 1520 г. / Ин-т востоковедения РАН. – М., 2023. – 413 с.
- Efimov A. V. Perepis' osmanskikh vladenii v Krymu 1520 g. – М.: IV RAN, 2023. – 413 s.
16. Ефимов А. В. Источники по истории сельских поселений лива-и Кефе, XVI – XVIII вв. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Матер. VIII Междунар. науч. конф. (г. Севастополь, 3–8 июня 2024 г.): В 2-х т. / Ин-т востоковедения РАН; Оtv. ред. Ю. А. Пронина. – М., 2024. – Т. 1. – С. 126–132.
- Efimov A. V. Istochniki po istorii sel'skikh poselenii liva-i Kefe, XVI–XVIII vv. // Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Mater. VIII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sevastopol', 3–8 iyunya 2024 g.). V 2 t.: T. 1 / Otv. red. Yu. A. Pronina. – М., 2024. – S. 126–132.
17. Зайцев И. В. Крымское ханство, Речь Посполитая, украинское казачество и Русское государство в XVII в. // История Крыма: В 2-х т. / Оtv. ред. А. В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2019. – Т. 1. – С. 426–432.
- Zaitsev I. V. Krymskoe khanstvo, Rech' Pospolitaya, ukrainskoe kazachestvo i Russkoe gosudarstvo v XVII v. // Istoriya Kryma: v 2 t. T. 1 / Otv. red. A. V. Yurasov. – М.: Kuchkovo pole, 2019. – S. 426–432.
18. Календарная и памятная книжка Таврической губернии на 1892 г. – Симферополь: Тавр. губ. тип., 1892. – 264 с.
- Kalendarnaya i pamyatnaya knizhka Tavricheskoi gubernii na 1892 g. – Simferopol': Tavr. gub. tip., 1892. – 264 s.
19. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1902 г. – Симферополь: Тавр. Губ. Тип., 1902. – 506 с.
- Kalendar' i pamyatnaya knizhka Tavricheskoi gubernii na 1902 g. – Simferopol': Tavr. Gub. Tip., 1902. – 506 s.
20. Кашовская Н. В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Оtv. ред. А. И. Айбабин. – Симферополь: Антиква, 2017. – Вып. 22. – С. 239–277.
- Kashovskaya N. V. K itogam izucheniya karaimskogo nekropolya v ushel'e Tabana-dere (Mangup): problemy khronologii i periodizatsii // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Otv. red. A. I. Aibabin. – Simferopol': Antikva, 2017. – Vyp. 22. – S. 239–277.
21. Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1837. – 409 с. – Назв. обл.: Крымский сборник.
- Keppen P. I. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Krymskii sbornik). – SPb.: Pechatano pri Imp. Akad. Nauk, 1837. – 409 s.
22. Крым: путеводитель / Справ. часть полн. 3-го изд. с вступ. очерком И. И. Пузанова. – Симферополь: Крымское гос. изд., 1929. – 349 с.
- Krym: Putevoditel' / Sprav. chast' pol. 3-go izd. s vstup. ocherkom I. I. Puzanova. – Simferopol': Krymskoe gos. izd., 1929. – 349 s.
23. Крымскотатарская энциклопедия / Сост. Р. Музафаров, А. Короткая. – Симферополь, 1995. – Т. II: Л–Я. – С. 425–835.
- Krymskotatarskaya entsiklopediya / Sost. R. Muzafarov, A. Korotkaya. – Simferopol', 1995. – T. II: L–Ya. – S. 425–835.
24. Куликов А. В. Поселение Кош-Кую (Республика Крым, Ленинский район) // Материалы спасательных археологических исследований / Ин-т археологии РАН; Оtv. ред. А. В. Энговатова. – М., 2018. – Т. 25. – С. 164–173.
- Kulikov A. V. Poselenie Kosh-Kuyu (Respublika Krym, Leninskii raion) // Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy / Otv. red. A. V. Engovatova. – М.: IA RAN, 2018. – T. 25. – S. 164–173.
25. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения (окончание) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1897. – № 26. – С. 24–154.

- Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii Krymsko-tatarskogo zemlevladieniya (okonchanie) // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – 1897. – № 26. – S. 24–154.
26. Майко В. В. К вопросу о закрытых комплексах поселений нового времени Керченского полуострова (на примере поселения Батальное Западное) // Археология и история Боспора: сб. / Гл. ред. В. П. Толстиков. – Симферополь: Антиква, 2023. – Вып. 5. – С. 83–93.
- Maiko V. V. K voprosu o zakrytykh kompleksakh poselenii novogo vremeni Kerchenskogo poluostrova (na primere poseleniya Batal'noe Zapadnoe) // Arkheologiya i istoriya Bospora: sb. / Gl. red. V. P. Tolstikov. – Simferopol': Antikva, 2023. – Vyp. 5. – S. 83–93.
27. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны: по архивным материалам // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1905. – № 37. – 260 с.
- Markevich A. I. Tavricheskaya guberniya vo vremya Krymskoi voiny: po arkhivnym materialam // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – 1905. – № 37. – 260 s.
28. Марков Е. В. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. – СПб.; М: Изд-во тов. М. О. Вольф, 1884. – 593 с.
- Markov E. V. Ocherki Kryma. Kartiny krymskoi zhizni, prirody i istorii. – SPb.; M: Izd-vo tov. M. O. Vol'f, 1884. – 593 s.
29. Мастыкова А. В., Решетова И. К., Чаукин С. Н., Ганичев К. В. Поселение и могильник Су-Баш-1 (Республика Крым, Кировский район) // Материалы спасательных археологических исследований / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. А. В. Энговатова. – М., 2018. – Т. 25. – С. 192–193.
- Mastykova A. V., Reshetova I. K., Chaukin S. N., Ganichev K. V. Poselenie i mogil'nik Su-Bash-1 (Respublika Krym, Kirovskii raion) // Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy / Otv. red. A. V. Engovatova. – M.: IA RAN, 2018. – T. 25. – S. 192–193.
30. Меметова А. Д. Актуальные проблемы изучения погребального обряда мусульманского населения Крымского ханства // Этнография Крыма и сопредельных территорий: Матер. I этнографических чтений (г. Симферополь, 14–15 дек. 2023 г.) / Науч. ред. В. Е. Науменко. – Симферополь: Антиква, 2024. – С. 106–111.
- Memetova A. D. Aktual'nye problemy izucheniya pogrebal'nogo obryada musul'manskogo naseleniya Krymskogo khanstva // Etnografiya Kryma i sopredel'nykh territorii: Mater. I etnograficheskikh chtenii (g. Simferopol', 14–15 dek. 2023 g.) / Nauch. red. V. E. Naumenko. – Simferopol': Antikva, 2024. – S. 106–111.
31. Науменко В. Е. Введение в османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований // Археология Евразийских степей. – 2020. – № 6. – С. 418–461.
- Naumenko V. E. Vvedenie v osmanskuyu arkheologiyu Kryma. O predmete nauchnoi distsipliny i osnovnykh napravleniyakh sovremennykh issledovaniy // Arkheologiya Evraziiskikh stepei. – 2020. – № 6. – S. 418–461.
32. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Иожица Д. В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Отв. ред. А. И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2021. – Вып. 26. – С. 255–281.
- Naumenko V. E., Gertsen A. G., Iozhitsa D. V. Khristianskii Mangup. Sovremennaya istochnikovaya baza i osnovnye etapy istorii // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Otv. red. A. I. Aibabin. – Simferopol': Solo-Rich, 2021. – Vyp. 26. – S. 255–281.
33. Науменко В. Е., Ганцев В. К., Иожица Д. В. Пещерная церковь Кильсе-Тубю под Мангупом. Историографические мифы и археологические реалии (по материалам раскопок 2022 г.) // Матер. науч. конф. «XVI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (г. Севастополь, 24–28 мая 2024 г.) / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: Ариал, 2024. – С. 191–202.
- Naumenko V. E., Gantsev V. K., Iozhitsa D. V. Peshchernaya tserkov' Kil'se-Tubyu pod Mangupom. Istoriograficheskie mify i arkheologicheskie realii (po materialam raskopok 2022 g.) // Mater. nauch. konf. «XVI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis» (g. Sevastopol', 24–28 maya 2024 g.) / Otv. red. N. A. Alekseenko. – Simferopol': Arial, 2024. – S. 191–202.

34. Неделькин Е. В. К истории села Черноречье в средние века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь; Тюмень, 2014. – Вып. 6. – С. 258–272.
- Nedel'kin E. V. K istorii sela Chernorech'e v srednie veka // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. – Sevastopol'; Tyumen', 2014. – Vyp. 6. – S. 258–272.
35. Низовский А. Ю. Русские форменные пуговицы 1797–1917 гг. – М.: Хобби-Пресс, 2010. – 485 с.
- Nizovskii A. Yu. Russkie formennye pugovitsy 1797–1917 gg. – M.: Khobbi-Press, 2010. – 485 s.
36. Описание Черного моря и Татарию составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарию, и проч. 1634 г. / Пер. Н. Н. Пименова, прим. А. А. Бертье-Делагарда // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1902. – Т. 24, отд. 2. – С. 89–180.
- Opisanie Chernogo morya i Tatarii sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii, i proch. 1634 g. / Per. N. N. Pimenova, primech. A. A. Bert'e-Delagarda // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – 1902. – T. 24, otd. II. – S. 89–180.
37. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М., 1998. – 288 с.
- Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XVII v. Ch. I. / Otv. red. G. G. Litavrin. – M., 1998. – 288 s.
38. Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. Вып. 3: перевод / Под ред. А. В. Ефимов. – М.: Институт Наследия, 2021. – 600 с.
- Osmanskii reestr zemel'nykh vladenii Yuzhnogo Kryma 1680-kh godov. Vyp. 3: perevod / Pod red. A. V. Efimov. – M.: Institut Naslediya, 2021. – 600 s.
39. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1783–1784 гг. / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с. – (Серия: «Научное наследство»; т. 27).
- Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1783–1784 gg. / Per. s nem. – M.: Nauka, 1999. – 246 s. – (Seriya «Nauchnoe nasledstvo»; t. 27).
40. Попов А. Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности / Сост. по поручению Педагогического совета инспектор А. Н. Попов, а прил. рисовал преп. А. А. Архипов. – Симферополь: Таврическая губ. тип., 1888. – 131 с.
- Popov A. N. Vtoraya uchebnaya ekskursiya Simferopol'skoi muzhskoi gimnazii v Bakhchisarai i ego okrestnosti / Sost. po porucheniyu Pedagogicheskogo soveta inspektor A. N. Popov, a pril. risoval prep. A. A. Arkhipov. – Simferopol': Tavricheskaya gub. tip., 1888. – 131 s.
41. Репников Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук, ф. 10, д. 9/10.
- Repnikov N. I. Materialy k arkheologicheskoi karte Yugo-Zapadnogo nagor'ya Kryma // Rukopisnyi otdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk, f. 10, d. 9/10.
42. Руев В. Л., Лейбенсон Ю. Т. «Мы поселены между гор ...»: к истории села Балта-Чокрак в Юго-Западном Крыму в конце XVIII – XX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2024. – Т. 10(76), № 3. – С. 188–239.
- Ruev V. L., Leibenson Yu. T. «My poseleny mezhdu gor ...»: k istorii sela Balta-Chokrak v Yugo-Zapadnom Krymu v kontse XVIII – XX vv. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76), № 3. – S. 188–239.
43. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. 4. Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Симферопольского уезда / Сост. Стат. Бюро Тавр. губ. земства. – Симферополь: Тавр. Губ. Тип, 1886. – 343 с.
- Sbornik statisticheskikh svedenii po Tavricheskoi gubernii. T. 4. Statisticheskie tablitsy o khozyaistvennom polozhenii selenii Simferopol'skogo uyezda / Sost. Stat. Byuro Tavr. gub. zemstva. – Simferopol': Tavr. Gub. Tip, 1886. – 343 s.
44. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. II. Бахчисарайский район / Ред.-сост. Ш. С. Сейтумеров. – Симферополь: Форма, 2016. – 184 с.
- Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. T. II. Bakhchisaraiskii raion / Red.-sost. Sh. S. Seitumerov. – Simferopol': Forma, 2016. – 184 s.

45. Сидоренко В. А. Отчет о разведках в окрестностях Мангупа в 1982 г. // НА ИА НАНУ, ф. 64, д. 1982/25-ж.
Sidorenko V. A. Otchet o razvedkakh v okrestnostyakh Mangupa v 1982 g. // NA IA NANU, f. 64, d. 1982/25-zh.
46. Сидоренко В. А. Исследование склонов горы Мангуп // Археологические открытия 1982 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1984. – С. 328–330.
Sidorenko V. A. Issledovanie sklonov gory Mangup // Arkheologicheskie otkrytiya 1982 g. / Otv. red. B. A. Rybakov. – M.: Nauka, 1984. – S. 328–330.
47. Сидоренко В. А. Отчет об археологических исследованиях 1983 г. в окрестностях Мангупа // НА ИА НАНУ, ф. 64, д. 1983/133.
Sidorenko V. A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1983 g. v okrestnostyakh Mangupa // NA IA NANU, f. 64, d. 1983/133.
48. Сидоренко В. А. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях Мангупа в 1984 г. // НА ИА НАНУ, ф. 64, д. 1984/7-ж.
Sidorenko V. A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v okrestnostyakh Mangupa v 1984 g. // NA IA NANU, f. 64, d. 1984/7-zh.
49. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 41: Таврическая губерния: [По сведениям 1864 г.] / Обработана М. Раевским. – СПб., 1865. – 137 с.
Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. Vyp. 41: Tavricheskaya guberniya: [Po svedeniyam 1864 g.] / Obrabotana M. Raevskim. – SPb., 1865. – 137 s.
50. Список населенных пунктов Крымской А.С.С.Р по Всесоюзной переписи 17 дек. 1926 г. / Крым. Центр стат. упр. – Симферополь, 1927. – 220 с.
Spisok naselennykh punktov Krymskoi A.S.S.R po Vsesoyuznoi perepisi 17 dek. 1926 g. / Krym. Tsentr stat. upr. – Simferopol', 1927. – 220 s.
51. Ставровский Я. Ф. Горный Крым и Керченский полуостров // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Т. 14: Новороссия и Крым / Под. ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. – СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1910. – С. 689–817.
Stavrovskii Ya. F. Gornyi Krym i Kerchenskii poluostrov // Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga. T. 14: Novorossiya i Krym / Pod. red. V. P. Semenova-Tyan-Shanskogo. – SPb.: Izd-vo A.F. Devriena, 1910. – S. 689–817.
52. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб.), ф. Р-598, д. 192.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (dalee – TsGALI SPb.), f. R-598, d. 192.
53. ЦГАЛИ СПб., ф. Р-598, д. 193.
TsGALI SPb., f. R-598, d. 193.
54. Чегер С. Б. Мангупская крепость в османских документальных источниках // Ad fontes – 'Επί τὰς πηγὰς: Исторические источники и их исследователи: Матер. Всероссийской науч. конф. студ., асп. и молодых уч. (г. Симферополь, 18 дек. 2024 г.) / Под ред. В. Е. Науменко. – Симферополь: Антиква, 2024. – С. 106–117.
Cheger S. B. Mangupskaya krepost' v osmanskikh dokumental'nykh istochnikakh // Ad fontes – 'Επί τὰς πηγὰς: Istoricheskie istochniki i ikh issledovateli: Mater. Vserossiiskoi nauch. konf. stud., asp. i molodykh uch. (g. Simferopol', 18 dek. 2024 g.) / Pod red. V. E. Naumenko. – Simferopol': Antikva, 2024. – S. 106–117.
55. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Изд. 2-е, испр. и доп.; Пер., вступ. ст. и коммент. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Доля, 2008. – 185 с.
Chelebi E. Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v. / Izd. 2-e, ispr. i dop.; Per., vstup. st. i komment. E. V. Bakhrevskogo. – Simferopol': Dolya, 2008. – 185 s.

56. Шрег Р. К вопросу изучения освоения округа Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Гл. ред. А. И. Айбабин. – Симферополь, 2009. – Вып. 15. – С. 174–195.

Shreg R. K voprosu izucheniya osvoeniya okrug i Mangupa i Eski-Kermena v epokhu Velikogo pereseleniya narodov i srednie veka s tochki zreniya arkheologii poseleniya i okruzhayushchei sredy // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Gl. red. A. I. Aibabin. – Simferopol', 2009. – Vyp. 15. – S. 174–195.

57. Янишевский Б. Е., Янишевский О. Б. Костяные пуговицы из раскопок в селе Бородино // Археология Подмосковья: Матер. науч. сем. / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. А. В. Энговатова. – М., 2015. – Вып. 11. – С. 536–538.

Yanishevskii B. E., Yanishevskii O. B. Kostyanye pugovitsy iz raskopok v sele Borodino // Arkheologiya Podmoskov'ya: Mater. nauch. sem. / Otv. red. A. V. Engovatova. – M.: IA RAN, 2015. – Vyp. 11. – S. 536–538.

58. Neumann C. K. Political and diplomatic developments // The Cambridge History of Turkey. Vol. 3: The Later Ottoman Empire, 1603–1839 / Ed. S. N. Faroqi. – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 44–62.

59. Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). – Ankara: Kültür Bakanlığı, 2000. – 570 s.

60. Sidorenko V. Funde aus dem Umfeld des Mangup // Byzanz Pracht und Alltag (Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn 26 Februar bis 13. Juni 2010) / Hrsg. J. Frings, H. Willinhofer. – Bonn; München, 2010. – S. 313.

Gantsev V. K. The historical topography of the village of Khodzha-Sala, located at the northern foot of the Mangup (in the south-western part of Crimea) during the Late Medieval and Modern periods

The study of the settlement archaeology from the Late Medieval and Modern periods is currently in the process of establishing a reliable source base. Therefore, it is essential to introduce historical and archaeological materials related to these settlements into the scientific discourse. This article analyses the historical topography of the Khodzha-Sala village. To this end, documentary, written, cartographic, photographic, and archaeological records have been used. The village of Khoja Sala was situated at the northern base of Cape Chamnu-burun, at the juncture of the Karalez valley and the Dzhan-dere gulch, in South-Western Crimea. It was first mentioned in tahrir defter No. 370 dated 1520. Since then, and particularly in the 19th century, information about the village has increased. Archaeological excavations were conducted here in the 1980s and early 21st century. There are five monuments that belong to the period we are interested in: the Khodzha-Sala village (16th century – 1944), a wooden mosque dating from the 18th to early 20th century, a Muslim cemetery located on the south-west slope of the Cherdakly-bair mountain elevation, the water tank from the second half of the 19th century, a dugout dating back to the Eastern War period at the entrance of the Kil'se-Tubiu Church (built between 1855 and 1856). The collected and analyzed data allow us to conclude that the commuter area comprised the buildings of a village, a mosque, and a Muslim cemetery. Agricultural fields were located in the valley of Karalez and in the ravine of Dzhan-dere.

Keywords: Ottoman archaeology, Modern archaeology, historical topography, Mangup, Khodzha-Sala, settlement.

УДК: 94(470) 711.5

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-27-42

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ МОСКВЫ 1971 Г. КАК НАИБОЛЕЕ УДАЧНЫЙ И НАИМЕНЕЕ РЕАЛИЗОВАННЫЙ В XX ВЕКЕ

Горлов В. Н.

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Российская Федерация
E-mail: gorlov812@mail.ru*

В июне 1971 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР одобрили новый Генеральный план развития Москвы, который определял главные направления дальнейшего развития столицы СССР. Генплан был результатом многолетних проектных изысканий и научных исследований, решающий важные социальные, экономические и технические проблемы и обеспечивающий наиболее благоприятные условия жизни населения столицы. Новый Генеральный план развития Москвы разработал авторский коллектив в составе архитекторов М. В. Посохина (руководитель), Н. Н. Уллас, С. М. Матвеева, С. А. Болдырева, Н. Ф. Евстратова, Р. Г. Каверина, С. Д. Мишарина, А. В. Сотникова. Особое место в реализации Генерального плана отводилось решению жилищной проблемы как существенной составной части общей программы подъема благосостояния народа. Градостроители закладывали в Генеральный план решения, позволяющие сбалансировать численность градообразующих кадров с возможностями развития города. Для этого наряду с размещением новых профильных городу предприятий намечался вывод за пределы столицы или ликвидация санитарно-вредных объектов, непрофильных и др., в связи с чем и возможно регулирование численности работающих. Генпланом Москвы 1971 г. предусматривалось, что реконструкция градообразующих отраслей народного хозяйства позволит сократить число мест приложения труда, а освободившиеся люди переместятся на предприятия и учреждения обслуживающих отраслей городского хозяйства. Однако происходило обратное: в столице размещалось больше, чем выводилось. Административные меры оказались недейственными.

Ключевые слова: Генеральный план Москвы, транспортные проблемы, градостроительство, архитектура

Уже к концу 1950-х гг. Генеральный план Москвы 1935 г. по основным показателям был выполнен. Помимо этого, он уже не полностью отвечал современным градостроительным требованиям, уровню развития науки и техники. Развитие Москвы требовало радикального решения таких важнейших вопросов как территориальный рост города, развитие его градообразующей базы, определение перспективной численности населения и его расселения, совершенствование архитектурно-планировочной структуры. Необходимо было сохранить своеобразие и улучшить архитектурно-художественный облик города в процессе его дальнейшей реконструкции и застройки. Следовало ускорить реконструкцию центра города, главных магистралей и площадей, разработку проектов озеленения города и развития лесопаркового защитного пояса.

Гигантский размах жилищного строительства, начиная с середины 1950-х гг., заставил начать освоение территорий, числящихся резервными ещё по Генеральному

плану 1935 г., но не намеченных к реальной застройке в 1950-е гг. Так на карте города помимо Юго-Запада и Новых Черемушек, появились адреса: Северное Измайлово, Новые Кузьминки, Волхонка-ЗИЛ, Хорошево-Мневники и т.д. Появилось и само понятие «новый жилой район» [4, с. 47–48].

Так или иначе, но именно возникновение новых жилых районов привело в конце 1950-х гг. к необходимости разработки нового градостроительного документа, имеющего стратегическое значение и рассчитанного на достаточно длительную временную дистанцию – 25 лет с учетом прогнозов на более отдаленную перспективу. Важнейший параметр, который необходимо было учитывать при составлении нового генерального плана, – центробежное развитие города, освоение новых территорий средствами массового индустриального домостроения. Естественным следствием всех преобразований, произошедших за период 1950–1960-х гг., явилось принятие решения в 1960 г. правительством СССР о расширении границ Москвы до Московской кольцевой автомобильной дороги и о разработке технико-экономических основ (ТЭО) нового Генерального плана развития Москвы. ТЭО Генерального плана Москвы зафиксировали главный результат застройки города за послевоенное время – создание новых жилых районов, которые и по сей день во многом определяют градостроительную идею Москвы. В ТЭО были установлены масштабы и направления развития всех отраслей народного хозяйства Москвы и в соответствии с этим были приняты основные параметры формирования города на перспективу; выявлены объемы и темпы промышленно-производственного, жилищного, культурно-бытового и других видов строительства, а также развития городского хозяйства. Техничко-экономические основы, одобренные Советом Министров СССР в 1966 г., послужили базой для разработки нового Генерального плана [18, с. 3].

В период с 1961 г. по 1970 г. строительство и реконструкция города осуществлялись на основе семилетнего плана развития народного хозяйства столицы, а затем в соответствии с решениями, заложенными в Техничко-экономических основах. В это десятилетие продолжалась застройка территории города в районах Химки-Ховрино, Дегунино, Свиблово, Бабушкин, Гольяново, Измайлово, Перово, Новогиреево, Нагатино, Вешняки, Тушино и т.д. Этот период можно считать первым этапом реализации нового Генерального плана развития города [15, с. 77–78].

В июне 1971 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР одобрили новый Генеральный план развития Москвы, который определял главные направления дальнейшего развития столицы СССР. Генплан был результатом многолетних проектных изысканий и научных исследований, решающий важные социальные, экономические и технические проблемы и обеспечивающий наиболее благоприятные условия жизни населения столицы. Новый Генеральный план развития Москвы разработал авторский коллектив в составе архитекторов М. В. Посохина (руководитель), Н. Н. Уллас, С. М. Матвеева, С.А. Болдырева, Н. Ф. Евстратова, Р. Г. Каверина, С. Д. Мишарина, А. В. Сотникова [26, с. 6–7].

Последовательная реализация нового Генерального плана предусматривала осуществление следующего его основополагающих идей: членение городской территории на восемь комплексных планировочных зон с населением около 1 млн. человек в каждой; совершенствование сложившейся планировки и развитие системы широких «зелёных клиньев», глубоко проникающих в городскую застройку, приближающих природу к человеку и связывающих озеленение города с зелёными массивами Подмоскovie; переход от моноцентрической к полицентрической структуре города путем развития системы общегородского центра, объединяющей в целостную композицию исторически сложившееся ядро города, в котором Московский Кремль сохранял свою ведущую роль, и центры его планировочных зон; создание своеобразных по архитектуре и хорошо организованных жилых районов и производственных зон; улучшение транспортной системы города, совершенствование сложившихся магистралей и улиц [16, с. 10–11].

По плану должны были развиваться архитектурно-пространственные связи общегородского центра, где тщательно сохранялось ценнейшее историко-архитектурное наследие столицы, с центрами семи периферийных планировочных зон (Останкинская, Коломенская, Индустриальная, Ломоносовская, Бородинская, Измайловская, Химкинская). В планировочных зонах предусматривалось сбалансированное соотношение трудовых ресурсов и мест приложения труда, а также наиболее полное обеспечение населения объектами культурно-бытового обслуживания и местами повседневного отдыха. Каждая планировочная зона состояла из нескольких планировочных районов с населением 250-400 тыс. человек. Это позволило бы жителям зон работать на предприятиях, расположенных на территории зоны, проводить здесь свободное время, отдыхать, что значительно сократило бы дальность трудовых и культурно-бытовых поездок [7, с. 55–56].

Особое значение в системе общегородского центра стала иметь долина Москва-реки, постепенно превращающаяся в непрерывную цепь ландшафтных парков с наиболее интересными старыми и новыми архитектурными ансамблями. Уже был сформирован ландшафт поймы Москва-реки от Ленинских (ныне – Воробьёвых) гор до Крымского моста, включающий Центральный стадион имени В. И. Ленина, подходы к МГУ, Центральный парк культуры и отдыха имени Горького [12, с. 356].

Большое внимание в Генеральном плане Москвы уделялось развитию индустрии, которая являлась основным градообразующим фактором. Планировалось, что рост промышленного производства будет достигнут, в основном, без увеличения численности работающих – за счет повышения производительности труда. Из города должны были быть выведены предприятия (или изменён их профиль), вредные в санитарном отношении, а также предприятия, развитие которых в Москве считалось экономически нецелесообразным.

Особое место в реализации Генерального плана отводилось решению жилищной проблемы как существенной составной части общей программы подъема благосостояния народа. К концу расчетного срока намечалось обеспечить каждую московскую семью отдельной квартирой с числом комнат, равным количеству членов семьи, в пределах 19-20 кв. м общей площади на человека. Чтобы решить такую

задачу, в столице нужно было построить 60 млн. кв. м. общей площади. Если учесть, что в течение последних лет московские строители ежегодно вводили в эксплуатацию жилые дома общей площадью 4,5 млн. кв. м, посчитали поставленную задачу вполне реальной. В результате проведенных технико-экономических исследований было установлено, что наиболее целесообразно было застраивать Москву крупнопанельными жилыми домами высотой 12–22 этажей, а отдельные её магистрали и площади, важные в градостроительном отношении, – домами большей этажности. Переход на строительство домов повышенной этажности диктовался и тем, что в городе с каждым годом становился острее дефицит городских земель [22, с. 10–12]. Плотность застройки в 1970-е гг. повысилась благодаря увеличению высоты жилых домов. 70 проц. объёма жилищного строительства составили дома 9, 12, 16, 19 и 22 этажей. В плане была заложена идея чёткого зонирования города по высоте возводимых зданий. Замысел состоял в сохранении доминирующего силуэта Кремля как основного ядра города, а по мере удаления от него в районах, расположенных за Садовым кольцом, застройка повышалась до 30 этажей [11, с. 31–32].

Следует подчеркнуть, что вся подготовка к Олимпийским играм 1980 г. была тесно связана с реализацией заложенной в Генеральном плане Москвы программы улучшения труда, быта и отдыха москвичей и являлась важным шагом в решении задачи, поставленной XXIV съездом КПСС, – сделать Москву образцовым коммунистическим городом. Всё, что строилось в столице к Олимпиаде-80, логически вытекало из градостроительных идей, положенных в основу Генерального плана 1971 г. Олимпийские игры лишь приблизили сроки возведения ряда сооружений. Одним из важных компонентов стали олимпийские объекты. Архитекторы и строители стремились создать оригинальные, интересные спортивные сооружения. К главным сооружениям Олимпиады-80 относились крытый стадион «Олимпийский» и плавательный бассейн на проспекте Мира, велотрек в Крылатском, универсальный спортивный зал в Измайлове и др. [14, с. 23]. Период подготовки Москвы к Олимпийским играм 1980 г. был отмечен всплеском благоустроительной и озеленительной деятельности в городе. В хорошее состояние были приведены все территории существующих спортивных сооружений и ряд других объектов. Наиболее интересными с точки зрения ландшафтной архитектуры были Олимпийская деревня с зоной отдыха на Мичуринском проспекте и цветочное оформление города.

Важным вопросом стала проблема территориального развития города. Было понятно, что резервы свободных площадей в пределах существующих границ Москвы практически исчерпаны (т.е. исчерпаны для массовой застройки значительных по площади районов). Существовали в перспективе два пути массового жилищного строительства в Москве: первый – расширение границы города и «выплёскивание» его за пределы МКАД; второй – уплотнение пространства города [1, с. 115].

Большое внимание при реализации Генерального плана уделялось транспортной проблеме – одной из наиболее острых проблем для всех крупных городов мира.

Москва – город со сложившейся радиально-кольцевой системой планировки. Основной недостаток такой планировки – чрезмерная перегрузка Садового кольца транзитным движением и недостаточная ширина радиальных магистральных улиц. Устранение этого недостатка была одной из важных задач. План предусматривал строительство третьего и четвертого колец с целью распределения транспортных потоков, следующих по транзитным радиальным магистралям [2, с. 248–249]. Предлагалось превратить компактное ядро общегородского центра в звездообразную структуру, где развитые радиусы и вынесенные к периферии города центры планировочных зон определяли новую форму пространственного распределения функций. На радиально-кольцевую систему магистралей и улиц как бы была наложена крупная прямоугольная система, позволяющая связать периферийные районы, не затрагивая центрального ядра [13, с. 30].

Проектные материалы Генплана включали обширную программу развития архитектурно-планировочной системы озеленения города, а также реставрации, реконструкции и развития объектов ландшафтной архитектуры столицы и её ближайшего пригородного окружения – лесопаркового защитного пояса. Формирование системы открытых пространств, в том числе озелененных и спортивных, предусматривалось с помощью создания двух зелёных диаметров, пересекающихся в историческом центре Москвы, и несколько зелёных клиньев городских лесопарков, расположенных по периметру столицы. Только озеленённые территории общего пользования должны были вырасти по площади с 13,0 тыс. га до 21,0 тыс. га, а обеспеченность ими достигнуть 30 кв. м/чел. Это была по-настоящему грандиозная программа для московских ландшафтных архитекторов [10, с. 32–33].

Однако уже в первые годы реализации нового Генерального плана появилась угроза этой классической системе озеленения города: население увеличивалось непредсказуемыми темпами, а для строительства жилья индустриальными методами не хватало территории. И резервом для размещения жилищного строительства, прежде всего, стали территории, предусмотренные для развития озеленения столицы, для новых парков, садов, скверов, бульваров. В целях усиления охраны природы и улучшения состояния окружающей городской среды власти Москвы поручили ГлавАПУ г. Москвы разработать Генеральную схему озеленения столицы. В 1975 г. эта схема была одобрена Исполкомом Моссовета [29, с. 109].

Генсхемой намечались меры по сокращению неравномерности озеленения отдельных частей города и увеличению озеленённых территорий в его центральной части, предусматривалась разработка предложений о постановке на государственную охрану бывших усадебных садов и парков как памятников садово-паркового искусства. Дело в том, что в Москве долгие годы существовало несколько пренебрежительное отношение к дворцовым и усадебным паркам, что привело к упадку и исчезновению многих из них. Объемные сооружения, расположенные на их территории, практически не считались памятниками архитектуры, культуры и истории столицы. Это положение было исправлено лишь в 1979 г. Более 50-ти объектов были поставлены на государственную охрану как памятники московского садово-паркового искусства местного значения. К сожалению, одновременно с этим

не были утверждены их границы, поскольку во многих случаях они входили в противоречие с действующими красными линиями, разработанными в соответствии с Генпланом 1971 г. [20, с. 44–45].

Важная идея Генерального плана Москвы – создание зеленых клиньев от центра Москвы к периферии, дополненных системой внутримикрорайонных зелёных насаждений – оказалась неосуществленной. Застройка столицы расчленила эти крупные структурные элементы системы озеленения столицы, превратив их в не связанные между собой оазисы. Уровень работ по озеленению был крайне низок, что резко ухудшило экологическую обстановку в городе. Зелёные насаждения города распределялись очень неравномерно. В центральном ядре Москвы обеспеченность зелёными насаждениями составила всего 4,4 кв. м /чел., а в средней части города (в пределах Садового кольца) – ещё меньше – 3,5 кв. м / чел. В результате существующие зелёные насаждения, испытывая все возрастающую нагрузку и лишённые необходимого ухода, стали погибать [27, с. 111].

Генеральная схема озеленения Москвы, утвержденная Мосгорисполкомом в 1975 г., так и не была воплощена в жизнь. Из 21,0 тыс. га, отведенных под зелёные насаждения, более 2,5 тыс. га было застроено. На месте проектируемого парка за МГУ на Ленинских горах возникли жилые районы: Олимпийская деревня, Никольское, Раменки. В Строгине на месте проектируемого общегородского парка культуры и отдыха был построен жилой район на 130 тыс. жителей. Интенсивно застраивался зелёный клин от площади Коммуны до ВДНХ. Строительство парков им. 60-летия Октября, XX партсъезда было практически законсервировано [24, с. 87–88].

В 1987 г. Мосгорисполком провел научно-практическую конференцию по вопросам озеленения и благоустройства города. Была откорректирована генеральная схема озеленения города. Все территории, которые предназначались для создания зелёных объектов города, были переданы вновь созданному Главному управлению озеленения Москвы, которое выступило единым хозяином всех зелёных насаждений столицы. Ему были переданы маломощные тресты, ведущие работы по строительству (зелёному), которые находились в составах строительных главков Главмосстроя и Главмосинжстроя. Эти тресты по своим проектам и сметам стали выполнять работы по озеленению микрорайонов. Сдача домов была отделена от сдачи озеленения и благоустройства. Главное управление озеленения Москвы стало распорядителем лимитов на проектирование и основным заказчиком на строительство зелёных объектов [25, с. 92–93].

Тенденция изоляции промышленности от города объективно действовала до начала 1970-х гг. (за исключением 15-летнего периода расцвета советской архитектуры в течение 1917–1932 гг., когда престиж труда и промышленной архитектуры определял иные приоритеты) и психологически её воздействие продолжало ощущаться в Москве в особенности [9, с. 19]. В рамках этой тенденции для более сбалансированного внутригородского расселения и размещения мест приложения труда в столице получила, в частности, широкое развитие идея промышленных узлов и 66 крупных многопрофильных производственных зон

Москвы, зафиксированные в Генеральном плане 1971 г. [30, с. 3]. В Генеральном плане появилось понятие «производственная зона», т.е. территориальная структура, включающая группы сложившихся промышленных, складских, транспортных и других внеселитебных объектов, расположенных по соседству. Такие сообщества заводов и фабрик возникали вдоль Москва-реки и Яузы, железнодорожных путей, городских магистралей и насчитывали до сотни разнородных объектов.

Однако вскоре в основном были застроены все производственные зоны, занявшие пятую часть территории города. Практически в Москве не осталось свободных мест ни для ведения массового жилищного строительства, ни для дальнейшего развития народнохозяйственного комплекса столицы. Население Москвы намного превысило установленную численность, и город вынужден был шагнуть за пределы МКАД.

Причин такого развития Москвы немало, но одна из главных – экстенсивное использование производственных зон, которое привело к расточительному расходованию ценных городских земель при одновременном замедлении темпов развития народного хозяйства Москвы. У министерств и ведомств сложилась порочная тенденция к расширению в Москве своих предприятий, к наращиванию мощностей по строительству новых объектов, цехов, лабораторий, складов, несмотря на действующий запрет на размещение градообразующих предприятий. Запрет существовал, а новые объекты, особенно научные, экспериментальные и ряд других подразделений разных калибров появлялись «в порядке исключения». Для размещения их в Москве места, как правило, не было, но его в конце концов выкраивали в одной из производственных зон за счет изъятия неосвоенных участков, ранее отданных для других ведомств, объектов. Такой подход ведомств к своим интересам и привел к тому, что производственные зоны были заполнены разнообразными объектами с десятками одноэтажных мелких вспомогательных сооружений. В связи с острым дефицитом территории то или иное предприятие оказывалось на выкроенной для него площадке в окружении случайных соседей. А значит, ни о каком кооперировании, специализации и других прогрессивных решениях речи и быть не могло. Воду, энергию, тепло предприятие получало от соответствующих служб Мосгорисполкома, кадры набирало, переманивая у своих соседей или завозило «по лимиту». Так росло население Москвы, а с ним и всё, что требовало его обслуживание.

Экстенсивные методы, которыми многие предприятия выполняли производственные программы, явились главной причиной негативных явлений. В отдельные годы в Москву для работы на различных предприятиях и строительстве привлекалось до 120 тыс. лимитчиков [19, с. 9]. Нужда в жилье заставила отодвинуть на второй план строительство учреждений культурно-бытового обслуживания, развития транспорта, инженерных систем. Достигнутые к этому времени успехи в области индустриальных методов возведения зданий позволили во много раз ускорить строительный процесс. В 1970-е гг. сложились устойчивые темпы возведения ежегодно около 4,5 млн. кв. м. общей площади квартир (или 22,5 млн. кв. м. в каждой пятилетке) [8, с. 14]. В 1987 г. более 92 проц. жилищного фонда столицы

было построено в послевоенные годы [23, с. 17]. Строительство, как правило, велось только на новых свободных территориях, которые застраивались по проектам зачастую без должной, за нехваткой времени, проработки планировки и застройки новых районов. Высокие темпы строительства в известной степени сказались и на определенном упрощенстве в мышлении архитекторов в решении творческих задач.

Большое число постановлений о жилищно-гражданском строительстве, как показала жизнь, оказались недейственными, чтобы противостоять искажениям пропорциональной основы развития города, нарушениям его Генерального плана. Так, под жилье занимались зеленые клинья (районы Строгино и Крылатское, Раменки и другие). Строительство жилых домов по типовым проектам в зоне центра вызвало очевидный для всех конфликт с исторической средой, нарушив её цельность, создав реальную угрозу потери индивидуального своеобразия Москвы [28, с. 59].

Ввиду того, что каждый район решал свою жилищную программу, жилые дома размещали иногда и в районах будущих магистралей. Так трасса третьего кольца по Генеральному плану 1971 года, проходившего в обход Лефортовского парка, была застроена, что вынудило искать новые решения. Против строительства кольцевой магистрали по запроектированному в 1984 г. наземному варианту, проходящему через район Лефортово возражали Министерство культуры СССР, представители Главного военного госпиталя им. Н. Н. Бурденко Министерства обороны СССР. Данная проблема получила широкое отражение средствами массовой информации и вызвала поток писем-протестов от отдельных граждан, групп населения, общественных организаций, что привело к решению приостановить строительство для продолжения углубленных проектов и исследовательских работ по трассе магистрали в районе Лефортово. В итоге не только отказались от трассировки этой магистрали, но и вообще пересмотрели всю транспортную схему, так как она при осуществлении привела бы не к одному десятку конфликтных ситуаций, подобных Лефортовской [3, с. 2].

Преобладание количества шло в ущерб качеству. Москва больше росла, чем развивалась. В ней не происходили необходимые качественные сдвиги, которые были бы способны умножить, усилить её столичные функции в структуре научно-производственного потенциала, в качестве городской среды и эстетическом облике. Имела место парадоксальная ситуация: размещенные в городе многочисленные учреждения и предприятия, обладающие огромными материальными возможностями, использовали всю его инженерную, транспортную и социально-бытовую инфраструктуру, а город не имел средств для её развития. Более того, отсутствие арендной платы за землю породило у ведомств такое же хищническое отношение к богатствам города – его трудовым ресурсам, инфраструктуре, историческим ценностям.

В столицу вторглось огромное число учреждений и предприятий. В результате возник порочный круг: нехватка рабочей силы – завоз целыми десятилетиями иногородней рабочей силы – дефицит жилья, городской инфраструктуры, кадров в сфере обслуживания – новый завоз лимитчиков и т.д. Бесплатность пользования городской землёй привела к тому, что промзоны в столице занимали в среднем 45 кв.

м. на одного жителя города по сравнению с 18–20 кв. м. в промышленных городах развитых стран [5, с. 49].

Многие предложения Генплана не показались тогда насущно необходимыми. Зачастую министерства и ведомства корректировали свои планы без учета возможностей города, его трудовых и территориальных ресурсов, добивались увеличения выпуска продукции не за счет внедрения новой техники, а за счет привлечения дополнительной, в основном иногородней рабочей силы. Практически все министерства и ведомства превысили лимиты численности кадров. Увеличение же числа работающих вело, как известно, к необходимости увеличения производственных площадей, к строительству новых корпусов, к размещению на городских территориях дополнительных общежитий, жилищного фонда и учреждений сферы услуг, не предусмотренных Генеральным планом. Многие министерства не только всеми путями стремились сохранить в столице свои предприятия, которые по Генеральному плану должны были выведены из Москвы, но и добивались разрешения на новое строительство. Некоторые предприятия шли по пути перепрофилизации, укрепления материальной базы и оставались. В итоге произошло увеличение численности населения Москвы сверх намеченного Генеральным планом, причем внушительное – почти на миллион жителей. Поэтому, несмотря даже на перевыполненный по сравнению с показателями Генплана объем жилищного строительства и объемы соцкультбыта, обеспеченность москвичей жилой площадью и объектами сферы обслуживания в целом были ниже ожидавшихся.

Наряду с архитекторами над Генеральным планом активно трудились транспортники, инженеры городской инфраструктуры (водоснабжение, канализация, тепло, энергия, телефон, радио и др.), специалисты по подготовке территории, социологи, экономисты. Казалось бы, были задействованы все необходимые отрасли знаний, а Генплан города стал стареть на полпути, т.е. в главном вопросе – численности населения – достигает проектных рубежей уже в середине срока его действия. И тогда нарушились все пропорции в организации жизни города, ибо развитие транспорта, снабжения всеми видами инженерной инфраструктуры, обслуживания и пр. отставало от темпов роста населения, а значит, на каждого москвича приходилось всего этого меньше нормы. Прогнозы градостроителей, направленные на сдерживание роста города, нарушались в ходе реализации Генплана непредвиденным размещением, развитием отдельных предприятий того или иного ведомства, которых меньше всего заботили проблемы перенаселения.

В Москве в 1970-е гг. градообразующая база складывалась из 1200 предприятий, около 1000 научно-исследовательских и экспериментальных учреждений, многочисленных управленческих организаций, сотен объектов складского и прочего хозяйства, подчиненных министерствам и ведомствам [31, с. 12–13]. Экстенсивное ведение дел, низкий уровень производительности труда неизбежно вели к росту численности кадров. Хозяйственников это не беспокоило, т.к. им нужны были рабочие руки там, где при интенсивном хозяйствовании надо было бы механизировать и автоматизировать трудовые процессы, что гораздо хлопотнее, чем

запросить и получить необходимое количество лимитчиков – людей, как правило, неквалифицированных, снижающих общий уровень производительности труда.

В ходе выполнения Генерального плана из Москвы было выведено или реконструировано 88 вредных в санитарном отношении промышленных предприятий и цехов. Однако работа по выводу из города ряда производственных объектов велась недостаточными темпами. Так, из 68 предприятий, намеченных к выводу из Москвы в 1981–1983 гг., вне её пределов оказалось только 42. [17, с. 23]. Зато в этот же период вместо них «в порядке исключения» были построены сотни предприятий, учреждений, научных и учебных институтов, транспортных объектов, значительная часть которых прямого отношения к Москве не имела и могла бы быть прописана в любом городе. Нельзя не учитывать тот факт, что в центральной зоне Москвы превышение числа мест приложения труда над численностью трудоспособного населения, живущего в ней, увеличилось более чем в 2 раза, во внешней зоне города ситуация была обратная. Это заставляло активизировать работу по созданию производственных зон на периферии столицы [32, с. 6].

Однако в середине 1970-х гг. данный изоляционный этап размещения предприятий объективно себя исчерпал и концепция производственных зон Москвы, как единственной формы размещения предприятий, стала играть негативную роль в развитии планировочной структуры и архитектуры города.

В силу этих причин начал развиваться этап дифференцированного подхода к размещению промышленных предприятий. Этот подход учитывал многообразие конкретных жизненных ситуаций и определял наличие самого широкого спектра архитектурно-планировочных решений от размещения предприятий в удалении от селитебных территорий до их включения и сращения с селитьбой. В этой связи весьма перспективным представлялось применение интегральной застройки, основанной на довольно тесном сочетании зданий различного назначения и различных типологических структур. Подобная плотная застройка, состоящая из разного типа зданий, в значительной степени определяло своеобразие и очарование старых кварталов Москвы.

Генплан доказал, что судьба любого города, и тем более столицы, важнее и дороже (дороже также и в финансовом, стоимостном выражении) любого, самого крупного ведомственного объекта. Поэтому планы размещения крупных предприятий, научных центров, различных комплексов должны были оцениваться в первую очередь с позиций возможностей города. В Москве с её перенаселением и избытком мест приложения труда не следовало размещать новый шарикоподшипниковый завод в Люблине, занявший 47 га селитебной территории, развивать карбюраторный завод на новой территории в Чертанове, продукция которого отправлялась в Тольятти на автозавод и т.п. [6, с. 422].

В Генеральном плане развития Москвы жилой район был принят в качестве основной структурной единицы планировки и застройки столицы. В поисках оригинальных архитектурных и инженерных решений, новых прогрессивных форм организации строительства большую роль играло экспериментальное строительство. МГК КПСС и Мосгорисполком в 1975 г. приняли решение провести комплексный

эксперимент – построить в Чертаново-Северном экспериментальный жилой район. Цели эксперимента были сформулированы так: организовать строительство нового экспериментального района с тем, чтобы на практике проверить наиболее прогрессивные архитектурные и инженерные решения, рациональные приёмы планировки и застройки, новые (экспериментальные) типы зданий общественного назначения, новые типы жилых домов. Образцовый перспективный жилой район Чертаново-Северное стал крупнейшим экспериментальным объектом девятой и десятой пятилеток, представлял собой социально-архитектурный эксперимент крупного масштаба. Для сооружения этого района было создано специальное проектно-строительное объединение [21, с. 8–9]. Эстафету Чертаново-Северное принял ещё более крупный жилой район – Крылатское.

Объем работ, предусмотренных Генеральным планом 1971 г., примерно вдвое превышал все то, что было осуществлено за предыдущие годы строительства и реконструкции столицы. В условиях Москвы с её многомиллионным населением решение всех задач Генерального плана приобретало масштаб и значение крупнейшего общегосударственного мероприятия. Реализация Генерального плана 1971 г. было делом большой государственной важности и требовал совместных усилий государственных плановых органов, московских городских организаций, министерств и ведомств. Перед архитекторами, инженерами и строителями столицы были поставлены новые крупнейшие градостроительные задачи, небывалые в истории градостроительства как по размаху, так и по социальному значению. В Генеральном плане были отражены тенденции и научно-обоснованные прогнозы технического прогресса, пути дальнейшего совершенствования градостроительства, которые должны были поднять застройку Москвы на новый, более высокий качественный уровень. Так и следует оценивать все принимаемые решения по реконструкции, размещению нового строительства, благоустройству и озеленению территории, транспортному обслуживанию города.

Говоря об облике Москвы, его достоинствах и недостатках, очень важно располагать объективной оценкой такого важного документа, как Генеральный план 1971 г., в котором многие критики видят причину современных недостатков. Переоценка ценностей затронула такие важнейшие для правильной ориентации творческих поисков будущего лица столицы вопросы, как направленность в решении проблем стиля, образной характеристики архитектуры Москвы, об отношении к проблеме наследия. Острота и категоричность суждений, высказываемых в отношении Москвы, определялась как прямыми потерями архитектурных и исторических ценностей, так и неприятием современной архитектуры, во многом лишившийся за счет издержек пресловутого вала «массовки» того, что всегда делало её искусством, и сегодня оказалось в известной степени чуждым тому, что давало городу уют и одушевленность. Вместе с решением инженерных задач, обеспечивших выпуск сравнительно дешевого и в больших количествах жилья, не было динамичного прогресса технологии домостроения. Сама тенденция освоения периферии Москвы такими крупными жилыми массивами существенно осложнила и затормозила общий процесс интеграции всего городского организма, связь прошлого

и настоящего. Архитектор легко подпадал под диктат закономерностей, присущих типовому индустриальному массовому строительству.

Генеральный план 1971 г., по сути, подводил итог градостроительной деятельности 1950–1960 гг., закладывал основы для последующего развития Москва, и стал задачей исключительной политической важности. И сегодня весьма полезно рассмотреть основные принципы градостроительной политики в области формирования архитектурно-планировочной и пространственной структуры Москвы. Москва советского периода во многих своих чертах может и должна рассматриваться как удачный в ряде положений пример социалистической реконструкции. Однако негативные моменты, особенно сильно проявившиеся в 1970–1980-е гг., оказали сильное влияние на планировку и застройку огромной территории Москвы. Вторжение нового строительства в центр привело к тому, что даже бесспорно положительное стало где-то тонуть в издержках количественных показателей, а это вело в общем к утрате красоты Москвы.

Этому способствовали и некоторые недостатки Генерального плана 1971 г. Например, перспективное развитие Москвы рассматривалось только в пределах её административных границ. Определённая искусственность членения Москвы на восемь симметрично расположенных зон в известной степени оказалась неадекватной явной асимметрии общей сложившейся градостроительной ситуации с восточным эксцентриситетом промышленных зон, системой зелёных клиньев и положением Москва-реки, где-то даже и потерявшей свою роль важного природного фактора. Это сказалось на качестве застройки её набережных, во многих местах загроможденных складами, базами и просто захламливаемых. Ряд таких вопросов, как экология, социология, столичные функции, градостроительная экономика, механизм реализации с правовой базой, значение архитектурного наследия, были только названы, но не разработаны так, как это нужно сегодня.

В середине 1970-х гг. определяющими стали новые социально-экономические условия. Стало ясно, что заложенная в Генеральном плане механическая изоляция промышленных предприятий от селитебных районов за счет санитарных разрывов уже не может обеспечить необходимых гигиенических требований. В условиях всеобщей урбанизации и роста производственных мощностей свободные участки территории оказались практически исчерпанными, санитарно-защитные зоны со временем начали застраивать. Стало очевидным, что задача обеспечения чистоты природной среды и поддержания нормального экологического равновесия может быть решена только путем использования современной техники и технологии, традиционные архитектурно-планировочные мероприятия уже не давали ожидаемого эффекта. Концентрация большого числа предприятий и работающих в производственных зонах приводила к необходимости организации сложной системы пассажирских перевозок, связанной с затратами большого количества времени на трудовые передвижения и транспортной усталостью.

Градостроители закладывали в Генеральный план решения, позволяющие сбалансировать численность градообразующих кадров с возможностями развития города. Для этого наряду с размещением новых профильных городов предприятий

намечался вывод за пределы столицы или ликвидация санитарно-вредных объектов, непрофильных и др., в связи с чем и возможно регулирование численности работающих. Генпланом Москвы 1971 г. предусматривалось, что реконструкция градообразующих отраслей народного хозяйства позволит сократить число мест приложения труда, а освободившиеся люди переместятся на предприятия и учреждения обслуживающих отраслей городского хозяйства. Однако происходило обратное: в столице размещалось больше, чем выводилось. Административные меры оказались недейственными.

Преждевременное старение Генплана не должно было происходить, т.к. он утверждался ЦК КПСС и Советом Министров СССР, а значит, выполняться должен был, как закон. Однако существовала практика многочисленных корректировок планов по ходу их реализации, что сводило на нет самые добрые намерения. Причины возникновения негативных явлений в жилищном строительстве в столице в 1970-1980-х гг. крылись в отсутствии твердой градостроительной политики, преобладании ведомственных интересов над городскими, недостатке средств и мощностей строительных организаций для проведения комплексных работ, пассивной, а иногда и непринципиальной позиции архитектурного руководства и архитекторов. Для своего успешного выполнения Генеральный план должен был подкрепляться достаточно последовательными мероприятиями по его реализации на всех уровнях. К сожалению, идеи плана 1971 г., который был документом исключительной важности, приняли далеко не все организации, от которых зависит градостроительная политика в столице, а допущенные отступления от его принципов отрицательно сказались на жизни москвичей и на облике городской застройки. Одним из самых существенных нарушений Генерального плана Москвы 1971 г. стало превышение роста плановой численности населения Москвы, что вызвало не предусмотренное увеличение объёмов опережающего жилищного строительства. К тому же оно размещалось в нарушение функционального зонирования города. Резко отставало строительство культурно-бытовых объектов, инженерного оборудования и транспорта. Всё это нанесло ущерб индивидуальному колориту центра и исторически сложившемуся силуэту Москвы.

Список использованных источников и литературы

1. Баевский О. А. Меняющиеся парадигмы градостроительного развития Москвы // Преемственность в переменах. 400 лет градостроительных планов Москвы. – М.: НИИПИ Генплана Москвы, 2014. – С. 112–117.
Baevskij O. A. Menyayushchiesya paradigmy gradostroitel'nogo razvitiya Moskvy // Preemstvennost' v peremenah. 400 let gradostroitel'nyh planov Moskvy. – М.: NIiPI Genplana Moskvy, 2014. – S. 112–117.
2. Баевский О. А., Гостев М. В. Генплан, которого не было. Концепция перспективного развития Москвы Алексея Гутнова // Проект Россия. – 2021. – № 98. – С. 237–262.
Baevskij O. A., Gostev M. V. Genplan, kotorogo ne bylo. Konceptiya perspektivnogo razvitiya Moskvy Alekseya Gutnova // Proekt Rossiya. 2021. – № 98. – S. 237–262.
3. Бирюков И. Г. Московский центр: проблемы и решения // Архитектура и строительство Москвы. 1988. – № 4. – С. 2.
Biryukov I. G. Moskovskij centr: problemy i resheniya // Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy. 1988. – № 4. – S. 2.

4. Броновицкая А. Ю. Малинин Н. А., Пальмин Ю. И. Москва. Архитектура советского модернизма 1955–1991. – М.: Гараж, 2019. – 352 с.
Bronovickaya A. Yu. Malinin N. A., Pal'min YU. I. Moskva. Arhitektura sovetskogo modernizma 1955–1991. – М.: Garazh, 2019. – 352 s.
5. Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России. – М.: УРСС, 2002. – 376 с.
Vladimirov V. V., Najmark N. I. Problemy razvitiya teorii rasseleniya v Rossii. – М.: URSS, 2002. – 376 s.
6. Гаврилова И. Н. Население Москвы: исторический ракурс. – М.: Мосгорархив, 2001. – 480 с.
Gavrilova I. N. Naselenie Moskvy: istoricheskij rakurs. – М.: Mosgorarhiv, 2001. – 480 s.
7. Глушкова В. Г. Социальный портрет Москвы на пороге XXI века. – М.: Мысль, 1999. – 264 с.
Glushkova V. G. Social'nyj portret Moskvy na poroge XXI veka. – М.: Mysl', 1999. – 264 s.
8. Дихтер Я. Е. Многоэтажное жилище столицы. – М.: Московский рабочий, 1979. – 232 с.
Dihter Ya. E. Mnogoetazhnoe zhilishche stolicy. – М.: Moskovskij rabochij, 1979. – 232 s.
9. Zubovich K. Москва монументальная. Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма. – М.: АСТ, 2023. – 480 с.
Zubovich K. Moskva monumental'naya. Vysotki i gorodskaya zhizn' v epohu stalinizma. – М.: AST, 2023. – 480 s.
10. Иванов В. И. К истории ландшафтной архитектуры Москвы XX века // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2002. – № 2. – С. 32–33.
Ivanov V. I. K istorii landshaftnoj arhitektury Moskvy ХХ вeka // Arhitektura. Stroitel'stvo. Dizajn. – 2002. – № 2. – С. 32–33.
11. Иванов Е. К. Многоэтажные и высотные здания. – М., Знание, 1979. – 64 с.
Ivanov E. K. Mnogoetazhnye i vysotnye zdaniya. – М.: Znanie, 1979. – 64 s.
12. Иванов О. А. От Крымского вала до Воробьевых гор. – М.: Центрополиграф, 2015. – 528 с.
Ivanov O. A. Ot Krymskogo vala do Vorob'evykh gor. – М.: Centropoligraf, 2015. – 528 s.
13. Иконников А. В. Гуманистическая направленность советской архитектуры. – М.: Знание, 1980. – 48 с.
Ikonnikov A. V. Gumanisticheskaya napravlennost' sovetskoj arhitektury. – М.: Znanie, 1980. – 48 s.
14. Кеслер Л. Л. Навстречу Олимпиаде-80. – М., Знание: 1978. – 63 с.
Kesler L. L. Navstrechu Olimpiade-80. – М.: Znanie, 1978. – 63 s.
15. Конторович И. Я., Ривкин А.Б. Рациональное использование территорий городов. – М.: Стройиздат, 1986. – 172 с.
Kontorovich I. Ya., Rivkin A. B. Racional'noe ispol'zovanie territorij gorodov. – М.: Strojizdat, 1986. – 172 s.
16. Коротаев В. П. Из истории разработки и реализации градостроительных планов Москвы до 90-х годов // Архитектура. Строительство. Дизайн. 1999. – № 4. – С. 10–11.
Korotaev V. P. Iz istorii razrabotki i realizacii gradostroitel'nykh planov Moskvy do 90-h godov // Arhitektura. Stroitel'stvo. Dizajn. 1999. – № 4. – С. 10–11.
17. Лавренев А. А., Глушкова В. Г. Охрана окружающей среды // Строительство и архитектура Москвы. 1985. – № 9. – С. 23.
Lavrenov A. A., Glushkova V. G. Ohrana okruzhayushchej sredy // Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy. 1985. – № 9. – С. 23.
18. Макаревич Г. В. Заглядывая в завтра // Строительство и архитектура. 1982. – № 2. – С. 3.
Makarevich G. V. Zaglyadyvaya v zavtra // Stroitel'stvo i arhitektura. 1982. – № 2. – С. 3.
19. Машинский В. Л. Земля на хозрасчете // Архитектура и строительство Москвы. 1988. – № 12. – С. 7–9.
Mashinskij V. L. Zemlya na hozraschete // Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy. 1988. – № 12. – С. 7–9.
20. Москва-Париж. Природа и градостроительство. – М.: Инкомбук, 1997. – 208 с.
Moskva-Parizh. Priroda i gradostroitel'stvo. – М.: Inkombuk, 1997. – 208 s.
21. Посохин М. В., Дюбек Л. К. Экспериментальный жилой район Чертаново-Северное. – М.: Знание, 1976. – 64 с.

- Posohin M. V., Dyubek L. K. Eksperimental'nyj zhiloj rajon SHERtanovo-Severnoe. – М., Znanie, 1976. – 64 s.
22. Промыслов В. Ф. Генеральный план Москвы в действии. – М., Знание, 1978. – 48 с.
Promyslov V.F. General'nyj plan Moskvy v dejstvii. – М.: Znanie, 1978. – 48 s.
23. Савченко А. Б. Преемственность в переменах. 400 лет градостроительных планов Москвы. – М.: НИИПИ Генплана Москвы, 2013. – 163 с.
Savchenko A. B. Preemstvennost' v peremenah. 400 let gradostroitel'nyh planov Moskvy. – М.: NIiPI Genplana Moskvy, 2013. – 163 s.
24. Сенявский С. А. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М.: Наука, 2003. – 286 с.
Senyavskij S. A. Urbanizaciya Rossii v HKH veke: rol' v ist. processe. – М.: Nauka, 2003. – 286 s.
25. Ткаченко С. Б. Один век московского градостроительства: в 2-х кн. Кн. 1: Москва советская. – М.: Прогресс-Традиция. 2019. – 378 с.
Tkachenko S. B. Odin vek moskovskogo gradostroitel'stva: v 2 t. Kn. 1. Moskva sovetskaya. – М.: Progress-Tradiciya. 2019. – 378 s.
26. Ухина Н. С. Исторические границы Москвы // Строительство и архитектура Москвы. – 1985. – № 10. – С. 6–7.
Uhina N.S. Istoricheskie granicy Moskvy // Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy. – 1985. – № 10. – С. 6–7.
27. Федосюк Ю. А. Москва в кольце Садовых. – М.: АСТ, 2009. – 446 с.
Fedosyuk Yu.A. Moskva v kol'ce Sadovyh. – М.: AST, 2009. – 446 s.
28. Хайт В. Л. Об архитектуре, её истории и проблемах. – М.: УРСС, 2003. – 456 с.
Hajt V. L. Ob arhitekture, eyo istorii i problemah. – М.: URSS, 2003. – 456 s.
29. Хасиева С. А. Архитектура городской среды. – М.: Стройиздат, 2001. – 200 с.
Hasieva S. A. Arhitektura gorodskoj sredy. – М.: Strojizdat, 2001. – 200 s.
30. Шапиро М. Г. «Магический треугольник», «ретро» и другие // Архитектура и строительство Москвы. 1988. – № 5. – С. 3.
Shapiro M. G. «Magicheskij treugol'nik», «retro» i drugie // Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy. 1988. – № 5. – С. 3.
31. Шапиро М. Г. Почему так быстро «стареют» генеральные планы // Строительство и архитектура Москвы. 1986. – № 11. – С. 12–13.
SHapiro M. G. Pochemu tak bystro «stareyut» general'nye plany // Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy. 1986. – № 11. – С. 12–13.
32. Шапиро М. Г. Создавать города-спутники // Архитектура и строительство Москвы. 1988. – № 2. – С. 6.
Shapiro M. G. Sozdavat' goroda-sputniki // Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy. 1988. – № 2. – С. 6.

Gorlov V. N. The 1971 General plan for the Development of Moscow as the most successful and the least implemented in the 20th century

Urban development research of the General Plan for the Development of Moscow of 1971 has not lost its relevance today. The processes taking place during the implementation of the General Plan of 1971 are comparable in seriousness to similar processes taking place in the capital today. With the help of various approaches (urban development, functional, evolutionary) attempts are made to find out whether Moscow of the second half of the last century was a spatially integral entity capable of developing both socially and culturally, under the influence of which factors in the second half of the 20th century the population of Moscow and the capital's socio-cultural institutions were transformed. The main factors that gave rise to the socio-cultural problems of Moscow include, first of all, hypercentralization, concentration of industry, administrative and other functions in the capital, which set the uncontrolled growth of the territory and population of the city. Another factor was the change in the population structure: Moscow's industry and construction required the attraction of millions of able-bodied citizens from suburban villages and neighboring regions, they settled in new planning areas and dramatically changed the social appearance of Moscow, giving rise to acute problems. The General Plan of 1971 was aimed at spatial stabilization of the capital, for this purpose it was divided into a historical

*ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ МОСКВЫ 1971 Г. КАК НАИБОЛЕЕ
УДАЧНЫЙ И НАИМЕНЕЕ РЕАЛИЗОВАННЫЙ В XX ВЕКЕ*

city-wide center and 7 new planning areas with public sub-centers, and a green belt with deep wedges around the periphery. The problems discussed in the article are important in connection with the processes of the 2020s – the influx of labor migrants, the sharp territorial expansion of Moscow, the deindustrialization of the capital.

Keywords: Moscow city center, transport problems, urban development, architecture

УДК 94(73)+930“1940-1970”

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-43-61

**ФЕЛИКС ГИЛБЕРТ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
(1940-Е ГГ. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1970-Х ГГ.)**

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

Анализируется интерпретация Ф. Гилберта генезиса внешней политики США. Актуальность исследования определяется низкой степенью проработанности темы в историографии. Источниковую базу составили труды историка, рецензии на них, документы Колледжа Брин-Мар, Института перспективных исследований Принстонского университета, биографические и мемуарные работы. Комбинация биографического, историко-сравнительного, историко-хронологического методов и системного подхода составила методологию изыскания. Результаты анализа позволили сделать следующие выводы. Истолкование ученым зарождение внешней политики Соединенных Штатов характеризуется вторичностью: утверждение о европейском и британском опыте, как истоке было широко распространено в исторической науке на протяжении последней трети XVIII в. и первой половины XX в. Аргументация оценки не опиралась на широкий источниковый массив. Исследователь игнорировал работы и занижал значимость вклада предшественников и современников. Несмотря на то, что обращение историка к теме было следствием карьерных устремлений, он стал одним из сподвижников ревизионизма: Ф. Гилберт применил методологию интеллектуальной истории к раннему периоду истории внешней политики США, что создало новую модель проведения исследований.

Ключевые слова: генезис внешней политики, интеллектуальная история, историография, ученые-беженцы, Ф. Гилберт.

ВВЕДЕНИЕ

Великая депрессия в Европе и политика национал-социалистического режима стимулировали отток ученых из Германии. США стали одним из центров по кооптации интеллектуального капитала «старого света», что благотворно отражалось на развитии американской науки [27; 29; 43; 46]. В этом процессе активную роль играл Фонд Рокфеллера, запустивший специальную программу поддержки ученых-беженцев, которой воспользовался Феликс Гилберт (1905–1991) – немецкий историк, названный в честь своего прадеда композитора Якоба Людвиг Феликса Мендельсона Бартольди (1809–1847). На «новой родине» с 1936 г. он сделал карьеру от рядового преподавателя колледжей до именитого ученого, пользовавшегося авторитетом в стране и за ее пределами.

Творческий путь Ф. Гилберта получил скромное отражение в научной литературе: обзорные журнальные публикации, большинство из которых были вызваны смертью ученого, так и не сменились масштабными исследованиями его

творчества; историк предстаёт то, как медиевист, то как американист. При этом, анализ точки зрения ученого на генезис внешней политики США не вышел за границы утверждения об истоках в европейском, в целом, и британском опыте, в частности [1, с. 11; 16; 17; 47; 52; 55; 60]. Ни многообразие факторов, сподвигнувших Ф. Гилберта к такому выводу, ни эволюция его взглядов ученого на тему не получили рассмотрения в академической литературе. Восполнение пробела в интеллектуальной биографии специалиста создает предпосылки для актуальности научной разработки.

Целью исследования является выявление зарождения и эволюции взглядов Ф. Гилберта на генезис внешней политики Соединенных Штатов.

Задачи включают в себя: определить возникновение и развитие взглядов историка на тему; установить корреляцию биографии и творческого пути ученого; выявить факторы, оказавшие влияние на формирование интерпретации ученого.

Методология работы была построена на основе сочетания системного подхода, биографического, историко-сравнительного, историко-хронологического методов.

Источниковая база – включает в себя труды Ф. Гилберта, рецензии на них, материалы Колледжа Брин-Мар, Института перспективных исследований Принстонского университета, биографические и мемуарные работы [2; 4–10; 12–14; 18; 19–26; 28; 30; 32; 33–40; 42; 45; 47; 48; 49; 50–51; 52; 54; 56–58; 59; 60; 61].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Первый принстонский период: европейское влияние (конец 1930-х гг. – середина 1940-х гг.)

Будучи учеником Фридриха Мейнеке (1862–1954), специалистом по интеллектуальной истории эпохи Возрождения и европейской дипломатической истории XIX в., на новом месте работы – в Институте перспективных исследований Принстонского университета – Ф. Гилберту пришлось трудиться в непривычной для него сфере – истории внешней политики США: с 1939 г. по 1943 г. [56, р. xii; 57, р. xii, xv; 58, р. x] он ассистировал профессору Эдварду Миду Эрлу (1894–1954) в проведении научного семинара¹. Во время второй мировой войны, в рамках привлечения сотрудников института к разведывательно-аналитической работе, ученый был вовлечен в деятельность государственных структур: с июля 1943 г. по декабрь 1945 г. служил в отделе исследований и анализа Управления стратегических служб, с января по июль 1946 г. – в Государственном департаменте. Именно в годы конфликта в журнале «The William and Mary Quarterly: a magazine of early American history institutions, and culture» им была опубликована статья «Английский фон

¹ Семинар носил исследовательский характер и был предназначен под конкретные политические цели: «В течение прошедшего года (1939–1940. – Д.Д.) профессор Эрл проводил семинар по внешней и военной политике Соединенных Штатов, посвященный не столько традиционной дипломатии, сколько интерпретации, критике и исследованию основных факторов американских международных отношений. Институту повезло, что в 1939–1940 годах здесь работала группа американских и европейских ученых, чье разнообразное происхождение, подготовка и разнообразный профессиональный опыт обеспечили основу для информированного и стимулирующего обсуждения этих важных вопросов» [56, р. 12].

американского изоляционизма в XVIII веке» [39]. В подстрочном примечании редакции к работе отмечалось: «Это эссе является адаптацией части расширенного исследования доктора Гилберта о европейском аспекте американской внешней политики, которое будет опубликовано в ближайшем будущем» [Ibid., p. 138]. Для самого Ф. Гилберта, о чем он укажет в мемуарах, публикация была промежуточным результатом исследования [34, p. 176], но в материалах Института перспективных исследований статья позиционировалась результатом работы группы исследователей, возглавляемой профессором Э. М. Эрлом [58, p. 19], получившей название «принстонская группа», в которой Ф. Гилберт определялся как политический теоретик [31, p. 652]. Также статья была первой публикацией ученого по теме и выступала заделом на будущее.

В работе ученый выдвинул тезис: «<...> в корнях руководящих принципов ранней американской внешней политики прослеживается английское влияние» [39, p. 139]. Для американской исторической науки такая оценка не была новшеством: на этом настаивали в 1770–1820-е гг. Х. Адамс, Дж. Маршалл, Д. Рэмси, М. О. Уоррен, в 1830–1840-е гг. Дж. Банкрофт, Р. Хилдрет, в 1850–1880-е гг. У. Г. Трескот, Э. Дж. Лоуэлл, в 1930-е гг. – М. Х. Сэвейлл. Не удивительно и то, что детально определить механизмы влияния автор был не в состоянии и, что примечательно, не скрывал это: «Таким образом, английская политическая жизнь, безусловно, могла дать образцы мышления, из которых колонисты могли извлечь уроки при формировании своей системы внешней политики. Однако, трудно определить точный характер влияния, оказанного этой английской дискуссией на представления колонистов о внешних делах» [Ibid.]. Тем не менее, Ф. Гилберт был уверен в том, что в Британской Америке население и элиты из газет и трудов мыслителей имели представление о европейском балансе сил. Аргументация этого тезиса была построена, как на основе анализа единичных трудов и переписки Б. Франклина и Дж. Адамса, так и взглядов Т. Пейна, изложенных в памфлете «Здравый смысл». Ученый был уверен в том, что «Нет необходимости продолжать тщательное изучение точных каналов, по которым колонисты знакомились с разногласиями по поводу внешней политики Великобритании. Ибо Томас Пейн в своей знаменитой брошюре "Здравый смысл" одним махом перенес споры Англии о внешней политике и континентальных связях в колонии накануне обретения независимости» [Ibid., p. 153]. Идея Т. Пейна о невовлечении в европейские распри представляла собой, по мнению историка, копирование или адаптацию взглядов философов-утилитаристов, в частности Джозефа Пристли (1733–1804), о дистанции Великобритании от конфликтов в Европе [Ibid., p. 157–158, 160].

Легкость, с которой историк выдвигал утверждения, сопровождалась противоречиями в его оценках. В частности, описывая период написания и распространения памфлета Т. Пейна (конец 1775 г. – первая половина 1776 г.), ученый считал, что «<...> положение Америки в созвездии политических держав мира до сих пор не привлекало внимания колонистов» [Ibid., p. 159]. Примечательной выступает аргументация этого утверждения, выходившая за рамки научного

принципа верификации. В подстрочном примечании автор уточнил: «Подход колонистов к внешней политике обсуждается в первой главе моей книги» [Ibid.].

Обращает внимание и тот факт, что Ф. Гилберт не использовал специализированные труды ни предшественников, ни современников. Недоработка не была причиной отношения к историографии, поскольку таковой был латентный вызов американской научной мысли. Во взглядах историка существовал скепсис относительно уникальности интерпретации внешнеполитической традиции США: он был уверен в том, что отцы-основатели мыслили и действовали исключительно в рамках британского опыта, а Т. Пейн, как носитель европейского опыта, предопределил внешнеполитический курс страны в годы президентства Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона ¹.

Несмотря на дискуссионность аргументации оценки историка, его ревизионизм привел к новаторству: он определил начало внешней политики США из необходимости провозглашения независимости. «Столкнувшись с необходимостью принятия декларации независимости – отмечал Ф. Гилберт, – стало необходимым разработать систему внешней политики, которой должна была придерживаться новая республика <...>» [39, p. 159]. Как адепт интеллектуальной истории, ученый уходил от привязки к конкретной дате или событию: для него был важен кульминационный период противостояния, в котором происходило развитие представлений отцов-основателей. Оценка предлагала альтернативу утверждению, ставшему стереотипом о том, что внешняя политика и дипломатия страны начинается с учреждения 29 ноября 1775 г. комитета по переписке.

В двух тезисах Ф. Гилберта – английский опыт и эпоха создания, распространения памфлета Т. Пейна – отобразился вклад ученого в пересмотр устоявшихся оценок в американской исторической науке. Примечательно, что взгляд Ф. Гилберта не вызвал интеллектуальный ответ: как и публикация, так и оценка генезиса внешней политики не вызвали дискуссию. Не только военные годы издания работы были причиной отсутствия реакции на неё, в определенной степени, позиция автора опережала свое время. Однако, и у Ф. Гилберта не хватало уверенности в том, что его оценка, как и анонсированная монография благоприятно отразятся на его научном реноме – ему не хватало уверенности в своем авторитете, позволившей ему стоять в первой линии ревизионистов, которые еще и сами не набрали силу. Совокупность, объективных и субъективных причин привела к задержке издания труда, но не к отказу от его публикации. Автору нужно было время для карьерного роста.

Бринмаровский период: полярность «изоляционизм – интернационализм» (рубеж 1950–1960-х гг.)

После завершения войны, в октябре 1946 г., как лектор, а с 1947 г. в статусе доцента, Ф. Гилберт связал свою карьеру с работой в Колледже Брин-Мар. Учебное заведение – женский колледж – было пристанищем для европейских ученых-

¹ Эту идею Ф. Гилберт воспроизведет в более поздней публикации «“Новая дипломатия” восемнадцатого века» (1951) [37].

эмигрантов, распахнувшее свои двери для беженцев из Европы еще в 1930-е гг. Здесь им был обретен уголок стабильности, которой он не имел в довоенные годы ¹: мультикультурализм, отсутствие открытого или скрытого антисемитизма, европейская модель учебного процесса, либеральная среда академического сообщества [48, р. 11–12]. Передавая атмосферу 1930–1940-х гг., Ф. Гилберт сентиментально вспоминал: «Те, кто, как беженцы, поступили на работу в Брин-Мар, обрели безопасность и удовлетворение от своей работы, и это было в лучших традициях Брин-Мара, а теплые чувства, которые все ученые-беженцы, преподававшие в Брин-Маре, испытывали к колледжу, были доказательством того, что высокая репутация колледжа оправдана» ². Именно в этой атмосфере им была продолжена работа над книгой, удостоенной премии Банкрофта ³. Примечательно, что анонсированный в 1944 г. труд был издан дважды под разными названиями: в 1961 г. вышла в свет монография «К Прощальному посланию: идеи ранней американской внешней политики», а спустя четыре года, 1965 г., без изменений она была опубликована под названием «Начало американской внешней политики: к Прощальному посланию» [38, 40].

По словам историка идея написать книгу возникла в 1939–1940 гг. ⁴ во время его работы в Принстонском университете и окончательно сложилась в 1959–1960 гг., когда он вел занятия в Кёльнском университете, в котором читал лекции по раннему периоду истории внешней политики США в рамках гранта от Программы Фулбрайта. За высокопарной риторикой о вдохновении от научной работы и преподавания скрывались более прагматичные причины – карьерный рост и поддержание реноме уникального ученого ⁵. Как на рубеже 1930–1940-х гг., так и на стыке 1950–1960-х гг.

¹ Ханна Холборн Грэй – дочь профессора Хаджо Холборна (1902–1969) друга ученого – характеризовала статус исследователя в первые его годы работы в США следующим образом: «Среди историков был Феликс Гилберт (до войны странствовавший по различным институтам, но не имевший постоянной научной должности) <...>» [42, р. 67].

² Ф. Гилберт, описывая колледж 1930–1940-х гг., сентиментально подметил: «То, что те, кто поступил на работу в Брин-Мар в качестве беженцев, обрели безопасность и удовлетворение от своей работы, было лучшим проявлением профессии Брин-Мора, а теплые чувства, которые все ученые-беженцы, преподававшие в Брин-Маре, испытывали к колледжу, были доказательством того, что высокая репутация колледжа оправдана» [36, р. 86].

³ Следует обратить внимание на то, что спустя четыре десятилетия, уже в начале XXI в. книга, удостоенная Премией Банкрофта, не вошла в юбилейный обзор книг Издательства Принстонского университета. В то время как другие труды Ф. Гилберта получили в обзорной работе оценку и признание: «Создатели современной стратегии: военная мысль от Макиавелли до Гитлера» (1943), «История: политика или культура?» (1990) [3, р. 19; 15, 43–50].

⁴ Эта идея не совсем корректна, поскольку уже на осень 1940 г. ожидалось появление книги автора подтверждается и заметкой о том, что осенью 1940 г. должна была быть издана его монография по этой теме [56, р. 13]. Не появилась книга и в 1941 г., хотя подчеркивалось, что «Доктор Гилберт практически завершил работу над своей книгой о европейском влиянии на американскую внешнюю политику <...>» [57, р. 19].

⁵ По воспоминаниям Ральфа Э. Гизи (1923–2011) – профессора в Университете Айовы – в разговорах с ним Эрнст Канторович (1895–1963) упоминал обстоятельства издания монографии Ф. Гилберта: «Я знаю, что Эка (Э. Канторович. – Д. Д.), как никто другой, был ответственен за то, что привез Феликса (Ф. Гилберт. – Д. Д.) сюда. Но он сказал, что Феликс написал небольшую книгу о европейских

историк конкурировал с коллегами и публиковал труды для усиления своих позиций в профессиональной среде. Преимущество, которым пользовался Ф. Гилберт было не только его личные качества (энергичность и настойчивость), профессиональные умения (способность предавать старым вопросам новую форму) [16, р. 131; 17, р. 26], но и работа в плоскости интеллектуальной истории, что было унаследовано им от профессора Ф. Мейнеке [47, р. 385] и не использовалось в американской исторической науке применительно к изучению истории внешней политики США. Новаторский подход историк изложил в разделе «Библиографический очерк», им отмечалось: «Проблема колониальной подоплеки американской внешней политики все еще нуждается в систематическом исследовании и всестороннем подходе. Эта проблема была проанализирована только в ряде статей, посвященных отдельным аспектам затронутых вопросов» [40, р. 149]. Единственным автором, которого выделил историк был М. Х. Сэвейлл. Удивляет то, что отметив три статьи коллеги 1930–1940-х гг., но не проводя детальный анализ, он сделал обещающий вывод: «Из-за отсутствия всеобъемлющей работы о колониальной подоплеке американской внешней политики обзор этой проблемы, представленный в этой книге, основан на материалах, представленных в общих трудах по политической, интеллектуальной и социальной истории колониального периода» [Ibid., р. 150].

Скупая похвала отображала стремление затемнить вклад М. Х. Сэвейлла в американскую науку. Но для Ф. Гилберта было принципиально подчеркнуть оппозиционность его взглядов авторитету и, самое главное, подходу коллег из школы дипломатической истории. В качестве объекта критики им был выбран С. Бимис: «Истоки американской дипломатии, в том, что касается фактических событий, описаны во всех исторических трудах о первых годах существования Соединенных Штатов; подробный авторитетный обзор содержится в книге С. Ф. Бемиса

источниках Декларации независимости, так что это сделало Феликса кем-то вроде американского историка. Это было плюсом для института» [49]. Несмотря на неточность в оценке Р. Э. Гизи – книга была издана еще в период работы Ф. Гилберта в колледже Брин-Маре, а не в Принстонском институте – тезис о том, что монография играла роль в переходе историка на новое место работы подтверждается воспоминанием. Публикация книги была примером универсальности мышления историка, что показывало его перспективность для исследовательского учреждения. В письме от 12 февраля 1962 г. на имя Э. Канторовича, заведующий кафедрой истории в Институте перспективных исследований профессор Джозеф Стрейер (1904–1987) дал следующую оценку исторiku: «Мне очень интересно узнать, что вы рассматриваете кандидатуру Феликса Гилберта на должность в Институте. Гилберт занимает самое необычное место среди историков в этой стране: это человек, чье мнение пользуется всеобщим уважением и к чьей критике с нетерпением прислушиваются. Отчасти это объясняется широким спектром его интересов, охватывающим период с XV века по настоящее время, от интеллектуальной истории до дипломатии и военной истории, а также его необычной способностью видеть главное в любой проблеме. Он написал и будет писать важные книги, и он станет одним из самых влиятельных людей в нашей профессии. Я был бы рад, если бы он был моим соседом по Принстону, и я думаю, что большинство старших сотрудников исторического факультета чувствовали бы то же самое. Он стал бы настоящим дополнением к нашему сообществу, и я очень надеюсь, что вы сможете привезти его в Принстон» [30]. Необходимо учитывать и то, что книга была первой индивидуальной монографией, изданной в США и второй – в корпусе работ ученого. Между двумя изданиями был 30-летний перерыв.

"Дипломатия американской революции", Нью-Йорк, 1935. Однако то, что меня особенно интересует в этом разделе, – анализ концептуальных рамок, которые определили первые действия Америки во внешней политике, – не было рассмотрено столь же тщательно» [Ibid., p. 156]. Критический выпад отображал эпоху ревизионизма. Ф. Гилберт выступил против однозначности националистической интерпретации внешней политики США: в завуалированной форме он ставил под сомнение уникальность американского опыта и подчеркивал доминирующее влияние европейского опыта. Обоснование новаторства историк изложил в разделе «Библиографический очерк»: «Проблема колониальной подоплеки американской внешней политики все еще нуждается в систематическом исследовании и всестороннем подходе. Эта проблема была проанализирована только в ряде статей, посвященных отдельным аспектам затронутых вопросов <....> Из-за отсутствия всеобъемлющей работы о колониальной подоплеке американской внешней политики обзор этой проблемы, представленный в этой книге, основан на материалах, представленных в общих трудах по политической, интеллектуальной и социальной истории колониального периода» [Ibid., p. 149–150]. Историк, отмечая свою неудовлетворенность состоянием научного знания, переходил на персоналии: его критика была сосредоточена на сподвижнике школы дипломатической истории – Сэмюэле Флэгг Бимисе (1891–1973). «Истоки американской дипломатии – писал Ф. Гилберт, – в том, что касается фактических событий, описаны во всех исторических трудах о первых годах существования Соединенных Штатов; подробный авторитетный обзор содержится в книге С. Ф. Бемиса "Дипломатия американской революции", Нью-Йорк, 1935. Однако то, что меня особенно интересует в этом разделе, – анализ концептуальных рамок, которые определили первые действия Америки во внешней политике, – не было рассмотрено столь же тщательно» [Ibid., p. 156]. Обобщение, критический выпад отображали смену поколений и интерпретационных моделей, в которых политическая целесообразность уступала научной ценности.

К началу 1960-х гг., у Ф. Гилберта было то, чего ему не хватало в середине 1940-х гг. – авторитет и конъюнктура нарастающей волны ревизионизма в американской исторической науке. Двадцатилетняя заготовка приобрела второе дыхание и не забирало много времени у ученого. Академическая жизнь в колледже побуждала Ф. Гилберта к обсуждению важных тем в стенах учебного заведения. На страницах печати колледжа он давал комментарии по двум направлениям: или о современных международных процессах, преимущественно, в Европе ¹, или о политическом учении Н. Макиавелли [33, p. 1, 4]. Ни внешняя политика США в XVIII в., ни внешнеполитические взгляды отцов-основателей им не комментировались. Примечательно и то, что в колледже Ф. Гилберт не преподавал

¹ Ф. Гилберт давал комментарии по таким темам, как политика А. Гитлера накануне второй мировой войны, правые и левые в послевоенной политике Европы, развитие Италии, Бельгии, Германии в послевоенные годы, состояние современной американской внешней политики, советско-югославские отношения после Второй мировой войны, отношение Советского Союза к политическим процессам формирования новых государств на Ближнем Востоке в конце 1940-х гг. [2; 12–14; 19–27; 33; 45].

историю внешней политики США: дисциплины и семинары велись в рамках направления «Современная европейская история», «История Средневековья и Возрождения»¹. В этом нет ничего удивительного, поскольку он, как и многие ученые-эмигранты 1930–1940-х гг., заняли нишу узкой специализации в американской академической среде.

В целом, труд Ф. Гилберта был встречен в академической среде с интересом и неоднозначностью. Высокая оценка была связана с тем, что рецензенты рассматривали его как солидное, эрудированное и плодотворное деяние [59, р. 220]; уникальная и ценная интерпретация [18, 28]; провокационная книга, указывающая путь к дальнейшему исследованию [61, р. 292]; поучительная поправка к пониманию национальных начал [41, р. 137–138]. Ученые констатировали провокационность и, самое главное, неизученность прежде внешней политики США сквозь призму методологии интеллектуальной истории. Одновременно, новаторство вызвало и критические замечания. Корин Лэтроп Гилб (1925–2003) – профессор истории в Миллс-Колледже – отмечая полезность книги, считала, что «Литературная аккуратность и педагогическая полезность этой книги, возможно, являются как причинами, так и оправданиями случайной тенденции к упрощению» [32, р. 103]. Б. Перкинс был более дипломатичным: «Смелые эссе этой книги, естественно, вызовут критику со стороны более традиционных историков американской дипломатии. Как всегда, в интеллектуальной истории, легче показать существование идей, чем продемонстрировать их влияние, и Гилберт, возможно, в чем-то попадает в эту ловушку. Его знание и интерес к преимущественно европейской структуре мышления иногда явно лучше, чем его понимание фактов американской дипломатии» [50, р. 547]. М. Х. Сэвейлл констатировал диспропорцию знаний у автора о развитии идей по разные стороны Атлантики: «В конечном счете оказывается, что профессор Гилберт преувеличивает наивность, невежество и неопытность американцев и решающее влияние идей, принесенных из Европы, игнорируя при этом как пристальный и осознанный интерес к международным делам, проявляемый американцами XVIII века, так и грубовато реалистичный, властолюбивый империализм колоний, особенно в середине этого столетия» [54, р. 154]. Из внимания рецензентов выпало соотношение теоретического и практического уровня во взглядах историка.

Отличия от статьи 1944 г., в монографии системообразующим фактором в оценке ученого была уверенность в существовании бинарной модели мышления отцов-основателей. Представления колонистов, по мнению историка, основывались на двух установках, перенесенных из Европы: ожидания финансового

¹ В Брин-Море Ф. Гилберт преподавал такие дисциплины, как «Средневековая и современная Европа», «Интеллектуальная история Европы от Ренессанса до Просвещения», «История России», «История Европы с 1890 г.», «Европа в двадцатом веке», «Ренессанс и Реформация», а также семинары «Международные отношения в современном мире», «Интеллектуальные и политические проблемы эпохи Возрождения и Реформации», «Вопросы политической истории двадцатого века», «Ренессанс: интеллектуальные проблемы в эпоху Макиавелли» «Революция и реакция в Германии и Западной Европе» [4–10].

вознаграждения и веры в необходимость построения более совершенного социального порядка. На этом базисе сформировалось отношение к Старому свету: с одной стороны, экономические причины требовали тесных, прагматичных связей, с другой — отдаление от европейского равновесия диктовало утопическое представление о социальном порядке [38, р. 4]. В результате, с провозглашением независимости Соединенных Штатов в 1776 г., американский взгляд на внешнюю политику представлял собой комбинацию изоляционизма и интернационализма, которые были совместимы и усиливали друг друга [34, р. 8, 72–74]. При этом Ф. Гилберт делал и противоречащее утверждение: «Но, какими бы противоречивыми ни казались иногда изоляционизм и интернационализм, эти контрасты можно было не замечать; и их можно было считать совместимыми друг с другом, потому что между ними был общий фактор, хотя и только негативного характера: изоляционизм существовал в сфере безвременья; интернационализм существовал в будущем. Ни то, ни другое не существовало в мире настоящего. Таким образом, установки, принятые молодой республикой, еще не разрешили удовлетворительно ни практически, ни теоретически вопрос о том, как проложить курс в существующем мире» [Ibid., р. 75].

Контрастность дух тезисов была следствием недостаточности данных: историк, не обладая полнотой представлений о взглядах колонистов, интерпретировал их в контексте интеллектуальных тенденций XX в. В мемуарах «Европейское прошлое: воспоминания 1905–1945 годов» (1988) он писал: «В годы между этой поездкой (1937) и вступлением Америки в войну преобладали дебаты между изоляционизмом и интервенционизмом. В то время я был ассистентом Эдварда Эрла, профессора Института перспективных исследований в Принстоне. Эрл организовал семинар, на котором политологи и историки обсуждали отношение американцев к ведению иностранных дел. И целью этих встреч было продемонстрировать, что, помимо идеологии, понятие национальной безопасности должно служить руководящим критерием, определяющим курс внешней политики; этот сдвиг дискуссии о внешней политике с идеологического на прагматический уровень имел свое значение в эти предвоенные годы, когда требовался консенсус относительно курса, который нужно было проводить» [Ibid., р. 175–176]. Аналог построения консенсуса 1930-х гг. по вопросам внешней политики в США, Ф. Гилберт не мог воссоздать в реалиях 1770-х гг. Исходя из отсутствия источников, им был сделан вывод о перманентности изоляционизма и о существовании интернационализма в будущем, при том, что идея об изоляционистском мышлении отцов-основателей им считалась «<...> односторонней и неполной: американская внешняя политика была идеалистической и интернационалистической не в меньшей степени, чем изоляционистской» [Ibid., р. 72]. Ученый конструировал историзм современных ему настроений ¹, а не исследовал историческую реальность в ее многообразии.

¹ В рефлексующих воспоминаниях Ф. Гилберт отмечал: «В период нацистской экспансии и агрессии американская внешняя политика стала моей главной заботой. Я был очарован происхождением двух противоречивых идеологических подходов к американской внешней политике, которые доминировали в общественных дебатах. Этот интерес, вероятно, был вызван впечатлениями, полученными мною во время путешествия по стране. Я видел реальность, которая лежала за желанием

Определив каналы поступления идей из Англии в Британскую Америку – деловые поездки и путешествия колонистов в Европу, поступление книжных изданий, новоприбывшие мигранты, временно приехавшие жители метрополии – Ф. Гилберт высказал убеждение в том, что принятие европейских идей было скорее избирательным и творческим, чем имитационным [38, р. 16, 33, 36–37]. Это утверждение входит в противоречие с его другим высказыванием о внешней политике 1780-х гг.: «Американцы все еще могли не любить традиционную дипломатию и политику власти, но они больше не рассматривали их как слабые структуры, которые падут при первом звуке труб свободы. Американцы осознали, что за теми формами внешней политики и дипломатии, которые существовали в Европе, лежала стройная система мышления, принципов и методов. Они начали пользоваться ее терминами и мыслить ее понятиями. Идеи, стоявшие за европейской дипломатической практикой, оказали дальнейшее влияние на формирование американского взгляда на внешнюю политику» [Ibid., р. 89]. Из сопоставленных оценок остается неясным имитация европейских идей все же была или по мере развития внешней политики она проявилась в американском обществе, о какой избирательности или творческом отборе отмечал Ф. Гилберт, если он проанализировал только текст памфлета Т. Пейна «Здравый смысл» и взгляды Дж. Адамса при создании «Типового договора», оставив без рассмотрения целый пласт общественно-политического обсуждения международных процессов на страницах колониальной прессы и памфлетов. Теоретическое построение в работе Ф. Гилберта было незавершенным, противоречивым и тенденциозным, что отразилось на практическом уровне.

Проводя общую характеристику взглядов колонистов, Ф. Гилберт придерживался мнения, согласно которому пребывание в составе Великобритании, особенно после 1763 г., не привело к формированию у колонистов общего отношения к внешней политике: «Колонии не осознали себя как политическую единицу, отличную от других политических единиц; у них не было практического опыта проведения единого курса во внешней политике; и они не уделяли никакого систематического внимания вопросам, связанным с управлением дипломатией, когда они вступали в область внешней политики» [Ibid., р. 15]. Парадоксальность этого утверждения связана с теоретическим уровнем: если в колониях не было общих взглядов на внешнюю политику, то имело место разное видение, тогда в чем оно заключалось? В книге нет ответа на вопрос.

В колониальный период Ф. Гилберт выделил три предпосылки формирования внешней политики: 1) колониальный опыт сделал внешнюю политику чуждой и

жить отдельно от соблазнов мира и за Надеждой построить в Америке новый и лучший мир. Я начал понимать мотивы, вдохновлявшие заселение нового света, и условия, поддерживавшие существование этих отношений. Кроме того, стало ясно, что эти установки коренятся во взглядах и мыслях, выработанных в европейском прошлом до заселения Нового Света. Я узнал о европейском опыте, который лежал за изоляционизмом и мессианизмом американского взгляда на иностранные дела. Я сделал несколько докладов на эту тему на семинаре Эрла, опубликовал несколько статей и, наконец, собрал исследования в книгу» [34, р. 176].

отталкивающей для американского общества, поскольку ему было трудно понять значение фактора силы в международных отношениях; 2) сформировался стереотип уверенности в том, что возникновение США трансформировало существовавшие международные отношения и препятствовало интеграции в них североамериканского государства; 3) Великобритания, как материнское государство, выступило примером для развития внешней политики нового государства (из ее практики было заимствовано привлечение общества к обсуждению внешнеполитических проблем, зависимость внешней политики от состояния общественного мнения) [Ibid., p. 16–32]. Предпосылки были продуктом индуктивного умозаключения, не основанного на результатах анализа широкого круга источников.

Ф. Гилберт построил аргументацию своих теоретических наработок при помощи изучения взглядов Т. Пейна и Дж. Адамса. По его мнению, созданные ими документы, были воплощением идеи республиканской традиции английской политической мысли, в частности, и эпохи Просвещения, в целом: убеждения философов-утилитаристов, особенно Джозефа Пристли (1733–1804), постулировавших необходимость неучастия Англии в континентальных войнах, отказ от политических союзов и целесообразность сосредоточения на экономическом развитии, ограничения связей с иностранными державами только торговыми отношениями [Ibid., p. 41–43, 50]. Этот вывод Ф. Гилберт не подтвердил фактами использования книг европейских мыслителей Дж. Адамсом и Т. Пейном, упомянув лишь распространение трудов в Северной Америке.

Согласно представлению Ф. Гилберта, памфлет Т. Пейна определял внешнеполитический курс США [Ibid., p. 43], особенно он оказал влияние на создание Дж. Адамсом «Типового договора». Однако, этот документ имел специфику – он был проявлением американского идеалистического образа мышления, обозначившего появление «новой дипломатии», как противоположность европейской традиции: смещение фокуса отношений между государствами с военно-политического баланса в экономическую плоскость было качественно новым принципом в международных отношениях. Таким образом, «Типовой договор» предназначался, с одной стороны, для обеспечения независимости США от Европы, а, с другой – создания универсального инструмента по распространению в мире американского представления об организации международных отношений на основе экономического взаимодействия, а не соотношения военно-политической мощи. «Американцы – постулировал Ф. Гилберт – вышли на европейскую сцену как представители дипломатии новой эпохи. Они не чувствовали себя лицом к лицу с совершенно враждебным миром. Они могли бы найти мало симпатии к своим идеям у правителей Франции, кто мыслил в терминах традиционной дипломатии. Но они чувствовали, что у них много друзей: их союзниками были все прогрессивные умы Европы, писатели и мыслители <...>» [Ibid., p. 56]. И такое восприятие было следствием интервенционистского элемента внешнеполитического мышления, существовавшего в американском обществе.

Первое на что следует обратить внимание так это на отсутствие анализа реакции внутри колониального общества на памфлет Т. Пейна «Здравый смысл» и на

обсуждение текста «Типового договора». Также, идея «новой дипломатии» представляет собой искажение исторических процессов: отцы-основатели делали акцент на экономической сфере по причине отсутствия военно-политической мощи. В Континентальном Конгрессе исходили из реальных возможностей, а не только из философских утверждений эпохи Просвещения. Ф. Гилберт отодвигал на второй план тот факт, что работа Т. Пейна была идеологическим инструментом, а не философским трактатом, и, в свою очередь, «Типовой договор» являлся результатом компромисса между группами-интересов с разными представлениями о международных процессах и внешней политики. По какой причине Ф. Гилберт не стал проводить анализ текста Декларации независимости, упомянув только дважды этот документ [Ibid., p. 42, 78], становится понятным: он не провел самостоятельное исследование.

В последующие десятилетия и оценка Ф. Гилберта, и его монография приобрели канонический характер, поскольку его новаторский подход – использование интеллектуальной истории в изучении внешней политики – становился воодушевляющим примером для нового поколения историков.

Второй принстонский период: идеалистический подход и грезы об империи (начало 1960-х гг. – начало 1990-х гг.)

После издания монографии в 1961 г. работа над тематикой Ф. Гилбертом была свернута. Вернувшись на работу в Принстонский университет, где он уже занимал должность профессора в Школе исторических исследований Института перспективных исследований до выхода на пенсию в 1975 и в статусе эмерита до 1991 г., ученый не продолжил научную разработку мыслей. Им не были написаны ни отдельные статьи, ни даны рецензии на книги. Фактически историк дистанцировался от изучения истоков внешней политики США в XVIII в., отдав предпочтение концентрации внимания и усилий на исследование интеллектуальной истории эпохи Возрождения. Если бы не случайность, то, очевидно, историк никогда не вернулся бы к прежним наработкам.

Американская среда 1960–1980-е гг. характеризовалась оживленным интересом в США к Американской Революции, Войне за независимость, принятию Конституции, что было связано с 200-летним юбилеем формирования государства. Редактор журнала «Foreign Affairs» Уильям Патнэм Банди (1917–2000), стараясь не отставать от набиравших силу процессов, вел подбор авторов для написания глав в коллективной монографии, вышедшей в свет под названием «Двести лет американской внешней политике» (1977). Приоритетом для У. П. Банди являлся свежий взгляд на устоявшиеся представления и, следуя этой логике, он обратился с предложением к Ф. Гилберту – автору работы, как он считал, ставшей классическим трудом в предшествующие пятнадцать лет [11, p. viii]. Общим у приглашенного автора и редактора была не только работа на разведывательные спецслужбы и Государственный департамент, но и труд в Принстонском университете, чей престиж У. П. Банди стремился поддерживать. Также выбор кандидата определялся неучастием Ф. Гилберта в дискуссии между американскими историками; он смог сохранить репутацию классика, который теоретически мог удивить

профессиональное сообщество свежими идеями и оценками. Сказывались и личные мотивы У. П. Банди: его избрание на пост редактора журнала было следствием дружбы с семьей Рокфеллеров: Дэвид Рокфеллер возглавил в 1970 г. Совет по международным отношениям [44, р. 50–51]. В последствии представитель влиятельной семьи вспоминал о репутационных рисках, на которые он пошел, продвигая своего назначенца: «Выбор Билла Банди, который я решительно поддержал, возмутил многих членов Совета, которые считали, что участие Америки во Вьетнаме было не только ошибкой, но и аморальным поступком, совершенным коррумпированными и властолюбивыми людьми. Они считали Билла военным преступником и публично пытались опровергнуть его позицию. Я считал их обвинения несдержанными, но Вьетнам настолько отравил атмосферу, что, откровенно говоря, было бы невозможно выбрать кого-либо, кто участвовал бы в проведении американской внешней политики в те годы, не разжигая страстей. Со временем писательские способности Билла и его мастерство беспристрастного редактора получили широкое признание, даже среди его самых ярких критиков. Но этот роман омрачил мои первые годы на посту председателя» [53, р. 485]. Как раз эту беспристрастность и должен был реализовать Ф. Гилберт по замыслам редактора журнала.

Косвенно семья Рокфеллеров дважды в жизни Ф. Гилберта сыграла важную роль: в середине 1930-х гг. специальная программа помогла молодому историку иммигрировать в США, спустя 40 лет – дать возможность уже состоявшемуся авторитетному эксперту оценить 200-летнюю историю внешней политики его «новой родины». Не удивительно, что предложение У. П. Банди было им принято и в коллективной монографии была размещена глава под названием «Размышление о двухсотлетию». Эта работа стала единственным трудом, который историк посвятил теме, которой не занимался с рубежа 1950–1960-х гг. По сути, работа представляла собой эссе, а не научное исследование: текст не сопровождался ссылками на источники и литературу, автор передавал личную рефлексию истории развития внешней политики США.

Ф. Гилберт делал противоречивые утверждения. С одной стороны, он был уверен в том, что европейская практика теории и реализации внешней политики не была перенесена в Северную Америку [35, р. 6], что означало, по его мнению, непринятие идеи баланса сил, государственных интересов, силовой политики, как основ мирового порядка. Для создания мира всеобщего процветания их должны были заменить свобода торговли и мореплавания. В этом контексте, Ф. Гилберт был уверен: в XVIII в. зарождался идеалистический подход к внешней политике, выразившийся в американской претензии на мировое лидерство [Ibid., р. 19], которое не было возможности реализовать.

С другой стороны, Ф. Гилберт утверждал, что идеи Старого света существовали в Новом свете и определяли мышление отцов-основателей. Он не только утверждал, что колонисты были знакомы с идеями английских радикалов и просвещённых философов, но и был уверен в том, что «<...> если религиозные чувства (защита от притеснения католической церковью. – Д. Д.) и отголоски споров в Англии (о плюсах

и минусах дистанцированности от континента. – Д. Д.) рекомендовали колонистам разорвать все связи с Европой, тоже чувство оппозиции и враждебности по отношению с *Ancien Régime* могло также привести к другому курсу: взять на себя инициативу в прекращении системы, которая попирала права человечества, и взять на себя активную роль в установлении нового и лучшего мирового порядка, в котором будет мир и процветание посредством торговли» [Ibid., p. 7]. Как и в предшествующих публикациях, Ф. Гилберт показывал недостаточную степень обобщения относительно взглядов не только отцов-основателей (которых он рассматривал только на примерах Дж. Адамса, А. Гамильтона, Т. Джефферсона), но и всего американского общества. Причина этого была в том, что он не исследовал источники, анализ которых дал бы ему возможность для масштабных обобщений.

Мышление отцов-основателей о внешней политике страны и международных отношениях, согласно Ф. Гилберту, представляло собой запутанный набор взаимосвязанных и противоположных целей и представлений. Однако, причины этого ученый определил в разных истоках. То он утверждал, что они были следствием симпатии колонистов к трудам европейских мыслителей, ведших критику старого режима и его дипломатии [Ibid., p. 6–7]. То в психоэмоциональном состоянии отцов-основателей: неуверенность в выборе эффективного курса приводила к постоянной смене представлений о внешней политике [Ibid., p. 9]. На этом основании Ф. Гилберт характеризовал внешнюю политику США с момента провозглашения страны нерешительностью и неустойчивостью [Ibid., p. 8, 9]. Одновременно он подчеркивал, что идеалистический подход отцов-основателей столкнулся с мировым порядком, который опирался на силовую политику и баланс сил, и они не могли его изменить, что привело к проведению внешней политике, обеспечивавшей независимость в соответствии с принципами существовавшего миропорядка [Ibid.].

Как и в публикациях середины 1940-х гг. и начала 1960-х гг., Ф. Гилберту не удалось преодолеть несовершенство своей методологии: концентрируя внимание на интеллектуальном мире узкой группы отцов-основателей он переносил их представление на внешнюю политику, которую он не анализировал на основе таких параметров, как, на пример, работа институтов (Континентальный Конгресс, Комитет по корреспонденции, Государственный департамент). В результате, его интерпретации были присущи незавершенность и фрагментарность, которые он пытался снять утверждениями о неполноте исторических данных или тезисом о заимствовании европейских идей [Ibid., p. 6–7].

Обратить внимание следует на то, что, если в начале 1960-х гг., Ф. Гилберт был одним из сподвижников ревизионизма, то в середине 1970-х гг. его интерпретация показывала изоляцию историка. К моменту выхода его публикации, американская научная мысль продвинулась по изучению раннего периода. Но, что примечательно, так это игнорирование ученым достижений коллег. Причина этого заключалась не столь в принципиальности взглядов историка, сколько в его отстраненности от темы, которая для него не представляла ценности после издания монографии в 1961 г.

Примечательно, но У. П. Банди получил труд, содержания которого соответствовало эпохе разрядки международного напряжения, что также придавало

вес редактору журнала «Foreign Affairs», который пытался уменьшить критику в свой адрес за активное участие во вьетнамской войне. Однако, научная мысль осталась без прироста нового знания о генезисе внешней политики США: спустя 16 лет после публикации монографии, взгляд Ф. Гилберта остался без изменения, что было следствием прекращения исследований, а не результатом анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взгляды Ф. Гилберта на тему генезиса внешней политики США не были новаторскими для американской исторической науки: тезис о европейских и британских истоках был распространен в историографии с последней трети XVIII в. по первую половину XX в. Новшество заключалось в том, что ученый применил методологический подход, который ранее не использовался: интеллектуальная история, которую ученый постигал под руководством профессора Ф. Мейнеке, дала возможность ученому посмотреть на тему сквозь призму внутреннего мира отцов-основателей, чьи взгляды, как он считал, были сформированы опытом Старого света.

Аргументация оценки ученого была построена на узком круге источников: им были фрагментарно исследованы документы, связанные только с тремя отцами-основателями – Дж. Адамсом, Т. Джефферсоном и Т. Пейном. Ученый не стал рассматривать ключевой документ ранней эпохи – Декларацию независимости США; деятельность Континентального Конгресса была им отодвинута на второй план.

Ф. Гилберт, создавая свои труды и формулируя представления, избегал ссылок на работы своих коллег, представляя раннюю историю внешней политики США недостаточно исследованным периодом. Приращение значимости наработок предшественников и современников искажало состояние историографии темы, в частности, и американской исторической науки, в целом. Ключевым мотивом для столь однозначных утверждений и действий был карьеризм. Ученый обращался к теме исключительно в моменты, связанные с продвижением его положения в академической среде. Оценки, данные в публикациях середины 1940-х гг., начала 1960-х гг., середины 1970-х гг. отображали устремление закрепиться (первый принстонский период), упрочнить (бринмаровский период), удержать (второй принстонский период) статусные позиции. Во всех случаях им двигал не научный интерес, что в значительной степени контрастировало с его исследованием интеллектуального наследия эпохи Возрождения: непрерывность контрастировала с непостоянством, которое характеризовало отношение ученого не только к истории раннего периода внешней политики североамериканского государства, но, и как следствие, к ее генезису. Необходимость диктовала целесообразность ученого заниматься разработкой тематики.

Тем не менее, интерпретация Ф. Гилберта не была заурядной и вторичной. Нестандартный взгляд, связанный с применением методологии интеллектуальной истории, сочетался с конъюнктурным моментом развития американской исторической науки. Если в середине 1940-х гг. издание статьи осталось незамеченным событием, то публикация монографии в 1961 г. совпала с процессом нарастания ревизионизма. Взгляд ученого, в завуалированной форме, был направлен

на слом доминирования положения школы дипломатической истории, ставившей в центр своего внимания государство и дипломатию. Историк предлагал альтернативу: в анализе внешней политики, как и ее генезиса, перенести в центр интеллектуальный мир человека. Инициатива, как зерно попало на благодатную почву пересмотра канонов изучения истории внешней политики. В результате новое поколение историков, чье профессиональное мышление становилось в середине XX в., канонизировало наработки Ф. Гилберта, вписав его имя в академический пантеон сподвижников. Парадокс заключается в том, что сам ученый не стремился к высокому признанию своего авторитета в этой сфере, относился к теме периферийно. Однако, как показал случай с историком, аматорский взгляд на тему профессионала обладает высоким потенциалом для пересмотра устоявшихся академических оценок. Несмотря на то, что Ф. Гилберт повторил ранее существовавшую в историографии оценку, он дал толчок к тому, чтобы идея о европейских истоках генезиса внешней политики США получила импульс к дальнейшему изучению.

Список использованных источников и литературы

1. Фофанова А. Испытание независимостью: внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1789 гг.) / Анна Романовна Фофанова. – СПб.: Алетея, 2024. – 228 с.
Fofanova A. Ispytanie nezavisimost'yu: vneshnyaya politika SShA v period dejstviya Statej Konfederacii (1781–1789 gg.) / Anna Romanovna Fofanova. – SPb.: Aleteja, 2024. – 228 s.
2. Between the Leaves: Gilbert's translation on Hitler hailed as unique // The College News (Bryn Mawr College). – 1951. – 17 January. – P. 3.
3. Books 1943–1950 / [Princeton University Press Staff] // A century in books: Princeton University Press, 1905–2005 / [Princeton University Press Staff]. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – P. 19–32.
4. Bryn Mawr College Calendar, 1947–1949 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1949. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1026&context=bmc_calendars (date of access: 11.01.2025).
5. Bryn Mawr College Calendar, 1949–1952 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1952. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1027&context=bmc_calendars (date of access: 10.01.2025).
6. Bryn Mawr College Calendar, 1952–1954 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1954. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1028&context=bmc_calendars (date of access: 12.01.2025).
7. Bryn Mawr College Calendar, 1955–1956 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1956. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1029&context=bmc_calendars (date of access: 10.01.2025).
8. Bryn Mawr College Calendar, 1957–1958 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1958. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1030&context=bmc_calendars (date of access: 10.02.2025).
9. Bryn Mawr College Calendar, 1959–1961 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1961. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1031&context=bmc_calendars (date of access: 17.01.2025).
10. Bryn Mawr College Calendar, 1961–1963 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1963. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1032&context=bmc_calendars (date of access: 13.02.2025).
11. Bundy W. P. Introduction / William P. Bundy // Two hundred years of American foreign policy / ed. by William P. Bundy. – New York: New York University Press, 1977. – P. vii–xi.

12. Calendar // The College News (Bryn Mawr College). – 1950. – 13 December. – P. 2.
13. Calendar // The College News (Bryn Mawr College). – 1951. – 10 October. – P. 2.
14. Calendar // The College News (Bryn Mawr College). – 1953. – 11 November. – P. 1.
15. Crafton A. History, politics, and culture / Anthony Crafton // A century in books: Princeton University Press, 1905–2005 / [Princeton University Press Staff]. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – P. 43–50.
16. Craig G. A. Felix Gilbert (21 May 1905 – 14 February 1991) / Gordon A. Craig // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1993. – Vol. 137, №1. – P. 131–136.
17. Craig G. A. Insight and Energy. Reflections on the Work of Felix Gilbert / Gordon A. Craig // Felix Gilbert as Scholar and Teacher / Ed. by Hartmut Lehmann. – Washington: German Historical Institute, 1992. – P. 17–28.
18. Cunningham N. E., Jr. [Review] / Noble E. Cunningham, Jr. // The Journal of Modern History. – 1963. – Vol. 35, №4. – P. 410. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
19. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 15 January. – P. 2.
20. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 2 February. – P. 2.
21. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 5 July. – P. 2.
22. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 15 October. – P. 3.
23. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 17 December. – P. 2.
24. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1948. – 3 November. – P. 2.
25. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1950. – 22 March. – P. 2.
26. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1950. – 18 October. – P. 2.
27. Daum A. W. Introduction: Refugees from Nazi Germany as Historians: Origins and Migrations, Interests and Identities / Andreas W. Daum // The Second Generation: Émigrés from Nazi Germany as Historians. With a Biobibliographic Guide / Ed. by Andreas Daum, Hartmut Lehmann, James Sheehan. – New York: Berghahn Books, 2016. – P. 1–32.
28. DeConde A. [Review] / Alexander DeConde // The Wisconsin Magazine of History. – 1961. – Vol. 44, №4. – P. 311. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
29. Epstein C. Schicksalsgeschichte: Refugee Historians in the United States / Catherine Epstein // An Interrupted Past: German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933 / Ed. by Hartmut Lehmann, James J. Sheehan. – Washington: German Historical Institute, 1991. – P. 116–135.
30. Felix Gilbert Faculty file: curriculum vitae, bibliography, press release and biography / Shelby White and Leon Levy Archives Center, Institute for Advanced Study, Princeton, NJ, USA. – URL: <https://albert.ias.edu/entities/archivalmaterial/d591ef01-00a3-406c-a9b8-6a3becfb1b3e> (date of access: 10.02.2025).
31. Fergie D. Geopolitics Turned Inwards: The Princeton Military Studies Group and the National Security Imagination / Dexter Fergie // Diplomatic History. – 2019. – Vol. 43, №4. – P. 644–670.
32. Gilb C. L. [Review] / Corinne Lathrop Gilb // American Quarterly. – 1962. – Vol. 14, №1. – P. 102–103. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
33. Gilbert explains political science of Macchiavelli // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 19 March. – P. 1, 4.
34. Gilbert F. A European past: memoirs 1905–1945 / Felix Gilbert. – New York: Norton, 1988. – 229 p.
35. Gilbert F. Bicentennial reflections / Felix Gilbert // Two hundred years of American foreign policy / ed. by William P. Bundy. – New York: New York University Press, 1977. – P. 1–19.
36. Gilbert F. Desirable Elements: Refugee Professors at Bryn Mawr in the Thirties and Forties / Felix Gilbert // A Century Recalled: Essays in Honor of Bryn Mawr College / Ed. by Patricia Hochschild Labalme. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1987. – P. 73–86.
37. Gilbert F. The «New Diplomacy» of the Eighteenth Century / Felix Gilbert // World Politics. – 1951. – Vol. IV, Iss. 1. – P. 1–38.

38. Gilbert F. The beginnings of American foreign policy: to the farewell address / Felix Gilbert. – New York: Harper & Row, 1965. – 172 p.
39. Gilbert F. The English Background of American Isolationism in the Eighteenth Century / Felix Gilbert // *The William and Mary Quarterly*. – 1944. – Vol. 1, №2. – P. 138–160.
40. Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
41. Graff H. F. To the Farewell Address: Ideas of Early American Foreign Policy by Felix Gilbert / Henry Franklin Graff // *Political Science Quarterly*. – 1963. – Vol. 78, №1. – P. 136–138.
42. Gray H. H. An academic life: a memoir / Hanna Holborn Gray. – Princeton: Princeton University Press, 2018. – 327 p.
43. Greenberg K. J. «Uphill Work»: The German Refugee Historians and American Institutions of Higher Learning / Karen J. Greenberg // *An Interrupted Past: German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933* / Ed. by Hartmut Lehmann, James J. Sheehan. – Washington: German Historical Institute, 1991. – P. 94–101.
44. Grose P. Continuing the inquiry: the Council on Foreign Relations from 1921 to 1996 / Peter Grose. – New York: Council on Foreign Relations, 1996 – 83 p.
45. Holborn H. D. Error of news report of talk on Belgium corrected / H. D. Holborn // *The College News* (Bryn Mawr College). – 1950. – 12 April. – P. 2.
46. Kater M. H. Refugee Historians in America: Preemigration Germany to 1939 / Michael H. Kater // *An Interrupted Past: German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933* / Ed. by Hartmut Lehmann, James J. Sheehan. – Washington: German Historical Institute, 1991. – P. 73–93.
47. Labalme P. H. Felix Gilbert 1905–1991 / Patricia H. Labalme // *Renaissance quarterly*. – 1991. – Vol. 44, Iss. 2. – P. 385–387
48. Lane B. M. Felix Gilbert at Bryn Mawr College / Barbara Miller Lane // *Felix Gilbert as Scholar and Teacher* / Ed. by Hartmut Lehmann. – Washington: German Historical Institute, 1992. – P. 11–16.
49. Oral History Interview of Ralph Giesey, June 12, 1990 / Institute for Advanced Study (Princeton, N.J.). – URL: <https://albert.ias.edu/server/api/core/bitstreams/75e2a54d-6f77-41eb-ad7c-01cec124ed05/content> (date of access: 10.02.2025).
50. Perkins B. [Review] / Bradford Perkins // *The New England Quarterly*. – 1961. – Vol. 34, №4. – P. 546–547. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
51. Pinkney D. H. [Review] / David H. Pinkney // *The American Historical Review*. – 1981. – Vol. 86, №1. – P. 1–20. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
52. Ritter G. A. Die emigrierten Meinecke-Schüler in den Vereinigten Staaten. Leben und Geschichtsschreibung im Spannungsfeld zwischen Deutschland und der neuen Heimat: Hajo Holborn, Felix Gilbert, Dietrich Gerhard, Hans Rosenberg / Gerhard A. Ritter // *Historische Zeitschrift*. – 2007. – №284. – S. 59–102.
53. Rockefeller D. Memoirs / David Rockefeller. – New York: Random House, 2002. – 517 p.
54. Savelle M. [Review] / Max Savelle // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1962. – Vol. 340. – P. 154–155. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
55. Stern F. Nachruf Auf Felix Gilbert / Fritz Stern // *Geschichte Und Gesellschaft*. – 1992. – Vol. 18, №1. – S. 133–135.
56. The Institute for Advanced Study Bulletin: 1940. – 1940. – №9. – 25 p.
57. The Institute for Advanced Study Bulletin: 1941. – 1941. – №10. – 33 p.
58. The Institute for Advanced Study Bulletin: 1941–1944. – 1945. – №11. – 36 p.
59. Tinkcom H. M. [Review] / Harry M. Tinkcom // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. – 1962. – Vol. 86, №2. – P. 220–221. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
60. Torchiani F. Felix Gilbert e il Novecento: tra storia e autobiografia / Francesco Torchiani // *Memoria e Ricerca, Rivista di storia contemporanea*. – 2024. – №1. – P. 115–134.

61. Varg P. A. [Review] / Paul A. Varg // The William and Mary Quarterly. – 1962. – Vol. 19, №2. – P. 291–292. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.

Dorofeev D. V. Felix Gilbert. Intellectual history: the historiography of the genesis of U.S. Foreign policy (1940s – first half 1970s)

The article analyzes F. Gilbert's interpretation of the genesis of the US foreign policy. The relevance of the study is determined by the low degree of elaboration of the topic in historiography. The source base consists of the historian's works, reviews on them, documents of Bryn Mawr College, the Institute for Advanced Study of Princeton University, biographical and memoir works. A combination of biographical, historical-comparative, historical-chronological methods and a systematic approach constituted the methodology of the research. The results of the analysis allowed us to draw the following conclusions. The scientist's interpretation of the origin of the United States foreign policy is characterized by the secondary character: the statement about the European and British experience as the origin was widespread in historical science during the last third of the 18th century and the first half of the 20th century. The researcher ignored works and underestimated the significance of the contribution of predecessors and contemporaries. Despite the fact that the historian's references to the topic were a consequence of his career aspirations, he became one of the associates of revisionism: F. Gilbert applied the methodology of intellectual history to the early period of the history of the US foreign policy, which created a new model of research.

Keywords: genesis of foreign policy, intellectual history, historiography, refugee scholars, F. Gilbert.

УДК: 94(4) "04/14":930.2

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-62-78

ДЕФИНИЦИЯ «ЭПОХА ВИКИНГОВ»: ГЕНЕЗИС И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Жиряков К. А.

*Мелитопольский государственный университет
г. Мелитополь, Российская Федерация
E-mail: kot-deims@mail.ru*

Проводится анализ способов интерпретации дефиниции «эпоха викингов» в зависимости от методологического аппарата исследования. Выделены три этапа научного исследования общества скандинавов «эпохи викингов» и выявлено время возникновения дефиниции «эпоха викингов» в историографии. Работы, посвященные изучению скандинавского общества «эпохи викингов» методологически базируются на унитарно-стадиальном и плюрално-циклическом подходе. Проанализирована зависимость способа интерпретации дефиниции от преобладающего методологического подхода исследования. В рамках унитарно-стадиального подхода сложилось два основных направления изучения «эпохи викингов». В пределах классического направления английской, французской и немецкой историографии дефиниция «эпоха викингов» интерпретируется как одни из этапов национальной истории. Для марксистского и неомарксистского направления советской и постсоветской историографии характерен дуалистический характер интерпретации дефиниции «эпоха викингов», как завершающего этапа Великого переселения народов и как отдельной эпохи развития стран Скандинавского полуострова. Для сторонников плюрално-циклического подхода, распространенного в историографии скандинавских стран, характерна интерпретация дефиниции «эпоха викингов», как самостоятельного периода истории европейского средневековья.

Ключевые слова: дефиниция «эпоха викингов», методологический подход, историография.

Вступление. Постановка проблемы

Информация о деятельности скандинавов конца VIII – середины XI века, известных как норманны или викинги, нашла свое отражение в средневековых источниках: как в европейских анналах, летописях и хрониках, так и в скандинавских сагах. С возникновением в XIX веке национальной историографии в странах Скандинавского полуострова проблема изучения скандинавов «эпохи викингов» становится перспективной и актуальной. В дальнейшем данная проблема изучается и в других национальных историографиях.

Если средневековая историография была сконцентрирована на фиксировании и отображении фактических событий, то в XIX веке в процессе становления национальной историографии в рамках «национальных историй» акцент смещается на выявление причин экспансии викингов. Отметим, что и на сегодня в современной исторической науке отсутствует единый подход к пониманию причин экспансии.

Одним из основных направлений в современных работах скандинавистов является проблема исследования особенностей и закономерностей развития скандинавского общества конца VIII – середины XI века. С момента

столкновения с западноевропейской цивилизацией викинги оказались в центре внимания европейской истории. С IX по XI век викингам уделялось много внимания в западноевропейских христианских хрониках и летописях. С XIII века с распространением письменности в скандинавских странах были записаны саги и устные предания героического эпоса, посвященные викингам, но с XIV века фокус внимания меняется, обращение к истории викингов в период с XIV по XIX век носит эпизодический характер. С середины XIX века изучение «эпохи викингов» переживает новый этап, связанный со значительным расширением научного инструментария и публикацией работ, посвященных причинам и этапам экспансии викингов, социальному устройству общества, культуре и религии.

Дефиниция «эпоха викингов» является центральной в исследовании общества скандинавов конца VIII – середины XI века. Собственно ее использование и позволяет историкам выделить особую эпоху развития скандинавского общества этого периода и выявить его особенности и закономерности. Таким образом, именно от способов интерпретации данной дефиниции зависит подход исследователя скандинависта к методологическим принципам и методике исследования поставленной проблематики.

И в современных исследованиях, и в более ранних работах, посвященных проблематике «эпохи викингов», отсутствует единый подход к дефиниции «эпоха викингов». Несмотря на значимость понятия «эпоха викингов», в современной отечественной и зарубежной историографии отсутствуют работы, сконцентрированные на выявлении взаимосвязи методологического аппарата исследования и способа интерпретации термина «эпоха викингов».

Цель нашего исследования – изучить подходы к интерпретации дефиниции «эпоха викингов» в зависимости от их методологического аппарата.

Задачи исследования: рассмотреть генезис понятия «эпоха викингов»; определить основные методологические подходы к изучению «эпохи викингов» в новейшей историографии; обосновать взаимосвязь методологии изучения скандинавского общества конца VIII – середины XI века со способами интерпретации дефиниции «эпоха викингов».

Исследование базируется на историографических источниках, условно разделенных нами на четыре группы: 1) работы, посвященные историографии и методологии исторического исследования; 2) отечественные исследования посвященные изучению скандинавского общества «эпохи викингов»; 3) работы историков скандинавских стран, исследующие историю «эпохи викингов»; 4) монографии английских, французских, немецких и американских историков, изучающих историю Западной Европы периода «эпохи викингов».

Методы и принципы исследования определены в соответствии с целью и задачами в рамках историографического исследования при соблюдении принципов историзма, объективности и научности с использованием историко-типологического и историко-генетического методов исследования.

Основная часть

В XX веке историческая наука в основном завершила формирование современного инструментария для изучения истории человечества, что проявлялось в широком распространении марксистской теории в рамках линейного подхода и увеличении частоты использования принципов цивилизационного подхода. Были оформлены методологические принципы исторического исследования второй и третьей волны Школы «Анналов». Таким образом, можно утверждать, что в рамках новейшей историографии середины XX – начала XXI века был сформирован достаточный научный инструментарий для изучения всеобщей истории человечества и конкретной научной проблемы.

Понятия «викинги», «эпоха викингов», «экспансия викингов» являются основными для изучения скандинавского общества конца VIII – середины XI вв., однако до сих пор в исторической науке отсутствует единый подход к интерпретации этих понятий.

Немецкий историк Р. Зимек в статье «Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов» (1999 г.) обращает внимание на отсутствие «...общей точки зрения и в том, что в действительности представлял собой викинг» [10, с.13]. Ученый утверждает: «Это становится очевидным, если обратиться к научной литературе по данному вопросу, а также к обширным энциклопедическим словарям. Аделунг в 1808 г. еще не использует этот термин; не встречается он и у Брокгауза в 1837 г. Зато уже в 1853 г. Konversationslexicon Мейера не испытывает трудностей в его употреблении и кратко характеризует викингов как «древне скандинавских морских героев, см. норманны» [10, с.13].

В процессе дискуссии по поводу дефиниции «викинги» историками-скандинавистами были сформулированы две основные концепции, наиболее четко сформулированные в работе американского историка Л. Браунворта «Морские волки. История викингов» (2014 г.). Исследователь фиксирует: «1) викинг – как морской разбойник; 2) викинг – человек из Вика» [24, р. 30].

Дефиниция «эпоха викингов», в противовес дефиниции «викинги», продолжает вызывать полемику в среде исследователей-скандинавистов.

Проведенный анализ исследований первой половины XVIII - первой половины XIX вв. дает нам основание утверждать, что в работах данного периода дефиниция «эпоха викингов» отсутствует. В пределах шведского национального историописания ни О. Далин в работе 1747 г. «Истории Шведского государства», ни А. М. Стриннгольм в исследовании 1835 г. «Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов» не используют дефиницию «эпоха викингов». Так же эта дефиниция отсутствует в работе О. Тьерри «Завоевание Англии норманнами», в которой хронологически исследуется конец «эпохи викингов» [19; 25; 29].

Однако, уже в 1889 г. публикуется монография французского этнографа П. Б. дю Шайю «Эпоха викингов: ранняя история, нравы и обычаи предков англоязычных народов», которая является одной из ранних работ в которой используется дефиниция «эпоха викингов». Исследователь использует данную дефиницию в

определенных контекстах: во-первых, для обозначения хронологических границ: «Эпоха викингов» длилась примерно со второго века нашей эры до середины двенадцатого без перерыва» [26, р. 26]; во-вторых, для описания традиции погребения предметов материального быта сохранившейся у скандинавов: «Обычай намеренно прятать предметы, существовавший в каменном и бронзовом веках, сохранялся до конца эпохи викингов» (перевод автора) [26, р. 235].

В первой половине XX века дефиниция «эпоха викингов» начинает более активно использоваться в исследованиях, так или иначе затрагивающих тематику скандинавского общества конца VIII – середины XI веков.

Английский историк Т. Д. Кендрик в работе «История викингов» (1930 г.) несмотря на предпочтение термина «Viking Period» для определения хронологической границы «эпохи викингов» пользуется и дефиницией «Viking Age». Понятие «Viking Age» Т. Д. Кендрик применяет для описания общественного развития Норвегии и Дании после завершения «эпохи викингов»: «Последовал длительный период мира при Олафе Кирре, сыне Харальда Хардрада, который правил Норвегией до 1093 года. К этому времени, как и в Дании, беспокойство эпохи викингов, казалось, улеглось, и за эти тридцать лет норвежцы, при щедром и просвещенном правительстве, нашли время скопировать многие моды и обычаи Англии и континента» [27, р. 126]. С этой работы Т.Д. Кендрика, по нашему мнению, начинается процесс внедрения дефиниции «эпоха викингов» в английскую историографию с последующим использованием в историографии других европейских стран.

Отечественная историография первой половины XX века характеризуется постепенным распространением дефиниции «эпоха викингов». Прежде всего в работах историков-скандинавистов. Е. А. Рыдзевская в статье «Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX – XIII вв.» (1940 г.) использует термин «эпоха викингов» для ограничения корпуса источников IX–XI вв.: «Исторические и бытовые саги, описывающие события IX–XI вв. (так наз. эпоха викингов)» [16, с. 5]. Кроме этого, характеризуя древнесеверные саги, Е. А. Рыдзевская использует понятие «эпоха викингов» для обозначения хронологических границ определенного периода: «подходя к ним с точки зрения палеонтологического анализа, мы можем вскрыть в них элементы значительно более древние, чем эпоха викингов, которую они преимущественно отражают» [16, с. 15].

Заметим, что в работе Е. А. Рыдзевской отсутствует какое-либо пояснение сути дефиниции «эпоха викингов»: это свидетельствует о том, что данная дефиниция и ее определения были уже известны в научных исторических кругах того времени.

Анализ исследований второй половины XX века, как зарубежных, так и отечественных позволяет заметить, что дефиниция «эпоха викингов» получает широкое распространение [1; 3; 5; 6; 14; 15; 18; 22]. В основном данная дефиниция используется для определения хронологических границ экспансии скандинавов на территории Европы. Несмотря на широкое распространение дефиниции, отсутствие четкого, общепринятого определения хронологических границ «эпохи викингов» приводит к проблеме различной интерпретации термина «эпоха викингов» в

зависимости от методологического аппарата исследования и научной традиции исторической школы.

В английской историографии начала XXI века при изучении скандинавского общества периода раннего Средневековья, помимо проблем современной интерпретации эпохи викингов, ставится под сомнение необходимость самой дефиниции «эпоха викингов». Английские историки С. Эшби и Э. Леонард, сотрудники отделения археологии Йоркского университета, в работе «*Rocket Museum: Vikings*» (2018 г.) заявляют о искусственности дефиниции «эпоха викингов» и предлагают использовать археологические находки для датировки хронологических границ истории Скандинавии: «Во многом эпоха викингов – лишь удобная выдумка, искусственный концепт. В широком смысле под ней понимается период с конца VIII до середины XI века, однако точную дату ее начала или завершения определить невозможно. ...Поскольку провести строгие хронологические и географические границы невозможно, следует взглянуть на эпоху викингов с более практической точки зрения. ... Цель нашей книги – через артефакты проследить некоторые из таких трансформаций. Мы рассмотрим, как сама материальная культура менялась в течение эпохи викингов, начиная с железного века Скандинавии (мира, из которого вышли викинги) и заканчивая Средними веками (миром, который викинги помогли создать [23, р. 7].

В отличие от позиции С. Эшби и Э. Леонард, большинство английских историков придерживаются позиции Н. Прайса. В своей работе 2020 г. «*The Children of Ash and Elm: A History of the Vikings*» он заявляет: ««эпоха викингов», при всей очевидной искусственности этого конструкта, ретроспективно созданного учеными, имеет вполне ощутимую значимость» [28, р. 27].

Данное противоречие значимости и необходимости дефиниции «эпоха викингов» на современном этапе развития исторической науки демонстрирует необходимость более подробного изучения методов интерпретации понятия «эпоха викингов» и их зависимости от методологического аппарата исследования.

В рамках исторической науки стран Скандинавского полуострова наиболее распространенной является трактовка дефиниции «эпоха викингов» как отдельного, самостоятельного периода в истории Европы (стоит отметить, что подобное трактование получило распространение не только у скандинавских исследователей). На наш взгляд, наиболее полно период «эпохи викингов» с этих позиций определен отечественным исследователем Г. С. Лебедевым: «период, охватывающий IX, X и первую половину XI веков. Время воинственных и дерзких дружин отважных морских воинов-викингов, первых скандинавских королей-конунгов, древнейших эпических песен и сказаний, дошедших до нас, эпоха викингов открывает начало письменной истории этих стран и народов» [14, с. 9].

Для английской, французской и немецкой историографии присуща интерпретация дефиниции «эпоха викингов» разработанной в классической английской историографии. Характерной особенностью которой является трактовка «эпохи викингов» как одного из этапов национальной истории специфического для каждой конкретной страны, а не как самостоятельной эпохи истории Западной

Европы. Согласно этой трактовки, «эпоха викингов» может рассматриваться как один из периодов раннего европейского Средневековья (с конца VIII по XI век), в рамках которого жители Скандинавии, известные как викинги, оказывали значительное влияние на страны Западной Европы, особенно Англии и Франции. Однако, для каждой европейской страны «эпоха викингов» имела свои локальные особенности и разное влияние на исторический процесс.

На наш взгляд, английская трактовка дефиниции «эпоха викингов» наиболее полно и лаконично выражена в статье Р. Зимека «Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов»: «С исторической точки зрения, эпоха викингов – это период скандинавской экспансии, начало которой (несколько упрощая) связывают с нападением на английский монастырь на о. Линдисфарн в 793 г. н. э., а конец – с битвами при Стамфорд Бридж и Гастингсе в 1066 г.» [10, с. 12]. Отметим, что приведенные хронологические границы характерны исключительно для Англии и отличаются для Франции, Германии, России и особенно для стран Скандинавии. Это связано с тем, что проблема хронологии «эпохи викингов» в историческом сообществе до сих пор остается дискуссионной.

В пределах советской и постсоветской марксистской историографии подход к изучению «эпохи викингов» имеет дуалистический характер. С одной стороны, «эпоха викингов» трактуется как заключительный эпизод Великого переселения народов для Западной Европы; с другой стороны, это период непосредственно для истории стран Скандинавии рассматривали как отдельную эпоху отличную от общеевропейского исторического процесса. Наиболее четко охарактеризовал дефиницию «эпоха викингов» с этой точки зрения А. Я. Гуревич в работе «Походы викингов». Исследователь утверждает: «Но была ли действительно в истории подобная эпоха? Наиболее правильным представляется утверждение, что в истории Европы, рассматриваемой в целом, такой эпохи не было: несмотря на значительную роль, которую сыграли нападения скандинавов в жизни разных народов – от Англии до Византии, от Руси до Италии, – они не определяли исторических судеб Европы в IX–XI вв. ...Но в истории самих скандинавских стран указанные столетия – это действительно эпоха викингов... внешняя экспансия была прямым продолжением внутренних сдвигов, происходивших в скандинавском обществе, и правильно понять походы викингов можно лишь в тесной связи с развитием, одновременно происходившим на их родине» [5, с. 122–123].

Различия интерпретации дефиниции «эпоха викингов» и взглядов на один и тот же исторический процесс объясняются не только разными научными подходами, но и различными концепциями в пределах одного подхода.

В английской и советской историографиях прослеживаются схожие взгляды в вопросе исследования «эпохи викингов» – это объясняется тем, что обе историографии опираются на принципы линейного подхода. Английские историки, а вслед за ними французские и немецкие исследователи, чаще всего используют трехчленную стадияльную типологию человеческих обществ А. Фергюсона. Советские и постсоветские историки преимущественно оперируют методологией марксистской стадияльной типологии социально-исторических формаций. В то же

время современные скандинавские историки методологически опираются в основном на цивилизационный (плюрально-циклический) подход.

Нельзя не отметить факт влияния методологии второй и третьей волны Школы «Анналов» на исследователей «эпохи викингов», что приводит к сильной дифференциации проблемного поля.

На наш взгляд, является интересной следующая особенность. В пределах национальной истории «эпоха викингов» служила в основном не предметом исследования, а фоном, на котором изучалась иная проблематика национальной истории. Подобное особенно характерно для английской исторической науки. Примером вышеуказанного служат работы Ф. Барлоу, С. О. Джуэтт, Д. Ч. Дугласа.

Ф. Барлоу в монографии «Вильгельм I и нормандское завоевание Англии» [2] рассматривает завершение «эпохи викингов» в Англии, но только в контексте нормандского завоевания Англии и процесса централизации и укрепления власти короля. С. О. Джуэтт в работе «Завоевание Англии норманнами» [7] затрагивает некоторые моменты экспансии скандинавов во Францию, процесс трансформации норманнов (людей с севера) непосредственно в нормандцев (жителей герцогства Нормандия). Отметим, что работа С. О. Джуэтта в основном сконцентрирована на становлении Нормандского герцогства и завоевании Англии. В монографиях Д. Ч. Дугласа «Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле» [8] и «Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг.» [9] основное внимание уделяется централизации Англии, и в гораздо меньшей степени рассматривается завершение «эпохи викингов» в Англии как исторической эпохи.

Однако, в рамках новейшей историографии можно отметить некоторое изменение научного подхода к изучению «эпохи викингов».

Выделяется позиция английского историка П. Сойера. Изначально являясь сторонником классической английской историографии, во ведении своей работы «Эпоха викингов» исследователь воспроизводит представление об «эпохе викингов» как об этапе национальной истории: «Впервые викинги потревожили Западную Европу в конце VIII века, и, вероятно, самым ранним можно считать нападение 793 г., когда разграблению подвергся островной монастырь Линдисфарн у побережья Нортумбрии. ... После того как в 1066 г. Харальд Суровый, король Норвегии, потерпел поражение от Гарольда Английского при Стэмфордбридже и пал в бою, а в 1070 г. из Англии удалился датский король Свен, период успешного вмешательства скандинавов в дела Западной Европы закончился» [18, с. 7, 12]. Однако, уже в заключении той же работы П. Сойер отмечает, что изучение «эпохи викингов» для стран Скандинавии должно затрагивать предыдущие этапы так как: «Для скандинавов походы викингов на Запад были не более чем следующим шагом в обычной для их собственного общества деятельности, шагом, возможность и выгодность которого обеспечивали особые обстоятельства» [18, с. 281].

Датская исследовательница Э. Рёсдаль в работе «Мир викингов. Викинги дома и за рубежом» отмечает, что аргументированная позиция П. Сойера не характерна для классической английской историографии. Э. Рёсдаль, ссылаясь на П. Сойера, пишет: «Близко к истине, вероятно, подошел английский историк Питер Сойер, когда он в

1971 году охарактеризовал бурную активность викингов за пределами Скандинавии лишь как усиление уже имевшего место процесса, но сейчас, в силу особых обстоятельств, приобретшего невиданные масштабы» [15].

Таким образом, Э. Рёсдаль, со ссылкой на П. Сойера, утверждает, что для тщательного и всестороннего исследования «эпохи викингов» необходимо изучить предыдущие эпохи истории Скандинавии, а также окружающую среду согласно классическому образцу историописания Ф. Броделя.

Концепция изучения «эпохи до викингов» как одного из ключевых элементов «эпохи викингов» нашла свое отражение и в современных исследованиях.

В отечественной историографии данная концепция впервые сформулирована в работе А. А. Хлевова «Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках» 2002 года. В исследовании уделено большое внимание проблеме влияния ландшафта на историю, рассмотрены исторические предпосылки будущего движения викингов на основе германских племен, отражены внутренние процессы этого движения, рассмотрена традиционная культура скандинавов. Особое внимание уделено культуре передвижения (как важнейшего инструмента обмена информацией, товарами и людьми), в частности кораблям викингов: «Эволюция форм корабля в специфических географических условиях Скандинавии пролегла от архаических двухшестенных лодок, ведущих свое начало от неолита, до шедевра судостроения – серии скандинавских специализированных типов военных и транспортных судов XI в. Судостроение «отсталого» Севера существенно превосходило по качеству все то, что могла предложить Европа того времени, а подготовка мореходов была просто несопоставима» [21, с. 63–64].

Несмотря на то, что основное внимание в работе А. А. Хлевова сконцентрировано на «эпохе до викингов», материал, изложенный в исследовании, способствует рассмотрению проблематики «эпохи викингов» под новым углом зрения.

Концепция П. Сойера изучения «эпохи до викингов» находит отражение и в европейских исследованиях, в число которых входит работа Д. Хэйвуда «Люди Севера: История викингов, 793–1241» (2016 г.). Несмотря на то, что Д. Хэйвуд воспринимает викингов с позиции концепции «Варваров с севера» классической английской историографии, что становится заметным уже после вступления: «Поистине уникальным явлением европейской истории викингов сделали не технологические, военные или культурные новации – во многих отношениях это были отсталые народы, и даже технологии судостроения у них были архаичными, – а то, как широко они раздвинули границы своего мира» [20, с. 13]. Тем не менее исследователь под влиянием взглядов П. Сойера начинает изучать «эпоху викингов» с рассмотрения трансформаций представлений о викингах и их предшественниках. Используя в исследовании работы Пифея из Массалии, Страбона, Тацита и Иордана, а также петроглифы, он прослеживает историю Скандинавии от бронзового и железного веков, делая в результате следующий вывод: «В течение железного века (500 г. до н.э. – 800 г. н.э.) скандинавское общество постепенно приобретало те особенности, которые непосредственно обусловили экспансию викингов. ...В конце

второго века демографическое давление выдавило из Скандинавии первую из многих в ее истории миграционных волн. ...Эта миграция, хотя и закончилась катастрофой, была лишь предвестником будущих событий. Многие из германских племен, вторгшихся в V в. в Римскую империю, по преданию, имели скандинавские корни» [20, с. 32–33].

На наш взгляд, стоит отметить, что здесь выводы английского историка, сторонника трёхчленной типологии А. Фергюсона сходятся с постулатами марксистской методологии в отношении «эпохи викингов». Это обусловлено тем, что обе концепции и их методологический аппарат сформированы в пределах унитарно-стадиального подхода. Несмотря на это работа Хейвуда относится к классическому направлению английской историографии, особенно в вопросе трактовки дефиниции «эпоха викингов»: «эпоха викингов в разных странах началась и окончилась в разное время. В англоговорящем мире ее принято отсчитывать примерно от 793 г. (разграбление Линдисфарна) и заканчивать 1066 г. (битва при Стэмфорд-Бридж), но история не столь скрупулезна» [20, с. 15].

Таким образом рассмотрев работы П. Сойера, Д. Хейвуда и А. А. Хлевова можно сделать вывод, что экспансия викингов не была чем-то спонтанным и уникальным, это всего лишь внешне и внутренне обусловленный процесс развития древнескандинавского общества. Как отметил в своей работе Д. Хэйвуд: «Викинги не появились неведь откуда в конце VIII в., хотя именно так могло казаться их перепуганным и потрясенным жертвам. Но в остальной Европе эту эволюцию едва ли заметили, и не только по причине географической отдаленности» [20, с. 27]. Если учесть известную теоретическую разработку А. Дж. Тойнби «вызова-ответа», то в рамках гипотезы П. Сойера можно указать, что экспансия викингов – это характерный ответ населения Скандинавского полуострова на существующий вызов среды, имевший в VIII–XI веках большую интенсивность.

Следует отметить, что современные подходы к изучению «эпохи викингов» в европейской истории сформировались на базе предыдущего изучения.

Заметное влияние на разработку и эволюцию проблематики «эпохи викингов» оказали позиции сформулированные в источниковой базе.

Отмечают это в своих исследованиях как зарубежные, так и отечественные исследователи. Английский историк Д. Хейвуд указывает: «Главными летописцами средневековой Европы были монахи, а поскольку они часто становились жертвами викингов, то много писали о чинившихся ими грабежах, разорении городов и захвате пленников» [20, с. 14]. Схожих взглядов придерживался и советский историк А. Я. Гуревич: «О викингах историки судили лишь по словам их противников и жертв – средневековых монахов и других духовных лиц, которые не могли не сетовать на причиняемые ими разрушения, – ведь викинги были «нехристями»! Судить викингов последующим поколениям было легко – они молчали. Скандинавы эпохи викингов не оставили документов или хроник. Рассказы о древних исландцах и норвежцах – саги – были записаны много позднее, в XIII в.» [5, с. 83].

Э. Рёсдаль, представительница датской историографии, так же поддерживает эту мысль: «в представлении общества сложился образ викинга, отправлявшегося на

своим кораблем в чужие земли и с мечом в руке совершавшего там кровавые деяния. Викинги грабили церкви, вымогали дань, убивали местных жителей или уводили их в рабство. Таково традиционное, но вместе с тем весьма одностороннее представление о викингах. Возникло оно, в первую очередь, благодаря современникам викингов, священнослужителям-хронистам, которые оставили свои описания, посвященные драматическим событиям тех далеких лет» [15].

Наиболее проработан этот тезис в исследовании английского историка П. Сойера «Эпоха викингов». Исследователь постулирует необходимость тщательного и всестороннего изучения источников по проблеме, отмечая: «Когда на сцене появились викинги, церкви впервые подверглись полномасштабному разграблению от рук вооруженных банд. Против этих язычников все кары духовенства, обеспечивавшие безопасность святыни и сокровища Церкви, были бессильны... Едва ли стоит удивляться тому, что жертвы проявляли столь пламенную ненависть к этим язычникам, но нельзя предполагать, что все люди думали точно так же, ибо реакция светской аристократии и крестьян неизвестна. Однако имеются признаки того, что реакция некоторых людей не была однозначно враждебной, а кое-кто даже приветствовал пришельцев» [18, с. 279–280].

Из анализа монографий и работ новейшей историографии можно выделить три концептуальных направления исследования «эпохи викингов»: «марксистское» и «классическое», базирующиеся на унитарно-стадиальном подходе, и «цивилизационное», основывающееся на методологии плюрально-циклического подхода.

Сторонники марксистского направления общественно-экономических формаций и классовой борьбы при исследовании «эпохи викингов» всячески стремятся ввести феодальную формацию и противостояние классов. Например, А. С. Канн в рецензии на работу А. Я. Гуревича «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» отмечает: «Главная предпосылка возникновения феодального строя в условиях древнескандинавского «варварского» общества, с точки зрения автора, заключается в создании новой системы социальных связей, основанных на отношениях господства и подчинения, а вместе с тем и на общественном разделении труда между крестьянством и управляющим обществом военным классом» [12, с. 313].

Сам же А. Я. Гуревич в работе «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» указывает: «Но эти черты феодальных производственных отношений, во многом связанные с более ранними общественными формами, характеризуют не «недоразвитый» феодализм, а особый тип феодальной структуры, отличный от «французского» и вообще западноевропейского типа. Более того, в этой специфической форме феодальной системы с особой ясностью видна основа феодального строя – крестьянское хозяйство» [6].

По мнению С. П. Карпова, IX – середина XI в. вошли в историю Северной Европы под названием «эпоха викингов»: «Это был период их широкой экспансии, в которой разрозненные военные набеги, а позже более организованные походы, возглавленные скандинавскими конунгами, переплетались с развитием

международной торговли, с колонизацией и открытием новых земель. В самой Скандинавии этот период ознаменовался усилением распада родоплеменных отношений и зарождением предпосылок для возникновения первых государственных образований» [11, с. 216].

Историки-марксисты в своих исследованиях используют собственную методологию в пределах линейного подхода. Хотя она и не в полной мере отвечает задачам изучения «эпохи викингов». Несмотря на попытки внедрения феодальной формации и противостояния классов, заслуживает внимания значительный вклад исследователей-марксистов в изучение проблемы социальной структуры общества «эпохи викингов», интерпретации памятников материальной культуры скандинавов и средневековых письменных источников.

Представители марксистского направления, рассматривая «эпоху викингов» как последнюю вспышку Великого переселения народов и завершение процесса формирования феодального классового общества в Северной Европе, в значительной степени отклонились от господствующих до XX в. положений «варварства викингов» и раздробленного изложения проблемы в работах позитивистов.

Сторонники классического направления при изучении проблематики «эпохи викингов» опираются на разработки национальной истории, методологию линейного подхода (под влиянием шотландского просвещения А. Фергюсона) и позитивизм. Особое распространение это направление получило в английской историографии.

Взгляд на викингов как на варваров, сформировался в христианских хрониках. Это представление христианских средневековых авторов исходит из греко-римского представления об ойкумене, окруженной варварами. Окончательно этот подход закрепился в исторической науке в пределах шотландского просвещения, в триаде А. Фергюсона: «Когда же возникло широкое разделение труда, появились общественные классы и государство, на смену варварскому состоянию пришло цивилизованное» [17, с. 117]. Согласно этой позиции, отказывающей викингам в государственности, классовом обществе и широком разделении труда, европейские историки размещают скандинавское общество на стадии варварства.

Сторонники классического направления воспринимают «эпоху викингов» лишь как один из эпизодов национальной истории отдельного государства. Экспансия викингов изучается с позиций варварских набегов на цивилизацию (обосновываясь жестокостью, свойственной варварам), а также с точки зрения особой культуры и религии варваров. Эти положения особой варварской культуры и религии опираются на современном этапе уже на разработки «психоистории». Стоит отметить, что данные позиции до сих пор достаточно сильны в историографии европейских стран.

Как уже отмечалось выше, Д. Хейвуд в работе «Люди Севера: История викингов, 793–1241» отказывает скандинавам в технологическом развитии и развитом судостроении. Исследователь, как и многие английские историки, объясняет причины экспансии викингов распространенной в скандинавском обществе культурой жестокости, свойственной варварам: «Ясно, что в стремлении стяжать добро, землю и славу викинги охотно шли на отчаянный риск. Идеология этого дерзкого и предприимчивого сообщества всячески порицала уклонение от опасности.

Мир, в котором жили древние скандинавы язычники, не предполагал стремления к какой-либо высокой цели, и, если людей и вправду создали боги, они сделали это лишь для собственной выгоды: чтобы было кому приносить им жертвы. Если человеческая жизнь в этом мире могла иметь какой-то смысл, то лишь тот, который ты придашь ей сам, совершив деяния, за которые тебя будут помнить» [20, с. 18].

Следует отметить, что в современной английской историографии произошел процесс смешивания триады А. Фергюсона и позиций психоистории. В продолжение традиции А. Фергюсона, скандинавов рассматривают как варваров и обозначают причины их действия по-варварски примитивно. Однако под влиянием американской школы «психоистории» английские исследователи выделяют у скандинавов особую ментальность.

Традиционное представление английских историков об «эпохе викингов» в истории Англии, викингх и их влиянии отражено в работах Д. М. Уилсона, исследователя англосаксонского завоевания Англии и скандинавской эпохи. В работе «Англосаксы. Покорители кельтской Британии» он утверждает: «Викинги явились в земли богатые и сравнительно мирные, неся с собой разорение и смерть. Англия в то время была просвещенной страной с процветающей торговлей и земледелием и оказалась совершенно не готова к тому, чтобы противостоять неожиданной угрозе, исходящей из Скандинавских стран туманного Севера. ... Победа уэссекского короля Альфреда над викингми при Эдингтоне в 878 г. положила конец их триумфу, благодаря которому скандинавы захватили большую часть Англии. С 878 г. Альфред и его преемники стали постепенно подчинять викингов, которые осели на севере и востоке острова» [4, с. 30-31].

Однако, в новейших исследованиях классического направления английской, французской и немецкой историографии возникают попытки иного взгляда и интерпретации, которые только эпизодически проявлялись в более ранних работах. В работе 1926 г. «Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов» М. и Ч. Г. Б. Квеннеллы утверждается, что хроники и летописи не позволяют выяснить причину экспансии викингов, а культура жестокости не объясняет длительность и систематичность экспансии: «Что мы действительно не понимаем, это то, почему эти северные народы, во-первых, чувствовали столь сильную тягу к странствиям, а во-вторых, были настолько хорошо экипированы, что смогли осуществить свои замыслы. Для этого была необходима великая идея и хороший военачальник; некое сверхъестественное побуждение» [13, с. 72]. Позже эти положения получают развитие в работе 70-х гг. XX в. «Викинги. Быт, религия, культура» Ж. Симпсона.

Сторонники цивилизационного направления испытывают значительное влияние методологии второй и третьей волны Школы «Анналов» и цивилизационного подхода, распространившиеся в исследованиях во второй половине XX века. Исследователи «эпохи викингов», в основном скандинавские историки, кроме классической романтизации образа викингов начинают рассматривать общество скандинавов «эпохи викингов», как особую цивилизацию, длительное время противостоящую западноевропейской христианской цивилизации.

Данный взгляд на «эпоху викингов» закрепился и получил распространение во многих работах. В работе 1961 г. «Викинги» Х. Арбман отмечает: «Важнейшими основаниями для понимания образа жизни викинга, наделенного значительными техническими знаниями, являются его «инструменты торговли». И здесь мы прежде всего подразумеваем корабли викингов и их оружие» [1, с. 19]. В этой цитате исследователь акцентирует внимание на значительном техническом уровне и развитой торговле общества викингов как специфической черты свойственной уникальной цивилизации.

Для представителей цивилизационного направления отличительной чертой является попытка выявить всю совокупность факторов, обуславливающих исторический процесс. Так же для сторонников цивилизационного направления характерно использование нескольких гипотез и теорий для наиболее достоверной интерпретации событий. Однако, стоит отметить, что тем не менее, они склонны выдвигать отдельную гипотезу или концепцию на центральное место. Примером служит работа Й. Вейбулля «Краткая история Швеции»: «В прежние времена было принято говорить о предприимчивости северных народов, об их смелости и жажде приключений. Но можно найти и множество других объяснений – например, что улучшение климата привело к перенаселению. Но все это – лишь теории, не имеющие под собой фактического обоснования. Более вероятной и убедительной представляется гипотеза, выдвинутая бельгийским историком Анри Пиренном... Средиземноморье перестало быть связующим звеном или центром европейской культуры. Связи между Каролинской империей на западе и обеими великими державами на востоке, со столицами в Константинополе и Багдаде, прервались, и торговля была вынуждена искать новые пути» [3].

Выводы

Центральными для современных исследований общества скандинавов конца VIII – середины XI вв. являются дефиниции «викинги» и «эпоха викингов». Оба понятия были введены в научный оборот в зарубежных работах XIX в. Термин «викинги», введенный в исследования середины XIX в., получил несколько интерпретаций трактовки на базе лингвистического метода.

Изучение генезиса дефиниции «эпоха викингов» позволяет утверждать, что одной из первых работ, внедривших понятие «эпоха викингов», является монография П. Б. дю Шайю «Эпоха викингов: ранняя история, нравы и обычаи предков англоязычных народов». Однако, это и последующие исследования использовали термин «эпоха викингов» лишь для установления хронологических границ эпохи, не разрабатывая ее определение.

Так же отметим, что в исследованиях конца XIX – первой половины XX вв. употребление дефиниции «эпоха викингов» уступает использованию понятия «период викингов».

В 30–40-х гг. XX века дефиниция «эпоха викингов» используется в зарубежных и отечественных исследованиях, однако, ее использование встречается редко и характеризуется осторожностью применения. Для этого периода применение

дефиниции «эпоха викингов» в отечественных и зарубежных работах характерно отсутствием хронологических границ эпохи и определения понятийного содержания дефиниции. Это позволяет утверждать, что дефиниция получила известность и распространение среди профессиональных историков того времени. При этом, еще не сложилось общепринятое научное определение дефиниции.

Дефиниция «эпоха викингов» во второй половине XX в. получает широкое распространение в исследованиях историков-скандинавистов. Утрачивает актуальность понятие «период викингов» для описания хронологических границ деятельности скандинавов внутри своего общества и вне его в конце VIII – середине XI вв. На этом этапе начинается работа над уточнением контекста эпохи с помощью термина «эпоха викингов» помимо определения хронологических границ исторического периода.

Концепции изучения научной проблемы «эпохи викингов» сформированы на позициях двух научных подходов: линейного и цивилизационного.

В рамках линейного подхода «эпоха викингов» рассматривается как один из этапов в рамках национальной истории.

Для второго, цивилизационного подхода характерно рассмотрение «эпохи викингов» как отдельного, самостоятельного этапа взаимодействия двух различных цивилизаций в территориальных границах Западной Европы.

Методологически представителей линейного подхода можно разделить на сторонников теории А. Фергюсона и теории К. Маркса.

Для первых характерен синтез положений А. Фергюсона, греко-римского восприятия ойкумены и варваров, а также позитивизма. Сторонники теории К. Маркса менее привержены концепции «варваров с севера», чем сторонники А. Фергюсона и рассматривают экспансию скандинавов как последний всплеск Великого переселения народов. Будучи построенными на схожем методологическом подходе, концепции сторонников теории А. Фергюсона и теории К. Маркса, согласуются и могут быть легко использованы в работах друг друга.

Для сторонников цивилизационного подхода характерна дифференциация проблематики третьей волны Школы «Анналов», а также использование элементов романтизма предыдущих исследований.

Однако, несмотря на методологически схожие принципы цивилизационного подхода, дифференциация проблемного поля привела к тому, что концепции и гипотезы сторонников этого подхода противоречат не только линейному подходу, но и другим работам в пределах цивилизационного подхода.

В рамках новейшей историографии отсутствует единая интерпретация дефиниции «эпоха викингов». В зависимости от методологических принципов, исторической традиции и господствующего подхода к проблематике конкретного исследователя используется одна из трех трактовок интерпретации понятия «эпоха викингов».

Во-первых, «эпоха викингов» как один из периодов национальной истории конкретной страны, такой взгляд наиболее характерен для представителей теории стадийной типологии А. Фергюсона и наиболее распространен в историографии

западноевропейских стран, преимущественно данный способ интерпретации дефиниции «эпоха викингов» распространён в английской историографии.

Во-вторых, «эпоха викингов» трактуется как заключительный этап Великого переселения народов для Западной Европы. Одновременно с этим «эпоха викингов» определяется отдельной эпохой непосредственно для стран Скандинавии, отличающейся от общеевропейского исторического процесса. Подобная интерпретация, характерная для представителей марксизма и получила наибольшее распространение в советской и постсоветской историографии.

В-третьих, «эпоха викингов» определяется как отдельный, самостоятельный период в истории европейского средневековья, исторический период, характерный для европейской цивилизации. Подобная точка зрения, принадлежащая представителям цивилизационного подхода, в основном распространена в историографии стран Скандинавии.

Список использованных источников и литературы

1. Арбман Х. Викинги / Пер. с англ. Н. В. Ереминой. – СПб.: Евразия, 2006. – 269 с.
Arbman H. Vikingi / Per. s angl. N. V. Ereminoj. – SPb.: Evrazija, 2006. – 269 s.
2. Барлоу Ф. Вильгельм I и нормандское завоевание Англии / Пер. с англ. С. В. Иванова. – СПб.: Евразия, 2007. – 320 с. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2940>. Дата обращения 26.03.2024.
Barlou F. Vil'gel'm I i normandskoe zavoevanie Anglii / Per. s angl. S. V. Ivanova. – SPb.: Evrazija, 2007. – 320 s. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2940>. accessed:26.03.2024.
3. Вейбуль Й. Краткая история Швеции / Пер. с перевод со швед. языка Н. Валлениуса – Стокгольм: Шведский институт, 1994. – 164 с. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2507>. Дата обращения 26.03.2024.
Vejbull J. Kratkaja istorija Shvecii / Per. s perevod so shved. jazyka N. Valleniusa – Stokgol'm: Shvedskij institut, 1994. – 164 s. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2507>. accessed:26.03.2024.
4. Вилсон Д. М. Англосаксы. Покорители кельтской Британии / Пер. с англ. П. В. Тимофеева – М.: Центрполиграф, 2004. – 189 с.
Wilson D. M. Anglosaksy. Pokoriteli kel'tskoj Britanii / Per. s angl. P. V. Timofeeva – M.: Centrpoligraf, 2004. – 189 s.
5. Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. – 4-е издание – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 352 с.
Gurevich A. Ja. Izbrannye trudy. Drevnie germancy. Vikingi. – 4-e izdanie – M.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2020. – 352 s.
6. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии – М.: Наука, 1967. – 285 с. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2100>. Дата обращения 26.03.2024.
Gurevich A. Ja. Svobodnoe krest'janstvo feodal'noj Norvegii – M.: Nauka, 1967. – 285 s. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2100>. accessed:26.03.2024.
7. Джуэтт С. О. Завоевание Англии норманнами. – Минск: Харвест, 2003, – 304 с. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1315>. Дата обращения 26.03.2024.
Dzhujett S. O. Zavoevanie Anglii normannami. – Minsk: Harvest, 2003, – 304 s. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1315>. accessed:26.03.2024.
8. Дуглас Д. Ч. Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле / Пер. с англ. Л. А. Игоревского – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2920>. Дата обращения 26.03.2024.
Douglas D. Ch. Vil'gel'm Zavoevatel'. Viking na anglijskom prestole / Per. s angl. L. A. Igorevskogo – M.: ZAO Centrpoligraf, 2005. – 431 s. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/2920>. accessed:26.03.2024.

9. Дуглас Д. Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг / Пер. с англ. Е. С. Марничиной – СПб.: Евразия, 2003. – 416 с. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1508>. Дата обращения 26.03.2024.
- Duglas D. Ch. Normanny: ot zavoevanij k dostizhenijam. 1050–1100 gg / Per. s angl. E. S. Marnicinoj – SPb.: Evrazija, 2003. – 416 s. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1508>. accessed:26.03.2024.
10. Зимек Р. Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов / Р. Зимек // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 9-25. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/735/1396>. Дата обращения 26.03.2024.
- Zimek R. Vikingi: Mif i jepoha. Srednevekovaia koncepcija jepohi vikingov / R. Zimek // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999 g. – M.: Vost. lit., 2001. – S. 9-25. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/735/1396>. accessed:26.03.2024.
11. История средних веков под редакцией С. П. Карпова: В 2 т. Т. 1: 7-е издание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 688 с.
- Istoriia srednih vekov pod redakciej S. P. Karpova: V 2 t. T. 1: 7-e izdanie. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2010. – 688 s.
12. Кан А. С. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967 (рецензия)/ А. С. Кан // Средние века. Вып. №34. – М.: Наука, 1971. – С. 313-315
- Kan A. S. Gurevich A. Ja. Svobodnoe krest'janstvo feodal'noj Norvegii. M., 1967 (recenzija)/ A. S. Kan // Srednie veka. Vyp. №34. – M.: Nauka, 1971. – S. 313-315
13. Квеннелл Ч. Г. Б., Квеннелл М. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов / Пер. с англ. Т. В. Ковалева – СПб.: Евразия, 2002. – 384 с.
- Kvennell Ch. G. B., Kvennell M. Povsednevnaia zhizn' v Anglii vo vremena anglosaksov, vikingov i normannov / Per. s angl. T. V. Kovaleva – SPb.: Evrazija, 2002. – 384 s.
14. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
- Lebedev G. S. Jepoha vikingov v Severnoj Evrope. – SPb.: Evrazija, 2005. – 640 s.
15. Роэсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. / Пер. с датск. яз. Ф. Х. Золотаревской. – Санкт-Петербург: «Всемирное слово», 2001. – 272 с. [Электронный источник]: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/235>. Дата обращения 26.03.2024.
- Roesdal' Je. Mir vikingov. Vikingi doma i za rubezhom. / Per. s datsk. jaz. F. H. Zolotarevskoj. – Sankt-Peterburg: «Vsemirnoe slovo», 2001. – 272 s. Access: URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/235>. accessed:26.03.2024.
16. Рыдзевская Е. А. Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX–XIII вв. / Е. А. Рыдзаевская // Исторический архив. Вып. №3. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1940. – С. 3-70
- Rydzevskaya E. A. Nekotorye dannye iz istorii zemledeliia v Norvegii i v Islandii v IX–XIII vv. / E. A. Rydzaevskaya // Istoricheskii arkhiv. Vyp. №3. – Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940. – S. 3-70
17. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. – М.: Академический Проект; Трикта. 2013. – 615 с.
- Semenov Ju. I. Filosofija istorii. Obshhaja teoriia istoricheskogo processa. – M.: Akademicheskij Proekt; Triкта. 2013. – 615 s.
18. Сойер П. Эпоха викингов. / Пер. с англ. А. В. Санина. – СПб.: Евразия, 2008. – 351 с.
- Sojer P. Jepoha vikingov. / Per. s angl. A. V. Sanina. – SPb.: Evrazija, 2008. – 351 s.
19. Стрингльм А. М. Походы викингов / Пер. с англ. А. Шемякина. – М.: «АСТ», 2003. – 736 с.
- Strinnl'm A. M. Pokhody vikingov / Per. s angl. A. Shemyakina. – M.: «AST», 2003. – 736 s.
20. Хейвуд Д. Люди Севера: История викингов. 793–1241 / Пер. с англ. Н. Мезин. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 452 с.
- Hejvud D. Ljudi Severa: Istoriia vikingov. 793–1241 / Per. s angl. N. Mezin. – M.: Al'pina non-fikshn, 2017. – 452 s.
21. Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках – М.: Евразия, 2002. – 242 с.
- Hlevov A. A. Predvestniki vikingov. Severnaja Evropa v I–VIII vekah – M.: Evrazija, 2002. – 242 s.

22. Andersson I. A history of Sweden – New York: Praeger, 1956. – 461 p. Access: URL: https://openlibrary.org/books/OL6178360M/A_history_of_Sweden. accessed:17.07.2024.
23. Ashby S. P., Leonard A. Pocket Museum: Vikings – London: Thames and Hudson, 2018. – 288 p.
24. Brownworth Lars Mehrling The Sea Wolves: A History of the Vikings – Horley, Surrey: Crux Publishing Ltd, 2014. – 302 p. Access: URL: <https://erenow.org/postclassical/seawolves/>. accessed:27.06.2024.
25. Dalin Olof von Svea Rikes Historia – Stockholm: Trykt hos Lars Salvius, 1747. – 673 p. Access: URL: https://books.google.ru/books?id=Uh4CAAAAYAAJ&lr=&redir_esc=y. accessed:27.06.2024.
26. Du Chaillu P. B. The viking age the early history, manners, and customs of the ancestors of the English speaking nations – New York: C. Scribner's sons, 1889. – 591 p. Access: URL: <https://archive.org/details/vikingageearlyhi01duch/mode/2up?ref=ol&view=theater>. accessed:17.07.2024.
27. Kendrick T. D. A history of the Vikings – New York: Dover Publications, 2004. – 464 p. Access: URL: https://www.logobook.ru/prod_show.php?object_uid=11167722. accessed:17.07.2024.
28. Price N. S. Children of ash and elm: a history of the Vikings – New York: Basic Books, 2020. – 624 p.
29. Thierry Augustin Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands de ses causes et des suites jusqu'à nos jours en Angleterre en Écosse, en Irlande et sur le continent T. 1. – Paris: Furne et Cie, 1846. – 363 p. Access: URL: <https://books.google.ru/books?id=YlsPAAAAQAAJ&hl=ru>. accessed:27.06.2024.

Zhyriakov K. A. The definition of «Viking Age»: genesis and main approaches in modern historiography

The article analyzes ways of interpreting the definition of «Viking Age» depending on the methodological apparatus of the study. Three stages of scientific research of the Scandinavian society of the «Viking Age» are identified and the time of emergence of the definition «Viking Age» in historiography is revealed. Research devoted to the study of the Scandinavian society of the «Viking Age» is methodologically based on a unitary-stage and plural-cyclic approach. The dependence of the method of interpreting the definition on the prevailing methodological approach of the study is analyzed. Within the framework of the unitary-stage approach, two main directions of studying the «Viking Age» have emerged. Within the classical direction of English, French and German historiography, the definition of «Viking Age» is interpreted as one of the stages of national history. The Marxist and neo-Marxist trends in Soviet and post-Soviet historiography are characterized by a dualistic interpretation of the definition of the «Viking Age» as a squealing surge of the Great Migration of Peoples and as a separate era of development of the countries of the Scandinavian Peninsula. The plural-cyclical approach, common in the historiography of the Scandinavian countries, is characterized by the interpretation of the definition of the «Viking Age» as an independent period in the history of the European Middle Ages.

Keywords: definition of «Viking Age», methodological approach, historiography.

УДК 94(597)"1975/1985":070.1

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-79-90

ОБРАЗ ВЬЕТНАМА СЕРЕДИНЫ 1970-Х – СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГГ. В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Кудрявцев В. Ю.

*Курский государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
E-mail: kudrvl62@mail.ru*

Реконструирован образ Вьетнама середины 1970-х – середины 1980-х гг., отраженный в путевых очерках советских журналистов. Отмечено, что в первые годы после падения Сайгона образ Вьетнама отличался в зависимости от региона пребывания автора источника. Образ, зафиксированный по итогам путешествия по Северу, складывался из впечатлений о героической стране, одержавшей победу в войне с иностранными захватчиками и успешно налаживавшей мирную жизнь. В образе, составленном в результате посещения Южного Вьетнама, доминировали компоненты, касавшиеся экономических успехов, достигнутых в процессе реализации социалистических реформ. Указано, что в первой половине 1980-х гг. образ, ранее характерный для очерков, составленных по итогу пребывания на Юге, в целом, стал применим в масштабах всей страны. Автором дан критический анализ отдельных фактов и суждений, представленных в путевых очерках. Сделан вывод, что недостатки путевых очерков как исторического источника в первую очередь связаны с тем, что советские журналисты воспринимали Вьетнам в качестве братской социалистической страны и не ставили перед собой задачи вынесения имевшихся в стране проблем на широкую публику.

Ключевые слова: образ Вьетнама, путевые очерки, советские журналисты, история Вьетнама, СРВ, СССР, социалистические реформы, советско-вьетнамское сотрудничество.

Вторая половина XX в. стала временем тяжелых испытаний и грандиозных побед для Вьетнама. 1945 г. был ознаменован началом борьбы народа страны против колониальной зависимости. Первая индокитайская война (1946–1954 гг.) закончилась разделением государства на два независимых друг от друга субъекта: Южный Вьетнам со столицей в Сайгоне и Демократическая Республика Вьетнам с политическим центром в Ханое. После вывода французских войск из Индокитая на территории Южного Вьетнама развернулось партизанское движение, поддержанное руководством ДРВ [33, с. 102]. По мере развития событий конфликт во Вьетнаме приобрел характер прокси-войны между социалистическим и капиталистическим блоками. К середине 1960-х гг. сайгонский режим находился на грани военного краха. Для его спасения администрация президента США Л. Джонсона решила на прямое вмешательство в ход боевых действий. Вторая индокитайская война (1965–1973 гг.) завершилась победой коммунистических сил и выводом американских войск с территории Вьетнама, что стало одним из крупнейших геополитических поражений США за всю историю их существования [2, с. 43, 62].

Успех в борьбе против иностранных агрессоров открыл новую страницу в истории вьетнамского государства. Потеряв источник внешней поддержки, проамериканский режим в Сайгоне оказался бессилён перед масштабным наступлением коммунистических сил Севера. В мае 1975 г. Южный Вьетнам был полностью освобожден. Спустя несколько месяцев XXIV пленум Партии трудящихся принял единодушное решение «о скорейшем объединении страны на социалистической основе» [15, с. 7]. Данное решение воплотилось 2 июля 1976 г., когда была официально провозглашена Социалистическая Республика Вьетнам.

Следующее десятилетие, во многом, стало определяющим для СРВ, известной сегодня как одна из наиболее динамично развивающихся стран Юго-Восточной Азии. Именно в этот период, в первую очередь, благодаря помощи СССР и его союзников во Вьетнаме была создана экономическая платформа, на основе которой страна смогла реализовать комплексную программу реформ («Дой Мой») и пережить трагедию распада социалистического лагеря.

Ценным источником для изучения истории Вьетнама середины 1970-х – середины 1980-х гг. являются путевые очерки советских журналистов, побывавших на территории страны в указанный период. Анализ путевых очерков позволяет выявить важные сведения о личных связях, складывавшихся между представителями различных культур и религий, проанализировать события прошлого через призму индивидуального опыта авторов. Путевые очерки способны передать дух времени, идеологические тенденции эпохи, «живые» впечатления очевидцев.

Цель предлагаемой статьи – реконструировать образ Вьетнама середины 1970-х – середины 1980-х гг., отраженный в путевых очерках советских журналистов.

В первые годы после падения Сайгона страна была охвачена общенациональным энтузиазмом, вызванным долгожданным воссоединением Севера и Юга. Вместе с тем Вьетнам столкнулся с необходимостью преодоления разрушительных последствий длительной войны. Утвержденный на 1976-1980 гг. второй пятилетний план развития народного хозяйства предполагал стремительный экономический рывок. Планировался значительный рост производимой электроэнергии, промышленной продукции и продовольствия, освоение 1 млн га целинных земель, механизация сельского хозяйства [17, с. 55; 4, с. 61]. Предстояло проведение масштабных социалистических преобразований на Юге, включавших, в том числе, ликвидацию старого административного аппарата, а также «вовлечение в сферу производства местного торгово-ростовщического капитала» [20, с. 7].

Маршрут советских журналистов по северной части объединенного Вьетнама, как правило, пролегал через знаковые места, связанные со Второй индокитайской войной. Путевые заметки наполнены эмоциональными впечатлениями о городах, восстановленных после американских бомбардировок. Так, корреспондент журнала «Коммунист» А. Сербин характеризовал Винь и Донгхой, как города «наполненные жизнью», в которых были ликвидированы почти все следы войны. За несколько лет удалось реорганизовать работу объектов социальной и транспортной инфраструктуры, очистить улицы от руин, при помощи специалистов из

социалистических стран построить новые кварталы с многоэтажными домами [23, с. 104–105].

Если в период войны Ханой представлялся городом, в котором «каждые полчаса была сирена тревоги, мгновенно смывавшая с улиц пешеходов и велосипедистов», то в 1976 г. советские журналисты видели перед собой город-победитель, поглощенный заботами мирного времени. Эмоции, вызванные ощущением контраста с военными буднями, прослеживаются в описании шумного трафика столицы, по дорогам которой «грохотали грузовики со строительными материалами», «смеха, звеневшего на улицах города», отеля «Тхоннят», не располагавшего свободными номерами [28, с. 20].

Вместе с тем процесс послевоенного восстановления Севера не выглядел полностью завершенным. В путевых очерках имеются данные о сложностях, которые испытывал народ страны. Примечательно описание встречи уже названного ранее А. Сербина с инженером-электриком Лам Хау, под руководством которого был проведен монтаж агрегатов на ТЭС в местечке Намли. По словам вьетнамского специалиста возведение объекта сопровождалось острой нехваткой строительных материалов, из-за которой кирпич и черепицу для здания электростанции приходилось изготавливать кустарным способом. Стройка привлекла многих добровольцев, значительная часть которых являлась ветеранами войны. Так, директор станции Чан Тхок служил мотористом на торпедном катере, инженер-плановик Чан Вьет Зинь выполнял функции стрелка-зенитчика. Однако, рабочих рук не хватало, что приводило к необходимости «трудиться днем и ночью», а также привлекать к строительству школьников из соседних сельских общин [23, с. 105].

Образ героической страны, одержавшей победу над иностранными захватчиками, просматривается в большинстве опубликованных путевых очерков, составленных по итогу пребывания на севере Вьетнама. Описание маршрута путешествия не обходилось без упоминания обстоятельств перехода государства к мирному времени, характеристики примеров героизма вьетнамского народа, проявленного в годы отражения американской агрессии [14; 22; 29; 3]. Поскольку объединенный Вьетнам занимал важное место в структуре геополитических планов СССР, данный нарратив имел существенное идеологическое значение. В глазах советских людей Вьетнам выглядел жертвой с трагичной судьбой, братской страной победившего социализма, оплотом свободы и независимости. В контексте этого восприятия многомиллионные вложения СССР в развитие народного хозяйства союзника могли рассматриваться как полностью оправданные.

Обозначенный выше образ был дополнен после событий февраля 1979 г., когда вооруженные силы Китайской Народной Республики осуществили масштабное вторжение на территорию северных провинций СРВ. Отражение военной агрессии КНР и ее последствия для вьетнамской экономики стали одними из самых обсуждаемых тем в советских СМИ. Многие журналисты побывали в пострадавших от боевых действий регионах Севера и зафиксировали собственные впечатления в путевых очерках.

Основной акцент сосредоточен на характеристике последствий преступных действий китайских агрессоров, реализовавших тактику «выжженной земли» на вьетнамской территории [31; 8]. Описание разрушенных городов, от которых остались полупустые улицы, разбитые здания, «бесформенные груды кирпича и деревянных балок» дополнено рассказами о судьбах людей, населявших приграничные провинции. Большинство из них потеряли все имевшееся имущество и кров. В беседе с известными журналистами-международниками И. Щедровым и Ю. Жуковым учительница математики Чан Тхи Нги, работавшая в Лангшоне, отмечала, что в начале войны была организована эвакуация, в ходе которой дети и преподаватели школы были вывезены на Юг, в заранее определенные для каждого класса деревни. С собой были взяты только самые необходимые вещи, письменные принадлежности и учебная литература. Уже на следующий день после эвакуации в классах были возобновлены занятия [10, с. 24].

Вынужденные переселенцы проживали в тяжелых жилищно-бытовых условиях. Например, в поселке беженцев из городка Донгданг, разрушенного армией КНР, люди были вынуждены ютиться в домах с земляным полом, построенных из соломенно-бамбуковых панелей. Несмотря на опасность, связанную, в том числе, с тем, что китайцы минировали покидаемые ими территории, многие жители вернулись в родные города сразу после завершения боевых действий. Так, в Лангшоне были заселены немногие уцелевшие дома, в которых были заделаны выбитые окна, а взорванные стены заменены соломенными блоками [27, с. 97].

В ходе поездки по северной части СРВ советские журналисты встречались с людьми, принимавшими участие в отражение китайской агрессии. Большинство из них добровольно выразили желание участвовать в боевых действиях. В одном только Ханое насчитывалось порядка 200 тыс. добровольцев. Собирательный образ участника войны, отраженный в путевых очерках – это образ героя, верного заветам Хо Ши Мина и «выполнявшего свой долг перед Родиной до конца» [16, с. 1].

Важной деталью послевоенной картины северных провинций являлось описание эпизодов трудовой деятельности вьетнамцев, занимавшихся восстановлением пострадавших территорий. Например, в уезде Чунгкхань трудились почти 2,5 тыс. членов первичных партийных организаций, задействованных в возведении временных переправ на месте взорванных мостов, расчистке улиц от обломков, реконструкции уничтоженных промышленных предприятий, перевозке необходимых для работ строительных материалов [8, с. 4].

В целом, в путевых очерках, посвященных последствиям китайской агрессии в отношении СРВ, прослеживается все тот же образ героической страны со стойким несгибаемым народом, жертвы, подверженной акту агрессии. Изменения коснулись деталей – место «империалистических захватчиков» в лице США заняли «пекинские гегемонисты». Учитывая характер и обстоятельства конфликта 1979 г., связанные, в том числе, с целью китайского руководства «преподать урок» Вьетнаму с помощью проведения военной кампании на его территории, данный образ вполне соответствовал действительности. Как и в ситуации Второй индокитайской войны вьетнамский народ встал на защиту собственной Родины и, вопреки всем

сложностям, сумел не только одержать победу над агрессором, но и восстановить страну после завершения боевых действий.

Если образ, запечатленный по итогам путешествия по Северу, складывался из компонентов, касавшихся его героического прошлого и обстоятельств преодоления последствий военных конфликтов, картина Юга выглядела несколько иначе. В силу идеологической общности СССР и объединенного Вьетнама наибольший интерес журналистов привлекали различные аспекты социалистических преобразований.

В первую очередь следует отметить, что в подавляющем числе путевых очерков, затрагивающих пребывание на Юге, акцентируется внимание на тяжелом наследии правления «марионеточного сайгонского режима», побороть которое были призваны социалистические реформы [19; 18; 26; 21]. Из разговоров с представителями новой власти были получены факты, касавшиеся бедственного положения Южного Вьетнама после его освобождения. Так, председатель городского совета Хошимина Май Чи Тяо и его заместитель Ле Куан Чан отмечали, что в бывшем Сайгоне было порядка 1 млн безработных, ощущалась острая нехватка всех видов сырья и запасных частей, ранее поступающих из США и Японии [3, с. 3]. По словам одного из руководителей административного комитета провинции Биньчитхиен Нгуен Динь Дау южные регионы не были способны обеспечить себя продовольствием, более 50% от необходимого объема продуктов привозилось с Севера. В качестве итога «хозяйничанья империалистов и их ставленников» в Южном Вьетнаме также выделялось наличие порядка 5 млн неграмотных, 880 тыс. сирот, 650 тыс. вдов, 250 тыс. инвалидов, нуждавшихся в помощи [23, с. 105; 19, с. 27].

В подобной ситуации социалистические реформы воспринимались советскими журналистами как исключительно позитивное явление в жизни государства и общества. Примечательны эпизоды пребывания в новых экономических районах, представлявших из себя особую форму кооперативного движения в сельской местности. Как отмечает известный отечественный ученый П. Ю. Цветов, НЭР создавались на целинных и заброшенных полях, куда в «добровольно-принудительном порядке» направлялись молодые люди из густонаселенных районов страны [15, с. 20]. В беседе с представителем журнала «Международная жизнь» Ю. Тавровским чиновники партийного комитета Хошимина упоминали о двух основных задачах, решаемых с помощью создания НЭР. Первая – включить заброшенные «за годы империалистического вмешательства земли» в сельскохозяйственный оборот и насытить внутренний рынок большим количеством продовольствия. Вторая – перераспределить «избыточное население», зачастую «не имевшее ни работы, ни крова» [27, с. 98].

На базе НЭР создавались госхозы, в которых выращивали рис, каучуконосы, кофе, чай, хлопок, сахарный тростник и другие культуры. Например, образцово-показательный госхоз «Ле Минь Суань» специализировался на выращивании ананасов. В 1979 г. на площади 800 га был получен урожай в 2 тыс. тонн. В 1980 г. планировалось увеличить размер урожая как минимум в полтора раза [27, с. 99]. В разговорах с советскими журналистами члены трудовых коллективов подчеркивали свой «радостный, боевой» настрой, «огромный энтузиазм» в работе. В контексте

общего позитивного впечатления в путевых очерках упоминались аскетичные условия проживания в «построенных из тростниковых матов хижинах», невысокая заработная плата, трудности с поступлением необходимых материальных ресурсов. В структуре целостной картины указанные факты выглядели как незначительные сложности, которые вызваны внешними обстоятельствами и в скором времени будут успешно преодолены.

В госхозах работали, в том числе бывшие солдаты южновьетнамской армии. Некоторые из них давали советским журналистам интервью, в которых говорили о «братском, товарищеском» отношении со стороны членов коллектива. В позитивном ключе описывались меры по «исправлению» и «перевоспитанию», реализованные новыми властями после падения Сайгона. Так, в интервью корреспондента «Литературной газеты» М. Озерова упоминаются центры по перевоспитанию, в которых можно было «осознать ошибки прошлого» путем просмотра патриотических фильмов, а также прослушивания лекций, посвященных марксистско-ленинской философии и событиям Второй индокитайской войны [18, с. 14]. Ряд современных исследователей сравнивают эти центры с трудовыми лагерями, в которых люди сталкивались с «тяжелой дискриминацией, антисанитарией, голодом и болезнями» [12, с. 115; 7, с. 26–27].

Социалистические реформы затронули и отдаленные горные районы Юга. Племена, населявшие эту местность, продолжали жить в условиях родоплеменного или феодального строя, сохранялась кровная месть, нередки были междоусобицы. Интерес представляет образ горной деревни Н'Тхол-ха, воссозданный писателем-прозаиком В. Скворцовым. За несколько лет «правления народной власти» в деревне был создан кооператив и несколько десятков бригад взаимопомощи, приобретены необходимые медикаменты, в том числе противочумная сыворотка, «люди, кутавшиеся в обрывки» были одеты в трофейное обмундирование разгромленной южновьетнамской армии. За счет строительства искусственного озера «Даме» удалось получить постоянный источник воды для сельскохозяйственных нужд. Вместе с тем советский журналист отмечал, что «бывшая племенная и феодальная верхушка не желала смириться с коммунистическими инновациями». По словам жителей деревни за 1979 г. произошло 31 вооруженное столкновение с «представителями бывшей феодальной знати, ростовщиками, скупщиками и полицейскими сайгонского режима», скрывавшимися в высокогорье [25, с. 7–10].

Успешные результаты правления новой власти ассоциировались с помощью, получаемой Вьетнамом из СССР. В качестве показательного примера можно привести описание впечатлений Ю. Жукова и И. Щедрова от экскурсии по судоремонтному заводу «Башон», расположенному в Хошимине. В путевом очерке акцентировано внимание на решающем значении поддержки СССР, оказываемой в рамках обеспечения функционирования объекта. Отмечено, что советские инженеры и рабочие трудились в цехах предприятия «с утра и до ночи», обучая вьетнамских коллег обращению с поступившим из СССР оборудованием и техникой, консультируя их по техническим вопросам [11, с. 18].

Отдельного упоминания заслуживают некоторые факты, приводимые в путевых очерках в качестве подтверждения высокой эффективности социалистических преобразований. Так, порт в Хайфоне преподносился как современный, эффективный объект транспортной инфраструктуры, на котором было «механизировано 70% работ», а рабочие могли «легко обрабатывать» все прибывавшие суда [11, с. 18]. Однако, по имеющейся в нашем распоряжении информации, длительный простой судов, прибывавших в Хайфон, был обыденным явлением. В порту работало менее половины из 12 причалов, а нормы хранения в 60–70 тыс. тонн превышались в 2 раза [5, л. 45].

Образ Вьетнама, составленный по итогам пребывания на Юге, складывался из деталей, подчеркивавших решительные успехи, достигнутые благодаря проведению социалистических реформ. С точки зрения количественных показателей данный образ, в целом, соответствовал действительности. К началу 1980-х гг. было создано 40 госхозов, 300 кооперативов и более 2,5 тыс. производственных бригад. На целинной земле в районе плато Тэйнгуен и на юго-востоке страны в дельте Меконга выросло 240 тыс. новых поселков. В сельские районы из городов переместились более 4 млн человек [9, с. 145]. Однако, идеализированный образ, отраженный в путевых очерках, существенно отличался от реальности. СРВ не удалось даже приблизиться к плановым показателям развития народного хозяйства, зафиксированным во второй пятилетке. Страна испытывала дефицит продовольствия, значительная часть промышленных предприятий работала в половину своей мощности, наблюдался рост инфляции. В условиях системного экономического кризиса руководство Вьетнама было вынуждено пойти на экспериментальные реформы рыночной направленности, старт которым был дан в сентябре 1979 г.

В первой половине 1980-х гг. выраженные отличия в образе Вьетнама, ранее зависевшие от региона пребывания советских журналистов, в значительной степени стираются. В условиях увеличения временного промежутка, прошедшего с событий Второй индокитайской и китайско-вьетнамской войн образ, ранее характерный для очерков, составленных по итогу пребывания на Юге, в своей основе, стал применим в масштабах всей страны. Основные компоненты образа СРВ так или иначе были связаны с достигнутыми ею экономическими успехами.

В качестве примера можно выделить очерки корреспондента журнала «Новое время» И. Трофимовой, чей маршрут пролегал по провинции Биньчитхиен. Перед читателем предстает картина «вставшего на ноги» региона, в котором «решена продовольственная проблема», достигнуты значительные успехи в работе добывающей промышленности, освоены морские ресурсы побережья. Проблемы, касавшиеся недостатка квалифицированных специалистов, воспринимались в качестве незначительного затруднения, решение которого уже найдено, в том числе, в рамках активизации советско-вьетнамского сотрудничества в области подготовки кадров [30, с. 30].

Социалистические преобразования по-прежнему представлялись как исключительное благо для страны и ее народа. Так, согласно информации советских

журналистов, госхозы были созданы на принципах «полной добровольности», в них царил атмосфера дружбы и товарищества [32, с. 26–28]. По словам главного редактора одной из городских газет Хошимина Нгуен Нам Лока к 1985 г. сложилась «отрадная тенденция», когда «социалистический сектор экономики развивался более динамичными темпами, чем другие». Вьетнамский руководитель акцентировал внимание на том, что СРВ не собирается отказываться от пути строительства социализма, на котором будет «обуздана инфляция, стабилизирован уровень жизни» и решены «многие социальные проблемы» [13, с. 3]. Примечательно, что спустя год после публикации путевых очерков, в которых были зафиксированы слова Нгуен Нам Лока, во Вьетнаме была начата реализация политики обновления («Дой Мой»), предполагавшая «допущение свободного развития всех социально-экономических укладов, в том числе частного, поощрение личной инициативы, ослабление механизма централизованного управления хозяйством» [34, с. 74].

Интерес представляет описание маршрута путешествия журналиста и дипломата С. Щербакова из Ханоя на строительную площадку крупнейшей в Юго-Восточной Азии ГЭС «Хоабинь». В очерке дана характеристика колоссальных масштабов строительства объекта, представлено описание трудового коллектива, отличавшегося «мастерством, взаимовыручкой, предельной собранностью и сознанием долга», акцентировано внимание на решающей роли СССР, при помощи которого возводилась электростанция [35, с. 81–83]. Представленный в путевом очерке образ, в целом, соответствовал действительности. Однако, следует отметить, что автор не упоминал возникавшие в процессе строительства трудности, которые были неизбежны, учитывая высокую сложность и колоссальные масштабы проекта. Например, известно, что в ходе реализации работ погибли 168 рабочих, среди которых было 11 советских граждан.

Немало журналистов побывало и на других крупных объектах вьетнамского народного хозяйства, в строительстве которых принимал участие СССР. Обозначенный выше образ, в своей основе, практически не претерпевал изменений. Вьетнамские специалисты, с которыми удалось провести беседы, были едины в своих оценках значения советской помощи. «Братская интернациональная поддержка» в строительстве опорных предприятий экономики СРВ рассматривалась как гарантия реализации намеченных планов развития народного хозяйства. «Сплоченность, всестороннее сотрудничество, братская дружба» с СССР обозначались в качестве «краеугольного камня» внешней политики СРВ. В разговорах неизменно звучали слова благодарности в адрес КПСС и советского народа, «бескорыстно подставивших плечо» в трудную минуту [1, с. 144].

Не вызывает сомнения, что советская экономическая помощь сыграла определяющее значение в развитии народного хозяйства СРВ. Вместе с тем изучение путевых очерков не дает представления о проблемах, которыми сопровождалось советско-вьетнамское сотрудничество, в том числе, в области строительства промышленных объектов. Вьетнамская сторона испытывала серьезные сложности с доставкой поставленных из СССР материалов и оборудования на строительные площадки, передавала данные для разработки проектной документации с

существенным опозданием. Эффективность управления на всех уровнях народного хозяйства СРВ оставалась низкой, присутствовал коррупционный элемент. Следствием возникавших затруднений было не только увеличение сроков возведения большинства объектов, но и значительный рост финансовых издержек советской стороны. Например, к моменту ввода в эксплуатацию уже упомянутой ГЭС «Хоабинь» общая сумма расходов на ее строительство в 2,7 раза превысила изначальные контрактные обязательства СССР [6, л. 35].

Таким образом, в первой половине 1980-х гг. образ СРВ, отраженный в путевых очерках советских журналистов – это образ «огромной строительной площадки, где кипела неустанная созидательная работа и закладывался фундамент социализма» [1, с. 143]. Экономические успехи Вьетнама напрямую связывались с помощью СССР, а имевшиеся проблемы рассматривались как незначительное временное явление, либо же не упоминались вовсе.

Недостатки путевых очерков как исторического источника в первую очередь связаны с тем, что советские журналисты воспринимали Вьетнам в качестве братской социалистической страны и не ставили перед собой задачи вынесения имевшихся в стране проблем на широкую публику. Уместно говорить о сочувственном отношении к пострадавшему от войн с США и Китаем народу. В большинстве случаев сроки пребывания, равно как и возможности построения маршрута путешествия по Вьетнаму были ограничены. Кроме того, советские журналисты встречали позитивное отношение со стороны вьетнамцев, что также сказывалось на итоговых впечатлениях от путешествия.

Проведенный анализ показал, что образ Вьетнама в первые годы после падения Сайгона отличался в зависимости от региона пребывания советских журналистов. Образ, составленный по итогам путешествия по Северу, складывался из впечатлений о героической стране, одержавшей победу в войне с иностранными захватчиками и успешно налаживавшей мирную жизнь. В образе, зафиксированном по итогу посещения Южного Вьетнама, доминировали компоненты, касавшиеся экономических успехов, достигнутых в процессе реализации социалистических преобразований. В первой половине 1980-х гг. образ, ранее характерный для очерков, составленных по итогу пребывания на Юге, в целом, стал применим в масштабах всей страны. Основные компоненты образа СРВ были связаны с ее экономическими успехами, достигнутыми с помощью СССР.

Дальнейшее изучение путевых очерков как источника по истории СРВ и других социалистических стран Азии представляется весьма перспективным. Исследователями могут быть выявлены ранее неизвестные факты, на основе которых будет составлено более полное представление о жизни государства и общества в конкретной исторической ситуации.

Список использованных источников и литературы

1. Борисов А. Под мирным небом Вьетнама // *Международная жизнь*. – 1985. – № 1. – С. 141–144.
Borisov A. Pod mirnym nebom V'etnama // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. – 1985. – № 1. – S. 141–144.

2. Васильев А. М. Война и переговоры. Как Вьетнам победил американского колосса // Вестник МГИМО. – 2020. – № 3(72). – С. 41–67.
Vasil'ev A. M. Vojna i peregovory. Kak V'etnam pobedil amerikanskogo kolossa // Vestnik MGIMO. – 2020. – № 3(72). – S. 41–67.
3. Волков Н. На земле героического Вьетнама: путевые заметки // Красная Звезда. – 1980. – 7 марта.
Volkov N. Na zemle geroicheskogo V'etnama: putevye zametki // Krasnaja Zvezda. – 1980. – 7 marta.
4. Воронин А. С. Вьетнам: независимость, единство, социализм. – М.: Воениздат, 1977. – 86 с.
Voronin A. S. V'etnam: nezavisimost', edinstvo, socializm. – M.: Voenizdat, 1977. – 86 s.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-5446, оп. 136, д. 1519.
Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. R-5446, op. 136, d. 1519.
6. ГАРФ, ф. Р-4459, оп. 44, Д. 5105.
GARF, f. R-4459, op. 44, d. 5105.
7. Глазкова Е. А. Этапы вьетнамской миграции в США во второй половине XX века // Известия Восточного института. – 2024. – № 3(63). – С. 23–33.
Glazkova E. A. Jetapy v'etnamskoj migracii v SShA vo vtoroj polovine XX veka // Izvestija Vostochnogo instituta. – 2024. – № 3(63). – S. 23–33.
8. Домогацких М. По горным дорогам Каобанга // Правда. – 1982. – 2 июля.
Domogackih M. Po gornym dorogam Kaobanga // Pravda. – 1982. – 2 ijulja.
9. Жуков Ю., Щедров И. В краю Светлой, Красной и Черной рек // Нева. – 1982. – № 7. – С. 140–155.
Zhukov Ju., Shhedrov I. V kraju Svetloj, Krasnoj i Chernoj rek // Neva. – 1982. – № 7. – S. 140–155.
10. Жуков Ю., Щедров И. Вьетнам, 1980 // Огонек. – 1980. – № 24. – С. 24–25.
Zhukov Ju., Shhedrov I. V'etnam, 1980 // Ogonek. – 1980. – № 24. – S. 24–25.
11. Жуков Ю., Щедров И. Город Хошимин, 1980: странички из путевых дневников // Огонек. – 1980. – № 31. – С. 17–19.
Zhukov Ju., Shhedrov I. Gorod Hoshimin, 1980: stranichki iz putevyh dnevnikov // Ogonek. – 1980. – № 31. – S. 17–19.
12. Журбей Е. В. История формирования вьетнамской диаспоры США в 60-80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2022. – № 2(61). – С. 107–120.
Zhurbej E. V. Istorija formirovanija v'etnamskoj diaspory SShA v 60-80-e gg. XX v.: problemy adaptacii i integracii v'etnamskih bezhencev // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija. – 2022. – № 2(61). – S. 107–120.
13. Калашников А. Город на реке Сайгон // Труд. – 1985. – 1 декабря.
Kalashnikov A. Gorod na reke Sajgon // Trud. – 1985. – 1 dekabnja.
14. Кузьмин В. На земле героического Вьетнама // Правда Востока. – 1976. – 10 января.
Kuz'min V. Na zemle geroicheskogo V'etnama // Pravda Vostoka. – 1976. – 10 janvarja.
15. Мазырин В. М., Цветов П. Ю., Мещеряков В. И., Познер П. В., Соколов А. А., Филимонова Т. Н. Полная академическая история Вьетнама. Т.5. Ч.2: Новейшее время (1975-2011). – М.: Президиум Российской акад. наук, 2014. – 543 с.
Mazyrin V. M., Cvetov P. Ju., Meshherjakov V. I., Pozner P. V., Sokolov A. A., Filimonova T. N. Polnaja akademicheskaja istorija V'etnama. T.5. Ch.2: Novejshee vremja (1975-2011). – M.: Prezidium Rossijskoj akad. nauk, 2014. – 543 s.
16. Мамлеев Д. Нет ничего дороже // Советская культура. – 1980. – 9 января.
Mamleev D. Net nichego dorozhe // Sovetskaja kul'tura. – 1980. – 9 janvarja.
17. Огнетов И. Единый социалистический Вьетнам // Агитатор. – 1977. – № 3. – С. 53–55.
Ognetov I. Edinyj socialisticheskij V'etnam // Agitator. – 1977. – № 3. – S. 53–55.
18. Озеров М. К югу от 17-й параллели...: из вьетнамского дневника // Литературная газета. – 1978. – 13 декабря.
Ozerov M. K jugu ot 17-j paralleli...: iz v'etnamskogo dnevnika // Literaturnaja gazeta. – 1978. – 13 dekabnja.
19. Пин А. Земля добрых надежд // Новое время. – 1977. – № 36. – С. 27–30.

- Pin A. Zemlja dobryh nadezhd // *Novoe vremja*. – 1977. – № 36. – S. 27–30.
20. Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии (Под ред. Симония Н. А.). – М.: Наука, 1970. – 211 с.
- Problemy jekonomicheskoi samostojatel'nosti stran Jugo-Vostochnoj Azii (Pod red. Simonija N.A.). – М.: Nauka, 1970. – 211 s.
21. Рытхэу Ю. Город Друзей // *Ленинградская правда*. – 1978. – 5 февраля.
- Rythjeu Ju. Gorod Druzej // *Leningradskaia pravda*. – 1978. – 5 fevralja.
22. Селин А. Сейчас здесь мир // *Лесная промышленность*. – 1975. – 30 октября.
- Selin A. Sejchas zdes' mir // *Lesnaja promyshlennost'*. – 1975. – 30 oktjabrja.
23. Сербин А. Курс – в социалистическое будущее. Из вьетнамских блокнотов // *Коммунист*. – 1977. – № 2. – С. 100–107.
- Serbin A. Kurs – v socialisticheskoe budushhee. Iz v'etnamskih bloknotov // *Kommunist*. – 1977. – № 2. – S. 100–107.
24. Скворцов В. Вечера на канале Донг Ба // *Вокруг света*. – 1980. – № 1. – С. 6–9.
- Skvorcov V. Vechera na kanale Dong Ba // *Vokrug sveta*. – 1980. – № 1. – S. 6–9.
25. Скворцов В. Люди гор // *Вокруг света*. – 1980. – № 8. – С. 6–10.
- Skvorcov V. Ljudi gor // *Vokrug sveta*. – 1980. – № 8. – S. 6–10.
26. Солнцев Н. От Сайгона до Хошимина // *Азия и Африка сегодня*. – 1978. – № 1. – С. 36–39.
- Solncev N. Ot Sajgona do Hoshimina // *Azija i Afrika segodnja*. – 1978. – № 1. – S. 36–39.
27. Тавровский Ю. Широкие горизонты Вьетнама // *Международная жизнь*. – 1980. – № 9. – С. 97–102.
- Tavrovskij Ju. Shirokie gorizonty V'etnama // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. – 1980. – № 9. – S. 97–102.
28. Тер-Григорян А. Хозяева страны // *Новое время*. – 1976. – № 50. – С. 20–21.
- Ter-Grigorjan A. Hozjaeva strany // *Novoe vremja*. – 1976. – № 50. – S. 20–21.
29. Торлопов С. На земле героического Вьетнама // *Искусство*. – 1976. – № 6. – С. 53–56.
- Torloporov S. Na zemle geroicheskogo V'etnama // *Iskusstvo*. – 1976. – № 6. – S. 53–56.
30. Трофимова И. На берегах Ароматной // *Новое время*. – 1984. – № 10. – С. 27–30.
- Trofimova I. Na beregah Aromatnoj // *Novoe vremja*. – 1984. – № 10. – S. 27–30.
31. Усватов А. От южной границы до Лангшона // *Новое время*. – 1979. – № 18. – С. 22–24.
- Usvatov A. Ot juzhnoj granicy do Langshona // *Novoe vremja*. – 1979. – № 18. – S. 22–24.
32. Фонаев И. Город Хошимин на реке Сайгон // *Новое время*. – 1984. – № 18. – С. 26–28.
- Fonjakov I. Gorod Hoshimin na reke Sajgon // *Novoe vremja*. – 1984. – № 18. – S. 26–28.
33. Фролов А. В. Война во Вьетнаме: взгляд через полвека // *Обозреватель - Observer*. – 2015. – № 7(306). – С. 100–110.
- Frolov A. V. Vojna vo V'etname: vzgljad cherez polveka // *Obozrevatel' - Observer*. – 2015. – № 7(306). – S. 100–110.
34. Цветов П. Ю. Историографическая поддержка политики реформ «дой мой» во Вьетнаме // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*. – 2021. – № 1(41). – С. 74–81.
- Cvetov P. Ju. Istoriograficheskaja podderzhka politiki reform «doj moj» vo V'etname // *Vestnik MGPU. Serija: Istoricheskie nauki*. – 2021. – № 1(41). – S. 74–81.
35. Щербakov С. Дорога на Хоабинь // *Молодой коммунист*. – 1984. – № 4. – С. 78–83.
- Shherbakov S. Doroga na Hoabin' // *Molodoj kommunist*. – 1984. – № 4. – S. 78–83.

Kudryavtsev V. Yu. The Image of Vietnam in the Mid-1970s – Mid-1980s, in the Travel Sketches of Soviet Journalists

The article reconstructs the image of Vietnam in the mid-1970s and mid-1980s, reflected in travel essays by Soviet journalists. It is noted that in the first years after the fall of Saigon, the image of Vietnam differed depending on the region of the author's residence. The image captured by the results of a trip to the North was formed from impressions of a heroic country that had won the war against foreign invaders and successfully established a peaceful life. The image compiled as a result of a visit to South Vietnam was dominated by components related to the economic successes achieved in the process of implementing socialist reforms. It is

indicated that in the first half of the 1980s, the image previously characteristic of the essays compiled as a result of their stay in the South, as a whole, became applicable nationwide. The author provides a critical analysis of individual facts and judgments presented in travel essays. It is concluded that the disadvantages of travel essays as a historical source are primarily due to the fact that Soviet journalists perceived Vietnam as a fraternal socialist country and did not set themselves the task of bringing the problems in the country to the general public.

Keywords: the image of Vietnam, travel essays, Soviet journalists, the history of Vietnam, Vietnam, the USSR, socialist reforms, Soviet-Vietnamese cooperation.

УДК 908(292.471):МАКУРИН

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-91-115

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАСИЛИЙ МАКУРИН: К ИСТОРИИ СЕМЬИ И ЗНАМЕНИТОГО ДОМА

Ломакин Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: LomakinDA@mail.ru*

Айбабина Е. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: AibabinaE@mail.ru*

На основе обширного комплекса архивных материалов из фондов Государственного архива Республики Крым, которые впервые вводятся в научный оборот, воссоздана история памятника архитектуры и градостроительства, одного из наиболее выразительных в архитектурном плане частных особняков дореволюционного Симферополя – жилого дома преподавателя математики, бухгалтера городской управы и гласного городской думы Василия Михайловича Макурина. Восстановлена судьба первых владельцев дома – самого В. М. Макурина и его семьи: супруги Ольги Павловны, дочерей Евгении, Веры, Валерии, Ольги и сына Георгия. Привлечены документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Подчеркнута неразрывная связь памятника и семьи В. М. Макурина с историей первого вуза на территории Крымского полуострова – Таврического университета (и его преемников). Особняк после революционных событий и национализации продолжительное время находился в распоряжении вуза, в нем располагались лаборатории и учебные аудитории, позже – квартиры сотрудников. Две дочери В. М. Макурина, Валерия и Ольга, были замужем за преподавателями вуза. Первая из них вместе с Крымским государственным медицинским институтом им. И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны находилась в эвакуации в г. Кызыл-Орда (Казахстан). Отмечена необходимость проведения реставрационных работ.

Ключевые слова. Симферополь, В. М. Макурин, особняк, архитектурный анализ, история изучения.

Особняк В. М. Макурина, некогда одно из красивейших зданий Симферополя, с беседки которого открывался прекрасный вид на город, в настоящее время находится в забвении и нуждается в серьезной реставрации. Истории создания и функционирования постройки, которая по воле судьбы большую часть своей истории служила крупнейшему крымскому вузу, до настоящего момента не уделялось должного внимания в научных исследованиях, причем как в работах, посвященных Крымскому федеральному университету имени В. И. Вернадского, так и в крымоведческих штудиях [20; 21]. О судьбе самого В. М. Макурина, который двенадцать лет являлся бухгалтером городской управы Симферополя и в течение

этого же срока избирался гласным городской думы, и его семьи в результате библиографической эвристики выявлена лишь разрозненная фрагментарная информация.

В 1900 г. на пересечении улиц Бульварной (ныне – ул. Ленина) и Лазаретной (ныне – ул. Студенческая), в углу Госпитальной площади, у обрыва Петровских скал, напротив крупнейшей в городе паровой мельницы «Виктория» одесского купца Н. К. Граната (рис. 1), приобрел земельный участок член Симферопольской городской управы, ее бухгалтер В. М. Макурин. Уже к 1904 г. на участке было завершено строительство жилого дома (рис. 2, 3), в 1909 г. – прорублен и обустроен спуск вниз, к реке – на современную улицу Воровского, получивший название «Макуринской лестницы» (рис. 4). В одной из симферопольских газет начала века отмечалось: «Особое значение она имеет для населения Госпитальной площади, работающего на фабриках Эйнем и других соседних». При устройстве лестницы на площадке перед домом был разбит небольшой уютный сквер, установлены скамейки с видом на город.

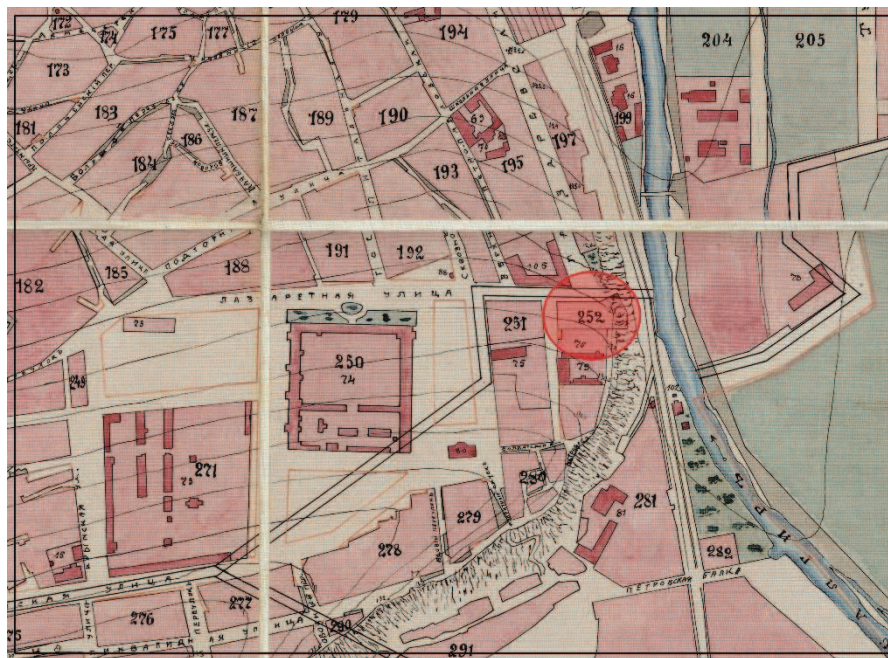

Рис. 1. Фрагмент плана Симферополя 1916 г. Отмечено расположение дома В. М. Макарина

Здание возведено в начале XX века (1904 г.), в его архитектуре прослеживается эклектическая стилизация с элементами неоклассицизма (рис. 5). Построено как городская усадьба с основным жилым домом и дополнительными постройками на

участке в самой высокой точке Симферополя. Ориентировано главным фасадом на северо-запад, в сторону города, откуда было заметно с разных точек городской застройки. Внизу проходила улица Воронцовская (ныне – ул. Воровского), по которой продолжался путь из города в южном направлении.

Рис 2, 3. Вид на дом В. М. Макурина с ул. Воронцовской. Фотоснимок 1904–1909 гг. Дореволюционная открытка

Отсутствие симметрии выражено в фасаде, который делится на чередующиеся участки: входной портал, горизонтальный участок с тремя окнами, выступающий эркер с одним окном, открытая беседка (с запада на восток). Все части объединены по верху широким рельефным карнизом. Здание перекрыто четырехскатной кровлей, беседка – отдельной высокой заостренной двускатной крышей с коньком в виде ажурной решетки. Окна прямоугольной формы. Постройка имеет высокий фундамент, прямоугольные цокольные ниши подчеркивали вертикальные оси здания. В усадьбу вели ворота с высокими столбами и калитка, примыкающая к северо-западному углу здания.

Рис. 4. «Макуринская лестница». Фотоснимок, 1950-е гг.

В отдельных частях сооружения проявляется желание архитектора применить выразительные элементы и придать классицистическую стилистику формам и деталям. Арочный портал входа оформлен в виде высокого портика с треугольным фронтоном, поднятого на пять ступеней и увенчанного на крыше округлым

выступом. Слабо выступающий прямоугольный эркер выделен рустованной кладкой по углам и карнизом с тремя скульптурными фигурами. Угловая беседка, открытая на две стороны, поддерживается столбом и четырьмя колоннами. Беседка в композиции фасада создавала объем, симметричный portalу, а в тектонике самого здания служила компартиментом, придающим общему образу постройки открытость и воздушность, являясь уникальным для типовой городской застройки, особенно учитывая расположение дома на вершине возвышенности, с которой открывались виды на долину реки и горы на горизонте.

Рис. 5. Дом В. М. Макурина. Фотоснимок начала XX в.

Классицистическая стилистика проявляется и в деталях фасада здания: колоннах с волютными капителями, декоре карниза с линией кронштейнов и обрамлении окон с растительными и волютными элементами, украшении гирляндами, львиной маской и даже тремя античными женскими фигурами (грации?) (рис. 6). В применении выступающих над карнизом деталей, выделяющих части здания, видятся барочные мотивы.

Сочетание архитектуры городского жилого здания, типологически соответствующего времени своего строительства, и имитация стилевых форм прошлых эпох часто использовались в архитектуре начала XX в., что позволяло выделять отдельные дома из общего массива, вносило разнообразие и художественную образность. Некоторое несовершенство в пропорциях, «перегруженность» в деталях, присутствующие в композиции главного фасада здания, компенсируются четким построением отдельных частей – портала и беседки, что делает это сооружение весьма выразительным. В проекте отразился в какой-то степени вкус и запрос заказчика, происходившего из Феодосии, в которой линия

берега застраивалась в конце XIX – начале XX в. виллами, правда более масштабными и изысканными, возможно, послужившие ему образцом. Во всяком случае, выбор места для участка, устройство видового помещения, применение выделяющего здание декора, даже строительство лестницы на склоне возвышенности, говорят о стремлении создать объекты нестандартного уровня.

Рис. 6. Архитектурные детали оформления фасада дома В. М. Макурина: 1. Слуховое окно крыши беседки; 2. Портал главного входа; 3. Карниз и фронтоны портала главного входа; 4. Карниз западной пристройки; 5. Детали карниза эркера; 6. Детали оконного декора. Фотоснимки Д. А. Ломакина, 2025 г.

Дом Макурина со временем был подвержен изменениям. К западной стене постройки, со стороны портала, пристроена часть здания, вероятно, еще владельцем

усадьбы, что определяется по повторяющемуся на новой части фасада декору, тщательно скопированному (рис. 7). Во время строительства было перенесено расположение входа во двор.

Рис. 7. Дом В. М. Макурина. Фотоснимок, 1970-е гг.

*Рис. 8. Дом В. М. Макурина.
Фотоснимок, 1980-е гг.*

В западном углу усадьбы появился еще один одноэтажный, на высоком цоколе дом (рис. 8). Время его постройки не установлено, однако высота здания, ряд повторяющихся схожих деталей (карнизы, украшение крыши) позволяют предположить, что его строительством создавался единый комплекс построек этой усадьбы.

Ряд перестроек существенно и негативным образом исказили архитектурный облик фасада здания. К 70-м гг. XX в. была закрыта стеной и металлической оградой нижняя часть главного входа, что придало ему вид балкона. Также к этому времени открытая беседка превращена в закрытое жилое помещение, в кладке стен которого были сохранены столб и колонны. Произошли утраты декоративного оформления фасада: скульптур, элементов растительного орнамента. К настоящему времени с восточной

стороны сделана пристройка, искажающая первоначальную планировку здания (рис. 9).

Рис. 9. Дом В. М. Макурина. Современное состояние. Фотоснимок Д. А. Ломакина, 2025 г.

25 октября 2010 г. Приказом Министерства культуры и туризма Украины (№ 957/0/16-10) здание в качестве памятника архитектуры и градостроительства внесено в реестр памятников местного значения (№ 139-AP). Статус памятника был подтверждён постановлением Совета министров Республики Крым (№ 627) от 20 декабря 2016 г. (регистрационный номер – 911720989460005). Согласно подготовленной и утвержденной в 2016 г. Департаментом архитектуры и строительства Республики Крым программы «Воссоздание столичного облика и благоустройство города Симферополь» дом В. М. Макурина был включен в перечень объектов для ремонта и реставрации. Реализация программы завершена в 2020 г., однако рассматриваемое здание она так и не затронула.

Василий Михайлович Макурин (1860–1938) родился 17 декабря в Феодосии в семье фельдшера. Отец умер, когда ему было 8 лет [11, л. 17]. В 1877 г. окончил Симферопольскую мужскую гимназию, получив специальность «Учитель математики». После обучался в Москве на счетоводческих курсах Ф. В. Езерского, с 1881 г. по 1887 г. работал бухгалтером нефтяных промыслов в Баку. В 1887 г. переехал в Симферополь (выявлено, что в 1893 г. проживал в доме Ладакина на Дворянской улице [5, л. 1] – ныне ул. Горького), получив приглашение занять должность бухгалтера городской управы, каковым являлся до 1905 г.

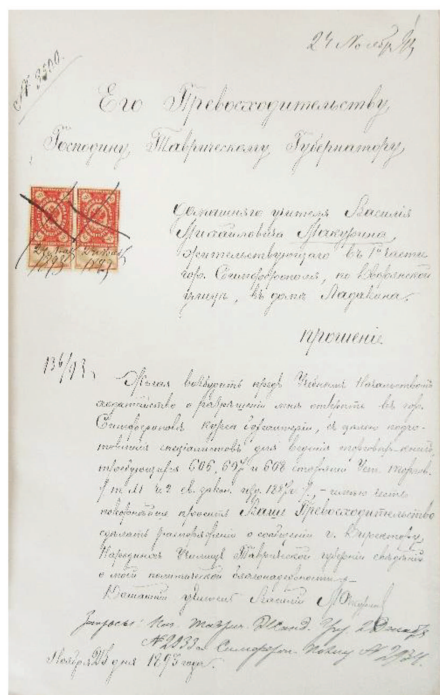

Рис. 10. Ходатайство
В. М. Макурина на имя
Таврического губернатора с
просьбой об открытии частных
бухгалтерских курсов. 23 ноября
1893 г. (ГАРК. Ф. 26. Оп. 2.
Д. 3383. Л. 1)

Прежде чем назначить В. М. Макурина на должность, запрос об этом 9 августа отправлен симферопольским городским головой Н. И. Ивановым Таврическому губернатору А. Н. Всеволожскому: «<....> Городская управа имеет честь покорнейше просить уведомления Вашего Превосходительства о том, не встречается ли препятствий на зачисление в число канцелярских служителей городской управы феодосийского мещанина Василия Михайловича Макурина. При сем представляется выданный ему на жительство феодосийским мещанским старостой билет за № 848-м» [4, л. 2]. После получения рапорта феодосийского уездного исправника от 19 сентября о том, что «феодосийский мещанин В. М. Макурин <...> под судом и следствием не был и ныне не состоит и ни в чем предосудительном не замечен» [4, л. 6], возражений А. Н. Всеволожского не последовало.

В 1894 г. В. М. Макурин организовал частные шестимесячные бухгалтерские курсы, которые с 1905 г. размещались в его личном доме на ул. Лазаревской, 28. В фондах ГАРК выявлено его прошение на имя Таврического губернатора П. М. Лазарева от 23 ноября 1893 г. (рис. 10): «Желая возбудить

перед учебным начальством ходатайство о разрешении мне открыть в г. Симферополе курсы бухгалтерии с целью приготовления специалистов для ведения торговых книг <....>. имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о сообщении г. Директору народных училищ Таврической губернии сведений о моей политической благонадежности. Домашний учитель Василий Макурин» [5, л. 1]. Просьба В. М. Макурина была удовлетворена [5, л. 5] (рис. 11). На курсах он лично преподавал коммерческую арифметику, бухгалтерию, коммерческую корреспонденцию. Среди преподавателей курсов также значились статский советник А. А. Ястребков (каллиграфия) и М. И. Целляриус (общая арифметика). В. М. Макуриным разработан устав курсов [26], а также ряд специальных пособий для обучения [2; 19; 25]. В ялтинской газете «Крымский курьер» за 7 февраля 1902 г. отмечалось:

Рис. 11. Объявление о курсах бухгалтерии В. М. Макурина на страницах симферопольской газеты «Крым». 2 февраля 1902 г.

«С 1894 года у нас в Симферополе существуют курсы бухгалтерии, учрежденные бухгалтером Симферопольской городской управы, учителем математики – В. М. Макуриным. Насколько велика потребность в специально-коммерческом образовании в Таврической губернии, доказывает блестящий успех этих курсов. За 7 лет существования курсов были записаны 260 человек, из них 236 (из них 24 женщины) успешно окончили и почти все работают на должностях бухгалтеров, счетоводов и конторщиков в различных торгово-промышленных, фабричных и заводских предприятиях, а также по казенной винной монополии. Курсы эти уже давно заслужили прочную известность и наполняются курсистами не только Таврической губернии, но и многих других <...>. Курсы, давая соответственные знания и аттестацию этих знаний, способствуют улучшению материального положения слушателей. Преподавание находится исключительно в руках учредителя, дельного педагога и человека, любящего свое дело. На курсах преподаются: бухгалтерия по всем системам, коммерческая арифметика, коммерческая корреспонденция, каллиграфия. Курсы шестимесячные. Занятия с XVI группой уже начались, в которой числится 16 человек» [3].

В. М. Макурин на протяжении 12 лет избирался гласным городской думы. Являлся членом попечительского совета частной женской гимназии Е. И. Оливер, попечителем коммерческого училища Симферопольского

купеческого общества, входил в совет Первого общества взаимного кредита. Как член городской думы и управы входил в ряд комиссий (по устройству электрического освещения и трамвая, по организации отдыха служащих торговли и ремесла). С августа 1894 г. по 1899 г. находился под негласным надзором полиции, о чем свидетельствует секретный рапорт симферопольского полицмейстера Таврическому губернатору от 17 августа, № 313: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что вследствие сообщения Начальника Таврического губернского жандармского управления от 13 августа за № 2970, мною учрежден негласный надзор полиции за феоdosийским мещанином, бухгалтером симферопольской городской управы В. М. Макуриным» [6, л. 1]. За все время надзора правонарушений выявлено не было [6, л. 2–8].

11 января 1907 г. В. М. Макурин заявил о желании издавать в Симферополе «Торгово-промышленный и сельскохозяйственный листок объявлений для всей России "Двигатель"» (рис. 12). Издание должно было состоять из двух разделов: «1. Объявления казенных и общественных учреждений, торгово-промышленных фирм; 2. Адреса лиц и учреждений» [7, л. 1]. «Листок» должен был выходить от 10 до 24 раз в год и распространяться бесплатно. Обязанности редактора брал на себя сам В. М. Макурин [7, л. 1]. Уже 18 января 1907 г. им было получено свидетельство (№ 339) на право выпуска издания [7, л. 2]. После открытия коммерческого училища

Памятная доска об этом событии, ранее располагавшаяся на фасаде здания, в настоящее время отсутствует.

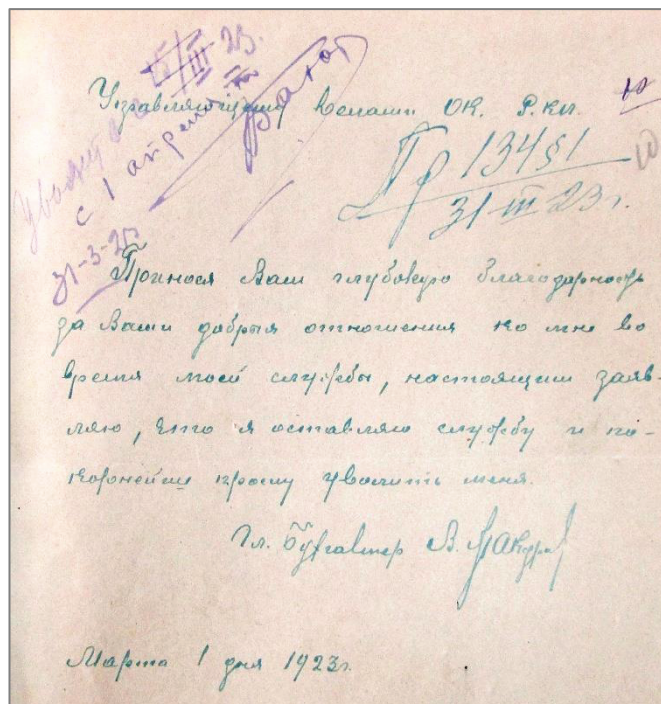

Рис. 13. Заявление В. М. Макурина с просьбой об увольнении с должности главного бухгалтера финансового отдела Крымской областной контрольной комиссии Областного комитета ВКП(б) (ГАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2559. Л. 10)

В 1920-х гг. здание передано Крымскому государственному педагогическому институту им. М. В. Фрунзе. Девять комнат в нем занимала химическая лаборатория, возглавляемая профессором Д. Б. Турбабой – размещались лаборатории неорганической, органической, аналитической и технической химии. В здании также находились аудитория, библиотека и склады реактивов [17, с. 80–82].

В годы фашистской оккупации Симферополя здание использовалось гестапо. После освобождения города, с 1946 г. в нем находилось Симферопольское педагогическое училище. Сохранились воспоминания одной из его выпускниц:

«В левом крыле располагался актовый зал. Там занимались хористы и учили бальным танцам. Хорошо помню красивый паркетный пол, старинные двери, украшенные резьбой и еще – дверную ручку, отполированную до зеркального блеска тысячами прикосновений. Наверное, она была из бронзы. А самой интересной деталью была ручка, выполненная из синего прозрачного стекла. В правом крыле мы осваивали будущую профессию в кабинетах общей педагогики, дошкольной

Рис. 14. В. М. Макурин со своей семьей. Симферополь, фотограф Шварц. Начало XX в. (Крымский этнографический музей, КП-137, Ф-35)

педагогики, биологии, рисования и пионерской работы. В центральной части был гараж, где стояла наша древняя полуторка (мы называли ее «Коломбина»)» [27, с. 306–307].

В 1956 г. училище переведено в Ялту, в доме В. М. Макурина расположился физико-математический факультет КГПИ им. М. В. Фрунзе. С 1965 г. в нем размещались квартиры сотрудников этого вуза. До настоящего времени в здании продолжают жить потомки преподавателей.

Сам В. М. Макурин вынужден был ютиться на съемной квартире (ул. Фонтанная, 3, кв. 2 [8, л. 1]). С декабря 1920 г. он являлся заведующим финансовым подотделом, главным бухгалтером Крымлескома СНК [8, л. 2], с декабря 1921 г. – главный бухгалтер финансового отдела Крымской областной контрольной комиссии Областного комитета ВКП(б) [8, л. 1]. 18 февраля 1922 г. В. М. Макурину объявлен строгий выговор «за неисполнение распоряжений заведующего финансовым подотделом и самовольный уход со службы по частным делам» [8, л. 4]. 1 марта 1923 г. он написал заявление об увольнении: «Принося Вам глубокую благодарность за Ваши добрые отношения ко мне во время моей службы, настоящим заявляю, что я оставляю службу и

покорнейше прошу уволить меня» (рис. 13) [8, л. 10]. В 1923 г. переведен на должность старшего инспектора Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции Крыма [9, л. 1].

28 ноября 1924 г. В. М. Макурин арестован по обвинению в членстве в контрреволюционной монархической организации. 11 декабря 1924 г. тройкой при Полномочном представительстве Объединённого государственного политического управления по Крыму осужден и приговорен к высылке из Крыма с запретом проживать в режимных районах страны сроком на три года [10; 14] (реабилитирован прокуратурой Автономной Республики Крым 5 мая 1996 г.) [22, с. 37]. Вернувшись в Симферополь, проживал с семьей в доме № 25 по улице Кантарной (ныне – ул. Чехова). В 1926 г. Народным комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции СССР утвержден в звании «Государственный бухгалтер-эксперт» [11, л. 17], что позволило ему производить бухгалтерские экспертизы в судебных, следственных и государственных органах по заданию РКИ Крыма. Более четырех лет занимал должность старшего бухгалтера в Крымсельсоюзе [11, л. 17]. В 1937 г. трудился «бухгалтером при Арбитраже».

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАСИЛИЙ МАКУРИН:
К ИСТОРИИ СЕМЬИ И ЗНАМЕНИТОГО ДОМА**

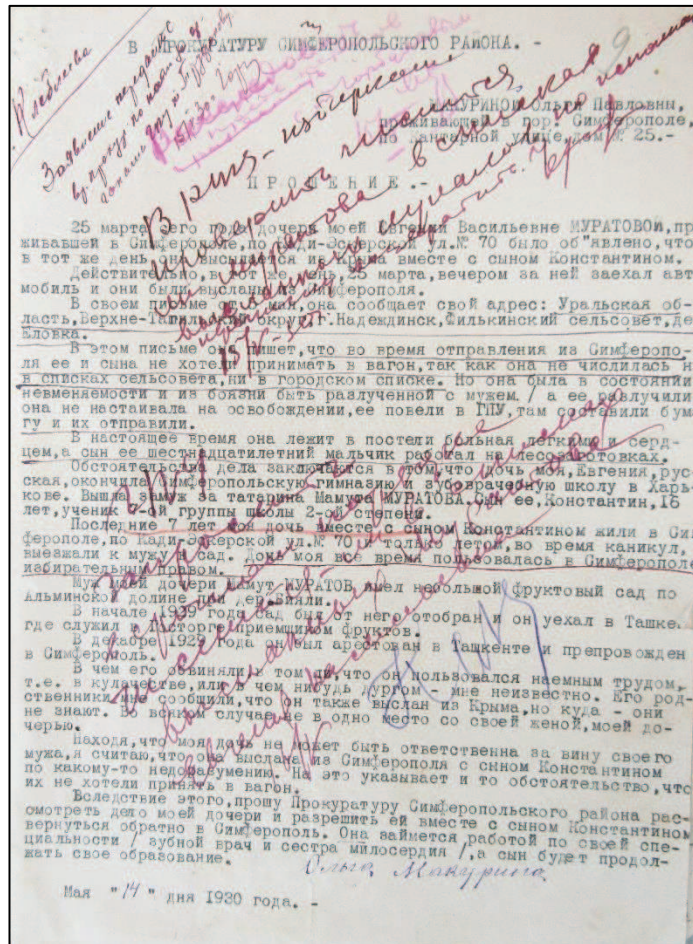

Рис. 15. Запрос О. П. Макуриной в прокуратуру Симферопольского района с просьбой разрешить дочери вернуться из ссылки. 14 мая 1930 г. (ГАРК. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 2292. Л. 9)

В семье Василия Михайловича и его супруги Ольги Павловны (1867 г. р.) было пятеро детей: дочери Евгения, Вера, Валерия, Ольга и сын Георгий (рис. 14). Сведения об их судьбе восстановлены фрагментарно. Старшая дочь Евгения окончила симферопольскую гимназию (вероятно, частную женскую гимназию Е. И. Оливер, в которой обучались ее сестры Ольга и Валерия, и в попечительский совет которой входил ее отец), позже – курсы сестер милосердия. Продолжила образование в одной из «зубоврачебных» школ Харькова (какой именно – не установлено). Вышла замуж за Мамута Муратова (1893 г. р.), в 1914 г. родился сын

Константин. Семья проживала в селении Би-Эль¹, имея 2,75 десятины земли и занимаясь фермерским хозяйством. Имелась собственная мельница, разрушенная к 1923 г.

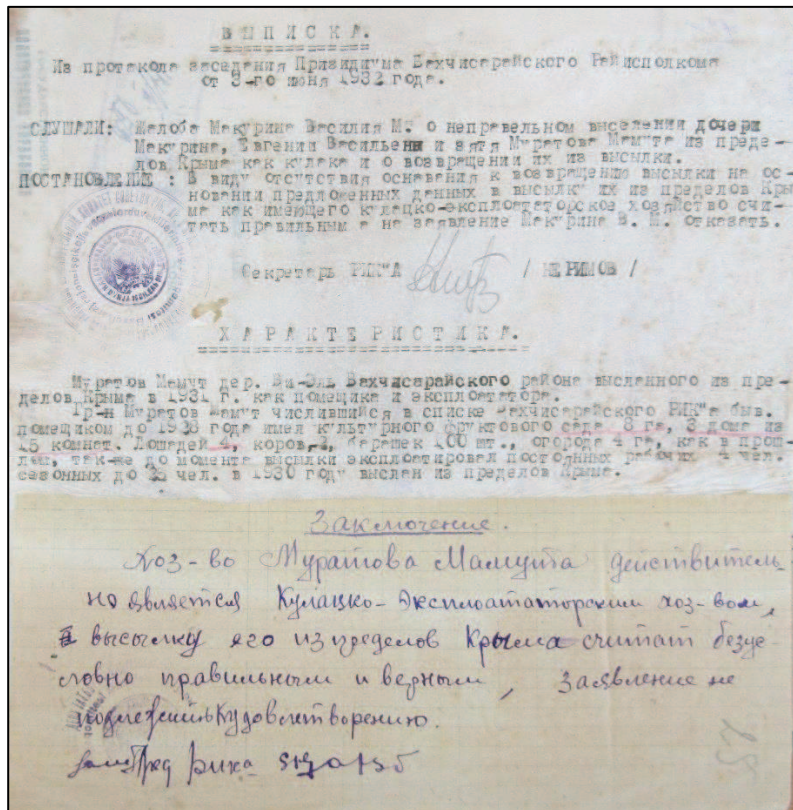

Рис. 16. Выписка из протокола заседания Президиума Бахчисарайского райисполкома от 3 июня 1932 г. об итогах обсуждения ходатайства В. М. Макурина о возвращении Е. В. Макуриной из ссылки (ГАРК. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 2292. Л. 28)

М. Муратов занимал ряд общественных должностей, являлся председателем Альминского мелиоративного товарищества [11, л. 1 об.]. В 1928 г. по доносу из-за использования наемного труда во время страды (сын обучался в школе в Симферополе, где и проживал с матерью по ул. Кадиевской, 70) был лишен избирательных прав. На его жалобу о несправедливости подобного решения в выписке из протокола заседания би-эльского сельсовета от 16 декабря 1928 г. значилось: «Как крупный садовладелец, систематически эксплуатирующий чужой

¹ Би-Эль (с. 1945 г. – Дорожное) – село в Бахчисарайском районе Республики Крым в составе Плодовского сельского поселения.

труд, как закабаляющий окружающее население путем предоставления им с/х инвентаря и деньгами. До 1927 г. включительно пользовался садом площадью 8 десятин – оставить старое постановление в силе» [11, л. 4]. В начале 1929 г. участок с садом был отобран, М. Муратов вынужден был отправиться на заработки в Ташкент, где вскоре был арестован. 25 марта 1930 г. его супруга Евгения Муратова и сын Константин депортированы за пределы Крыма и оправлены в д. Еловка Филькинского сельсовета Верхнетагильского округа Уральской области.

Рис. 17. Выпускная виньетка частной женской гимназии Е. И. Оливер, 1916 г. Среди выпускниц – Валерия Макурина (ее фотоснимок выделен и увеличен) (Центральный музей Тавриды, КП-13830, Ф-400)

Письмо Е. В. Муратовой родителям из места ссылки проливает свет на отдельные детали ее высылки и может свидетельствовать о том, что, вероятно, первоначально планов депортации ни ее, ни ее сына не было (их не было в «высылчных» списках), а в вагонах они оказались лишь из-за собственной беспечности и нежелания расставаться с супругом. Приведем фрагмент этого документа:

«Здравствуйте, дорогие, любимые! <...> Мне так больно, все получают письма, а я нет. Я была все время больна, температура еще есть маленькая. У меня сейчас осложнение на сердце, не могу пройти комнату, задыхаюсь, и болят легкие.. <...> Одно только прошу Бога, чтоб остаться живой

и увидеть Вас. <...> Меня назначили на нашу деревню фельдшерцей, но я больна, не знаю, чем кончится, наверное, ждать не будут, если долго проболела. Во всяком случае, по получении этого письма вышли, дорогая Валерочка, мне какой-нибудь сборник заразных и вообще болезней. <...> Пишите, что с Рушенном <...>, я за них страшно волнуюсь. Нашего малютку я часто вижу во сне. Научите его не забыть нас. Я не могу описать и выразить свои чувства. Сильно плачу, но Вы знаете, что дороже Вас, дорогих, ничего нет. У нас прошел слух, что многих будут возвращать обратно, а первых – у кого нет мужа. Если можно, как-нибудь похлопочите за меня. <...> На вокзале меня вначале даже не приняли. Я выслана по недоразумению. Смотрели бумаги на вокзале – я не числилась ни за сельсоветом высылаемых, ни за городом. Меня даже хотели отпустить, но я побоялась, что Мамут уедет, а меня на следующий день вышлют в другое место. Потом меня отвели в ГПУ, там сделали бумагу и посадили в вагон. Если бы уехала домой, то была бы сейчас дома. Но я была тогда совсем сумасшедшая и невменяемая и ничего не соображала, а теперь не знаю, что со мной будет. Для меня этот климат невозможен. Мурка работал в лесу, но уже пять дней дома <...>, пока не поправлюсь, его не пушу. От его работы мне нет пользы, и он просит – “Похлопочи, мамочка, за меня, чтоб немного побыл с тобой”. Ох, как он уже кается, что поехал. Сейчас только приходил начальник проверять, больна ли я, и оставил на несколько дней Мурку, хоть немного подкрепится. У нас все идет к концу. Сахара уже нет дней 10 и конфет никаких нигде нельзя достать. И если достать самые простые, с начинкой, что в городе не дороже 1 руб., то здесь 4–5, но мне никак еще не удалось и на вряд ли удастся. Но меня раз угостили, и мне показалось, что лучших я не ела. Что Мушка, знает ли, какая постигла нас участь и скоро ли надеется к Вам приехать? Мамуля, папуля, мои дорогие, любимые, пишите по-очереди каждый день из Вас кто-нибудь. Сестренки дорогие, Вы знаете, я теперь стала страшной, моя парфюмерия закисло. Целуйте Рушенчиков и, если можете, моего мужа. Крепко любящая Женя и Мурка. Всем знакомым привет. Пишите, умоляю» [11, л. 7–8 об.].

После получения письма началась долгая борьба родителей за возвращение дочери и внука из ссылки. 14 мая 1930 г. О. П. Макуриной отправлен запрос в прокуратуру Симферопольского района [11, л. 9] (рис. 15), 29 августа – в Комиссию по раскулачиванию Районного исполнительного комитета:

«25 марта сего года моей дочери Евгении Васильевне Муратовой, проживающей в г. Симферополе по Кадизерской ул. в доме № 70, явились в 1 час дня неизвестные ей люди и заявили ей, что ее муж, Мамут Муратов, она и ее сын Константин сегодня же высылаются из Крыма. Действительно в тот же день, в 7 часов вечера, заехал автомобиль за дочерью и ее сыном и 25 марта она была отправлена по железной дороге из Симферополя. Дочь моя, Евгения Муратова, русская, окончила симферопольскую гимназию, курсы сестер милосердия и зубоврачебную школу в Харькове. Она вышла замуж за татарина. Муж ее, Мамут Муратов, имел небольшой фруктовый сад в Крыму по Альминской долине при деревне Би-Эль. Сад был отобран у него в начале 1929 г., и он уехал в Ташкент, где служил в Госторге приемщиком фруктов. В конце 1929 г. его арестовали и препроводили в Симферополь. В чем его обвинили, в том ли, что он пользовался наемным трудом, т. е. в кулачестве, или в чем-нибудь другом, мне не известно. Последние семь лет дочь моя Евгения Муратова проживала в г. Симферополе и пользовалась избирательными правами. Сын ее, Константин, 16-летний юноша, состоял учеником 7 группы школы 2-й ступени. Из полученного от дочери письма видно, что ее и сына не хотели принять в вагон, т. к. она не значилась ни в списках сельсовета, ни в городском списке. Но она была в состоянии невменяемости и из боязни быть разлученной с мужем настаивала на освобождении. Ее повезли в ГПУ, там дали бумагу и ее и сына отправили. Муж ее был отправлен на второй день, но куда, я не знаю, во всяком случае, не в

то место, куда отправлена дочь. Адрес моей дочери такой: г. Надеждинск¹ Уральской области Верхнетагильского округа, Филькинский сельсовет, дер. Еловка. Находя, что моя дочь и ее сын высланы по какому-то недоразумению, так как она не может быть ответственна за вину мужа своего и, во-вторых, что ее лишили права голоса в дер. Би-Эль механически, как жену лишенца, я обращаюсь с моей просьбой рассмотреть дело моей дочери и разрешить ей и ее сыну возвратиться домой в г. Симферополь, где она с пользой для дела (она зубной врач и сестра милосердия) могла бы работать, а ее сын Константин продолжать свое образование. 29 августа 1930 г. О. Макурина» [12, л. 2].

18 ноября 1930 г. подобный запрос отправлен в Правительственную комиссию по выселению при КрымЦИК [11, л. 15]. В резолюции к документу отмечено, что о Е. В. Макуриной «в картотеке РСО ГПУ Крыма сведений нет» [11, л. 15]. 7 декабря 1930 г. В. М. Макуриным написано заявление в КрымЦИК с просьбой «помиловать Евгению Муратову и ее сына Константина в ознаменование десятилетия советизации Крыма, как пострадавших только за вину мужа, которого нет в живых, и разрешить им возвратиться в Симферополь, восстановив их в избирательных правах, где бы дочь по своей специальности могла бы честно работать, а сын ее продолжать прерванное образование» [11, л. 16–17]. Симферопольским РИК 6 февраля 1931 г. сообщалось, что «на высланную г-ку Муратову Е. В. и сына Константина дела не имеется. Указанная гражданка числится в повагонно-посемейных списках, как высланная в вагоне № 32/228850, эшелон № 702» [11, л. 31].

Ходатайство В. М. Макурина обсуждалось на заседании Президиума Бахчисарайского райисполкома 3 июня 1932 г. Его участники постановили: «В виду отсутствия основания к возвращению из высылки из пределов Крыма на основании предложенных данных, как имеющего кулацко-эксплуататорское хозяйство, считать правильным, а на заявление Макурина В. М. отказать» [11, л. 28]. К выписке из протокола прилагалось заключение председателя РИКа, в котором отмечалось: «Хозяйство Муратова Мамута действительно является кулацко-эксплуататорским хозяйством, высылку его из пределов Крыма считать, безусловно, правильным и верным, заявление не подлежит к удовлетворению» [11, л. 28] (рис. 16). Также была приложена характеристика на Мамута Муратова председателя Би-Эльского сельсовета:

«Муратов Мамут со своей семьей имел в своем хозяйстве до 1920 года культурно-фруктового сада 8 га, лошадей 4, коровы 2, барашек 100, дом 3 шт. из 15 комнат скотный двор 1, сарай 1, конюшня 1, полный с/хоз инвентарь, огорода 4 га, мельница (водяная), применял в своем хозяйстве наемный труд постоянных 4 человек, сезонных до 25 человек. С 1920 г. по 1928 г. имел то же самое выше указанное хозяйство. В 1929 г. со стороны органов ГПУ был арестован. Узнав о раскулачивании, часть своего имущества разбазировал. В 1930 г. раскулачен и по постановлению общего собрания граждан д. Би-Эль был выслан из пределов Крымской АССР, что Би-Эльский с/совет удостоверяет» [11, л. 24].

¹ Надеждинск (до 1934 г. и в 1937–1939 г.; с 1934 г. до 1937 г. – Кабаковск) — в настоящее время Серов, город областного подчинения на севере Свердловской области России, административный центр Серовского городского округа и Серовского района.

Изнурительная борьба родителей за судьбу дочери и внука все же увенчалась успехом. Об этом свидетельствует выписка из протокола № 43 заседания Президиума Центрального исполнительного комитета Крымской АССР от 9 августа 1932 г. В постановлении значилось: «Ходатайство удовлетворить и разрешить взять на иждивение гражданке Макуриной О. П. гражданку Муратову Евгению Васильевну с сыном Константином – 17 лет» [11, л. 32].

Валерия родилась 17 июля 1900 г. В 1916 г. она окончила гимназию Е. И. Оливер (рис. 17). Позже работала акушеркой в частной хирургической клинике А. Ф. Каблукова¹. Вышла замуж за врача этой больницы Илью Яковлевича Калугина. После начала Великой Отечественной войны вместе с Крымским государственным медицинским институтом им. И. В. Сталина находилась в эвакуации в г. Кызыл-Орда (Казахстан), откуда 18 мая 1943 г. призвана на фронт. 16 июня 1945 г. врач-гинеколог, капитан медицинской службы 73-й отдельной зенитной артиллерийской бригады противовоздушной обороны Западного фронта Валерия Макурина награждена орденом Красной Звезды [29, л. 249 об.]. В наградном листе отмечено:

«Имея большой опыт работы, с исключительным старанием и упорством претворяет его в жизнь путем инициативной и энергичной работы в подразделениях и с мед. составом. Проявляет чуткую заботу о состоянии здоровья и быта красноармейцев-девушек, чем способствует постоянной боеготовности и высокому моральному состоянию подразделений. Тов. Макурина пользуется заслуженным авторитетом среди всего личного состава части. Учитывая долголетнюю и плодотворную работу в специальности врача-гинеколога (с 1924 г.), за исключительную заботу о здоровье красноармейцев-девушек и всего личного состава части, тов. Макурина достойна награждения правительственной наградой – орденом Красной Звезды» [28, л. 34].

В тексте документа также указано, что она «в течение нескольких месяцев выполняла обязанности по совместительству – врача-гинеколога и начальника санслужбы бригады и корпусного гинеколога» [28, л. 34 об.] (рис. 18). Также награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (рис. 19) [30, л. 80].

Ольга родилась в 1902 г., окончила гимназию Е. И. Оливер, в 1926 г. вышла замуж за крымскотатарского политического и общественного деятеля, доцента КГПИ им. М. В. Фрунзе Асана-Сабри Абибуллаевича Айвазова (1878–1938) [15, с. 21–24; 18]. Член Временного мусульманского революционного комитета (май 1917 г. – май 1918 г.), Крымского мусульманского центрального исполнительного комитета, делегат от Крыма на Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 г.), председатель Курултая крымскотатарского народа (январь и май 1918 г.), посол в Османской империи Первого Крымского краевого правительства А.-С. А. Айвазов после установления в Крыму советской власти трудился в отделе переводов ЦИК. В 1930 г. он был арестован, однако через два месяца освобождён и направлен на лечение в Кисловодск (sic!). Являясь активным участником национального движения, по мнению сотрудников контрразведки, он мог стать источником важной

¹ Учрежденная в 1908 г. клиника располагалась на ул. Воронцовской. В настоящее время в здании функционирует городской родильный дом № 1.

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАСИЛИЙ МАКУРИН:
К ИСТОРИИ СЕМЬИ И ЗНАМЕНИТОГО ДОМА**

информации о настроениях и планах крымскотатарской интеллигенции. После заключения в тяжелых условиях А.-С. А. Айвазов дал согласие на сотрудничество с органами ОГПУ [16]. В 1959 г. на дополнительном следствии Ольга Айвазова вспоминала, что через некоторое время после ареста мужа к ней стали являться сотрудники контрразведки и приносить продукты: какао, масло, печенье [16].

Входящ. № 6457
28.1.1945 г.

Все графы заполнять полностью.

Наградной лист

1. Фамилия, имя и отчество МАКУРИНА Валерия Васильевна

2. Звание капитан мед.ад. 3. Должность, часть врач-гениколог

78 Отдельной Женитной Артиллерийской Бригады П В О

Представляется к награде Орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

4. Год рождения 1900 5. Национальность русская 6. Партийность б/п

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) в частях П В О с 18-1948 года.

8. Имеет ли ранения и контузы в Отечественной войне не имеет.

9. С какого времени в Красной Армии с 18.6.48г. 10. Каким РВК призван Орденский РВК Т. Центр-Орск.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи Зобкова часть полевая почта 58464

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Имея большой опыт в работе, с исключительным старанием и упорством претворяет его в жизнь путем инициативной и энергичной работы в подразделениях и в мед.составе.

Проявляет чуткую заботу о состоянии здоровья и быта красноармейцев-лежух, чем способствует постоянной боеготовности и высокому моральному состоянию подразделений.

Тов. МАКУРИНА пользуется заслуженным авторитетом среди всего личного состава части.

Учитывая долголетнюю и плодотворную работу в специальности врача-гениколога с 1924г., за исключительную заботу о здоровье красноармейцев-лежух и всего личного состава части, тов. МАКУРИНА достойна награждения Правительственной Наградой — Орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

КОМАНДИР 78 ОТДЕЛЬНОЙ ЖЕНИТНОЙ
Артиллерийской Бригады П В О
ПОДПОЛКОВНИК

/КЕРТЮС/

Командир (начальник)

28 января 1945 г.

Рис. 18. Наградной лист Валерии Макуриной к ордену Красной Звезды. 28 января 1945 г. (ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2907. Л. 34)

В ночь с 6 на 7 апреля 1937 г. А.-С. А. Айвазов вновь был арестован у себя на квартире в г. Симферополе по ул. Кантарной, 25. 10 октября 1937 г. прикомандированный к IV отделу Управления государственной безопасности НКВД Крымской АССР старший лейтенант милиции Кемалов, рассмотрев следственное дело № 2709, постановил, что «Айвазов С. А. был завербован турецкими и французскими разведывательными органами в качестве агента этих разведок, поддерживал с представителями этих разведок связи и по их директивам

*Рис. 19. Валерия Васильевна
Макурина. Фотоснимок
периода Великой
Отечественной войны*

проводил контрреволюционную деятельность». А.-С. А. Айвазов был обвинен в том, что являлся одним из руководителей антисоветской националистической организации «Милли Фирка». 17 апреля 1938 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР на закрытом судебном заседании приговорила его к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован 21 января 1960 г. Верховным Судом СССР [23, с. 43].

10 ноября 1937 г. Главным управлением государственной безопасности НКВД Крыма арестована О. В. Айвазова, как «жена изменника Родины» [13]. Обвинялась в том, что, «проживая вместе с мужем, укрывала его преступную деятельность и связи, не сообщила о его преступлениях против советской власти» [1]. Из материалов дела следует, что «Айвазова Ольга Васильевна 8 июня 1937 года прибыла из г. Баку с ребенком. Муж работал литературным работником. Арестован как буржуазный националист, в прошлом был активным

защитником царской власти. Образ жизни Айвазовы вели роскошный – занимали три комнаты, в данное время две комнаты изъяты» [1]. На допросе Айвазова О. В. сообщила:

«Материальную помощь я получала от своей сестры Валерии – врача 3-й поликлиники, продуктами – от сестры мужа Курт-Деде. Я продала домашние вещи примерно на 300 рублей и еще получила причитающиеся мужу жалование и отпускные с местного кожзавода. Мой муж Айвазов С. А. арестовывался в 1929 г. органами НКВД по 58 статье УК. Последние 6 лет (с 1931 года) Айвазов жил совершенно другой жизнью, в которую меня не посвящал. Я познакомилась и вышла замуж за Айвазова Сабри в 1926 г. В то время он работал в качестве доцента Симферопольского пединститута на восточном факультете и читал лекции по востоковедению, преподавал восточные языки – арабский и персидский. До ареста в 1937 г. он работал доцентом и преподавателем школы взрослых. Когда я выходила за него замуж, ему было 48 лет. Муж рассказал мне, что в период революции в Крыму он являлся одним из представителей татарского парламента. Кажется, в 1929 г. муж подвергался аресту органами НКВД Крыма, под стражей находился два-три месяца и был освобожден. В чем его обвиняли, я не знаю. В апреле 1937 г. он был вторично арестован, в ноябре того же 1937 г. была арестована и я» [1].

2 августа 1938 г. Ольга Айвазова осуждена Особым совещанием при НКВД СССР по статье 58-1 УК РСФСР, приговорена к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Уже 4 октября 1938 г. прибыла в 17-е женское лагерное специальное

отделение Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области (Казахстан). Освобождена 26 ноября 1942 г. [24] Реабилитирована 15 апреля 1958 г. военным трибуналом Одесского военного округа [13; 23, с. 43].

После ареста О. В. Айвазовой ее сын Рушен (Юрий, 1928 г. р.), сменив фамилию на Макурин, проживал в семье своей тети Валерии Васильевны. 20 сентября 1938 г. он написал письмо секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, однако, ответа так и не дождался:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Обращаюсь к Вам с большой просьбой. В 1937 г. мою мамочку взяли за папу. О папе я ничего не могу сказать, но о мамочке я знаю, что она всегда была вместе со мной, работала дома и учила меня, чтобы я был хорошим, честным пионером. Я ученик 4-го класса 5-ой школы им. Кирова в Симферополе, пионер. Учусь на “Отлично” и “Хорошо”, поведение у меня отличное. Меня взяла к себе жить тетя, врач Макурина. Мне живется с ней хорошо, но я молю Вас, дорогой товарищ Сталин, как родного отца (ведь у меня нет отца) вернуть мне мою мамочку, которую я очень полюбил и скучаю без нее, и доставить мне этим счастливую и радостную жизнь, которую Вы дали всем детям нашей страны. Мою мамочку выслали в г. Акмолинск, и до сих пор от нее нет ни одного письма. Мой адрес: Симферополь, Малобазарная, 21 а. Пионер Юра Макурин, Фамилия моей мамы Айвазова Ольга Васильевна».

О двух других детях Василия Михайловича и Ольги Павловны сведений практически нет. Известно лишь, что Георгий после революции эмигрировал в Прагу, Вера (по мужу – Козицкая) – в Сербию. Их дальнейшая судьба не установлена.

В судьбах членов большой семьи Макуриных отразились многие события, которые пережила страна в двадцатом веке – революция, гражданская война, сталинская, хрущевская эпохи. Дом, построенный с любовью к семье и к городу, в силу этих событий получил свои отметины, но до сих пор остается, также как и сооруженная Василием Макуриным лестница, одним из известных и посещаемых памятников Симферополя. В настоящее время здание утратило памятные доски, на которых непременно должен быть отмечен период, когда строение было местом расположения лабораторий крымского университета, наиболее значительного учебного заведения полуострова в прошлом и настоящем.

Список использованных источников и литературы

1. Аирчинская Р. Я – жена врага народа // Голос Крыма new. 2016, № 32 (72), 12 августа.
Airschinskaya R. Ya – zhena vraga naroda // Golos Kryma new. 2016, № 32 (72), 12 avgusta.
2. Бутенко Г. Л. Теория бухгалтерии. Составлено по курсу В. М. Макурина. Евпатория: тип. Мурованского, 1913. 13 с.
Butenko G. L. Teoriya bukhgalterii. Sostavleno po kursu V. M. Makurina. Evpatoriya: tip. Murovanskogo, 1913. 13 s.
3. Гамалов Г. Курсы бухгалтерии В. М. Макурина в Симферополе // Крымский курьер. 1902. 7 февраля.
Gamalov G. Kursy bukhgalterii V. M. Makurina v Simferopole // Krymskij kur'er. 1902. 7 fevralja.
4. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 26. Оп. 2. Д. 2357. Дело со сведениями об Анастасии Струниной, Марии Емалаки, Василии Макурине, Софии Куликовой, Иване Басенко. 1 января – 31 декабря 1887 г. Л. 1–18.

GARK (Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym). F. 26. Op. 2. D. 2357. Delo so svedeniyami ob Anastasii Struninoi, Marii Emalaki, Vasilii Makurine, Sofii Kulikovo, Ivane Basenko. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1887 g. L. 1–18.

5. ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 3383. Дело со сведениями о Николае Андрузском, Михаиле Рейзине, Якове Бухштабе, Ольге Дзелановской, Василии Макурине, Иоанне Гижицком. 1 января 1893 г. – 31 декабря 1894 г. Л. 1–29.

GARK. F. 26. Op. 2. D. 3383. Delo so svedeniyami o Nikolae Andruzskom, Mikhaile Reizine, Yakove Bukhshtabe, Ol'ge Dzelanovskoi, Vasilii Makurine, Ioanne Gizhitskom. 1 yanvarya 1893 g. – 31 dekabrya 1894 g. L. 1–29.

6. ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 3438. Дело со сведениями о состоящем под негласным надзором полиции Василии Макурине. 1 января 1894 г. – 31 декабря 1899 г. Л. 1–8.

GARK. F. 26. Op. 2. D. 3438. Delo so svedeniyami o sostoyashchem pod neglasnym nadzorom politsii Vasilii Makurine. 1 yanvarya 1894 g. – 31 dekabrya 1899 g. L. 1–8.

7. ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 616. Дело по прошению В. М. Макурина о разрешении издания в г. Симферополе повременного издания. 1 января – 31 декабря 1907 г. Л. 1–6.

GARK. F. 26. Op. 3. D. 616. Delo po prosheniyu V. M. Makurina o razreshenii izdaniya v g. Simferopole povremennogo izdaniya. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1907 g. L. 1–6.

8. ГАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2559. Макурин Василий Михайлович. 21 декабря 1921 г. – 1 апреля 1923 г. Л. 1–10.

GARK. F. P-1. Op. 2. D. 2559. Makurin Vasilii Mikhailovich. 21 dekabrya 1921 g. – 1 aprelya 1923 g. L. 1–10.

9. ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1375. Материалы обследования Крымской конторы лесного склада «Лесбела» (акт и рапорта тт. Кагана и Макурина). 1 января – 31 декабря 1924 г. Л. 1–31.

GARK. F. R-460. Op. 1. D. 1375. Materialy obsledovaniya Krymskoi kontory lesnogo sklada «Lesbela» (akt i raporta tt. Kagana i Makurina). 1 yanvarya – 31 dekabrya 1924 g. L. 1–31.

10. ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 12762. Макурин В. М. 1 января 1923 г. – 31 декабря 1927 г.

GARK. F. R-460. Op. 1. D. 12762. Makurin V. M. 1 yanvarya 1923 g. – 31 dekabrya 1927 g.

11. ГАРК. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 2292. Муратов Мамут, Муратова–Макурина Евгения Васильевна и сын Константин. 1 января – 31 декабря 1932 г. Л. 1–32.

GARK. F. R-1164. Op. 1. D. 2292. Muratov Mamut, Muratova–Makurina Evgeniya Vasil'evna i syn Konstantin. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1932 g. L. 1–32.

12. ГАРК. Ф. Р-1195. Оп. 3. Д. 697. Макурина Ольга Павловна. 1 января – 31 декабря 1930 г. Л. 1–2.

GARK. F. R-1195. Op. 3. D. 697. Makurina Ol'ga Pavlovna. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1930 g. L. 1–2.

13. ГАРК. Ф. Р-4808. Оп. 1. Д. 010094. Айвазова Ольга Васильевна. 7 ноября 1937 – 28 апреля 1958 г.

GARK. F. R-4808. Op. 1. D. 010094. Aivazova Ol'ga Vasil'evna. 7 noyabrya 1937 – 28 aprelya 1958 g.

14. ГАРК. Ф. Р-4808. Оп. 1. Д. 022564. Макурин Василий Михайлович.

GARK. F. R-4808. Op. 1. D. 022564. Makurin Vasilii Mikhailovich.

15. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского; под ред. Д. П. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. (Сер.: «Источник знаний»).

Deyateli krymskotatarskoi kul'tury (1921–1944 gg.): biobibliograficheskii slovar' / Respublikanskaya krymskotatarskaya biblioteka im. I. Gasprinskogo; pod red. D. P. Ursu. Simferopol': Dolya, 1999. 240 s. (Ser.: «Istochnik znaniy»).

16. Ефимов А. В. Тюремные записки Асана Сабри Айвазова // Восточный Свет. 2005. № 4. С. 68–74.

Efimov A. V. Tyuremnye zapiski Asana Sabri Aivazova // Vostochnyi Svet. 2005. № 4. S. 68–74.

17. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; авт.-сост.: А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. Белгород: Константа, 2018. 352 с.

Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografiyakh / Krymskii federal'nyi universitet imeni V. I. Vernadskogo; avt.-sost.: A. A. Nepomnyashchii, A. S. Kravchuk. Belgorod: Konstanta, 2018. 352 s.

18. Керим И. А. Асан-Сабри Айвазов в анналах крымскотатарской истории / Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова. Симферополь; Саратов: Амирит, 2024. 168 с.

Kerim I. A. Asan-Sabri Aivazov v annalakh krymskotatarskoi istorii / Krymskii inzhenerno-pedagogicheskii universitet im. F. Yakubova. Simferopol'; Saratov: Amirit, 2024. 168 s.

19. Коммерческая арифметика в связи с коммерческой экономией в вопросах и ответах. Пособие для слушателей курсов бухгалтерии В. М. Макурина в Симферополе. Симферополь: тип. Б. Бреского, 1913.

Kommercheskaya arifmetika v svyazi s kommercheskoi ekonomieyu v voprosakh i otvetakh. Posobie dlya slushatelei kursov bukhgalterii V. M. Makurina v Simferopole. Simferopol': tip. B. Breskogo, 1913.

20. Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение. 2019. № 4. С. 64–71.

Nepomnyashchii A. A. Istochniki bibliograficheskoi informatsii po istoricheskomu krymovedeniyu // Bibliografiya i knigovedenie. 2019. № 4. S. 64–71.

21. Непомнящий А. А. Источники для восстановления историко-этнографического корпуса довоенного крымоведения // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 30–57.

Nepomnyashchii A. A. Istochniki dlya vosstanovleniya istoriko-etnograficheskogo korpusa dovoennogo krymovedeniya // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. 2015. № 1. S. 30–57.

22. Реабилитированные историей: в 27-ми т. Автономная Республика Крым: Кн. 4 / Ин-т истории Украины НАН Украины; под ред. Т. В. Умрихиной, Д. В. Омельчука. Симферополь: Антиква, 2007. 384 с.

Reabilitirovannye istoriei: v 27-mi t. Avtonomnaya Respublika Krym: Kn. 4 / In-t istorii Ukrainy NAN Ukrainy; pod red. T. V. Umrikhinoi, D. V. Omel'chuka. Simferopol': Antikva, 2007. 384 s.

23. Реабилитированные историей: в 27-ми т. Автономная Республика Крым: Кн. 8 / Ин-т истории Украины НАН Украины. Киев: Фолиант, 2014. 448 с.

Reabilitirovannye istoriei: v 27-mi t. Avtonomnaya Respublika Krym: Kn. 8 / In-t istorii Ukrainy NAN Ukrainy. Kiev: Foliant, 2014. 448 s.

24. Узницы «АЛЖИРа»: список женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага / Ассоциация жертв незаконных репрессий г. Астаны и Акмолинской области; отв.-сост. Г. Н. Карсакова. М.: Звенья, 2003. 567 с.

Uznitsy «ALZhIRa»: spisok zhenshchin – zaklyuchennykh Akmolinskogo i drugikh otdelenii Karlaga / Assotsiatsiya zhertv nezakonnykh repressii g. Astany i Akmolinskoi oblasti; otv.-sost. G. N. Karsakova. M.: Zven'ya, 2003. 567 s.

25. Устав о векселях Выс. утв. 27 мая 1902 г. Пособие для слушателей курсов бухгалтерии В. М. Макурина. Симферополь: тип. Б. Бреского, 1914. 96 с.

Ustav o vekselyakh Vys. utv. 27 maya 1902 g. Posobie dlya slushatelei kursov bukhgalterii V. M. Makurina. Simferopol': tip. B. Breskogo, 1914. 96 s.

26. Устав Частных бухгалтерских курсов В. М. Макурина в г. Симферополе. Утвержден 14 июня 1914 г. Симферополь: [б. и.], 1914. 6 с.

Ustav Chastnykh bukhgalterskikh kursov V. M. Makurina v g. Simferopole. Utverzhden 14 iyunya 1914 g. Simferopol': [b. i.], 1914. 6 s.

27. Хачатурян В. В. Истории макуринского дома (записки краеведа) // XIX Таврические научные чтения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «История в мемориальном пространстве», 27–30 мая 2019 г., г. Симферополь / Центральный музей Тавриды; под ред. Е. Б. Вишнеvsкой. Симферополь: Ариал, 2019. С. 298–309.

Hachaturjan V. V. Istorii makurinskogo doma (zapiski kraevedy) // XIX Tavricheskie nauchnye chtenija: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Istorija v memorial'nom prostranstve», 27–30 maja 2019 g., g. Simferopol' / Central'nyj muzej Tavridy; pod red. E. B. Vishnevskoj. Simferopol': Arial, 2019. S. 298–309.

28. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2907. Л. 34–34 об. Наградной лист Макуриной Валерии Васильевны к ордену Красной Звезды, 28 января 1945 г.

TsAMO RF (Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii). F. 33. Op. 690306. D. 2907. L. 34–34 ob. Nagradnoi list Makurinoi Valerii Vasil'evny k ordenu Krasnoi Zvezdu», 28 yanvarya 1945 g.

29. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2907. Л. 248–251. Приказ войскам Западного фронта противовоздушной обороны по личному составу № 010/Н от 16 июня 1945 г. о награждении орденами и медалями.

TsAMO RF. F. 33. Op. 690306. D. 2907. L. 248–251. Prikaz voiskam Zapadnogo fronta protivovozdushnoi oborony po lichnomu sostavu № 010/N ot 16 iyunya 1945 g. o nagrazhdenii ordenami i medalyami.

30. ЦАМО РФ. Ф. 13608. Оп. 20398. Д. 162. Л. 68–93. Акт вручения медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.».

TsAMO RF. F. 13608. Op. 20398. D. 162. L. 68–93. Akt vrucheniya medalei «Za pobedu nad Germaniei v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–45 gg.».

Lomakin D. A., Ajbabina E. A. Unknown Vasilii Makurin: towards the history of the family and the famous house

Based on a vast set of archival materials from the funds of the State Archives of the Republic of Crimea, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the history of an architectural and urban planning monument, one of the most architecturally expressive private mansions of pre-revolutionary Simferopol – the residential building of a mathematics teacher, accountant of the city administration and member of the city council Vasily Mikhailovich Makurin – has been reconstructed. The fate of the first owners of the house – V. M. Makurin himself and his family – his wife Olga Pavlovna, daughters Evgeniya, Vera, Valeria, Olga and son Georgy – has been reconstructed. Documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation have been attracted. The inseparable connection of the monument and the family of V. M. Makurin with the history of the first university on the territory of the Crimean peninsula – Taurida University (and its successors) is emphasized. After the revolutionary events and nationalization, the mansion was at the disposal of the university for a long time, it housed laboratories and classrooms, and later – apartments for employees. Two daughters of V. M. Makurin, Valeria and Olga, were married to university professors. The first of them, together with the I. V. Stalin Crimean State Medical Institute, was evacuated to the city of Kyzyl-Orda (Kazakhstan) during the Great Patriotic War. The need for restoration work was noted.

Keywords: Simferopol, V. M. Makurin, mansion, architectural analysis, history of study.

УДК 94:796(378.4)

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-116-127

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КРЫМА В КОНЦЕ 30-Х – НАЧАЛЕ 40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Мутьев А. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dsport76@mail.ru*

На основе анализа архивных документов, которые впервые введены в научный оборот, рассматриваются особенности развития физической культуры и спорта в высших учебных заведениях Крыма в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. Исследованиями установлено, что к концу 30-х гг. XX в. в вузах Крыма были образованы и укомплектованы квалифицированными преподавателями и инструкторами кафедры, на которых совмещалась физическая и военная подготовка обучающихся. В этот период удалось добиться практически полного охвата обучающиеся первого и второго курсов обязательными академическими занятиями физической культурой и включения большинства студентов в спортивно-массовую работу при вузовских коллективах физкультуры. Была значительно улучшена спортивная база институтов и увеличено количество студенческих спортивных секций. Студенческие спортивные команды и коллективы физической культуры заняли лидирующие позиции на в Крымской АССР по спортивным результатам и спортивно-массовой работе к началу 40-х гг. XX в.

Ключевые слова: Крымский педагогический институт имени М. В. Фрунзе, Крымский медицинский институт имени И. В. Сталина, Крымский институт сельскохозяйственный институт имени М. И. Калинина, физическая культура, спорт.

Процесс интеграции физической культуры и спорта в систему высшего образования нашей страны, начатый в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., явился важнейшей составляющей частью политики аккультурации населения, активно проводимой советским правительством, и был призван служить достижению таких целей, как распространение здорового образа жизни, подготовка граждан к защите Отечества, гендерное равноправие и усиление борьбы с «буржуазными пережитками». Его реализация сопровождалась массой трудностей: отсутствием спортивных объектов, организационной неразберихой, нехваткой необходимых педагогических и финансовых ресурсов. Лишь во второй половине 30-х гг. XX в. в вузовской физкультурной работе происходит серьезный качественный скачек, во многом позволивший преодолеть проблемы в организационном и в экономическом плане [1].

Сегодня становление и развитие физического воспитания в высших учебных заведениях СССР указанного периода продолжает находится в поле зрения исследователей. В частности, Е. А. Калинина, исследуя проблемы преподавания физической культуры в Карельском педагогическом институте в 30-е гг. XX в., представляет деятельность военно-физкультурной кафедры, ее преподавателей в деле развития физической культуры и спорта среди студенческой молодежи, акцентируя внимание на трудностях организации спортивной работы, связанных с

отсутствием специальных помещений, инвентаря, специалистов в сфере физического воспитания [2], которые были характерны практически для всех учебных заведений страны. Особенностью физической культуры студентов в высших учебных заведениях Украинской ССР предвоенного периода, по мнению Н. Соколовой, выступило обучение молодёжи подчинению установленным моральным нормам и идеологическим канонам в духе коллективизма, а также окончательная военизация физического воспитания [3]. Спортивно-массовая и военно-физкультурная работа в исследуемый период также становилась предметом специального исследования на примере вузов Хабаровска [4], Читы [5], Барнаула [6], Томска [7] и других городов.

Несмотря на значительное количество фундаментальных научных работ по истории развития крымских вузов [8; 9], их анализ показал, что развитие вузовской физкультурно-спортивной работы упоминается лишь фрагментарно [10; 11], а в имеющихся научных публикациях освещено становление и состояние вузовского физического воспитания только в первой половине 30-х гг. XX в. [12; 13].

Существующее противоречие между необходимостью восполнения сведений о постановке физкультурно-спортивной работы в высших учебных заведениях Крыма и практическим отсутствием исследований в этом направлении обусловило цель данной работы: рассмотреть состояние физического воспитания и спортивно-массовой работы в высших учебных заведениях Крыма в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. Были использованы общетеоретические и историко-педагогические методы. Базу источников исследования составила делопроизводственная документация Комитета по делам физической культуры и спорта при ЦИКе Крымской АССР из фондов Государственного архива Республики Крым.

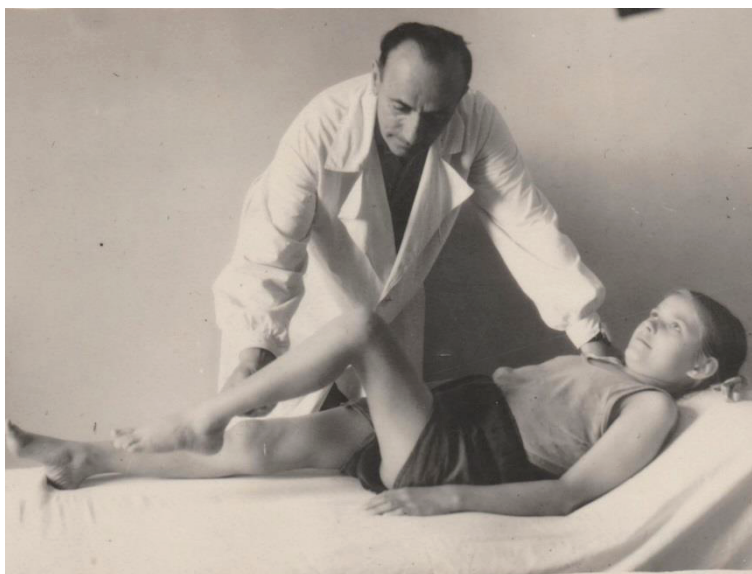

Занятие по штыковому бою в Крымском сельскохозяйственном институте им. М. И. Калинина проводит Л. В. Никольский [11, с. 186]

Во многом преодолев трудности начального периода внедрения обязательного физического воспитания в учебные планы, к середине 30-х гг. XX в. во всех трех вузах Крыма удалось сформировать и укомплектовать преподавателями кафедры или самостоятельные курсы физической культуры, на которых, помимо физического воспитания, осуществлялась военная подготовка и велась оборонно-массовая работа.

С момента зарождения кафедрой физической культуры (в 1932–1941 гг. – физической и военной подготовки) в Крымском сельскохозяйственном институте им. М. И. Калинина (далее – Сельхозинститут) руководил выпускник Центрального государственного института физической культуры Леонид Викторович Никольский. С опорой на студенческий актив, ему, вместе с небольшим преподавательским коллективом кафедры и при практическом отсутствии достаточной материальной физкультурной базы, удалось создать секции по различным видам спорта и организовать на высоком уровне оборонно-массовую работу института [11].

На аналогичной кафедре Крымского медицинского института им. И. В. Сталина (Далее – Мединститут), помимо физического воспитания и военной подготовки осуществлялось преподавание лечебной физической культуры. В середине 30-х гг. XX в. кафедрой руководил доктор Юфуда Абрамович Коген-Пенбек. На кафедре к 1940 г. работало четыре штатных преподавателя с высшим физкультурным образованием: В. А. Юревич, Шипова, Е. М. Куница, Т. Чехенкели [14, л. 172] и ряд инструкторов-практиков по физической культуре.

*Юфуда Абрамович Коген-Пенбек осматривает больную девочку в санатории.
Фото: МБУК «Евпаторийский краеведческий музей». Инв. номер: Ф-3237*

В Мединституте удалось создать достаточную материальную базу для занятий физической культурой и студенческим спортом. В 1936 г. было построено футбольное поле длиной 90 и шириной 68 метров с подсобными помещениями (инструкторской, раздевалками и инвентарной комнатой) по адресу Бульвар Ленина 5/7 в г. Симферополе. К 1937 г. вокруг поля были оборудованы беговые дорожки длиной 333 метра и шириной 2,5 метра, а также 100-метровая беговая дорожка шириной 2,5 метра. В этом же году обустроили площадки для игры в баскетбол (26 на 17 метров) и волейбол (22 на 13 метров) и зону для игры в городки. Было начато строительство стрелкового тира. Территория спортивного городка, балансовой стоимостью 7 141 руб. 31 коп. и площадью более 1 800 м², была ограждена деревянным забором и озеленена. Помимо этого, в 1936 г. произведена реконструкция старого помещения спортивного зала при учебном корпусе Мединститута. В помещении площадью 421,4 м² и высотой 5,8 метра из ракушечного камня были достроены раздевалки, комнаты для инструкторов (11 м²) и инвентаря (10,6 м²). Балансовая стоимость зала составила 96 363 руб. [15, л. 60].

В Крымском педагогическом институте им. М. В. Фрунзе (далее – Пединститут) отдельной кафедры физической культуры не было, однако был открыт «Самостоятельный курс физической культуры», руководителем которого был назначен выпускник Центрального государственного института физической культуры Абрам Яковлевич Зильбер. Практические занятия по физической культуре, секции легкой атлетики и гранатометания вела преподаватель с высшим физкультурным образованием А. И. Кирпилева, а спортивно-массовую работу осуществляли инструкторы С. М. Ахенштейн (гимнастика, тяжелая атлетика), М. Ф. Питрин (гимнастика), Н. И. Петров (гимнастика), А. И. Иванченко (гимнастика), С. А. Шевченко (волейбол, баскетбол), Шушанский (шахматы и шашки). Умело привлекался к работе физкультурный актив из числа студентов. В Пединституте к 1940 г. физкультурными организаторами курсов, факультетов, членами бюро спортивных секций, помощниками инструкторов работало 127 человек. Особенно выделялись в работе секций помощники инструкторов по гимнастике Васильева, тяжелой атлетики Самохвалов, тренер общественник по боксу Н. М. Кузьменко [16. Л. 28].

В распоряжении преподавателей и инструкторов физической культуры вуза был, построенный из ракушечного камня в 1936 г., физкультурный кабинет площадью 195,3 м² (21 на 9,3 метра) и высотой 5,25 метра по адресу ул. Лазаретная, 14 в г. Симферополе. При зале имелись раздевалки (21,46 м²), инструкторская (31,14 м²), инвентарная комната (14,04 м²) и душевые на четыре рожка. Там же был обустроен врачебный кабинет площадью 9,76 м². Помещение физкультурного кабинета было снабжено водопроводом, канализацией и печным отоплением. Балансовая стоимость помещений оценивалась в 18 000 руб. [15, л. 66].

Несмотря на то, что в официальных отчетах декларировалась полная укомплектованность крымских вузов физкультурными кадрами, существовала острая нехватка преподавателей с высшим физкультурным образованием, поэтому почти все специалисты совмещали работу в нескольких вузах, а Комитет по делам

физической культуры и спорта при ЦИКе Крымской АССР, отвечавший за расстановку физкультурных кадров, постоянно «перебрасывал» их из одного вуза в другой. Так, письмом № 401 от 27 августа 1936 г., кафедра физической культуры Крымского мединститута просила направить для постановки работы на вакантную должность старшего преподавателя физической культуры Л. В. Никольского. Крымский комитет по делам физической культуры и спорта при ЦИКе Крымской АССР, в свою очередь, обратился к дирекции Сельхозинститута с письмом № 694 от 29 августа 1936 г. с просьбой «направить старшего инструктора [преподавателя] тов. Никольского в Медицинский вуз», а на его место был послан инструктор физической культуры 2-й всесоюзной категории К. Н. Титов. Один из лучших специалистов по физической культуре Крыма Абрам Яковлевич Зильбер многие годы совмещал преподавание в Пединституте и Мединституте. Помимо преподавателей для укрепления работы по физической культуре в вузы направлялись ведущие крымские инструкторы по различным видам спорта. Так, приказом № 41 от 16 ноября 1937 г. в Мединститут был назначен старший инструктор В. И. Кублицкий, отозванный из спортивного общества «Строитель» [17, л. 112], которому удалось значительно улучшить спортивно-массовую работу в вузе и вывести коллектив на одно из ведущих мест в городе по ее постановке.

Руководитель «Самостоятельного курса физической культуры» в Крымском педагогическом институте им. М. В. Фрунзе Абрам Яковлевич Зильбер. Фото: Музей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

С 1939 г. крымская физкультурная общественность предпринимала попытки организации в крымских вузах физкультурных кафедр, с отделением преподавания физической культуры от других дисциплин (военной подготовки, лечебной физической культуры). В резолюции собрания Всекрымского физкультурного актива от 29 мая 1939 г. значилось: «Ходатайствовать перед НКЗ [Народным комиссариатом здравоохранения СССР] об учреждении в Крымском Мединституте физкультурной кафедры» [18, л. 49], а в 1940 г. Комитет по делам физической культуры и спорта при ЦИКе Крымской АССР направил во Всесоюзный Комитет по делам физической культуры и спорта и в Народный комиссариат просвещения СССР ходатайство с просьбой «утвердить» кафедру физической культуры в Пединституте [19, л. 15].

По всей видимости в Мединституте отдельную кафедру физической культуры удалось открыть к сентябрю 1940 г., причем на должность заведующего кафедрой из Москвы было решено направить тов. Смирнова. Против такого решения активно выступил Комитет по делам физической культуры и спорта при ЦИКе Крымской АССР, направив ответную телеграмму в Москву, где значилось: «Есть специалист А. Я. Зильбер, окончивший Московский институт физической культуры и Крымский мединститут, в течение 6 лет работает старшим преподавателем Крымского пединститута. Как врач ЛФК не используется. Крымский Комитет [по делам физической культуры и спорта при ЦИКе Крымской АССР] рекомендует его на должность заведующего кафедрой» [19, л. 26]. Что касается открытия отдельной кафедры физической культуры в Пединституте, то в такой просьбе было отказано, с указанием возможных перспектив решения этого вопроса в дальнейшем. 16 июля 1940 г. из Управления подготовки учителей Наркомпроса РСФСР пришел ответ о том, что Всесоюзный комитет по делам высшей школы утверждает кафедры физической культуры только при крупных вузах союзного значения, поэтому ходатайство крымского вуза поддержано не было. Кроме того, сообщалось: «В настоящее время в руководящих органах рассматриваются мероприятия об укреплении преподавания физической культуры в вузах, что позволит в свою очередь, разрешить и поднятый ваш вопрос» [19, л. 22].

Важнейшей задачей исследуемого периода оставался охват как можно большего контингента обучающихся занятиями физической культурой и сдача соответствующих зачетов и нормативов.

Согласно «Циркуляторного письма Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР» от 10 апреля 1937 г., оценка знаний по физической культуре производилась в соответствии с порядком прохождения этой дисциплины. Зачет по физической культуре мог быть выставлен в зачетную книжку студента с отметкой «зачтено» или «не зачтено» как в итоге прохождения практических занятий, так и по результатам сдачи нормативов комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (далее – ГТО). При этом в зачетной книжке в графе «наименование дисциплины» обязательно указывалось за что именно выставлен зачет: за сдачу норм ГТО 1-й либо 2-й ступени или за практические занятия по физической культуре [20, л. 14].

Количество вовлеченных в занятия физической культурой увеличивалось год от года. В 1938 г., согласно «Отчету о физкультурной работе в учебных заведениях

Крыма», всего обучающихся, занимающихся физической культурой в рамках учебного плана, в вузах полуострова было 1191 человек, при этом членами коллективов физкультуры значилось 934 человека (табл. 1).

Таблица 1. Сводный отчет по физической культуре в вузах Крымской АССР за 1938 г.¹

Учебное заведение	Занимается физической культурой по учебному плану	В том числе женщин	В коллективе физической культуры
Пединститут	572	276	551
Мединститут	486	293	201
Сельхозинститут	133	51	182

К декабрю 1939 г. во всех вузах Крыма физической культурой в рамках учебного плана было уже охвачено 1723 студента, что составляло практически весь контингент 1-го и 2-го курсов, из которых 92,2% успешно сдали зачеты (табл. 2).

Таблица 2. Охват студентов вузов Крымской АССР физической культурой по состоянию на 3 декабря 1939 г.²

Учебное заведение	Всего обучающихся	Занимается физической культурой в рамках учебного плана (в том числе сдали зачет)	Из них женщин	Являются членами коллективов физической культуры
Пединститут	1150	952 (906)	647	738
Мединститут	1413	590 (537)	321	384
Сельхозинститут	452	181 (146)	116	248

Вузы активно боролись за посещаемость и успеваемость по физической культуре, которая постоянно повышалась. Так, в Сельхозинституте по состоянию на 1 января 1938 г. посещение учащимися физической культуры в порядке учебного плана составляло 85%. Успеваемость по 1 курсу: 24 человека – отлично; 2 – хорошо; 19 – посредственно; 5 – неудовлетворительно. На 2 курсе: отлично – 16 человек, хорошо – 5, посредственно – 14 и неудовлетворительно – 8 [21, л. 3].

Значительно расширился диапазон доступных обучающимся видов спорта для секционных занятий. В 1938 г. для студентов были открыты спортивные секции по 15 видам спорта. Наиболее массовыми видами были спортивные игры, легкая атлетика и гимнастика (табл. 3).

¹ Составлено по [21, л. 3]

² Составлено по [22, л. 68–70]

Таблица 3. Количественные показатели занимающихся в спортивных секциях крымских вузов в 1938 г.¹

№	Вид спорта	Всего занимающихся	В том числе женщин	Подготовлено разрядников	Подготовлено спортивных судей
1.	Гимнастика	202	138	6	9
2.	Легкая атлетика	172	77	22	10
3.	Футбол	45	-	-	2
4.	Волейбол	243	106	-	37
5.	Баскетбол	162	54	-	3
6.	Штанга	41	-	1	2
7.	Городки	32	-	-	-
8.	Фехтование	8	-	-	-
9.	Шахматы и шашки	153	35	-	-
10.	Велоспорт	25	8	-	-
11.	Художественная гимнастика	24	24	-	-
12.	Танцы и пляски	8	4	-	-
13.	Мотоспорт	38	18	-	-
14.	Охота	12	-	-	-
15.	Бокс	16	-	-	-

В вузах Крымской АССР повышался уровень спортивно-массовой работы. Только за 1938 г. было проведено 27 соревнований с общим количеством участников 1581 человек.

В каждом из вузов регулярно проводились межфакультетские и внутривузовские соревнования по различным видам спорта. В частности, в Сельхозинституте за 1937 г. были проведены внутривузовские соревнования по тяжелой атлетике (штанга) в феврале и декабре с количеством участников – 10 и 11 человек, по гимнастике – 22 человека, кроссу – 40 человек, два розыгрыша по баскетболу (в мае 4 мужских команды по 20 человек и в декабре 6 мужских и 7 женских команд – всего 65 человек), по легкой атлетике на первенство курса (51 участник), внутривузовские соревнования по волейболу на первенство курсов в котором участвовали 6 мужских и 4 женских команды, шахматный турнир, охвативший 65 человек и соревнование гранатометчиков (68 участников) [23, л. 11].

Каждый вуз обязательно выставлял команды на городские и всекрымские спортивные соревнования, эстафеты, пробеги, добиваясь высоких результатов.

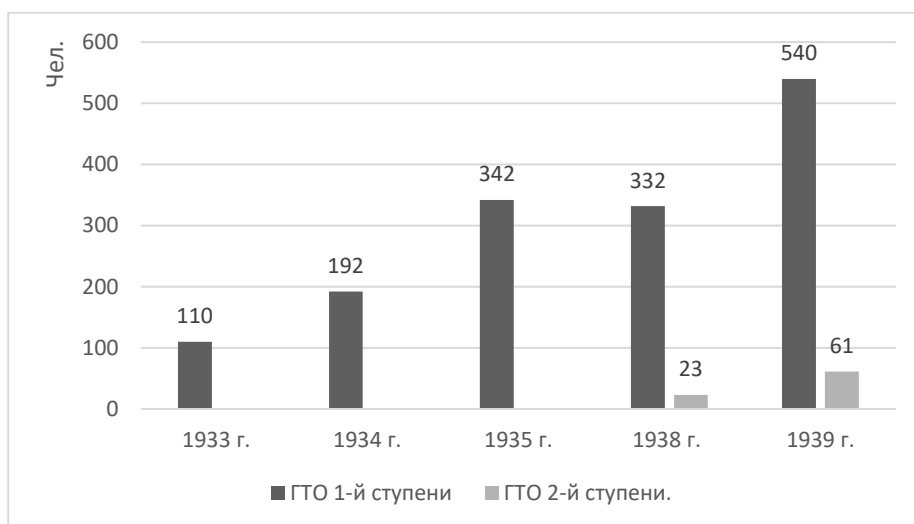
В период с 1937 по 1941 гг. студенческие команды становились лучшими городскими коллективами в состязаниях по тяжелой атлетике и многоборью ГТО (Сельхозинститут), по гимнастике, гранатометанию и штыковому бою (Пединститут). В 1939 г. женская сборная Пединститута стала чемпионом Крыма по волейболу [21, л. 139]. На последних довоенных Всекрымских соревнованиях по

¹ Составлено по [21, л. 3].

тяжелой атлетике, проходивших 12–13 апреля 1941 г. в Керчи, команда Мединститута заняла второе место. Студент мастер спорта СССР Домианиди установил новое крымское достижение, а личное первенство в легком весе завоевал студент Кифниди, набравший в троеборье 227 килограммов 750 граммов.

Большинство студенческих соревнований обслуживалось судьями, подготовленными из числа студентов, с приглашением представителей Комитета по делам физической культуры и спорта при ЦИКе Крымской АССР [23, л. 11].

Вузы успешно выполняли и перевыполняли контрольное задание по подготовке значкистов ГТО, ставив перед коллективами повышенные самообязательства. Так при задании на 1938 г. 234 человека, полностью сдали нормы ГТО 1-й ступени 332, а в целом по вузам было 694 значкиста (в том числе 283 женщины). Нормы ГТО 2-й ступени за год сдало 23 человека при контрольных цифрах в 20 человек. В 1939 г. в крымских вузах ГТО 1-й ступени сдало уже 540 человек, при контрольном задании в 320, а значек ГТО 2-й ступени получил 61 студент, полностью выполнив контрольные цифры.

Динамика сдачи нормативов ГТО в вузах Крымской АССР в 1933–1939 гг.¹

Организационную структуру физкультурно-спортивной работы крымских вузов ярко иллюстрирует «Ежемесячный календарный план работы по физической культуре Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе» за 1940 г. Из него следует, что там была открыта спортивная «Школа гимнастики» для студентов с группами отдельно для мужчин и женщин под руководством одного из старейших и опытейших гимнастов Крыма Семена Мироновича Ахенштейна, занятия в которой проводились десять раз в месяц по полтора часа. Также, отдельно

¹ Составлено по материалам Государственного архива Республики Крым Ф. Р-1209.

для каждого факультета работали спортивные секции по гимнастике, спортивным играм (баскетболу и волейболу), и общеузовские секции по легкой атлетике, штыковому бою, боксу и тяжелой атлетике. Занятия в каждой секции проводились пять раз в месяц по полтора часа.

Отдельно были организованы занятия для профессорско-преподавательского состава и сотрудников института в утренние часы с 9 до 11 часов пять раз в месяц.

Были выделены специальные дни для тренировочных встреч между командами факультетов по спортивным играм и дни для сдачи норм ГТО 1-й и 2-й ступени. Руководитель самостоятельного курса физической культуры Пединститута А. Я. Зильбер регулярно проводил консультации по врачебному контролю и лечебной физической культуре. Для будущих педагогов инструкторы М. Ф. Питрин, С. А. Шевченко, С. М. Ахенштейн и преподаватель А. И. Кирпилева осуществляли консультации по теории и методике физической культуры и организации физкультурной работы в школе, по спортивным играм, легкой атлетике, спортивной гимнастике, тяжелой атлетике. Раз в месяц проводились совещания физкультурных организаторов курсов и факультетов [19, л. 3–5].

Такая организация работы позволила Пединституту занять во Всесоюзном военно-физкультурном соревновании между высшими учебными заведениями в 1940 г. второе место по организации физкультурной и оборонно-массовой работы среди всех педагогических вузов РСФСР [19, л. 15].

Таким образом, к концу 30-х гг. XX в. в вузах Крыма были образованы и укомплектованы квалифицированными преподавателями и инструкторами кафедры, осуществлявшие физическую и военную подготовку обучающихся. В этот период удалось добиться практически полного охвата обучающихся первого и второго курсов обязательными академическими занятиями физической культурой и включения большинства студентов в спортивно-массовую работу при вузовских коллективах физкультуры. Была значительно улучшена материальная спортивная база институтов и увеличено количество студенческих спортивных секций. Сформированная система спортивных состязаний от внутригрупповых до межвузовских, позволила студенческим спортивным командам и коллективам физической культуры занять лидирующие позиции в Крымской АССР по спортивно-массовой работе к началу 40-х гг. XX в.

Список использованных источников и литературы

1. Сидорчук И. В. Интеграция физической культуры и спорта в систему высшего образования в 1920–1930-х гг // История: факты и символы. – 2022. – № 2(31). – С. 19–28.
Sidorchuk I. V. Integratsiya fizicheskoi kul'tury i sporta v sistemu vysshego obrazovaniya v 1920–1930-h gg // Istoriya: fakty i simvol'y. – 2022. – № 2(31). – S. 19–28.
2. Калинина Е. А. Проблемы преподавания физической культуры и развития спорта в Карельском педагогическом институте в 1930-е гг // Труды Кольского научного центра РАН. – 2021. – Т. 12, № 4(21). – С. 94–103.
Kalinina E. A. Problemy prepodavaniya fizicheskoi kul'tury i razvitiya sporta v Karel'skom pedagogicheskom institute v 1930-e gg // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. – 2021. – T. 12, № 4(21). – S. 94–103.

3. Соколова Н. Развитие системы физического воспитания в учебных заведениях Украины в 30-х годах XX в // *Фізичне виховання, спорт і культура здоров'я у сучасному суспільстві*. – 2012. – № 4(20). – С. 46–51.

Sokolova N. Razvitie sistemy fizicheskogo vospitaniya v uchebnykh zavedeniyakh Ukrainy v 30-h godakh XX v // *Fizichne vikhovannya, sport i kul'tura zdorov'ya u suchasnomu suspil'stvi*. – 2012. – № 4(20). – S. 46–51.

4. Полоскова Д. А., Молчанова Е. Г. Оборонно-массовая и спортивная работа в Хабаровском педагогическом институте накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.) // *Материалы секционных заседаний 58-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ*. В 2-х т.: отв. за вып. И.Н. Пугачев, А.В. Казарбин. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. – 17–25 апреля 2018 г. – Т. 2. – С. 217–222.

Poloskova D. A., Molchanova E. G. Oboronno-massovaya i sportivnaya rabota v Khabarovskom pedagogicheskom institute nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1938–1945 gg.) // *Materialy sektionnykh zasedanii 58-i studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii TOGU*. V 2-kh t.: otv. za vyp. I. N. Pugachev, A.V. Kazarbin. Khabarovsk: Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet. – 17–25 aprelya 2018 g. – T. 2. – S. 217–222.

5. Пряженникова М. В. Состояние военно-физкультурной работы в Читинском государственном педагогическом институте в годы Великой Отечественной войны // *Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: международная научно-практическая конференция, посвящённая 75-летию Победы в Великой Отечественной войне*. В 2-х ч. Чита: Забайкальский государственный университет. – 18 сентября 2020 г. – Т. Ч. 1. – С. 159–162.

Pryazhennikova M. V. Sostoyanie voenno-fizkul'turnoi raboty v Chitinskom gosudarstvennom pedagogicheskom institute v gody Velikoi Otechestvennoi voyny // *Prigranichnyi region v istoricheskom razviti: partnerstvo i sotrudnichestvo: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine*. V 2-kh ch. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet. – 18 sentyabrya 2020 g. – T. Ch. 1. – S. 159–162.

6. Носонов Р. Г. Оборонно-массовая работа в Барнаульском учительском институте накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Гуляевские чтения: Материалы XI историко-архивной конф.* Барнаул. – 15 декабря 2020 г. – Т. Вып. 5. – С. 55–60.

Nosonov R. G. Oboronno-massovaya rabota v Barnaul'skom uchitel'skom institute nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny // *Gulyaevskie chteniya: Materialy XI istoriko-arkhivnoi konf.* Barnaul. – 15 dekabrya 2020 g. – T. Vyp. 5. – S. 55–60.

7. Черданцева Р. Г., Афанасенков В. О. Организация военно-физкультурной подготовки в Томском государственном университете в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. – 2015. – № 394. – С. 225–229.

Cherdantseva R. G., Afanasenkov V. O. Organizatsiya voenno-fizkul'turnoi podgotovki v Tomskom gosudarstvennom universitete v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2015. – № 394. – S. 225–229.

8. Непомнящий А. А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории кримоведения. – Саратов: Амирит, 2021. – 416 с.

Nepomnyashnij A. A. Vostochnyj fakul'tet: neizvestnye stranicy istorii krymovedeniya. – Saratov: Amirit, 2021. 416 s

9. Непомнящий А. А. Профессор Алексей Деревницкий: крымские страницы биографии. – Саратов: Амирит, 2022. – 176 с.

Nepomnyashnij A. A. Professor Aleksey Derevickij: kry'mskie stranicy biografii. – Saratov: Amirit, 2022. – 176 s.

10. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. – Белгород: Константа, 2018. – 352 с.

Istoriya Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentax i fotografiyax / avt. sost. A. A. Nepomnyashnij, A. S. Kravchuk. – Belgorod: Konstanta, 2018. – 352 s.

11. С веком наравне: от факультета к аграрному вузу / Донец О. В., Зильберварг Е. В., Осенний Н. Г., Заричный В. Д. – Симферополь: Ариал, 2018. – 232 с.

S vekom naravne. Ot fakul'teta k agrarnomu vuzu. / Donecz O. V., Zil'bervarg E. V., Osennij N. G., Zarichnyj V. D. – Simferopol': Arial, 2018. – 232 s.

12. Мутьев А. В. Становление физического воспитания в высших учебных заведениях Крыма в конце 20-х - начале 30-х годов XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2024. – Т. 10, – № 1. – С. 14–22.

Mutiyeu A. V. Stanovlenie fizicheskogo vospitaniya v vysshix uchebnykh zavedeniyakh Kryma v konce 20-h - nachale 30-h godov XX veka // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2024. – T. 10, – № 1. – S. 14–22.

13. Мутьев А. В. Состояние физического воспитания в высших учебных заведениях Крыма в середине 30-х годов XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 52–61.

Mutiyeu A. V. Sostoyanie fizicheskogo vospitaniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Kryma v seredine 30-h godov XX veka // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2024. – T. 10, – № 3. – S. 52–61.

14. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 130. 211 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 130. 211 l.

15. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 93. 132 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 93. 132 l.

16. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 104а. 77 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 104a. 77 l.

17. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 102. 121 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 102. 121 l.

18. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 121. 115 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 121. 115 l.

19. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 129. 27 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 129. 27 l.

20. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 97. 65 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 97. 65 l.

21. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 114. 17 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 114. 17 l.

22. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 125. 107 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 125. 107 l.

23. ГАРК. – Ф. Р-1209. – Оп. 2. – Д. 126. 67 л.

GARK. – F. R-1209. – Op. 2. – D. 126. 67 l.

A. V. Mutiyeu. Physical education and sports in Higher Educational Institutions of the Crimea in the late 30s – early 40s of the 20th century

Based on the analysis of previously unexplored archival documents, the features of the development of physical culture and sports in higher educational institutions of the Crimea in the late 30s - early 40s of the 20th century are considered. Research has established that by the end of the 30s of the twentieth century, departments were formed and staffed by qualified teachers and instructors in higher educational institutions of the Crimea, which combined physical and military training of students. During this period, it was possible to achieve almost complete coverage of first- and second-year students with compulsory academic physical education classes and the inclusion of most students in sports and mass work at university physical education collectives. The sports facilities of the institutes have been significantly improved and the number of student sports sections has been increased. Student sports teams and physical education collectives occupied leading positions in the Crimean ASSR in terms of sports results and mass sports work by the early 40s of the 20th century.

Keywords: M. V. Frunze Crimean Pedagogical Institute, I. V. Stalin Crimean Medical Institute, M. I. Kalinin Crimean Agricultural Institute, Supreme Council of Physical Culture of Crimea, physical education, sport.

УДК 908(292.471): МАРКЕВИЧ

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-128-138

ИЗ ИСТОРИИ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ АРСЕНИЯ МАРКЕВИЧА: К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО

Непомнящий А. А.

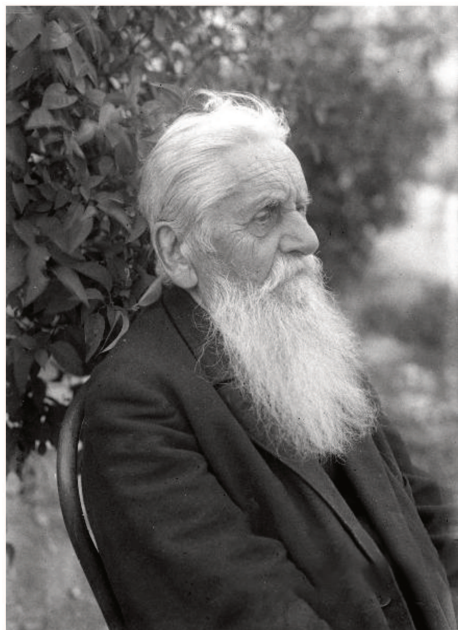
*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

Интерес к реконструкции личного книжного собрания организатора науки, члена-корреспондента АН СССР, историка-крымоведа А. И. Маркевича (1855–1942) объясняется тем, что его состав отражает уровень состояния историко-крымоведческих разработок эпохи. На основе архивных данных и выявленных в фондах Научной библиотеки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского изданий с владельческими и дарственными надписями доказывается факт передачи личной библиотеки А. И. Маркевича в фонды симферопольского вуза. Она проходила в два этапа: в 1918 г. часть собрания продана в Академическую библиотеку Таврического университета, а в 1930 г. передана в дар в Научную библиотеку Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. Частично восстановлен состав личного книжного собрания историка. Это издания по истории и археологии Крыма (более 60 названий), а также дары коллег Маркевича (книги по направлениям их ученых разысканий, связанных с историей России, отдельных местностей, филологией, философией).

Ключевые слова: личная библиотека, А. И. Маркевич, Таврический университет, Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, автографы, Научная библиотека Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, крымоведение.

Библиографическое и историко-крымоведческое научное наследие видного историка-регионоведа, члена-корреспондента АН СССР Арсения Ивановича Маркевича (1855–1942) более века является путеводной звездой для всех, кто работает в области изучения истории и этнографии Таврии. Он – создатель универсального библиографического указателя литературы о Крыме «Таугіса», с которого начинается свой путь в крымоведение любой исследователь, организатор краеведческого движения в Крыму, автор более чем 250 трудов, связанных с историей и культурой полуострова [1]. А. И. Маркевич прочно вошел в историю изучения Крыма как одна из первостепенных, выдающихся фигур отечественной историографии [2].

Научное наследие А. И. Маркевича в последние десятилетия все более востребовано не только историками науки, но и археологами, культурологами, книговедами, библиографами [3, с. 51; 4]. Отдельным предметом исследования стало и его книжное собрание [5]. Солидная, многопрофильная библиотека была незаурядным явлением в провинциальном досоветском Симферополе [6, с. 193–194]. Реконструкция части этого собрания на основе изучения владельческих знаков и автографов позволила не только расширить представления об увлечениях, конкретных научных интересах ученого, но и больше узнать о его личных и ученых

*Арсений Иванович Маркевич.
ЦМТ нег-1165-5*

коммуникациях, очертив круг коллег и друзей. Это дополнило уже известный список таких деятелей, выявленных благодаря изучению эпистолярного наследия [7].

Как видно из проанализированных документов (переписка, хорошо сохранившаяся в личных архивных фондах корреспондентов Маркевича и рукописная картотека, проданная А. И. Маркевичем Государственной академии истории материальной культуры в конце 30-х гг. XX в.) [8], основную часть своего книжного собрания Арсений Иванович продал организованному в 1918 г. Таврическому университету [9, л. 6–7]. Губернский город Симферополь к моменту организации на полуострове первого высшего учебного заведения не мог обеспечить литературой учебный процесс.

В то сложное время на выручку вузу пришли профессора, передававшие свои книги, и власти, организовавшие реквизиции. Кроме библиотек Симферопольской мужской

и женской гимназий, Таврической духовной семинарии и Симферопольского женского клуба, которые были переданы Таврическому университету по решению краевого правительства, библиотека вуза значительно пополнялась частными собраниями книг профессорско-преподавательского состава П. А. Двойченко, Н. М. Крылова, А. И. Маркевича, М. А. Тихомандрицкого и других [10, с. 26–34; 11; 12, с. 47–65]. В 1918 году Маркевич продал университету справочные издания (словари и энциклопедии), комплекты журналов «Вестник Европы», «Полярная звезда», «Русский архив» и других периодических изданий, а также часть книг из собственной библиотеки. Списка всех переданных изданий не сохранилось.

В тех полубоевых условиях все книги вливались в общий фонд. Не было практики оставлять переданные книги в отдельных коллекциях. Книжное поступление от Маркевича растворилось в фонде Академической библиотеки Таврического университета, которая располагалась в здании Таврической духовной семинарии (Семинарский сквер). Многочисленные переезды книжного фонда библиотеки университета (с 1925 г. – Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе) по разным зданиям в 1920–1930-е гг. и оккупация Симферополя в годы Великой Отечественной войны также не способствовали восстановлению перечня книг личных коллекций в составе библиотеки вуза. Не до этого было и в послевоенный период. Такая работа была проведена уже после переезда в 1965 г. Научной библиотеки пединститута (с 1972 г. – Симферопольского

государственного университета им. М. В. Фрунзе) в специально приспособленное помещение с большим хранилищем.

Выявлением книг из бывшего личного собрания А. И. Маркевича занимались в последнее десятилетие прошлого – первое десятилетие нынешнего века (с 1999 г. – Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского) сотрудники отдела редких книг (прежде всего, кандидат исторических наук, представитель научной школы истории крымоведения Марина Михайловна Калмыкова). По автографам на книгах бывшей библиотеки Арсения Ивановича восстановлена часть собрания, переданного (проданного) в 1918 и 1930 гг., когда профессор А. И. Маркевич окончательно ушел из педагогического института [13, с. 233–249; 14, с. 226–227].

На данный момент в фондах Научной библиотеки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (современное название вуза – с 2015 г.) учтено более 40 наименований подаренных А. И. Маркевичу книг. Наши разыскания дополнили этот список [15, с. 213, 234, 245]. Подавляющее большинство изданий из личной библиотеки А. И. Маркевича – книги по археологии (более 20 названий), по истории (более 30 названий). На форзаце владелец иногда делал пометку: «Из библиотеки Арсения Маркевича».

Однако в большинстве случаев выделить книги из личной библиотеки организатора научного крымоведения удалось благодаря наличию дарственных надписей. В книжном собрании историка сохранились книги с автографами сотрудника Исторического музея в Москве выдающегося нумизмата А. В. Орешникова, профессора Санкт-Петербургского (Петроградского) университета В. Д. Смирнова (рис. 1), заведующего раскопками и музеем в Херсонесе К. Э. Гриневича (рис. 2), археолога Н. И. Репникова (рис. 3), профессоров Университета Св. Владимира, создателя Боспорского университета М. В. Довнар-Запольского (рис. 4) и византиниста Ю. А. Кулаковского (рис. 5), крупного этнографа Х. П. Яшуржинского (рис. 6 и 7), историка и краеведа В. М. Базилевича и других крымоведов (рис. 8).

Маркевичу также дарили книги с инскриптами многочисленные коллеги, с которыми он общался на проходивших в России раз в трехлетие археологических съездах. Как председатель Таврической ученой архивной комиссии и редактор ее «Известий» он вел обширную переписку, осуществляя книгообмен с различными академическими центрами России (СССР) и Европы, получая в ответ книги от коллег. Значительная часть этих книг на сегодняшний день оказалась в библиотеке симферопольского вуза, а частично в фондах Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко и фондах Научной библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена Центрального музея Тавриды.

Информативным историческим источником о судьбе архивного, библиографического и книжного собраний А. И. Маркевича является документ из личного архивного фонда ученого (в настоящее время – в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН). Это «памятная записка» дочери историка – Екатерины Арсеньевны Кошляковой «К вопросу о научном наследии Арсения Ивановича Маркевича». Воспоминания были написаны по просьбе руководства Института истории материальной культуры АН СССР (г. Ленинград). Е. А. Кошляковой предложили сообщить известные ей факты о

судьбе научного наследия ее отца в связи с 100-летним юбилеем со дня рождения А. И. Маркевича, которое отмечалось в 1955 году. Данный документ был выявлен в архиве и впервые введен в научный оборот кандидатом исторических наук Александром Валериевичем Севастьяновым [16].

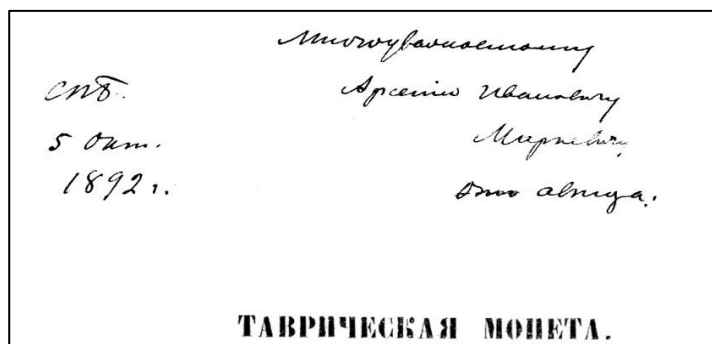

Рис. 1. Автограф профессора Василия Дмитриевича Смирнова.
Из книг А. И. Маркевича

Ценность данного исторического источника в том, что он окончательно проясняет степень участия А. И. Маркевича в создании Академической библиотеки Таврического университета в 1918 году, когда ученый был вынужден из-за безденежья продать основную часть своей богатой книжной коллекции вузу. Следовательно, А. И. Маркевич – фактически один из создателей вузовской библиотеки. Не менее ценным, а возможно, и ключевым сюжетом воспоминаний также является свидетельство Е. А. Кошляковой о судьбе незначительной части библиотеки А. И. Маркевича, оставшейся в годы Великой Отечественной войны в оккупированном немецко-румынскими войсками Симферополе. Документ представляет собой машинопись с незначительной авторской правкой от руки.

Екатерина Арсеньевна, в частности, сообщала: «В свое время, до открытия Таврического университета, у А. И. Маркевича была солидная для провинции библиотека. Основная ее часть была им очень дешево продана (и то только потому, что он тогда нуждался) Таврическому университету, так что тут более уместно было бы сказать “наполовину пожертвована”. Вместе с библиотеками б[ывшей] Духовной семинарии, б[ывшего] женского клуба в Симферополе и частными собраниями математических книг профессоров Н. М. Крылова и М. А. Тихомандрицкого эта библиотека заложила фундамент университетской библиотеки, на что указывал в одном из университетских отчетов еще покойный проф[ессор] А. Н. Деревницкий. Себе А. И. Маркевич оставил лишь часть книг и карт по Крыму, которые все умещались в одном шкапу; здесь, конечно, было много ценного. К сожалению, Арсений Иванович был слишком доверчив, а [в] последние годы стал и очень забывчив: часто книги и карты у него брались, а назад не возвращались. Перед своим последним отъездом в Ленинград он сокрушенно говорил: “Все растащили”. Пусть это останется на совести тех, кто это делал.

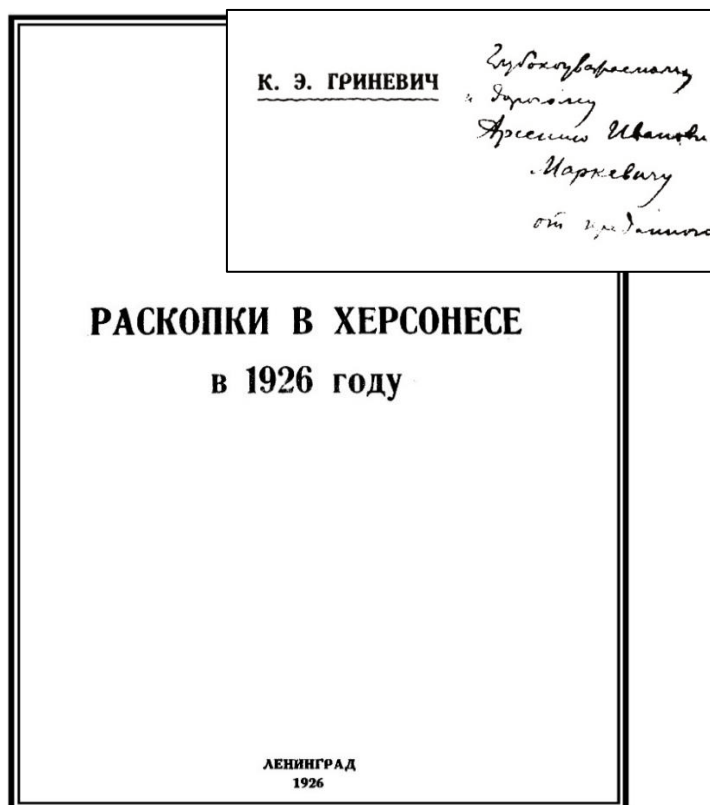

Рис. 2. Автограф Константина Эдуардовича Гриневича
Из книг А. И. Маркевича

Отдельно на вертушке у Арсения Ивановича хранились все ИТУАКи [«Известия Таврической ученой архивной комиссии» – А. Н.], которые он предназначал для своего старшего внука. После смерти в начале 1941 г. его жены, Анны Николаевны Маркевич, они, согласно желанию Арсения Ивановича, были уложены в корзину и их должен был привезти осенью 1941 года в Ленинград, куда Арсений Иванович переехал на жительство к своим дочери и зятю, его сын Владимир Арсеньевич. С собой Арсений Иванович взял лишь том своих ранних сочинений, который и сейчас хранится у меня, и две рукописи, о которых скажу далее. Судьба всех остальных книг мне неизвестна. После смерти летом 1942 г. Владимира Арсеньевича, которого вместе с его семьей немцы выселили из квартиры Арсения Ивановича, в Симферополе осталась в живых лишь одна внучка Арсения Ивановича с двумя его правнуками 2-х и 4-х лет. Совершенно очевидно, что она в условиях оккупации бессильна была что-либо предпринять, тем более что было известно, что ее муж – член партии и находится на фронте.

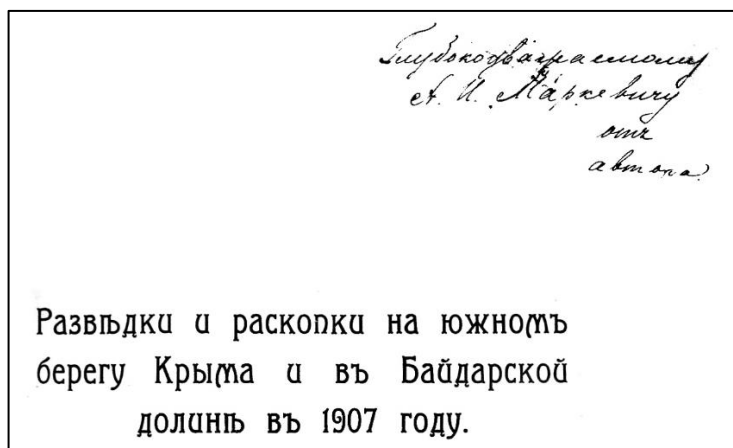

Рис. 3. Автограф Николая Ивановича Репникова.
Из книг А. И. Маркевича

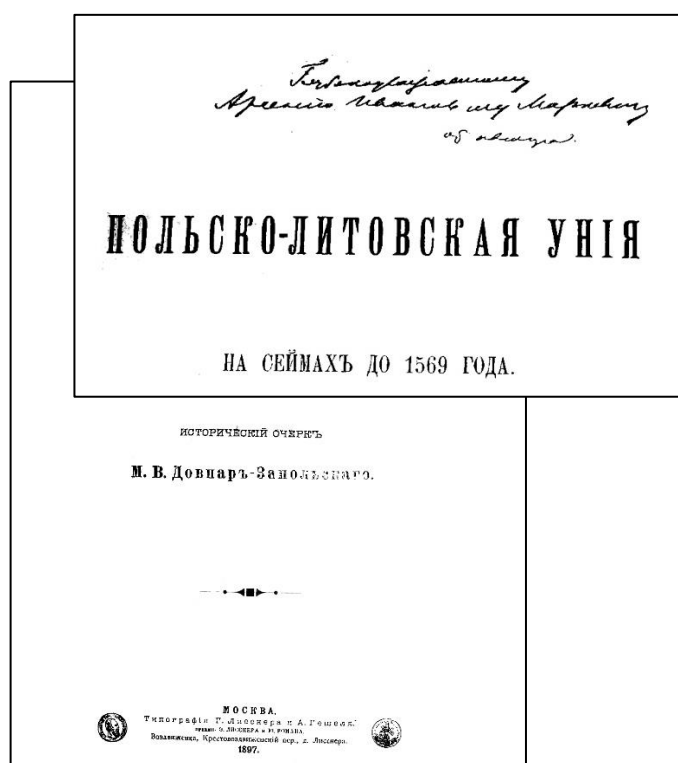

Рис. 4. Автограф профессора Митрофана Викторовича Довнар-Запольского
Из книг А. И. Маркевича

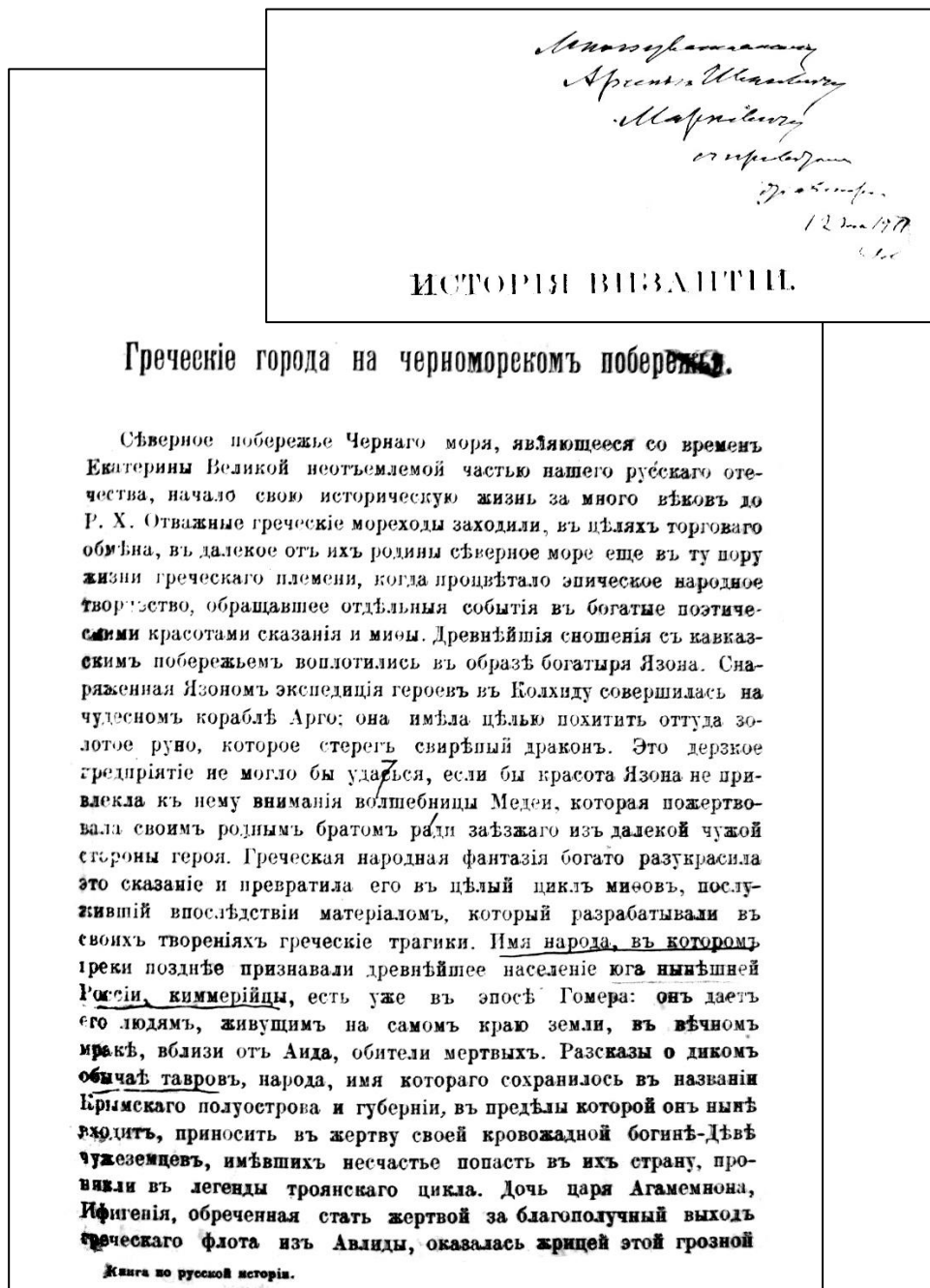

Рис. 5. Автограф профессора Юлиана Андреевича Кулаковского
Из книг А. И. Маркевича

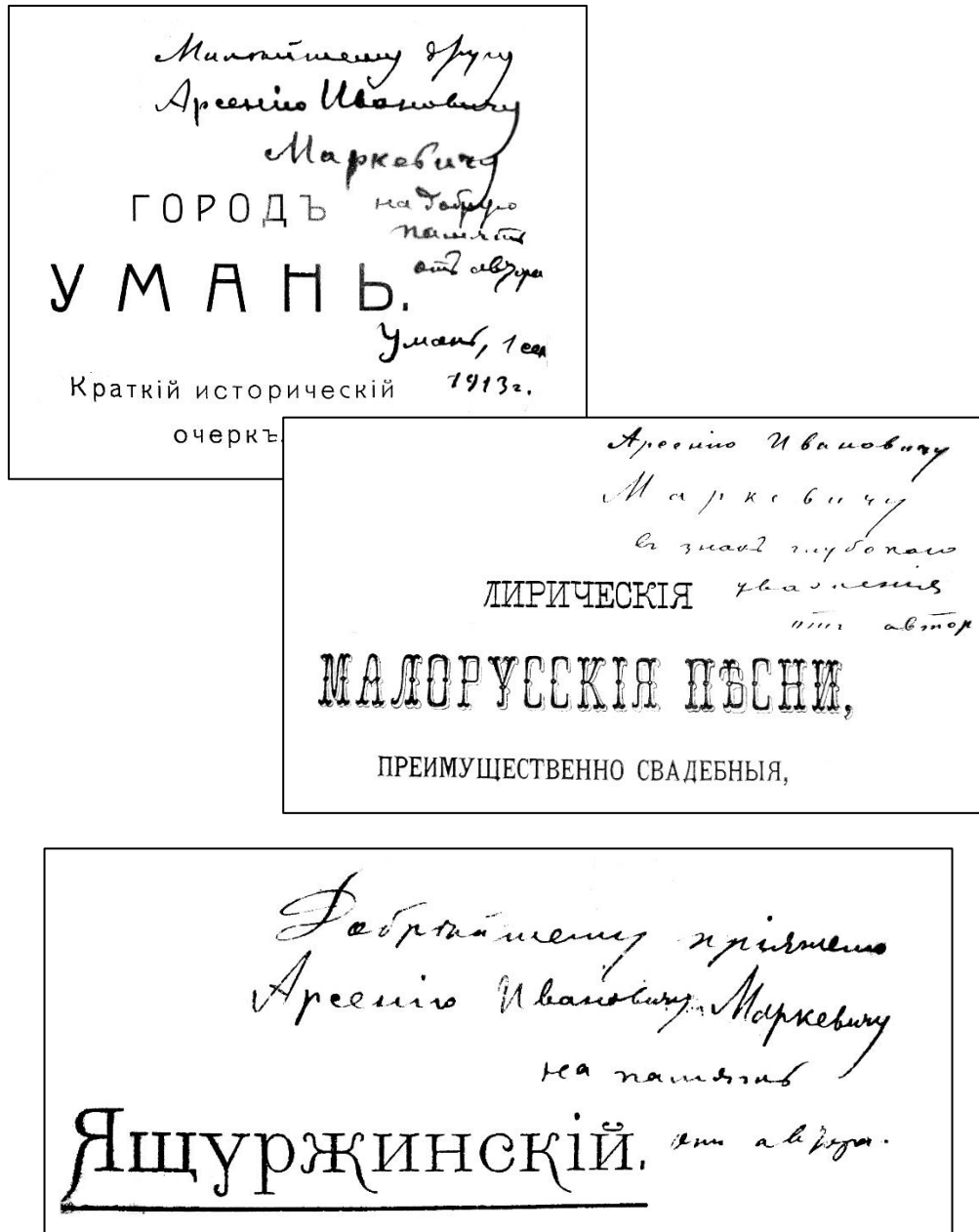
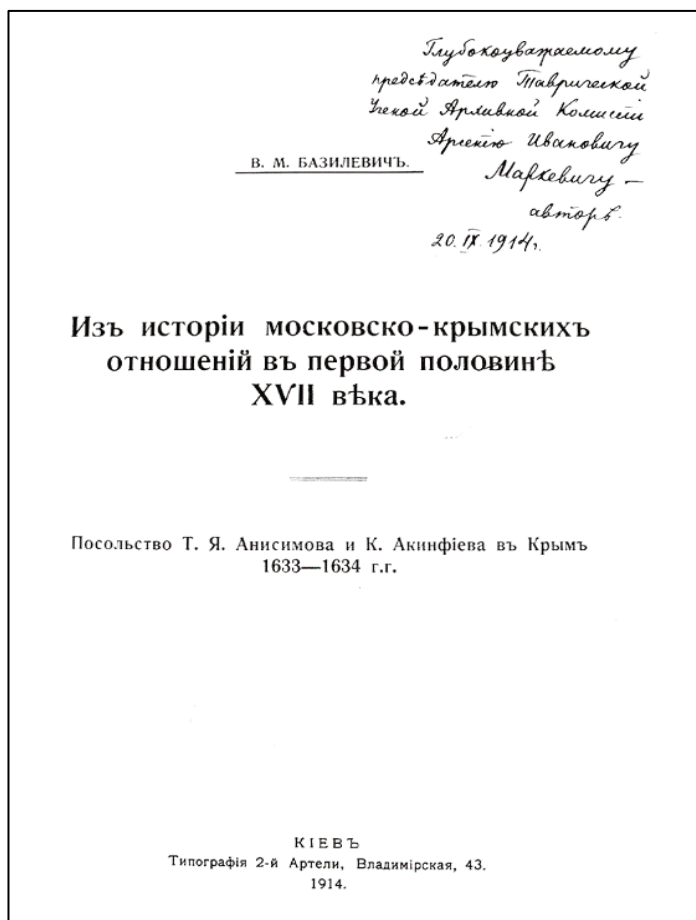

Рис. 6, 7. Автографы Хрисанфа Петровича Ящуржинского.
Из книг А. И. Маркевича

*Рис. 8. Автограф Василия Митрофановича Базилевича.
Из книг А. И. Маркевича*

В первую же свою поездку в Крым после окончания войны я посетила дом, где жил мой отец. Во дворе этого дома мне сказали, что при фашистах в соседней с Арсения Ивановича квартирой поселился какой-то «ученый румын (?) офицер», который будто бы забрал себе много книг Арсения Ивановича. Так ли это – не знаю» [17, л. 1–2]. Эти сведения дезавуируют некомпетентное заявление, основанное на ссылке на профашистскую газету «Голос Крыма», о том, что якобы в оккупированном Симферополе библиотеку Маркевича «выкупила Бухарестская Академия наук» [18, с. 26].

Таким образом, установлено, что личная библиотека Арсения Ивановича Маркевича в два этапа (в 1918 и 1930 гг.) была частично продана, а частично передана в дар Таврическому университету (Крымскому государственному педагогическому

институту имени М. В. Фрунзе). Оставшиеся в квартире А. И. Маркевича ко времени оккупации Симферополя к ноябрю 1941 года книги – лишь мизерная часть его личной библиотеки – была везена квартировавшим там румынским офицером.

Сегодня работы по реконструкции личного книжного собрания выдающегося деятеля науки продолжаются. Книжное собрание А. И. Маркевича по-прежнему служит теперь уже нынешнему поколению историков Крыма, являясь украшением Научной библиотеки вуза.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Список прижизненных публикаций Арсения Ивановича Маркевича // Историко-библиографические исследования: сб. научн. трудов / Российская нац. б-ка.– СПб., 2002.– Вып. 9.– С. 83–96.
2. Непомнящий А. А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории.– 2018.– № 11.– С. 29–48.
3. Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны / Южный филиал Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.– Краснодар, 2017.– 208 с.
4. Колесникова Н. Н. Литературно-краеведческие исследования А. И. Маркевича // VI Таврические научные чтения. г. Симферополь, 27 мая 2005 г.: сб. матер. / Крымский респ. краеведческий музей.– Симферополь, 2006.– С. 91–96.
5. Калмыкова М. М. «Столпы крымоведения...» // Крымский архив. 2001.– № 7.– С. 328–333.
6. История Крыма / Российское военно-историческое об-во; Е. Е. Бойцова, Я. В. Вишняков, А. А. Непомнящий и др.– М.: Олма, 2015.– 464 с.
7. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с.– (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 3).
8. Институт истории материальной культуры РАН, Научный архив, рукописный отдел, ф. 32: Картотека А.И. Маркевича.
9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 827. Оп. 4. Д. 343. Л. 2–8.
10. Калмыкова М. М., Чигрина Н. В. Путь длиною в сто лет: Научная библиотека Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Под ред. А. А. Непомнящего.– Белгород: Константа, 2018.– 346 с.
11. Калмыкова М. М., Чигрина Н. В. Путь длиною в сто лет: Научная библиотека Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Под ред. А. А. Непомнящего.– Белгород: Константа, 2018.– 346 с.
12. Калмыкова М. М. «Крымский автограф»: из истории формирования фондов Научной библиотеки ТНУ им. В. И. Вернадского // XII Таврические научные чтения. г. Симферополь, 27 мая 2011 г.: сб. матер.: В 2-х ч. / Центральный музей Тавриды. Симферополь, 2012.– Ч. 1.– С. 54–58.

Kalmykova M. M. «Krymskij avtograf»: iz istorii formirovaniya fondov Nauchnoj biblioteki TNU im. V. I. Vernadskogo // XII Tavricheskie nauchnye chteniya. g. Simferopol', 27 maya 2011 g.: sb. mater.: V 2-h ch. / Central'nyj muzej Tavridy. Simferopol', 2012.— Ch. 1.— S. 54–58.

12. Непомнящий А. А. «Жить сегодняшним днем...»: профессор Петр Двойченко.— Саратов: Амрит, 2023.— 280 с.— (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 34).

Nepomnyashchij A. A. «Zhit' segodnyashnim dnev...»: professor Petr Dvojchenko.— Saratov: Amirit, 2023.— 280 s.— (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 34).

13. Калмыкова М. М. Личные книжные собрания в фондах Научной библиотеки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (1918–1940): к 95-летию основания Таврического университета / Под ред. А. А. Непомнящего.— Симферополь: Диайпи, 2013.— 312 с.— (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 20).

Kalmykova M. M. Lichnye knizhnye sobraniya v fondah Nauchnoj biblioteki Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo (1918–1940): k 95-letiyu osnovaniya Tavricheskogo universiteta / Pod red. A. A. Nepomnyashchego.— Simferopol': Diapji, 2013.— 312 s.— (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 20).

14. Калмыкова М. М. Личные книжные собрания в фонде Научной библиотеки ТНУ им. В. И. Вернадского: история, формирование, структура // Историческое наследие Крыма.— 2007.— № 20.— С. 225–240.

Kalmykova M. M. Lichnye knizhnye sobraniya v fonde Nauchnoj biblioteki TNU im. V. I. Vernadskogo: istoriya, formirovanie, struktura // Istoricheskoe nasledie Kryma.— 2007.— № 20.— S. 225–240.

15. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения.— Симферополь: СГТ, 2006.— 324 с.— (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 7).

Nepomnyashchij A. A. Podvizhniki krymovedeniya.— Simferopol': SGT, 2006.— 324 s.— (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 7).

16. Севастьянов А. В. Свидетельство дочери, или Еще раз о судьбе личного архива и библиотеки Арсения Маркевича // Историческое наследие Крыма.— 2007.— № 17.— С. 235–242.

Sevast'yanov A. V. Svidetel'stvo docheri, ili Eshche raz o sud'be lichnogo arhiva i biblioteki Arseniya Markevicha // Istoricheskoe nasledie Kryma.— 2007.— № 17.— S. 235–242.

17. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел. Ф. 32. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–8.

Institut istorii material'noj kul'tury RAN, nauchnyj arhiv, rukopisnyj otdel. F. 32. Op. 1. D. 61. L. 1–8.

18. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии // Хранители исторической памяти Крыма / подг. С. Б. Филимонов.— Симферополь: Черноморпресс, 2004.— С. 3–46.

Filimonov S. B. Hraniteli istoricheskoy pamyati Kryma: o nasledii Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii // Hraniteli istoricheskoy pamyati Kryma / podg. S. B. Filimonov.— Simferopol': CHernomorpress, 2004.— S. 3–46.

Nepomnyashchij A. A. From the history of Arseniy Markevich's personal library: on the 170th anniversary of the scientist's birth

The interest in the reconstruction of the personal book collection of the organizer of science, corresponding member of the USSR Academy of Sciences, historian of the field of the Crimean Studies A. I. Markevich (1855–1942) is explained by the fact that its composition reflects the level of the state of historical Crimean Studies of the era. On the basis of archival data and identified in the funds of the Scientific Library of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University publications with ownership and gift inscriptions, the fact of transfer of A. I. Markevich's personal library to the funds of the Simferopol university is proved. It took place in two stages: in 1918 part of the collection was sold to the Academic Library of the Taurida University, and in 1930 it was donated to the Scientific Library of the M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute. Partially restored the composition of the personal book collection of the historian. These are editions on the history and archeology of Crimea (more than 60 titles), as well as gifts of Markevich's colleagues (books on the directions of their scientific research related to the history of Russia, individual places, philology, philosophy).

Keywords: personal library, A. I. Markevich, Taurida University, M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, autographs, Scientific Library of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Crimean Studies.

УДК 930.25:929.52(570.55)

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-139-160

**«ПЕРЕЖИВАНИЕ ИСТОРИИ»
В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ Г. С. ГУНА)**

Постникова Е. Г.

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Российская Федерация
E-mail: ekaterinapost@mail.ru*

Зайцева Т. Б.

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Российская Федерация
E-mail: tbz@list.ru*

В историко-антропологическом исследовании рассмотрено восприятие и интерпретация советской научно-технической и творческой интеллигенцией сложного процесса распада СССР от эпохи «застоя» через перестройку к «лихим девяностым», выделение доминант и реперных точек в политической истории России 80-х – 90-х гг., на которые советская интеллигенция отреагировала ярче всего. Новизна исследования связана с тем, что в научный оборот впервые вводятся эго-документы из семейных архивов – «Хоббигуников» – Г. С. Гуна, доктора технических наук, в частности переписка с актером Сергеем Юрским, юбилейные поздравления и послания Льва Дурова, Аркадия Арканова, ранее не публиковавшиеся фотографии. Исследование проведено с использованием источниковедческого, проблемно-исторического, антропологического подходов и биографического метода. В итоге исследование позволило понять «самоощущение» личности, оказавшейся в водовороте исторических событий, и определить некоторые доминанты профессиональной и исторической памяти научно-технической интеллигенции эпохи слома советской системы, прояснить реакцию на процессы распада СССР, их интерпретацию и проживание/переживание представителями культурной элиты страны. В качестве доминант и реперных точек выделяются смерть Л. И. Брежнева и приход к власти М. С. Горбачева, перестройка и Первый съезд народных депутатов СССР.

Ключевые слова: семейный архив, эго-документы, перестройка, политическая пародия, научно-техническая интеллигенция, творческая интеллигенция, Сергей Юрский.

Антропологический поворот, произошедший в гуманитарной науке, мотивировал исследователей обратить особое внимание на личные и семейные архивы, которые дают богатый материал для изучения социально-политической истории общества сквозь призму личной истории. «Человеческие документы», или «документы жизни»: дневники, мемуары, письма, личные документы, фотографии – фиксируют доминанты памяти человека, позволяют понять «самоощущение» личности, оказавшейся в водовороте исторических событий, проследить эволюцию взглядов и поведенческих мотивов людей и сделать выводы о трансформации общественно-политического сознания в определенные эпохи. Современная

историческая наука для изучения семейных архивов использует источниковедческий, архивоведческий, проблемно-исторический и антропологический подходы, биографический метод. Семейный архив рекомендуется воспринимать как «систему связей, интересов и контактов» [20, с. 8]. Публикация эго-документов из семейного архива (личных писем, воспоминаний, стенограмм застолий, юбилейных поздравлений, карикатур, фотоколлажей, шуточных посланий, наивной поэзии и т.д.) способна вывести текст из разряда «личного» в поле «прецедентного», а семейную и профессиональную «коммуникативную память» расширить до уровня «культурной» и «исторической» памяти [17].

Исследование документов личного происхождения из семейных архивов советской научно-технической и творческой интеллигенции эпохи позднего СССР может способствовать пониманию процессов, приведших к распаду страны, и прояснить реакцию на эти процессы, их интерпретацию и проживание/переживание представителями культурной элиты страны. Научную и творческую интеллигенцию принято относить к элитарной группе интеллигенции [18, с. 7]. Считается, что именно эти группы выступили активными участниками и основной базой перестройки [18, с. 5]. В своем понимании феномена научно-технической интеллигенции и ИТР мы опираемся на работы Р.Н. Абрамова, который дает такое определение: «Категория «научно-техническая интеллигенция» объединила специалистов, окончивших политехнические институты и университеты по инженерным и естественно-научным специальностям и пришедших на работу в расширенный сектор науки и НИОКР в промышленности» [3, с. 63]. В другой статье автор уточняет свое определение, добавляя, что инженерно-техническая интеллигенция работала в прикладных научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро и лабораториях при заводах и фабриках, в системе Академии наук СССР, а также, что для нашей темы особенно важно, в системе высшего образования [2, с. 118]. В качестве универсальных элементов профессиональной культуры инженерно-технических специалистов исследователи выделяют следующие: идеологию упорной и напряженной работы, маскулинность, рациональность, эстетику технических решений, стремление к творческой работе [1, с. 96].

Исследователь Марк Липовецкий выдвинул тезис о технократизме мышления как системообразующем элементе ИТР-дискурса. При этом другими исследователями подчеркивается, что для такого типа мышления характерна установка на «силу научного факта», действие носит инструментальный характер, а порядок основан на «эффективности людей и вещей, их результативности, производительности, их способности обеспечить нормальное функционирование, приносить пользу, отвечать потребностям» [5, с. 319]. В своей дискуссионной статье «Траектории ИТР-дискурса» Липовецкий М. утверждает, что именно ИТР сформировали ядро советской либеральной интеллигенции, а ИТР-дискурс занял место флагамена либеральной модернизации в 1960-е и 1980-е гг. : «Именно итэры наполняют залы Политехнического, именно для них поют Галич и Высоцкий, их юмор становится массовым благодаря КВН, их песни складываются в движение КСП» [15, с. 213]. Исследователь пишет о «двойной негативности» ИТР дискурса,

поставившем носителей этого дискурса в позицию двойного противостояния: «С одной стороны, абсурду системы, а с другой, – идиотизму “темной массы”» [15, с. 216]. Из этой двойной коллизии, по мнению Липовецкого, проистекал «специфический итээровский либерализм, который был одновременно антитоталитарным и антидемократическим» [15, с. 216]. Одно из проявлений «двойной негативности» ИТР-дискурса исследователь видит в тотальной иронии и иерархичности сознания, массовости и своеобразном сектанстве (КСП, КВН, туристические клубы).

В нашем распоряжении оказалось уникальное издание – «Хоббигуники» – семейные архивы доктора технических наук, профессора МГТУ им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск), заслуженного работника культуры РСФСР, заслуженного деятеля науки РФ, почетного металлурга РФ, заслуженного прокатчика, заслуженного метизника РФ Геннадия Семеновича Гуна (03.06.1939–25.01.2020) [9, с. 100]. Геннадий Семенович счастливо соединял в себе «физика» и «лирика», аккумулировал черты профессиональной культуры элитарных групп советской интеллигенции, восприняв типы мышления научно-технической и творческой интеллигенции. «Трудно осознать, как в одном человеке воплотились, с одной стороны, достижения в научной сфере, в развитии научного направления по физико-химическим основам конструирования и производства слоистых и порошковых материалов, функциональных покрытий и изделий, авторство в более 200 научных работах, в том числе девяти монографий, работа в качестве заведующего кафедрой, проректора, советника ректора. С другой стороны, во всей полноте раскрылся его талант не только как организатора системы нравственно-эстетического воспитания, но непосредственного участника самодеятельного, самобытного народного коллектива камерного оркестра, которому он отдал частицу своей души и руководил им с 1965 года», – отмечает историк В. В. Филатов [22, с. 112].

«Физик» Гун не только объездил с камерным студенческим оркестром МГТУ, которым бессменно руководил, весь Советский Союз и страны социалистического лагеря, но и организовал заключение договоров содружества между магнитогорским вузом и театрами на Таганке и «Современником». На сцене МГМИ выступали известные деятели культуры и искусства А. Калягин, Г. Горин, Ю. Визбор, М. Захаров, С. Юрский, А. Мягков и другие, а также знаменитые артисты Магнитогорского театра «Буратино». Особой заслугой Г.С. Гуна была организация системы эстетического воспитания, в рамках которой «студенты получали музыкальные знания, а для организации концертов привлекли сначала музыкантов камерного оркестра института, а впоследствии известных исполнителей и композиторов. В Магнитогорск с концертами приезжали С. Рихтер, Г. Кремер, А. Скавронский, И. Безродный, В. Третьяков, А. Бондурянский, В. Иванов, М. Уткин, композиторы Д. Кабалевский, К. Хачатурян, М. Таривердиев, А. Пахмутова, Я. Френкель, В. Шаинский и др.» [6, с. 59].

Геннадий Семенович Гун за дирижерским пультом. 1989 г.

«Хоббигуник» представляет собой несколько томов документов личного происхождения (писем, воспоминаний, фотографий, фотоколлажей, поздравительных телеграмм, открыток, записей юбилейных поздравлений, стенограмм пародий на съезды народных депутатов, шуточных стихов и т.д.), первый из которых был опубликован еще при жизни автора-хранителя в 1999 г., а последний в 2021 г. уже после смерти автора. «Хоббигуники» интересны еще и тем, что наглядным образом демонстрируют характерный феномен: спайку итр-дискурса с дискурсом творческой интеллигенции в конце 80-х – начале 90-х гг. В опубликованных документах очень много специфического «итэровского» юмора, который, как мы предполагаем, позволял советской интеллигенции эмоционально-устойчиво справляться с глобальными историко-политическими катастрофами и трудностями частной жизни обычного советского интеллигента.

Целевая установка статьи – историко-антропологическое исследование восприятия и интерпретации советской научно-технической и творческой интеллигенцией сложного процесса распада СССР от эпохи «застоя» через перестройку к «лихим девяностым», трансформации общественно-политического сознания, эволюции ценностных ориентиров и поведенческих мотивов элитных групп интеллигенции на материале эго-документов из семейного архива профессора Г. С. Гуна. Особое внимание будет уделяться выделению доминант и реперных точек в политической истории России 80-х 90-х гг., на которые советская интеллигенция отреагировала ярче всего, выявлению «травм» и способов их преодоления интеллигенцией.

Появление «Хоббигуника» – это уникальный случай, когда автор книги сам опубликовал и подарил друзьям и близким свои семейные архивы, предварительно

структурировав их и предприняв попытку показать и осознать свою судьбу как индивида, представителя профессии и человека в историческом процессе. Сам автор обозначил жанр своей публикации как «семейные архивы»: «Как у любого нормального человека, в любой семье, у нас есть архивы. Чем более наполненная и бурная жизнь человека, тем обширней его *архивы: фото, документы, записи, письма, газеты* (...) Смотреть и перебирать их даже в старости некогда и неудобно. Так и лежат грудой, как старые вещи, которые десятилетиями хранятся на всякий случай, но никто к ним не прикасается. (...) *Семейные архивы* – «хоббигуники» – оформлялись в разное время, кустарными домашними средствами и поэтому не всегда удовлетворительны по качеству, но хочется...» [7, с. 4].

Уже во введении к первому «Хоббигунику» автор указывает на время и причины появления публикаций, обозначив их как «непростой период» жизни (кризис): «В очень *непростой период* своей жизни (1982–1986 гг.), после защиты докторской диссертации и ненужных, но яростных битв с «оппонентами» – жалобщиками и завистниками по научной и эстетической «мысли» – в краткий период «затишья» и ожидания мы и задумали и реализовали эту идею – идею Хоббигуника» [7, с. 4]. Момент «затишья» после сильного эмоционального стресса, связанного со сложной защитой докторской диссертации, с яростной борьбой за самоутверждение в профессии против попытки «обесценивания» со стороны оппонентов и антагонистов, был использован личностью, находящейся в процессе жизнетворчества, для самоанализа и самоидентификации, утверждения значимости собственной судьбы.

Важнейшими стимулами для публикации семейных архивов стали потребность выговориться, поделиться впечатлениями, которые «просятся наружу», и необходимость самоидентификации, самосознания в сложный переломный момент жизни. В случае с «Хоббигуником» это связано с уникальностью личности автора-издателя, соединяющего в себе, казалось бы, «несоединимое»: с одной стороны, инженерно-научную работу, кульминацией которой стала защита докторской диссертации на тему «Совершенствование технологии производства высокоточных профилей оптимизацией по комплексному критерию качества» (1985 г.), работу в качестве преподавателя высшей школы, а с другой стороны, бурную деятельность на культурной ниве, связанную с созданием и руководством камерным оркестром МГМИ, проректорством по направлению эстетического воспитания студентов, тесной дружбой с ведущими актерами московских театров, составляющими в 70–80-е годы творческую элиту позднего СССР. Вот как Г. С. Гун пишет об этом во введении, объясняя причины появления Хоббигуника: «А главное, трудно держать в себе те переполняющие и вдохновенные встречи с Сережей Юрским, Левой Дуровым, Оскаром Краузе, супругами Смирновыми Е. А. и Г. Н., Ю. У. Фохт-Бабушкиным, Б.А. Арефьевым, Аркадием Аркановым, Мишей Сафроновым, Володей Онискивым, Леночкой Миллиоти и многими моими друзьями, соратниками. Впечатления очень просились на волю. И я дал себе волю» [7, с. 4].

Здесь стоит отметить, что больше всего удивляло и вызывало восхищение друзей Г. С. Гуна из числа творческой интеллигенции, так это удивительная многосторонность его личности, сочетание в ней «технаря» и «гуманитария» в одном

лице. Об этом феноменальном комплексе качеств как о загадке они говорили не раз, задаваясь вопросами, как, например, Сергей Юрский¹: «Откуда все это взялось у технаря-ученого? Вкус, музыкальность, чувство слова, деятельная любовь к театру?! А-а-а, трудно объяснить? Да и не надо стараться! Это в нем! Это дар!» [23, с. 126] или Лев Дуров²: «Вот как бывает странно? Это какое-то послание, наследие; отсюда... издавека... Человек, который занимается металлургией, преподаватель, профессор, академик занимался машинами, добычей руды... и вдруг становится миссионером, миссионером культуры! Вот за счет таких людей наша страна, наверное, держится...» [8, с. 125].

Фото 2. Г. С. Гун и Л. К. Дуров. (Москва, декабрь 1981 г.)

В частной переписке и юбилейных поздравлениях, сохранившихся в семейном архиве, можно найти емкие формулы-характеристики личности Г. С. Гуна, и высокие оценки роли этой личности в жизни города и истории страны: «миссионер культуры», «наместник культуры» [8, с. 125], «на таких людях страна держится», «из-за таких людей жизнь становится красивой и хоть иногда улыбочивой» (Л. Дуров) [8, с. 225]; «Он совершил подвиг в худшее время нашей истории – в самые застойные времена»

¹ Сергей Юрьевич Юрский (1935–2019) – советский и российский актер и режиссер театра и кино, сценарист, народный артист РСФСР.

² Лев Константинович Дуров (1931–2015) – советский и российский актер театра и кино, театральный режиссер, педагог, публицист, народный артист СССР.

(С. Юрский) [23, с. 83]. Возможно, именно поэтому Геннадий Семенович так бережно хранил и посчитал своей обязанностью опубликовать «артефакты»: личные письма и записи юбилейных поздравлений от актеров московских театров и своих близких друзей Сергея Юрского, Льва Дурова, Александра Ширвинда, Вениамина Смехова, Аркадия Арканова и многих других деятелей культуры. В этих эго-документах чувствуется живой нерв и движение времени, а главное, содержатся очень важные для Геннадия Семеновича оценки «со стороны» его качеств, заслуг и вклада как личности в судьбу страны, что, конечно, способствовало самоидентификации и дальнейшему жизнетворчеству.

Для исследователей, работающих в русле исторической антропологии, интересно изучение присутствующих в семейных архивах вообще и в «Хоббигунике» в частности «следов времени», т.е. отражение исторической эпохи в частной жизни советского человека. И в этом аспекте «Хоббигуник» представляет богатый материал.

Среди эго-документов, опубликованных в «Хоббигунике», особое место занимают глубокие и трогательные письма Сергея Юрского, с которым Геннадия Семеновича связывала многолетняя дружба. Сергей Юрьевич останавливался в доме Гунов, когда приезжал в г. Магнитогорск с концертами, трижды бывал на его юбилеях (50-ти лети, 65-лети и 70-лети). В свою очередь Г. С. Гун был на 50-летнем юбилее Юрского в 1985 г. Письма Сергея Юрского к Геннадию Гуну являются яркими документами личного происхождения, в которых отражается и судьба конкретных людей, и судьба страны, история перемен личностных и глобальных.

*С. Юрский и семья Гунов в гостях у семьи Шеркуновых (Челябинск, 2006 г):
нижний ряд – Е. Токарь, С. Юрский, Э. Гун; верхний ряд – И. Гун, Г. Шеркунова,
Г. Гун, В. Шеркунов, Г. Гун*

Например, получение звания «Заслуженный деятель культуры» Г. С. Гуном Сергей Юрский воспринял в контексте развития страны в сторону открытости, свободы и справедливости, на что у культурной элиты позднего СССР были большие надежды: «Гун! Не в том дело, что ты заслуженно заслужил быть заслуженным. Не в том даже дело, что мы все – многие – ждали и желали этого и потому очень радуемся. Дело в том, что ты победил. Я счастлив, что хоть кто-то из моих друзей *выиграл тактический бой*. Это внушает надежду и на *стратегическую победу*» [7, с. 368]. Под письмом-ходатайством о присвоении Г. С. Гуну почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», которое в дальнейшем в шутку в «Хоббигуннике» сокращается до аббревиатуры «Засрак», подписались деятели культуры: народный артист РСФСР Л. К. Дуров, заслуженный артист РСФСР А. А. Ширвиндт, член союза писателей, поэт-сатирик А. А. Иванов, заслуженный артист РСФСР С.Ю. Юрский, член союза писателей М. М. Жванецкий, актер Московского театра на Таганке В. Б. Смехов и другие деятели культуры СССР (звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» было присвоено Г. С. Гуну в мае 1984 г).

Вообще письма Сергея Юрского отличаются интимностью, исповедальным тоном, глубиной мысли, широким культурным контекстом и непосредственным откликом на политическую ситуацию в стране. Приведем, к примеру, отрывок из декабрьского письма 1982 г.:

«Дорогой мой Гена! Все твои короткие частые записочки подтвердили мое твердое мнение, что ты человек удивительный. Я очень тебя люблю. С тобой хорошо водку пить. С тобой и горевать хорошо. Мы еще никогда не горевали вместе, но я уверен в этом. А это очень важно. Горевать надо весело, потому что (кажется) горевать придется долго. Это я про искусство. *Что-то гаечки закручиваются. В Москве закрывают спектакли один за другим. Моя «Калифорния» принята и сыграна.* Но – в ночь после премьеры одна артистка сломала ногу, а я слег с воспалением легких. Блаженствую – наконец-то читаю много. (...) *И готов «годить», как сказано у Щедрина.* Что еще делать, как не «годить» под Новый год? Может, гадать? Вот и будем гадать и годить. (...) Обнимаю. С Новым годом. Твой Сергей» [7, с. 52].

Отсылка к Щедрину в письме советского актера не случайна. Автор передает свое ощущение времени и мысль о том, что русская история, пройдя столетний цикл, снова пришла к необходимости «годить». Напомним, что термин «годить» как маркер-символ, «выражающий философию пассивного переживания трудного исторического периода» [10], появился в «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина, которая писалась с 1877 г., была закончена и опубликована отдельным изданием в 1883 г. Предчувствия Сергея Юрского («(кажется) горевать придется долго») не подвели, и его опасения («*Что-то гаечки закручиваются. В Москве закрывают спектакли один за другим*») были не напрасными. Действительно, ответом правящих кругов на смерть руководителя страны Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1982 г., как и за сто лет до этого на трагическую смерть императора Александра II в 1881 г., стала политическая реакция, «закручивание гаек». Спектакль Сергея Юрского «Похороны в Калифорнии» был закрыт после смерти Брежнева в 1982 г., т.к. власть увидела в нем «опасные параллели». Сергей

Юрьевич, как представитель культурной элиты позднего СССР, осмысливал время через литературные аллюзии и передавал общее настроение грусти, подавленности, настороженности.

Антропологический подход в исторической науке предполагает взгляд на происходящие процессы с позиции их участников, взгляд «изнутри» и внимание к межличностному взаимодействию. Поэтому для нас важно обратить внимание на то, как самоощущение советской интеллигенции от внезапно нахлынувшей гласности и свободы передвижения передается в частной переписке. Ритм временных трансформаций и динамика исторического процесса передается в письмах Сергея Юрского, написанных в эпоху перестройки. Приведем отрывок из одного письма:

«Дорогой Гена! Привет тебе и спасибо, что не забываешь. Поверь, что и я не забываю тебя. *Жизнь идет густая. Здесь, в Москве. Круто замешанная на спонсорах, выездах, совместных предприятиях «с ограниченной ответственностью», а чаще без всякой ответственности.* Меня тоже закрутило. Съездил к моему дорогому Симону Маркишу в *Швейцарию* и две недели был на том свете. *Жизнь красивая, но для русского человека загробная.* (...) Во всех случаях очень тебя люблю. Обнимаю. Привет друзьям. Твой Сергей» (17 апреля 1989 г.) [7, с. 95].

Образным выражением «жизнь густая», «круто замешанная на спонсорах, выездах, совместных предприятиях «с ограниченной ответственностью», а чаще без всякой ответственности» Сергей Юрьевич обозначил характерные черты эпохи перестройки: общие изменения механизмов управления народным хозяйством на принципах хозяйственного расчета, расширение экономической самостоятельности предприятий, связанные с объявленными М. С. Горбачевым на XXVII съезде КПСС в 1986 г. новыми приоритетами в развитии экономики страны и связанные с этими процессами «перегибы». Впечатление «иномирности», чужеродности Запада, возникшее у русского человека после заграничного путешествия, передается с помощью подключения мифологических образов-символов: заграница – «тот свет», жизнь в котором красивая, «но для русского человека загробная».

Восприятие эпохи «перестройки, ускорения, гласности» советской технической и творческой интеллигенцией можно проследить по таким специфическим эго-документам, опубликованным в «Хоббигунике», как застольные речи и юбилейные поздравления. Особый интерес в этом ключе представляют страницы, посвященные празднованию 50-летия Г. С. Гуна (1989 г.), объединенные в главу с характерным названием, отражающим реалии новой эпохи: «Юбилейный съезд надежных друзей». Приведем отрывок из выступления Аркадия Арканова¹: «*Я просто хочу сказать, что эпоха, время, в которое мы живем – довольно сложная. Народ реагирует на все неоднозначно. Народ выживает, благодаря тому, что он сочиняет анекдоты.* Сейчас существует такое мнение, довольно симпатичное, такое очень парадоксальное, что в наше время в силу того, что *гласность* и все печатается, все

¹ Арканов Аркадий Михайлович (1933–2015) – русский писатель-сатирик, драматург и сценарист, актер, телеведущий.

говорится, «читать гораздо интереснее, чем жить». Я начну с анекдота, который посвящаю Геннадию Семеновичу, не мною придуманного.

«На том свете встречаются два бывших руководителя страны: Леонид Брежнев и Константин Черненко. И первый говорит второму: «Ты, – говорит, – Константин, недавно оттуда, а я уже раньше тебя ушел. Ну, что там происходит? Скажи, что там происходит то?». А тот говорит: «Вот выбрали сейчас нового Генерального. Пришел руководитель молодой такой, очень деятельный. Горбачев его фамилия. Очень взялся деятельно за перестройку». А Брежнев спрашивает: «Ну, и кто его там поддерживает?» – «А никто не поддерживает, сам ходит» [7, с. 89].

Шахматный матч А. Арканов – Р. Гун (Магнитогорск, июнь 1989 г.): нижний ряд – Н. Макарова, А. Арканов, Р. Гун, В. Шевкунов; верхний ряд – С. Юрский, Г. Гун, А. Цыкунов

Приведенный выше характерный анекдот эпохи перестройки отражает впечатление современников от фигуры нового Генерального секретаря ЦК КПСС и фиксирует кардинальные перемены во власти и общественном сознании. Тогда советские люди были очень рады, что наконец-то во главе страны встал молодой перспективный лидер, который «сам ходит» («никто его не поддерживает») и «сам говорит». Несмотря на наступившую сложность жизни («довольно сложная»), советская интеллигенция воспринимала эти перемены положительно, хотя и была склонна подшутить над новым Генсеком и особенно над его речью. Исследователь Л. А. Капанадзе отмечает: «Когда в 85-м страна вдруг услышала нормальную русскую речь и увидела перед собой живого человека, мы не сразу поверили своим

ушам. И все мы сразу услышали дыхание живой речи, с ее живой интонацией, поисками нужного слова, с ее естественными оговорками, повторами, ошибками (...) Человеческая речь лидера страны породила множество надежд и мечтаний, и это поистине революционный переход от эпохи моностилия (однотонного, казенного) к эпохе полифонии, к временам веселой разноголосицы» [14, с. 329].

Конечно, советские интеллигенты, не могли упустить шанс подтрунить над речью Генсека. Приведем в пример одно из юмористических поздравлений на юбилее Эммы Георгиевны Гун, жены Геннадия Семеновича, состоявшемся в январе 1990 г.: «Горбачев: Среди процессоу происходящих сеходня в мире, уряд ли можно не упомянуть День рождения женщины, с которой наш народ справедливо путает мою Раису Максимовну. Я и сам инохда путаю. Как я уже ховорил, кохда я смотрю на Раю, я думаю об Эмме, и наоборот. Филосоу Хете говорил: «Великие умы сходятся», поэтому не случайно увывбор и укус профессора Гуна соузал с моим. Я хлубоки уверен, что у конечном итохе мы с профессором Гуном оба у увосторхе. Спасибо за увнимание» [8, с. 17]. Здесь мы видим не только пародирование фонетических особенностей речи М. С. Горбачева, его южнорусского говора «с мягким «г» («г» фрикативное, говорят лингвисты) и особенным «в» на конце слов и слогов («в» билабиальное, определяют лингвисты)» [14, с. 331], удивительное сочетание народного просторечия, разговорной речи и партийного жаргона, но и отсылку к животрепещущей и широко обсуждаемой в политическом дискурсе эпохи и просто «на кухнях» теме «первой леди». Отметим здесь, что юмористическое «путанье» Эммы Георгиевны с Раисой Максимовной, пародийная замена ее отчества («Слово доклада передается его жене – Эмме Максимовне, простите, Георгиевне») не случайно и связано не только с каким-то внешним сходством: ухоженностью, красотой, подтянутостью, стройностью, элегантностью, но и с ролью, которую Эмма Георгиевна играла в жизни мужа. В семье она была настоящей «первой леди», музой и вдохновительницей.

Еще одним характерным явлением эпохи перестройки стали съезды народных депутатов, роль которых в истории СССР трудно переоценить. Заседания Съезда народных депутатов начались в мае 1989 года и привлекли огромную телеаудиторию в двести миллионов человек. Трансляции шли в прямом эфире, а дебаты касались самых острых тем. На советских людей общая атмосфера и риторика съезда произвела головокружительное впечатление вдруг нахлынувшей свободы, а сам съезд вошел в историю как «говорливая революция», вызвавшая «политическое пробуждение» советских граждан [19]. Как отмечают исследователи, съезд народных депутатов «стал трибуной для научной и творческой интеллигенции, с которой она озвучила актуальные проблемы внутренней и внешней политики» [18, с. 22].

Именно поэтому семейный и профессиональный дискурс не мог не прореагировать на это прорывное явление дискурса политического. В семейном архиве Гунов сохранился эго-документ с характерным названием «Стенографический отчет Первого съезда гународных депутатов» (июнь 1989). Стилистика этого документа пародирует стенографический отчет популярного общественного явления – I Съезда народных депутатов СССР (май-июнь 1989 г.). Оригинальная пародия на заседание съезда народных депутатов позволяет исследователям увидеть, как политическая история

накладывает отпечаток на жизнь семьи и фиксируется в семейном архиве, и как события эпохи перестройки воспринимались советским человеком. Любопытно отследить, какие именно моменты прорывного съезда заслужили особое внимание советской интеллигенции. Логично предположить, что спародированы будут ключевые и значимые для чуткого интеллигентского сознания моменты съезда, отмечены реперные точки, связанные с установкой новой шкалы измерения в общественно-политическом сознании.

Во-первых, советская техническая и творческая интеллигенция четко уловила характерные для съезда тенденции нарушения субординации внутри правящей элиты, публичности внутрипартийной борьбы, возникновение оппозиции. Все эти тенденции отчасти стали следствием объявленной Горбачевым «демократизации» и «гласности». Первым важным моментом съезда, заслужившим особое внимание советских людей, было избрание Председателем Верховного Совета М. С. Горбачева, которое, как и полагается в «демократическом» обществе, прошло не совсем гладко (неожиданно инженер Оболенский выдвинул свою кандидатуру). Первый вопрос исторического съезда был обыгран съездом «гународных депутатов»: «Мы должны честно и открыто обсудить наши семейные проблемы, ответить на главный вопрос, что дал семье юбиляр за все время ее существования, чем обернулась для семьи его деятельность на различных поприщах? И, наконец, мы должны демократическим путем избрать нового Главу Семьи – ГлавСема» [7, с. 147]. При этом было отмечено, что «мало кто из сидящих в этом зале видит сегодня серьезную альтернативу нашему семейному лидеру-юбиляру», и «его внешнесемейный авторитет неоспорим».

Семейный дискурс среагировал на сенсационное выступление на Первом съезде А. Д. Сахарова с его критикой абсолютной власти Председателя Верховного Совета и знаменитым «декретом о власти». Революционный призыв Сахарова: «По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек – инициатор перестройки» [1, с. 147]. Этот момент был обыгран в речи сына Геннадия Семеновича Виталия Геннадьевича Гуна: «На работе юбиляр давно и прочно занимает должность ГенСем- (пауза)-ма – Геннадия Семеновича и *простите за цитату «сосредоточил в своих руках необъятную власть»*, а именно: в его руках кафедра, Совет, эстетическое воспитание. Но ему мало этого. Он и в семье давно и безраздельно занял пост Главы» [7, с. 147]. Так в семейном дискурсе черты «инициатора перестройки» переносятся на «инициатора создания семьи». Процесс демократизации советского общества эпохи перестройки в семейном дискурсе отразился в обязательном открытом обсуждении «ошибок» ГлавСема, без которого «народ нас не поймет».

Для советского человека позднего СССР ошеломляющим новшеством стало возникновение оппозиции на съезде народных депутатов – проявление «демократизации» советского общества. На съезде среди депутатов возникла оппозиционная межрегиональная группа, которую возглавили Б. Н. Ельцин и

А. Д. Сахаров. Семейный дискурс прореагировал на это явление возникновением «поперечного движения»: «От имени студентов – *анархостипендиатов и Поперечного движения* предлагаю изменить порядок вопросов в повестке. Спасибо!» [7, с. 147].

Семейный дискурс отозвался на оценку роли личности Генсека/ГенСема (в аббревиатуре используется игра слов: Генеральный секретарь – Генеральный Семья – Геннадий Семенович) в жизни советского общества/семьи Гунов. Удачно было обыграна история с «совмещением должностей»/совмещением постов и восприятие критики главой Государства/Семьи Гунов. «Минуточку! Два слова по вопросу о совмещении постов. Предлагаю включить в формулировку: «Как правило, разрешить Гуну совмещение постов; как правило!» [7, с. 147]. Была подчеркнута открытость Главы критике.

Во-вторых, для научно-технической интеллигенции важна была тема развития экономики и инвестиционной политики, постоянно затрагиваемая в речах М. С. Горбачева. Уже 23 апреля 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев сообщил о планах широких реформ и необходимости «ускорения социально-экономического развития страны». Экономические преобразования намечалось осуществить на основе новой инвестиционной и структурной политики [13, с. 760]. Из речи Э. Г. Гун: «Искажена семейная инфраструктура, большие перемены нужны в инвестиционной политике» [7, с. 147].

Не остался без внимания тезис М. С. Горбачева о необходимости решения жилищной проблемы. В начале 1986 года будущий президент СССР Михаил Горбачев пообещал, что к 2000 году каждая советская семья будет жить в отдельной квартире или доме. Михаил Горбачев и партия и правительство пообещали каждой советской семье к 2000 году собственное жилье — квартиру или даже дом. Это зафиксировано в постановлении ЦК «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране». Тогда же была принята Государственная программа СССР «Жилье-2000» [16]. Это громкое обещание КПСС было удачно обыграно в семейном дискурсе на юбилее Г. С. Гуна младшим сыном юбиляра: «И еще один острый вопрос – жилищный! С женитьбой старшего брата в семье резко обострилась демографическая ситуация, и никто не может поручиться, что не будет дальнейшего обострения (зал взрывается аплодисментами, а оратор заглядывает вглубь себя, пытаясь определить срок этого обострения (???)! И обещание квартиры каждой семье только к 2000-му году давно пора пересмотреть (овации)» [7, с. 147].

В-третьих, научно-техническая и творческая интеллигенция очень чутко зафиксировала и отследила обсуждавшиеся на съезде острые внутривнутриполитические вопросы. Особое внимание было уделено поднятому на съезде болезненному национальному вопросу и связанной с его решением тенденции создания парламентских комиссий. Для многонациональных советских семей был актуален обострившийся во время перестройки национальный вопрос. Исследователи фиксируют: «Во многих национально-территориальных образованиях начался процесс роста национализма, активизировались языковые фанатики. Стали принимать законы о языках» [11, с. 51]. А. Н. Сахаров отмечает: «Активно проявляли

себя несоциалистические и национал-патриотические группировки и объединения, предлагавшие альтернативные концепции. Так, наиболее старая из этих организаций – общество «Память» – выделялось на общем фоне своей националистической ориентацией» [13, с. 762]. Все эти тенденции были остроумно обыграны в документе личного происхождения, отразившем оценку проблемы «национализма» в семейном дискурсе Гунов. На юбилее Геннадия Семеновича эту проблему подняла в своем пародийном выступлении сноха юбиляра Галина Евгеньевна Гун: «Уважаемый председатель, единомышленники и инакомыслящие депутаты! С этой трибуны прозвучало, что в нашей семье национальный вопрос полностью решен. Я, как новый член семьи, позволю себе заново поставить этот деликатный вопрос. Мы живем в многонациональной семье. В наших жилах течет украинская, еврейская, татарская, польская, русская, бурятская и многая другая кровь. В нашей семье говорят на английском, немецком, болгарском (со словарем) языках. Хочется патетически воскликнуть: «И каких только наций нет в нашем *гунофонде!*». Все это, конечно, запутывает и сбивает с толку ребят из «Памяти» – *кого в какие списки заносить?* Но большой практический и научный интерес представляет вопрос о влиянии характерных черт на могучий общественный темперамент и недюжинные творческие способности юбиляра. Предлагаю создать для этого парламентскую комиссию. Данке щен... Ачу (крики восторга на непонятных языках меньшинств)» [7, с. 147].

Мы видим, что семейный дискурс отреагировал и на значимую тенденцию «демократизации» – создание парламентских комиссий, расследующих сложные политические ситуации. На I съезде М. С. Горбачевым было предложено создать несколько таких комиссий, одна из них должна была дать оценку событиям, произошедшим накануне съезда 9 апреля 1989 г. в Тбилиси: «О том, что произошло в Тбилиси, мы узнали в 10 часов утра на следующий день. (...) Давайте разберемся обстоятельно во всем. Там уже проводится расследование прокуратурой, работают республиканская комиссия и комиссия, которую мы направляли из центра. Надо все эти материалы обобщить, передать это нашей комиссии, которую мы сформируем на Съезде» [21]. На съезде «гународных депутатов» парламентские комиссии предлагали создать Эмма Георгиевна и Галина Евгеньевна Гун.

В-четвертых, ключевым моментом политической жизни страны, на который среагировал семейный дискурс, стал женский вопрос и роль «первой леди» Раисы Максимовны Горбачевой. Современники отмечали, что появление «первой леди» в стране было не только «продуктом любви», но и политической акцией. А. С. Черняев вспоминает: «Это был вызов советско-обывательскому отношению к женщине, к ее статусу как таковой и «существа общественного». Горбачев не раз поднимал на Политбюро женский вопрос. Стыдил себя и «всех нас» за постыдное отношение к женщине (...) Он всерьез занялся женским движением» [24, с. 66].

Очень много отсылок к историческому съезду и популярным во время перестройки речам М. С. Горбачева содержится в выступлении на юбилее Г. С. Гуна его жены Эммы Георгиевны, представленной ведущим как Эмма Максимовна. Кроме того в ее выступлении в шуточном ключе дан «женский взгляд» на проблему

занятости мужа, его способность совмещать несовместимые должности и направления деятельности. Приведем ее выступление полностью: «Дорогие депутаты! Я буду говорить *только по существу о том, что наболело*. Мне очень тяжело живется с этим человеком. Положение в семье *критическое*. Главное для юбиляра – работа, работа в науке, культуре, а время семье еще нередко выделяется по остаточному принципу. Вся жизнь семьи подчинена общественной деятельности юбиляра. *Искажена семейная инфраструктура, большие перемены нужны в инвестиционной политике*. Конечно, немало сделано за 50 лет его власти: построена развитая семья, рождены и выращены два сына, полностью решен национальный вопрос. Но, товарищи депутаты, как сказал один его *сообщник, так больше жить нельзя!* Юбилар совсем не заботится о своем здоровье. Он постоянно ищет связи на стороне. И находит их. В результате вслед за рождением первого сына сразу появился и первый внебрачный ребенок – камерный оркестр. А перед родами второго сына он выносил новое дитя – систему эстетического воспитания. Но ему и этого оказалось мало: он вступил в контакт с металлургическим комбинатом, и на свет появилась еще одна девочка – рабоче-студенческая филармония. Чтобы прокормить столько детей, ему пришлось написать и защитить докторскую диссертацию. *Я предлагаю создать авторитетную парламентскую комиссию для разбора дел о внебрачных детях*» [7, с. 147].

В-пятых, чуткое к слову «ухо» культурной интеллигенции позднего СССР уловило общие изменения в политической риторике эпохи перестройки, связанные с символической политикой (деятельностью политических акторов, направленной на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности) [4]. Новая идеологизация сопровождалась введением в речевой оборот слов-символов, слов-маркеров новой эпохи, обеспечивающих перекодирование старых парадигм на новое «мЫшление». Здесь важно отметить особую стилистику исследуемого эго-документа. «Стенографический отчет Первого съезда *гународных* депутатов» изобилует новыми для советского человека словами-маркерами: мандат, парламентская комиссия, избрать демократическим путем, эпоха застоя, и др.

Съезд народных депутатов 1989 г. подарил публичному дискурсу новые крылатые фразы, пошедшие в народ. Так, например, В. А. Стародубцев, будущий член ГКЧП, произнес фразу: «Так дальше жить нельзя», которая была обыграна в речи Э. Г. Гун: «Но, товарищи депутаты, как сказал один его *сообщник: «Так больше жить нельзя!»* [7, с.147]. В эго-документе были использованы и другие хорошо известные, узнаваемые фразы руководителей СССР. Например: «Но, уважаемые депутаты, если мы начнем с выборов, не обсудив перед этим вклада юбиляра в семью и его, увы, ошибок, боюсь, что наши избиратели, *народ нас не поймет*». Фраза «народ нас не поймет», приписывается маршалу Семёну Тимошенко (1895–1970), адресовавшему ее Сталину в 1952 г. в варианте «Народ этого не поймёт!», затем самому Сталину, который произнес ее на встрече с Мао Цзэдуном в формуле «Русский народ нас не поймет», Брежневу, произнесшему ее по поводу арабо-израильской войны [24, с. 71], и самому Горбачеву.

Удачно передан «гународными депутатами» и характерный для съезда народных депутатов общий тон критики предшествующего положения дел: «Положение в семье *критическое*. (..) выделяется *по остаточному принципу*. (...) *Искажена семейная инфраструктура, большие перемены нужны в инвестиционной политике*». Особая «съездовская» атмосфера передается пародией на саму организацию съезда с соблюдением всех протокольных форматов: повесткой дня, выборов председателя, голосованием, регламентом и т.д.

Самые важные слова были сказаны и итоги подведены в выступлении старшего сына Геннадия Семеновича – Игоря Геннадьевича Гуна: «Дорогие депутаты! Я не собирался выступать, но после того, что было сказано с этой трибуны, я не могу отмалчиваться – это бы значило поступиться принципами! У большинства выступающих явно огромные политические амбиции, они используют трибуну для критиканства и очернительства, видимо, хотят захватить власть в семье! Да, юбиляр – человек эпохи застоя! И главное здесь, что не «застоя», а что – Герой! А героев надо любить и уважать, потому что их всегда было мало. И хватит говорильни – за работу: предлагаю ограничиться и перейти к голосованию» [7, с. 147].

Этот эпизод нуждается в отдельном комментарии. В интервью сотрудникам ЛФИС НИИ Исторической антропологии и филологии Игорь Геннадьевич вспоминал: «В 89 году, по-моему, приезжал Сергей Юрский на юбилей к отцу. И в это время обсуждали статью из «Магнитогорского рабочего», где отца называли «Герой времен застоя». Мы втроем на кухне были. Обсуждали. И Юрский сказал: «Ну, да, да ... герой, времен застоя! Главное, что герой!!! А не то, что времен застоя... Не важно, каких времен...» [12].

Все вышесказанное позволяет нам сделать некоторые выводы о роли эпохи перестройки в судьбе советской интеллигенции. С одной стороны, перестройка дала интеллигенции долгожданную свободу слова и самовыражения. С другой стороны, в попытке отказаться от всего проверенного временем старого как изжившего себя застойного прошлого, к сожалению, зачастую было отправлено в утиль много достойного, доброго. Так, например, десятилетие пестуемая Геннадием Семеновичем Гуном система эстетического воспитания студентов была отменена как «пережиток системы». На вопрос о том, как Геннадий Семенович воспринял перестройку, Игорь Геннадьевич ответил: «Перестройку? Очень непростой вопрос, потому что перестройка совпала с ситуацией завершения работы системы эстетического воспитания в университете. Там был конфликт. Если помните, это было время отмены многих вещей. Перелом. Так совпало, что на пике перестройки был избран новый партком. В этот момент был избран новый секретарь парткома. Он считал, что в перестройку это пережиток административной системы – система эстетического воспитания. Здесь все смешалось. И личное и общественное. Действительно в этой системе был задействован административный ресурс. Действительно, студенты обязывались ходить на концерты. И это звучало, как будто это и есть пережиток старой системы. Должна быть свобода. Нельзя никого заставлять. Это и надо отменить... Я помню, как он это болезненно переживал. Было заседание парткома, где Геннадий Семенович выступал, защищал свое детище – систему эстетического

воспитания, как вторую диссертацию докторскую, практически, защищал. Партком решил ее отменить. Не защитил. Он очень сильно переживал по этому поводу. Болезненно переживал» [12].

Семейный архив Гунов ценен тем, что в сохранившихся эго-документах отражается хронология исторических событий и реакция на них советского человека, его частная жизнь, его беды и радости, ошибки и достижения, что, безусловно, представляет интерес для исследователя, работающего в русле исторической антропологии. Движение времени и зигзаги политической истории можно отследить в следующем документе, написанном через 10 лет после «Стенограммы первого съезда гународных депутатов» и названном «Выступление на юбилейном вечере Г. С. Гуна его семьи» (60-летие Г. С. Гуна 3 июня 1999 г.) [8, с. 134–135]. Этот документ фиксирует изменения, произошедшие за 10 лет в жизни страны и ее политическом дискурсе. Ведущий отмечает: «За эти десять лет изменилось название и границы страны, общественный строй в ней, и изменилась даже сама семья» [8, с. 134]. Эго-документ отражает важные перемены: нет больше Генерального секретаря/ГенСема, а страну/семью возглавляет Президент: «Впоследствии, когда пошла мода на президентов, пост ГСГ (Генадий Семенович Гун) автоматически трансформировался в Президента Семьи и в этом качестве юбиляр руководил ею 10 лет – аж два срока подряд!» [8, с. 134].

Вместо решавшего внутриполитические и внутрисемейные вопросы съезда «гународных» депутатов появляется «ГунДума», в которой заседают «ГунФрэндМэны», и важнейшим политическим вопросом, который они обсуждают, становится вопрос об импичменте Президента. Вместо «демократического честного разговора» документ заполняется шуточными «обвинениями» в адрес Президента, которые на самом деле отмечают его заслуги перед семьей, его роль двигающего развитие семьи механизма. «Гуноцидом директорского народа Урала» в исследуемом документе личного происхождения названа защита членами семьи за 10 лет двух кандидатских и одной докторской диссертации.

Главный пункт обвинения фиксирует самую важную перемену в жизни общества и семьи: научно-техническая интеллигенция, оставив увлечение эстетическим воспитанием, массово пошла в бизнес. Трагедию разрушения бюрократами эпохи перестройки дела всей своей жизни Геннадий Семенович пережил и преодолел, открыв производство: «Пункт 3. Создание вместе с сообщниками с комбината и «МАРСа» первого в регионе производства порошковой металлургии (а то кафедра, блин, порошковая есть, а производства, понимаешь, нет – студентам нечего показывать) и путем вовлечения в этот преступный сговор знаменитого Белебея, рождение и выпуск на волю джина «БелМаг» (настоящая расшифровка «Белый Маг», а не Белебей-Магнитогорск» как принято считать), который завалил своими шаровыми опорами не только все СНГ, но и новых членов НАТО вместе с Китаем» [8, с. 135]. Уточним, что «Научно-производственное объединение» «БелМаг», созданное Г. С. Гуном с партнерами, было зарегистрировано 30 декабря 1996 г. На сегодняшний момент «БелМаг» стал предприятием-лидером в России и странах СНГ по разработке и производству шаровых шарниров подвески и рулевого управления

автомобилей и основным их поставщиком на главные конвейеры всех крупных российских автозаводов.

Здесь стоит отметить, что в каком-то смысле судьба Г. С. Гуна и его личный опыт является показательным примером общей тенденции эпохи слома советской системы: перехода советской инженерно-технической и творческой интеллигенции в коммерцию, превращения «советского инженера-ученого (ИТР) в «успешного бизнесмена», «технопредпринимателя» [3, с. 73].

Мы отчасти согласимся с выводом Р. Н. Абрамова, который утверждает: «Начало перестройки многие представители научно-технической интеллигенции восприняли с энтузиазмом – в ней видели потенциал обновления общества, экономики, политики. Однако с распадом СССР и глубоким экономическим кризисом начала 1990-х гг. именно эта наиболее многочисленная социально-профессиональная группа населения стала главной жертвой быстрых исторических изменений» [3, с. 62]. Однако уточним, что научно-техническая интеллигенция в период распада СССР пережила не только «травму быстрого сжатия своих профессиональных отраслей» [3, с. 63], но и травму разрыва особой «спайки» научно-технической и творческой интеллигенции, характерной для эпохи 1960-х – 80-х гг.

Итак, мы увидели, что публикация семейных архивов позволяет авторам-хранителям и фондообразователям увидеть в своей судьбе отголоски судьбы своего поколения, связать личную историю с историей народа, в ритме частной жизни прочувствовать пульс большой эпохи.

Исследование семейных архивов доктора технических наук, профессора Г. С. Гуна позволило нам не только понять «самоощущение» личности, оказавшейся в водовороте исторических событий, но и определить некоторые доминанты профессиональной и исторической памяти научно-технической интеллигенции эпохи слома советской системы, прояснить реакцию на процессы распада СССР, их интерпретацию и проживание/переживание представителями культурной элиты страны. Большинство эго-документов Г. С. Гуна носят юмористический характер, даже когда речь идет о сложных этапах жизни страны и проблемных личных ситуациях. Это приводит нас к выводу о том, что «итэровский» «кавээновский» юмор и самоирония являются одной из специфических черт ИТР-дискурса и коллективного сознания научно-технической интеллигенции.

Историко-антропологическое исследование восприятия, интерпретации и проживания/переживания советской научно-технической и творческой интеллигенцией сложного процесса разрушения СССР от эпохи «застоя» через перестройку к «лихим девяностым» дало нам возможность выделить следующие доминанты и реперные точки в политической истории России 80-х 90-х гг., на которые советская интеллигенция отреагировала ярче всего: смерть Л. И. Брежнева и приход к власти М. С. Горбачева, объявленная Горбачевым перестройка и, конечно, Первый съезд народных депутатов СССР. Отреагировала советская интеллигенция и на появившиеся на съезде «новые веяния»: нарушение субординации внутри правящей элиты, публичность внутрипартийной борьбы, возникновение оппозиции; болезненный национальный вопрос и связанную с его решением традицию создания

парламентских комиссий. Для научно-технической интеллигенции ключевой стала тема развития экономики и инвестиционной политики. Важным моментом политической жизни страны, на который среагировал семейный дискурс, стал женский вопрос и роль «первой леди» Раисы Максимовны Горбачевой.

Эго-документы из семейного архива Гунов отражают смену общих настроений советской интеллигенции от грусти, подавленности, настороженности и необходимости «годить», обнаруженных нами в письме Сергея Юрского 1982 г., через радостный оптимизм и заинтересованное ожидание перемен эпохи «гласности», оживление и восторг от предвкушения «свободы» в эпоху перестройки, позднее проскальзывают горькие нотки сожаления от того, что человек оказывается «героем эпохи застоя», и от прошлого пора отказаться, и далее эмоциональное восприятие истории движется через ощущение «густоты» и «закрученности» жизни к спокойной рациональности периода организации и развития бизнеса.

Эго-документы показывают, что научно-техническая интеллигенция в период распада СССР пережила не только травму «быстрого сжатия своих профессиональных отраслей», но и травму разрыва особой «спайки» научно-технической и творческой интеллигенции, характерной для эпохи 1960-х – 80-х гг. Сохранение, публикация и исследование семейных архивов научно-технической и творческой интеллигенции позднего СССР способствуют укреплению культурной и духовной идентичности российской научной и творческой интеллигенции.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамов Р. Н. Профессиональная культура Российских инженерно-технических специалистов: универсальные элементы // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 96–104.
Abramov R.N. Professional'naja kul'tura Rossijskih inženerno-tehnicheskikh specialistov: universal'nye jelementy // Sociologicheskie issledovanija. – 2016. – № 9. – S. 96–104.
2. Абрамов Р. Н. Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник института социологии. – 2017. – № 1. – Т. 8. – С. 114–130.
Abramov R. N. Sovetskaja inženerno-tehnicheskaja intelligencija 1960–80-h gg.: v poiske granic kollektivnogo soznanija // Vestnik instituta sociologii. – 2017. – № 1. – T. 8. – S. 114–130.
3. Абрамов Р. Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // Социология науки и технологий. – 2017. – № 2. – Т. 8. – С. 61–77.
Abramov R. N. Sovetskie tehnokraticheskie mifologii kak forma «teorii upushhennogo shansa»: na primere istorii kibernetiki v SSSR // Sociologija nauki i tehnologij. – 2017. – № 2. – T. 8. – S. 61–77.
4. Артемов А. В. Символы перестройки в риторике М. С. Горбачева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – Т. 14. – С. 100–102.
Artemov A. V. Simvoly perestrojki v ritorike M. S. Gorbacheva // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2014. – № 1. – T. 14. – S. 100–102.
5. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. – М.: НЛО, 2013. – 576 с.
Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti. Oчерki sociologii gradov. – M.: NLO, 2013. – 576 s.
6. Гун Г. Е. Музыкальная культура индустриального города (на примере Магнитогорска) // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. – 2021. – № 25. – С. 57–62.

Gun G.E. Muzykal'naja kul'tura industrial'nogo goroda (na primere Magnitogorska) // *Muzyka v sisteme kul'tury: Nauchnyj vestnik Ural'skoj konservatorii*. – 2021. – № 25. – С. 57–62.

7. Гун Г. С. Хоббигуник (Хобби Гуна и его компании – семейные архивы). То немного избранное из лучшего, что накопил к концу своего шестого десятка. «Мужичок под шестьдесят равен трем по двадцать пять». – Магнитогорск: Дом печати, 1999. – 430 с.

Gun G. S. Hobbigunik (Hobbi Guna i ego kompanii – semejnye arhivy). To nemnogoe izbrannoe iz luchshego, chto nakopil k koncu svoego shestogo desjatka. «Muzhichok pod shest'desjat raven trem po dvadcat' pjat'». – Магнитогорск: Дом печати, 1999. – 430 с.

8. Гун Г. С. Хоббигуник Э. (Хобби Гуна и его компании – Эмма), часть вторая. Семейные архивы. Избранное из накопленного семейного капитала, посвященное прекрасной Эммочке – неформальному лидеру нашей семьи. – Магнитогорск: Дом печати, 2000. – 292 с.

Gun G. S. Hobbigunik Je. (Hobbi Guna i ego kompanii – Jemma), chast' vtoraja. Semejnye arhivy. Izbrannoe iz nakoplenno go semejnogo kapitala, posvjashhennoe prekrasnoj Jemmochke – neformal'nomu lideru nashej sem'i. – Магнитогорск. Дом печати, 2000. – 292 с.

9. Дела и люди МГТУ им. Г. И. Носова : энциклопедия / С. А. Анохина, А. А. Осипова, Н. В. Позднякова, Л. Н. Чурилина, А. Н. Шеметов, С. Г. Шулежкова; гл. ред. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2024. – 563 с.

Dela i ljudi MGTU im. G. I. Nosova : jenciklopedija / S. A. Anohina, A. A. Osipova, N. V. Pozdnjakova, L. N. Churilina, A. N. Shemetov, S. G. Shulezhkova; gl. red. S. G. Shulezhkova. – Магнитогорск: Izd-vo Magnitogorsk.gos. tehn. un-ta im. G. I. Nosova, 2024. – 563 с.

10. Жук А. А., Соколова К. И. Комментарии: М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20-ти тт. – М.: «Художественная литература», 1973. – Т. 15, кн. 1. – С. 300–323.

Zhuk A. A., Sokolova K. I. Kommentarii: M. E. Saltykov-Shchedrin. Sovremennaja idillija // Saltykov-Shchedrin M. E. Sobr. soch. v 20-ti tt. – М.: «Художественная литература», 1973. – Т. 15, кн. 1. – С. 300–323.

11. Иванников И. А. Ликвидация советского государственного и общественного строя (Перестройка в СССР 1985–1991 гг.). – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. – 134 с.

Ivannikov I. A. Likvidacija sovetского gosudarstvennogo i obshhestvennogo stroja (Perestrojka v SSSR 1985–1991 gg.). – Ростов-на-Дону: JuFU, 2016. – 134 с.

12. Интервью И. Г. Гуна сотрудникам лаборатории ЛФИС НИИ ИАиФ // Архив лаборатории филологических интернет-стратегий (ЛФИС). – Рукописный фонд. – Д. № 2. – 5 с.

Interv'ju I.G. Guna sotrudnikam laboratorii LFIS NII IAiF // Arhiv laboratorii filologicheskikh internet-strategij (LFIS). – Rukopisnyj fond. – D. № 2. – 5 с.

13. История России: В 2-х т. Т.2: С начала XIX в. до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др.; Под редакцией Сахарова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 862 с.

Istorija Rossii: V 2-h t. T. 2: S nachala XIX v. do nachala XXI veka / A. N. Saharov, L. E. Morozova, M. A. Rahmatullin i dr.; Pod redakciej Saharova. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak»: ООО «Izdatel'stvo Astrel'», 2003. – 862 с.

14. Канападзе Л. А. Грамматика гласности: устная речь Михаила Горбачева // *Голоса и смыслы: избр. тр. по русскому языку*. – М., 2005. – С. 329–332.

Kanapadze L. A. Grammatika glasnosti: ustnaja rech' Mihaila Gorbacheva // *Golosa i smysly: izbrannye trudy po russkomu jazyku*. – М., 2005. – С. 329–332.

15. Липовецкий М. Траектории ИТР-дискурса. Разрозненные заметки // *Неприкосновенный запас*. – 2010. – № 6 (74) – С. 213–230.

Lipoveckij M. Traektorii ITR-diskursa. Razroznennnye zametki // *Neprikosnovennyj zapas*. – 2010. – № 6 (74) – С. 213–230.

16. Постановление ЦК КПСС, 17 апреля 1986 г. Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране (Изложение) // Электронная библиотека исторических документов (Официальный сайт). – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347845-postanovlenie-tsk-kpps-17-aprelya-1986-g-ob-osnovnyh-napravleniyah-uskoreniya-resheniya-zhilischnoy-problemy-v-strane-izlozhenie> (дата обращения 25.08.2024).

Postanovlenie CK KPSS, 17 aprelya 1986 g. Ob osnovnyh napravlenijah uskorenija reshenija zhilishhnoj problemy v strane (Izlozhenie) // Jelektronnaja biblioteka istoricheskikh dokumentov (Oficial'nyj sajt). – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347845-postanovlenie-tsk-kpss-17-aprelya-1986-g-ob-osnovnyh-napravlenijah-uskorenija-resheniya-zhilishhnoj-problemy-v-strane-izlozhenie> (data obrashhenija 25.08.2024).

17. Постникова Е. Г., Зайцева Т. Б. Семейные архивы: коммуникативная и/или культурная память (на материале «Хоббигуника» Г. С. Гуна) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 82-й международной научно-технической конференции. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2024. – С.445.

Postnikova E.G., Zajceva T.B. Semejnye arhivy: kommunikativnaja i/ili kul'turnaja pamjat' (na materiale «Hobbigunika» G.S. Guna) // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehniki i obrazovanija: tezisy dokladov 82-j mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoy konferencii. – Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tehn. un-ta im. G.I. Nosova, 2024. – S.445.

18. Сазанов Д. С. Трансформация общественно-политического сознания советской интеллигенции в период перестройки: автореф. дисс. на соиск. кандид. истор. наук. – Ижевск, 2012. – 24 с.

Sazanov D. S. Transformacija obshhestvenno-politicheskogo soznaniya sovetskoj intelligencii v period perestrojki: avtoref. diss. na soisk. kandid. istor. nauk. – Izhevsk, 2012. – 24 s.

19. Секирский Д. С. «Говорливая революция»: первый съезд народных депутатов СССР глазами зарубежных современников // Россия и современный мир. – 2009. – № 3 (64). – С. 195–200.

Sekirskij D. S. «Govorlivaja revoljucija»: pervyj s#ezd narodnyh deputatov SSSR glazami zarubezhnyh sovremennikov // Rossiya i sovremennij mir. – 2009. – № 3 (64). – S. 195–200.

20. Сиротина О. А. Методы изучения личных и семейных архивов. По материалам фонда Уваровых // автореф. диссер. на соиск. канд. истор. наук. – Москва, 2015. – 26 с.

Sirotna O. A. Metody izuchenija lichnyh i semejnyh arhivov. Po materialam fonda Uvarovyh // avtoref. disser. na soisk. kand. istor. nauk. – Moskva, 2015. – 26 s.

21. Стенограмма заседаний Первого съезда народных депутатов СССР // AGITCLUB (Официальный сайт). – URL: <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten00.htm> (дата обращения 25.08.2024).

Stenogramma zasedanij Pervogo s#ezda narodnyh deputatov SSSR // AGITCLUB (Oficial'nyj sajt). – URL: <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten00.htm> (data obrashhenija 25.08.2024).

22. Филатов В. В. Г. С. Гун – организатор системы нравственно-эстетического воспитания в МГМИ // Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода. Сборник научных трудов IV Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Под общей редакцией В.А. Жилиной. – Магнитогорск, 2022. – С.11-117.

Filatov V. V. G. S. Gun – organizator sistemy npravstvenno-jesteticheskogo vospitanija v MGMI // Hudozhestvennaja kul'tura i transformacija industrial'nogo mentaliteta v uslovijah monogoroda. Sbornik nauchnyh trudov IV Vserossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Pod obshhej redakciej V.A. Zhilinoj. – Magnitogorsk, 2022. – S.11-117.

23. Хоббигуник – 7 (Хобби Гуна и его компании: 2014-2019 и все 80лет!) / авт.-составители Гун Э. Г., Гун И. Г., Гун Г. Е., Гун В. Г., Гун Е. И., Гун Е. П., Гун Е. В., Гун Л. И. – Магнитогорск, 2019. – 264 с.

Hobbigunik – 7 (Hobbi Guna i ego kompanii: 2014-2019 i vse 80let!) / avt.-sostaviteli Gun Je. G., Gun I. G., Gun G. E., Gun V. G., Gun E. I., Gun E. P., Gun E. V., Gun L. I. – Magnitogorsk, 2019. – 264 s.

24. Черняев А. С. Двойной портрет: Брежнев-Горбачев // ИОАПТАГ. – 2012. – №2. – С. 60–87.

Chernjaev A. S. Dvojnij portret: Brezhnev-Gorbachev // IOAPTAG. – 2012. – №2. – S. 60–87.

Postnikova Y. G., Zaitseva T. B. «Perception of historical events» in the ego-documents of the soviet intelligentsia (based on the materials of the family archives of G. S. Gun)

Summary. The purpose of the article is a historical and anthropological study of the Soviet clerisy perception of a very difficult process of the disintegration of the Soviet Union from «Era of Stagnation» through «Perestroika» to «the wild '90s». The authors highlight the dominants and reference points in the political history of Russia in the 80s-90s to which the Soviet intelligentsia reacted brightly. The novelty of the study lies in the scientific analysis of unique ego-documents so-called «Hobbigunniky» from the family archives of Professor

G.S. Gun. For the first time ever the researchers introduce in the scientific discourse Gun's unpublished photos and his personal correspondence with Sergey Yursky, Lev Durov, Arkadiy Arkanov. The study is conducted with the use of source studies, problem-historical, anthropological approaches and a biographical method. As a result, the study makes it possible to understand the feelings of the person, who finds himself in a whirlpool of historical events, and to determine some of the dominants of the professional and historical memory of the scientific and technical intelligentsia of the era of the breakdown of the Soviet system, to clarify the reaction to the processes of the disintegration of the USSR, their perception by representatives of the country's cultural elite. The death of L. I. Brezhnev and advent of M.S. Gorbachev's rule, «Perestroika» and the First Congress of People's Deputies of the USSR stand out as dominants and reference points.

Keywords: family archives, ego-documents, «Perestroika», political parody, scientific and technical intelligentsia, cultural elite, Sergey Yursky.

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-161-174

ОТДЕЛЕНИЕ ВОЕННО–МОРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ В ПЕРИОД ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ (1941–1942 ГГ.)

Приезжева С. Г.

**ЧУ СМММК «35-я береговая батарея»
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: sofiaivanova@rambler.ru**

Рассматривается организация работы отделения военно-морской цензуры Черноморского флота с корреспондентами центральных периодических изданий в Севастополе в период героической обороны города 1941–1942 гг. Статья полностью основана на анализе архивных документов Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального Военно-Морского архива – Филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина), Российского государственного архива социально-политической истории, часть из этих документов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: оборона Севастополя 1941–1942 гг., военно-морская цензура, периодическая печать 1941–1942 гг., военные корреспонденты

Сохранение военной и государственной тайны в период Великой Отечественной войны, в том числе недопущение разглашения тайны в периодической печати, приобрело особо важное значение, так как разглашенная тайна помогала врагу и наносила ущерб обороноспособности страны. Основным органом, отвечающим за сохранение военной и государственной тайны в печати в СССР был Главлит и Уполномоченный СНК СССР по защите военной и государственной тайн в печати. В Военно-Морском флоте контроль за неразглашением военной и государственной тайны осуществляла военно-морская цензура (ВМЦ). Если вопросы работы в период Великой Отечественной войны Главлита и Уполномоченного СНК СССР по защите военной и государственной тайн в печати рассмотрены в работах Г. А. Куренкова, то научных исследований, посвященных работе военно-морской цензуры как в целом по ВМФ СССР, так и на Черноморском флоте, в период 1941–1942 гг. в настоящее время нет. В статье на основании архивных материалов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота, Центральном Военно-Морском архиве – Филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина), Российском государственном архиве социально-политической истории (часть из этих документов впервые вводится в научный оборот), делается попытка осветить деятельность отделения военно-морской цензуры на Черноморском флоте в части организации работы с корреспондентами, фотокорреспондентами и кинооператорами в целях

недопущения разглашения государственной и военной тайны в печати и на экране в начале войны и в период героической обороны Севастополя.

В июле 1939 под грифом «Совершенно секретно» выходят «Дополнения к перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну» (на военное время), утвержденные уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати, начальником Главлита Н. Г. Садчиковым [7, л. 28–34], эти дополнения вводились в действие при объявлении Президиумом Верховного Совета СССР частичной или общей мобилизации и были разосланы и по флотам (в связи с тем, что в статье рассказывается о военно-морской цензуре, архивные ссылки даже в части документов Главлита даются на Центральный Военно-Морской архив – Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, в нем хранятся документы, которые высылались из Главлита в ВМФ), в том числе запрещалось публиковать какие бы то ни было объявления частного характера, а объявления от государственных и общественных организаций и зрелищных предприятий могли приниматься редакциями издательств только с письменного ходатайства руководителя организации [7, л. 34].

После начала войны летом 1941 г. Главлит отдельными циркулярами вносил дополнения в Перечень, действующий на военное время. Например, 31 июля 1941 г. в печати было запрещено упоминание заводов, фабрик, электростанций и других крупных предприятий в городах и пунктах, подвергшихся и подвергающихся бомбардировке фашистской авиацией, в печати надо было указывать Н-ский завод, фабрика, железнодорожная станция [8, л. 134].

9 октября 1941 г. в соответствии с Приказом Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита была введена в действие новая редакция «Дополнений к перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну» (на военное время), обязательные для военной и гражданской печати, эта редакция была отослана и в ВМФ, а далее разослана по флотам и флотилиям [12, л. 29–43], в этой редакции было предусмотрено исключение – любые сведения можно было публиковать, если они были озвучены или опубликованы в сообщениях Совинформбюро или правительственных сообщениях, в отдельных случаях некоторые сведения можно было публиковать с разрешения командования фронта или флота, армии или флотилии.

В мае 1941 г. Главлит разъяснял, что так как редактор не может знать всех деталей цензорской работы, ибо он не имеет перечня. Следовательно, в разглашениях государственных и военных тайн в печати и радиовещании повинен и несет ответственность в первую очередь цензор [7, л. 95]. При каждой газете был цензор, который визировал статьи, идущие в номер, в том числе в период Великой Отечественной войны материалы, полученные от корреспондентов, находящихся непосредственно в районе боевых действий, например цензором печатного органа Народного комиссариата ВМФ СССР общefлотской газеты «Красный флот» был старший политрук Григорий Моисеевич Цыбулевский [19, л. 203, 211]. Но сначала, все материалы, передаваемые корреспондентами и фотокорреспондентами,

подлежали визированию военного цензора непосредственно на месте, в том числе в Севастополе – главной базе Черноморского флота.

Работа корреспондентов на кораблях и в соединениях Военно-Морского Флота осуществлялась на основании Приказа Народного комиссара Военно-Морского Флота Союза ССР от 2 января 1941 г. № 03 [17, л. 5–13], которым была введена в действие «Инструкция о порядке производства фотосъемок и работы фотокорреспондентов, корреспондентов, художников, писателей, журналистов на кораблях, в соединениях, частях и учреждениях Военно-Морского Флота», с изменениями, внесенными Приказом Народного комиссара Военно-Морского Флота Союза ССР от 16 мая 1941 г. № 285 [16, л. 364–367], этими же изменениями гриф Приказа № 03 был изменен с «Секретно» на «Для служебного пользования». Инструкция была издана в первую очередь в целях сохранения военной тайны, приложением к ней был перечень сведений (утвержденных Совнаркомом СССР), являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, эти сведения не подлежали опубликованию в печати.

В соответствии с инструкцией все фотосъемки и работа корреспондентов, писателей, журналистов и художников на кораблях, в соединениях, частях, аэродромах, береговых батареях, портовых территориях, складах, запретных зонах флота (флотилии), учреждениях и учебных заведениях могли производиться только с разрешения Наркома ВМФ СССР или его заместителя – Начальника Главного Управления Политической пропаганды (ГУПП) ВМФ. Редакторы и заместители редакторов военно-морских журналов, газеты «Красный флот» и газеты флотов (флотилий) допускались на соединения, корабли, части ВМФ по своим удостоверениям. Корреспонденты военно-морских журналов и газеты «Красный флот» по представлению редакторов утверждались заместителем Наркома ВМФ – Начальником ГУПП ВМФ, после чего получали годовое разрешение, которое выдавала военно-морская цензура ВМФ для работы на всех флотах и флотилиях. При выезде для работы на тот или другой флот необходимо было иметь командировочное предписание редакции. Корреспонденты иных, не военно-морских изданий, получали разрешительное удостоверение на срок командировки. Разрешительное удостоверение выдавалось ВМЦ ВМФ персонально на определенное лицо и передаче другому лицу не подлежало. Если фотосъемки и зарисовки производились без разрешительного удостоверения, то фотограф или художник подлежал задержанию и передаче органам НКВД. Для личного состава соединений, частей и кораблей ВМФ фотографирование и зарисовки на кораблях и частях ВМФ запрещались.

Военно-морская цензура (ВМЦ) ВМФ одновременно с выдачей разрешительного удостоверения сообщала об этом военному цензору флота (флотилии), куда направлялся фотокорреспондент, корреспондент, писатель, журналист или художник, который по прибытии к месту командировки был обязан был завизировать разрешительное удостоверение у заместителя начальника штаба флота (флотилии) и у военного цензора флота (флотилии). Также корреспонденты давали цензору расписку о том, что они ознакомлены с порядком работы на флоте (флотилии), с инструкцией о порядке работы в ВМФ и обязывались строго выполнять

все требования сохранения военной тайны, в случае несоблюдения этого обязательства они привлекались к ответственности, в том числе судебной. Все корреспонденции, передаваемые по телеграфу, телефону, радио необходимо было визировать у военного цензора флота (флотилии). Пересылка фотоснимков и зарисовок в адрес редакции тоже могла быть произведена только после визирования их у военного цензора флота (флотилии).

Эти разрешительные удостоверения военно-морской цензуры на корреспондентов, хранящиеся в Центральном Военно-Морском архиве – Филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г.Гатчина) сегодня, наряду с другими источниками, позволяют уточнить даты присутствия того или иного корреспондента в Севастополе, в том числе в период войны. Например, то, что на начало Великой Отечественной войны в Черноморском отделении газеты «Красный флот» с базированием в главной базе Черноморского флота городе Севастополь служили начальник отделения М. Н. Когут, корреспонденты С. А. Лившиц и И. Г. Кравцов, и фотокорреспондент Б. Г. Шейнин, подтверждается направлением 17 июня 1941 г. начальником Военно-морской цензуры ВМФ капитаном 2 ранга Ушаковым на имя начальника отделения военно-морской цензуры по Черноморскому флоту капитана Полового разрешительных удостоверений военно-морской цензуры №№ 59, 60, 61, 67 на ст. политрука М. Н. Когут, мл. политрука С. А. Лившиц, политрука И. Г. Кравцова и гл. старшину Б. Г. Шейнина [11, л. 110].

При создании Народного комиссариата ВМФ цензоры флотов и флотилий изначально, в соответствии с приказом Наркома ВМФ, сохраняли подчинение начальнику 8 отдела разведывательного управления РККА [6, л. 161], позже они были подчинены разведывательному отделу ВМФ.

В период героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. начальником отделения военно-морской цензуры разведотдела Черноморского флота был капитан Герасим Григорьевич Половой [5]. Герасим Григорьевич Половой родился в 1910 г. (по другим данным 03.01.1911 г.) в деревне Беловка Казанковского района Николаевской области (географические названия указаны в соответствии с данными в учетно-послужной карте – *С.П.*), там же в 1924 г. закончил 4 класса сельской школы и до весны 1928 г. работал в сельском хозяйстве дяди, потом с апреля 1928 г. по октябрь 1929 г. рабочим в совхозе «Высунь», с октября 1929 г. по октябрь 1930 г. секретарем в сельсовете (так как имел очень неплохое для того периода образование – *С.П.*) поселка Первомайский Днепропетровской области. С октября 1930 г. курсант Школы червонных старшин (Пехотной школы) в Харькове, которую заканчивает в 1932 г. и продолжает военное обучение в Высшей школе летчиков-наблюдателей в Оренбурге, после ее окончания в декабре 1932 г. служит летчиком-наблюдателем 3 авиаэскадрильи 28 авиабригады Тихоокеанского флота, потом там же начальником строевой части, начальником строевого отдела, в 1936 г. ему присвоено звание старший лейтенант. С января 1939 г. переходит в разведотдел Тихоокеанского флота на должность военного цензора, в апреле 1939 г. присвоено звание капитан. С 1941 г. переведен военным цензором на Черноморский флот, 20.06.1941 г. назначен

начальником отделения военно-морской цензуры разведотдела Черноморского флота и на этой должности он служил по август 1943 г., в том числе весь период обороны Севастополя 1941–1942 гг., в марте 1943 г. было присвоено звание майор [4; 5].

Цензором отделения военно-морской цензуры разведотдела Черноморского флота был капитан Александр Александрович Неустроев. Александр Александрович Неустроев родился 8 октября 1906 г. в Санкт-Петербурге, в 1917 г. окончил 3-годичную начальную школу в Петрограде, в 1922 г. 7-милетнюю трудовую школу в городе Молога Ярославской области, там же работал с 1922 по 1928 гг. в разных организациях. В 1928 г. призывается в РККА, служит на Балтийском флоте, в 1930 г. оканчивает артшколу в городе Кронштадт, с 1930 г. по 1937 г. служит на Черноморском флоте на крейсере «Профинтерн» сначала командиром отделения, затем командиром батареи. В период 1936–1937 гг. участвовал в войне в Испании, 1 августа 1937 г. награжден орденом «Красная звезда». В 1937–1938 гг. учился на курсах усовершенствования начсостава при разведуправлении РККА, после окончания курсов служит сначала в Одессе на Морском пограничном пункте, с января 1939 г. в разведотделе Черноморского флота, с октября 1939 г. по июнь 1943 г. военный цензор разведотдела Черноморского флота. С июня 1943 г. по ноябрь 1944 г. оперативный разведчик разведотдела Черноморского флота, с ноября 1944 г. по октябрь 1946 г. замначальника разведотдела Дунайской флотилии, в этой должности принимал участие в боевых действиях в Румынии и Венгрии, в октябре 1946 г. уволен в отставку по болезни в звании майор [1, л. 1–6; 2].

Из биографий цензоров военно-морской цензуры Черноморского флота видно, что они были кадровыми военными, много лет прослужили на флоте, А. А. Неустроев к началу Великой Отечественной войны имел еще и боевой опыт, полученный в Испании.

Еще одним цензором отделения военно-морской цензуры разведотдела Черноморского флота был Петр Алексеевич Скамров, в период обороны Севастополя политрук, но он был цензором газеты Черноморского флота «Красный черноморец» [13, л. 1], и другими вопросами цензуры занимался крайне редко, в основном в отсутствие в Севастополе Г. Г. Полового и А. А. Неустроева.

Деятельность отделения военно-морской цензуры Черноморского флота осуществлялась на основании «Положения о Военно-морской цензуре ВМФ» [13, л. 36–37]. Военно-морская цензура ВМФ, также как и Главлит, выпускала разъяснения, в которых указывалось, что не подлежит опубликованию, например, перед самой войной, 18 июня 1941 г. уточнено, что запрещено показывать в открытой печати наличие в ВМФ торпедоносной и миноносной авиации [9, л. 84].

После начала Великой Отечественной войны, 8 июля 1941 г. выходит Приказ Наркома ВМФ Союза ССР № 0616 с грифом «секретно», который вводит на ВМФ в действие «Инструкцию о мерах по сохранению военной тайны (на военное время)» [18, л. 376–383], в которой указано, что государственной и военной тайной являются всякие сведения, разглашение которых подрывает обороноспособность нашей страны. Это сведения, указанные в «Перечне сведений, составляющих военную тайну», и Дополнение к нему на военное время. Также приложением к инструкции

шли «Дополнения к перечню сведений, составляющих военную тайну (на военное время) по ВМФ» [18, л. 384]. В соответствии с этими «Дополнениями по ВМФ» запрещалось показывать в открытой печати, радиовещании, открытых выступлениях нижеследующие сведения по ВМФ:

- Все сведения о мобилизации, в том числе сведения о мобилизованных судах и плавучих средствах гражданского торгового флота, ожидающихся и прибывающих в части и на корабли пополнениях, все сведения о досрочных и специальных выпусках из Военно-Морских училищ, школ и учебных отрядов ВМФ;

- Всякие сведения о назначении и перемещении командного состава;

- Фамилии и военные звания высшего командного состава, командиров и их заместителей соединений, частей; командира, его заместителя, помощника и командира БЧ – линкора, крейсера; командира, его заместителя и помощника – лидера, эсминца, минного заградителя, тральщика, сторожевика, подводной лодки; командира авиации выше командира звена. Эти данные можно было показывать только в виде исключения для популяризации героики командиров (кроме высшего состава и командиров и их заместителей соединений и частей), с разрешения Военного Совета флота (флотилии);

- Названия военных и торговых кораблей, кроме открытых для печати. Еще до войны, 23 июля 1939 г. циркуляром Главлита были открыты для печати следующие корабли Черноморского флота: Лидер «Ташкент», Лидер «Харьков», Миноносец «Безупречный», фотографии этих кораблей могли помещаться в печати. Но в печати и радиовещании не разрешалось давать следующих сведений об этих кораблях: о времени ввода в строй, скорости хода, водоизмещения, мощности механизмов, данные об артиллерийском и торпедном вооружении [7, л. 19];

- Всякого рода данные, по которым можно установить, пункт, район, где находится соединение, часть; местонахождение корабля и выполняемая им задача и сроки (находится ли в походе, стоит ли в базе в доке, в ремонте и т.п.);

- Все сведения и данные о подготовке к намечающемуся развертыванию, переброске соединений, частей и кораблей; сведения об оценке театра военных действий, операций и операционных направлений; всякое описание боевых действий соединений, кораблей и частей, кроме официальных сообщений. В целях популяризации героики Красной Армии и Военно-Морского Флота, разрешается показывать отдельные боевые эпизоды, не вскрывая времени, места, наименования части или корабля, оперативных целей и тактических приемов, взаимодействия различных родов оружия или различных классов кораблей;

- Все данные о потерях, все сведения без исключения, в абсолютных цифрах и процентах, о количестве убитых, раненых, пропавших без вести и заболевших, разрешается показывать отдельные случаи с разрешения начальника Управления политической пропаганды флота (флотилии); сведения и данные о потерях кораблей, материальной части и ВВС; все без исключения сведения о разрушениях, нанесенных противником, кроме официальных сообщений;

- Все без исключения сведения о противнике, могущие вызвать панические и упадочные настроения, как на флоте, так и в тылу: преувеличенные данные о

материальных и технических ресурсах, переоценка морального и боевого состояния его армии и т.п;

-Все сведения о производящемся плановом и аварийном ремонте кораблей; время, место приемки боезапасов, горючего, сроки пополнения запасов кораблями; время подвески бомб, заправки самолета, число вылетов в день; всякие сведения о вступлении в строй новых кораблей, типов вооружения, а также о производящемся ремонте кораблей.

В части организации работы корреспондентов данная инструкция большей частью повторяла положения инструкции № 03 от 2 января 1941 г., но были и существенные дополнения: например, четко сказано, что решения военных цензоров являются обязательными и подлежат безусловному выполнению. Кроме того, в данной инструкции указывалось, что за разглашение государственной тайны в печати несут ответственность автор, редактор и цензор, а в многотиражных газетах еще и командир соединения (части, корабля) и его заместитель по политической части, за разглашение государственной и военной тайны виновные подлежат уголовной ответственности по законам военного времени [18, л. 376–383].

В начале Великой Отечественной войны в печати имелись факты, когда в эпизодах боевых действий опубликовывались материалы, характеризующие методы и способы борьбы с противником подразделениями Красной Армии и Военно-Морского Флота. Кроме того, случались публикации в нашей печати материалов, характеризующих оказываемую нам помощь со стороны рабочих и трудящихся фашистских стран; например, в газетах писали о том, что снаряды, упавшие на нашей территории, иногда вместо взрывчатых веществ имели материалы невзрывчатого характера. Такие статьи, безусловно, писались их авторами с самыми благими намерениями – показать, что у нашей армии и флота есть методы борьбы с противником, но одновременно могли раскрывать военную тайну. Кроме того, такие статьи писались бывшими гражданскими корреспондентами и писателями, которые, возможно, не всегда понимали, что описанное ими является военной тайной.

8 августа 1941 г. письмо за подписью начальника 1 Управления ВМФ СССР контр-адмирала Н. И. Зуйкова с анализом таких статей и имеющихся в них нарушений было послано начальнику разведотдела Балтийского флота, копия начальникам разведотделов флотов и флотилий [9, л. 110–117]. В нем говорилось, что в порядке последующего контроля обнаружены в гражданских газетах ряд нарушений. В газете «Правда» № 193 от 14 июля 1941 г. в статье «Балтийские тральщики», автор Л. Соболев, показано неудачно поставленное противником минное заграждение, указывается возможность обнаружения мин с борта корабля, показана методика уничтожения мин старого образца и разоружения мин нового образца [9, л. 110]. В газете «Правда» № 204 от 25 июля 1941 г. в статье «Разгром фашистского каравана» (тоже автор Л. Соболев) показана тактика наших торпедных катеров при нападении на караван вражеских судов, шедших с десантом [9, л. 111]. Этим вскрывалось то, что на вооружении наших торпедных катеров состояли торпеды определенного рода. [9, л. 112] В газете «Комсомольская Правда» № 156 от 5 июля 1941 г. года в статье «Точный удар» автор снова Л. Соболев, показана тактика

наших истребителей на юге. В газете Известия № 164 от 13 июля 1941 г. в статье «Пять суток в море» автор А. Степанов, показаны новые методы борьбы с минами противника [9, л. 112]. Опубликование подобных материалов являлось прямым разглашением военной тайны, так как сигнализировало противнику о том, что поставленное им неграмотное минное заграждение нами раскрыто, что мины нового образца нами разоружаются совершенно свободно, что нами применяются новые средства (глубинные бомбы) для борьбы с вражескими минами, показана тактика наших истребителей [9, л. 113]. Письмом предлагалось в кратчайший срок собрать всех военных корреспондентов гражданских газет и дать четкие указания о их работе на действующих флотах, еще раз ознакомить их с действующими документами по сохранению военных тайн в печати на военное время, и предупредить корреспондентов, что если в их статьях, переданных по телеграфу в Москву, будут произведены вычерки, это будет считаться разглашением военной тайны [9, л. 116]. Также приказывалось усилить руководство и контроль над работой военных корреспондентов гражданских газет и в дальнейшем не допускать ни одного случая разглашения военных тайн в гражданских и флотских газетах [9, л. 116].

Если материал сначала печатался в газете Черноморского флота «Красный черноморец», а после передавался и в другие издания, до его передачи в другую печать материал должен быть повторно завизирован военным цензором Черноморского флота [10, л. 228], так как «Красный черноморец», как и газеты других флотов и флотилий, был закрытой газетой и продаже в обычном порядке не подлежал [9, л. 1]. Ограничения по опубликованию в закрытых газетах флотов и флотилий были несколько иные, например цензор газеты «Красный черноморец» П. А. Скамров докладывал начальнику отделения ВМЦ на Черноморском флоте Г. Г. Половому, что имеет письменное приказание Народного Комиссара ВМФ показывать боевые корабли в газете с полным названием и фамилиями командира и военкома [13, л. 61].

В том числе по причине описанных выше нарушений 15 августа 1941 г. уже по линии Главного политического управления ВМФ СССР в адрес начальников политуправлений действующих флотов и флотилий была выслана телеграмма за подписью начальника Главного политического управления РКВМФ армейского комиссара 2 ранга И. В. Рогова, где указывалось, что в составе действующих флотов и флотилий работает значительное количество призванных из запаса писателей, всех их необходимо предупредить, что на каждой статье корреспондентов и писателей, передающих свой материал в центральные газеты, должна быть виза Политического управления флота (политотдела флотилии) и военного цензора. В противном случае (то есть неполучения виз политуправления флота и военного цензора – *С.П.*) авторы будут привлекаться к ответственности, как за разглашение военной тайны [15, л. 266].

На Черноморском флоте тоже был случай нарушения требований военной цензуры – газета «Известия» 29 июля 1941 г. напечатала фотографию «Плоешти горит» [3], по ней производилось расследование. 6 августа 1941 г. в адрес начальника отделения военно-морской цензуры на Черноморском флоте капитана Г. Г. Полового поступило указание начальника центральной военно-морской цензуры ВМФ СССР

капитана 2 ранга Г. М. Ушакова немедленно произвести расследование, на каком основании и при каких обстоятельствах был передан этот снимок корреспонденту газеты «Известия» без визы цензуры, о результатах расследования донести Военному Совету флота для принятия мер взыскания к виновным, указанный снимок являлся оперативным документом и к опубликованию в открытой печати запрещен [10, л. 250]. 20 августа 1941 г. капитан Г. Г. Половой доложил, что еще не успел в связи с болезнью провести расследование по фотоснимку, напечатанному в газете «Известия» «Плоешти горит», как этот снимок по приказанию члена Военного Совета дивизионного комиссара тов. Кулакова дан в газете «Красный Черноморец» № 237 16 августа 1941 г. Доклад члену Военного Совета о том, что не стоит усугублять нарушения центральных газет положительных результатов не дал, так как раз центральные газеты дали, значит и во флотской газете можно давать [10, л. 252]. Такой ответ, со ссылкой на члена Военного Совета Черноморского флота, тем не менее не удовлетворил, и пришлось повторное указание выявить виновных в передаче фотографии в газету «Известия» без визы цензуры, при этом уточнялось, «что касается помещения фотоснимка в газете «Красный черноморец», то Вы были обязаны выполнить приказание члена Военного Совета Черноморского флота» [10, л. 254]. Только 2 октября 1941 г. Г. Г. Половой доложил: «произведенным расследованием по фотоснимку «Плоешти горит» установлено: капитан Цурцумия при боевом вылете, на бомбардировку вражеского объекта, одновременно проводил фотосъемку. Возвратясь на полевой аэродром, пленку проявил. Находившийся в это время на аэродроме корреспондент газеты «Известия» попросил дать ему кадр «Плоешти горит» для помещения его в газете. Капитан Цурцумия лично передал данный снимок корреспонденту газеты «Известия», не зная, что снимок является оперативным и что помещать его в открытой печати нельзя» [10, л. 266]. Дальнейшей переписки по этому вопросу между отделением военно-морской цензуры на Черноморском флоте и центральной военно-морской цензурой ВМФ СССР не обнаружено. В личном деле командира 5 эскадрильи 40 бомбардировочного полка ВВС Черноморского флота Александра Пехувича Цурцумия никаких пометок о взыскании нет, наоборот, 25 октября 1941 г. ему присваивается очередное звание майор [20, л. 1–6], не было взыскания и по партийной линии [21]. Скорее всего в условиях тяжелых боев осени 1941 г. наказание героя бомбардировок румынских Констанцы и Плоешти, одного из самых известных летчиков Черноморского флота, про которого сообщалось в сводках Совинформбюро (утреннее сообщение от 9 июля 1941 г., утреннее сообщение от 29 июля 1941 г., утреннее сообщение от 13 сентября 1941 г.) и писалось в газетах, посчитали явно нецелесообразным. Майор А. П. Цурцумия погиб 3 декабря 1941 г., 22 февраля 1944 г. ему посмертно присвоено звание Герой Советского Союза [20, л. 1–6], его имя выбито на Мемориальной стене в честь героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. у Вечного огня в городе-герое Севастополь.

Фотоснимок «Плоешти горит» был редким исключением опубликования снимка, переданного без визы цензора военно-морской цензуры Черноморского флота. В обычном, утвержденном порядке, все фотоснимки, отправляемые из

Черноморского флота в центральные и местные газеты и журналы отделением ВМЦ ЧФ просматривались и визировались. Работающие на ЧФ кинооператоры заснятый киноаппаратом материал передавали через отделение ВМЦ ЧФ в Спецчасть Центральной студии кинохроники непрямым, этот материал просматривался Военно-морской цензурой ВМФ и получал после этого разрешение на выпуск. Материал фотокорреспондента Черноморского отделения газеты «Красный флот» Б. Г. Шейнина просматривался ВМЦ ЧФ в кадрах, без контрольных снимков [10, л. 248]. В свою очередь Центральная студия кинохроники имела директиву от вышестоящих организаций о беспрепятственной выдаче в прессу негативов для фото из киноматериала, разрешенного к выпуску на экран [11, л. 199]. Все корреспонденты центральных изданий в начале войны были подробно проинструктированы в отделении ВМЦ на Черноморском флоте, а прибывающие инструктировались в момент прибытия, все корреспонденции идущие из Севастополя для центральной печати систематически визировались начальником отделения ВМЦ на Черноморском флоте Г. Г. Половым или дежурным цензором, при этом если корреспонденции вызывали сомнение, цензоры консультировались у начальников отделов штаба ЧФ, начальника разведотдела ЧФ, и непосредственно у начальника штаба ЧФ [13, л. 98–99]. Материалы писателей и корреспондентов в центральные газеты и журналы, на радиостанции без визы цензуры не принимались [13, л. 61].

9 января 1942 г. капитан Г. Г. Половой письменно докладывал в ВМЦ ВМФ СССР о своей работе в период двухмесячной осады Севастополя: оставаясь в Севастополе в период осады то есть с 30.10.1941 по 3.01.1942 Г. Г. Половой осуществлял контроль цензуры над: а) газетой «Красный Черноморец», б) сборниками, листовками, воззваниями, в) материалами центральных газет «Правда», «Известия», «Красный флот», «Комсомольская правда», «Красная звезда», г) над работой местных и центральных фотокорреспондентов, д) над работой местных городских организаций, могущих быть очагом разглашения военной тайны (радиоцентр), е) контролировал всю мелкопечатную продукцию, а при наличии свободного времени выезжал на передовые позиции. [13, л. 16]. Вся эта работа была продолжена и далее. Кроме того, в этом же письме Г. Г. Половой поднимает вопрос, не относящийся к цензуре – пишет про то, что весь ранее заснятый на ЧФ материал, давно появился на экранах страны, а в Севастополе непосредственные участники этих сюжетов их не видели и просит предложить киноорганизациям, которые занимаются оформлением картин, присылать их в первую очередь самим участникам.

01 марта 1942 г. в докладе на имя начальника ВМЦ ВМФ СССР Г. Г. Половой сообщает, что кроме корреспондентов, имеющих разрешительное удостоверение ВМЦ ВМФ СССР в Севастополе есть еще немало корреспондентов при частях Приморской армии, имеющих разрешение армейского командования. Кроме того, в феврале 1942 г на флот прибыло несколько человек писателей с заданием Главного Политуправления ВМФ (писатель Г. Э. Сорокин) и лично с заданием Заместителя наркома ВМФ Начальника Главного Политуправления ВМФ СССР армейского комиссара 2 ранга тов. И. В. Рогова (писатели Ю. И. Рест и С. П. Варшавский), они имели командировочные удостоверения Главного ПУ ВМФ, свои писательские

удостоверения и ни один из них не имел разрешительного удостоверения ВМЦ, что нарушает приказ Наркома ВМФ № 0616, эти писатели готовили книги о Черноморском флоте, для издания в Москве, при этом отделение ВМЦ на Черноморском флоте, весь материал писателей на флоте просмотреть не сможет, так как он готовится в разных частях и на кораблях и лично писателями забирается в Москву [13, л. 31–32].

В ответ из ВМЦ ВМФ СССР было получено разъяснение, что для посещения кораблей и соединений флота корреспондентами и писателями, не имеющих разрешительного удостоверения Военно-морской цензуры ВМФ, необходимо в каждом отдельном случае выяснять причины отсутствия такового и допускать только после разрешения Военного Совета флота. Корреспонденты армейских газет, имеющие разрешительное удостоверение Военного Совета Приморской армии могут быть допущены на корабли и части и соединения ВМФ, только с разрешения ВС Флота. Весь материал должен быть предварительно просмотрен и завизирован ВМЦ Черноморского флота [13, л. 38].

10 марта 1942 г. из ВМЦ ВМФ поступила рассылка на флоты и флотилии, что последующим контролем задержан выпуск в свет фотоснимка А. М. Межуева и Е. А. Халдея, сделанный в одной из авиачастей ЧФ, где показано подвешивание под самолетом снаряда «РС», то есть произведено фотографирование секретного вооружения. Дано указание немедленно установить строжайший контроль за работой всех корреспондентов, фотокорреспондентов и кинооператоров на флотах и флотилиях, исключив полностью повторения подобных случаев. Кроме того, предупредите командование всех авиачастей ВМФ о тщательной охране и недопущении какого-либо фотографирования секретной техники и вооружения для кино или печати и помещения каких-либо корреспонденций об этом [14, л. 13].

На эту рассылку начальник отделения ВМЦ на Черноморском флоте Г. Г. Половой сообщает начальнику ВМЦ ВМФ Г. М. Ушакову, что «я Вам докладывал, что на флот зачастую прибывают корреспонденты и писатели с документами, подписанными непосредственно Армейским комиссаром тов. Роговым, идут на Военный Совет, получают соответствующий мандат во все части и на корабли ЧФ, пишут об этих частях, снимают их и не зайдя в цензуру подчас попутным самолетом улетают в Москву, таким образом минуя не только Вас при отъезде из Москвы, но и меня при отъезде с флота, вследствие чего получаются такие случаи как с Межуевым и Халдеем, а гоняться за каждым писателем и кинофотокорреспондентом я безусловно не могу» [13, л. 39]. Г. Г. Половой также просил добиться полного оформления корреспондентов, едущих на флот, в ВМЦ ВМФ, чтобы избежать подобных ситуаций в будущем.

Стоит отметить, что корреспонденты, работающие на Черноморском флоте, лично знали не только цензоров Черноморского флота, но и сотрудников ВМЦ ВМФ, и иногда обращались туда напрямую. К сопроводительному письму ВМЦ ЧФ, по которому передавалась 30 ноября 1941 г. киноплёнка оператора Д. Г. Рымарева, была приложена написанная карандашом самим Д. Г. Рымаревым на имя начальника ВМЦ ВМФ Г. М. Ушакова записка: «Уважаемый Георгий Модестович! Посылаю Вам

материал по обороне Севастополя. Очень Вас прошу этот материал быстрее отослать в студию для проверки. Я продолжаю здесь работать. Моя работа на сухопутном фронте пока закончилась. Сейчас переключаюсь на «воду» и «воздух». Меня разбомбили на «Ч.У.» (крейсер «Червона Украина» – С.Л.). Но в общем здоров и все в порядке. С приветом Рымарев 2.12.1941» [13, л. 21–22]. Эта записка, в которой кроме деловой просьбы есть достаточно неформальная информация личного характера, свидетельствует от том, что корреспонденты поддерживали с цензорами не только абсолютно конструктивные, рабочие отношения, понимали важность их деятельности, особенно в период военных действий, но отношения были также и дружеские, а начальник Военно-морской цензуры ВМФ СССР Г. М. Ушаков знал лично корреспондентов и кинооператоров.

Уже после окончания героической обороны Севастополя 1941–1941 гг. 20 июля 1942 г. начальник отделения ВМЦ на Черноморском флоте Г. Г. Половой докладывал в ВМЦ ВМФ о работе отделения в условия года Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Осуществлялся предварительный контроль материалов, идущих в центральную печать: все корреспонденты получали необходимый инструктаж, все статьи идущие из Севастополя через телеграф и радио, проходили обязательный контроль военной цензуры, статьи вызывающие сомнения отправлялись на консультацию у начальников отделов штаба ЧФ, начальника разведотдела ЧФ и начальника штаба ЧФ, телеграф и радиоузел без визы цензуры материалы не принимали, статьи, допускающие разглашение военной и государственной тайны, снимались и посылались в ВМЦ ВМФ на консультацию. Также осуществлялся контроль киногрупп и фотокорреспондентов: с кинооператорами и фотокорреспондентами проводились инструктажи, в начале войны прикреплялся к ним один из цензоров и постоянно контролировал их работу, пленка кинооператорами сдавалась в Отделение ВМЦ ЧФ и фельдсвязью отсылалась в Центральную студию кинохроники, фотопленка просматривалась, секретные кадры вырезались, а разрешенные кадры сам фотокорреспондент направлял в газету. иногда фотопленку в газету отправляли через фельдсвязь [13, л. 166–169]. Из этого доклада видно, какой объем работы производили военные цензоры Черноморского флота, а их было всего три человека даже с учетом цензора газеты «Красный Черноморец» П. А. Скамрова, в целях недопущения разглашения военной и государственной тайны в тяжелейших условиях осажденного Севастополя.

Таким образом, на основе архивных документов подробно раскрыта деятельность отделения военно-морской цензуры на Черноморском флоте в начале Великой Отечественной войны и в период обороны Севастополя 1941–1942 гг., приведены биографии цензоров, свидетельствующие о том, что все они были кадровыми военнослужащими ВМФ, имеющими военное образование и многолетний опыт службы в ВМФ до назначения на должность цензоров ВМФ. Рассмотрен порядок работы корреспондентов, фотокорреспондентов и кинооператоров в военное время в ВМФ на примере Севастопольского оборонительного района, в том числе с точки зрения выполнения ими цензурных ограничений, введенных для недопущения возможного разглашения военной тайны на всех этапах от допуска корреспондентов,

фотокорреспондентов и кинооператоров на объекты ВМФ до выпуска их материалов на экран и публикаций в периодической печати. В первую очередь благодаря системной работе военной цензуры случаев раскрытия информации, которая относилась к военной тайне, в периодической печати и на экране практически не было.

Список использованных источников и литературы

1. Неустроев Александр Александрович, личное дело // ЦВМА. Ф. 4742. Д. 55688. 6.л.
Neustroev Aleksandr Aleksandrovich, lichnoe delo // CVMA. F. 4742. D. 55688. 6.l.
2. Неустроев Александр Александрович, учетно-партийные документы // РГАСПИ.
Neustroev Aleksandr Aleksandrovich, uchetno-partijnye dokumenty // RGASPI.
3. Плоешти горит. // Известия. – 1941. – № 177. – 29 июля.
Ploeshti gorit. // Izvestiya. – 1941. – № 177. – 29 iyulya.
4. Половой Герасим Григорьевич, учетно-партийные документы // РГАСПИ.
Polovoj Gerasim Grigor'evich, uchetno-partijnye dokumenty // RGASPI.
5. Половой Герасим Григорьевич, учетно-послужная карта // ЦВМА.
Polovoj Gerasim Grigor'evich, uchetno-posluzhnaya karta // CVMA.
6. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 1.
Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voenno-Morskogo Flota (RGAVMF). F. R-1678. Op. 1. D. 1.
7. Центральный Военно-Морской архив – Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г.Гатчина) (ЦВМА). Ф. 2 Оп. 15. Д. 1.
Central'nyj Voenno-Morskoj arhiv – Filial Central'nogo arhiva Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (arhiv Voenno-Morskogo Flota, g.Gatchina) (CVMA). F. 2 Op. 15. D. 1.
8. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 15. Д. 3.
CVMA. F. 2. Op. 15. D. 3.
9. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 15. Д. 4.
CVMA. F. 2. Op. 15. D. 4.
10. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 15. Д. 9.
CVMA. F. 2. Op. 15. D. 9.
11. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 15. Д. 17.
CVMA. F. 2. Op. 15. D. 17.
12. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 15. Д. 19.
CVMA. F. 2. Op. 15. D. 19.
13. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 15. Д. 34.
CVMA. F. 2. Op. 15. D. 34.
14. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 15. Д. 36.
CVMA. F. 2. Op. 15. D. 36.
15. ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 548.
CVMA. F. 11. Op. 2. D. 548.
16. ЦВМА. Ф. 14. Оп. 47. Д. 186.
CVMA. F. 14. Op. 47. D. 186.
17. ЦВМА. Ф. 14. Оп. 114. Д. 2.
CVMA. F. 14. Op. 114. D. 2.
18. ЦВМА. Ф. 14. Оп. 114. Д. 7.
CVMA. F. 14. Op. 114. D. 7.
19. ЦВМА. Ф. 1322. Оп. 4922. Д. 1.
CVMA. F. 1322. Op. 4922. D. 1.
20. Цурцумия Александр Пехувич, личное дело // ЦВМА. Ф. 4742. Д. 452. 6.л.
Curcumiya Aleksandr Pekhuvich, lichnoe delo // CVMA. F. 4742. D. 452. 6.l.
21. Цурцумия Александр Пехувич, учетно-партийные документы // РГАСПИ.
Curcumiya Aleksandr Pekhuvich, uchetno-partijnye dokumenty // RGASPI.

Priezzheva S. G. The departament of naval censorship in the Black Sea fleet during the heroic defense of Sevastopol (1941–1942).

The article considers the organization of the work of the Department of Naval Censorship of the Black Sea Fleet with correspondents of the central periodicals in Sevastopol during the heroic defense of the city 1941–1942. The article is based entirely on the analysis of archival documents of the Russian State Archive of the Navy, the Central Naval Archive – a branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (the Archive of the Navy, Gatchina), the Russian State Archive of Socio-Political History, a part of these documents is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Defense of Sevastopol 1941–1942, naval censorship, periodical press 1941–1942, war correspondents.

УДК 94(477.75)

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-175-193

ПРАВОВОЙ СТАТУС КАРАИМОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ КАРАИМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)¹

Ткачев А. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: antontckachov@gmail.com*

Проанализирован комплекс нормативно-правовой документации, разработанный российским правительством в ходе мероприятий по изменению правового положения караимского населения в России. Начало первого этапа трансформации юридического статуса караимов можно отнести к 1795 г., когда Екатерина II подписала закон «Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных на всех вообще Евреев податей». В соответствии с этим документом караимы освобождались от уплаты двойного промыслового налога, ставшего обязательным для евреев-рабанитов. В дальнейшем светские и духовные лидеры караимских общин Крыма и губерний Северо-Западного края Российской империи неоднократно направляли в адрес вышестоящих инстанций различные ходатайства с целью предоставления караимам экономических и других льгот. В этих прошениях их авторы указывали на имевшиеся между караимами и евреями-рабанитами различия в этническом и религиозном контексте. Указы Сената, постановления, определения и распоряжения Министерства внутренних дел, циркуляры Департамента духовных дел иностранных исповеданий и иная документация отражают историю первого этапа борьбы караимов за свои гражданские права. В 1837 г. был утвержден проект создания Духовного правления караимов в Евпатории, ставшего первым официальным учреждением конфессионального самоуправления караимов Российской империи. Второй этап документального оформления гражданского статуса караимов относится к 1840–1860-м гг. и он характеризуется дальнейшими мероприятиями по законодательному регулированию различных аспектов социально-экономической жизни караимов.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, законодательство, караимы, евреи-рабаниты, органы конфессионального самоуправления

Вопросы изучения социокультурной эволюции караимов в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. сегодня представляют исследовательский интерес для многих специалистов. Так, например, в публикациях Г. Ахиезер [1–3; 47; 48], О. Б. Белого [4–6], М. Г. Крамаровского [3; 18–20], М. И. Гаммала [9–13], Д. А. Прохорова [37–41], Ф. Миллера [49; 50], а также ряда других авторов рассматриваются различные аспекты, связанные с процессом интеграции караимов в российский социум на рубеже столетий, проблемы их аккультурации и этапы оформления юридического статуса. Важным направлением в изучении прошлого караимских общин Российской империи является история трансформации правового

¹ Исследование выполнено под руководством Д. А. Прохорова, д.и.н., профессора кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, институт «Таврическая академия», КФУ им. В. И. Вернадского.

положения евреев-рабанитов, в отношении которых государство проводило дискриминационный курс «поражения в правах». Караимов же, судя по сохранившимся документальным свидетельствам, отличало то, что они находились под своеобразной опекой российских властей.

Целью статьи является анализ российской нормативно-правовой документации в рамках первого этапа трансформации юридического статуса караимского населения, начавшейся вскоре после присоединения Крыма к России в 1783 г., и которая длилась до конца 1830-х гг. Выделение именно этого хронологического отрезка как определяющего в формировании законодательной базы в отношении караимского населения Российской империи может быть объяснено тем, что на высшем уровне принимались ключевые законы и постановления, которые на долгое время определили положение этой этноконфессиональной общности в иерархии российского общества. Привлечение широкого круга источников призвано раскрыть роль российской высшей администрации в оформлении гражданских прав российских «иностранцев», продемонстрировать различия в правовом статусе караимов и евреев-рабанитов, проживавших в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в., а также изучить комплекс документов, относящихся к истории создания органов караимского конфессионального самоуправления.

После присоединения Крымского полуострова к России в 1783 г. одним из наиболее значимых направлений деятельности российских властей в освоении нового региона стала инкорпорация местного населения в российское правовое поле, а также решение задач, связанных с определением юридического статуса местного населения – крымских татар и караимов. Общая численность жителей на полуострове в начале 80-х гг. XVIII в. составляла около 115 тыс. человек, причем представителей иудейских общин (караимов и евреев-рабанитов) насчитывалось 1407 человек. Все они были записаны как «жиды» в ведомости, представленные командующему русскими войсками на полуострове, а также Каспийским и Черноморским флотами, барону и графу О. А. Игельстрому для составления «Камерального описания Крыма. Что касается крымских татар, то их численность составляла 54 936 человек (переписью учитывалось только мужское население). В соответствии с данными ведомости, на полуострове зафиксировали наличие 407 «домов жидовских» [22, с. 103]. К 1795 г. число жителей возросло и составило 156,4 тыс. человек (из них 137 тыс. крымских татар) [23, с. 39; 21, с. 628, 636]. Начиная с 1791 г., в Новороссии (в Екатеринославской, Херсонской губерниях, а также в Таврической области, а с 1812 г. и в Бессарабской области) власти разрешили селиться и евреям-рабанитам, мигрировавшим сюда из польских и галицийских земель после разделов Польши. С 1794 г. они получили право на жительство в северо-восточных губерниях Украины (Черниговской и Полтавской). В целом же на территории Новороссии по результатам III ревизии (1762–1764) на долю еврейского населения приходилось 1,1%, по данным IV ревизии (1781–1783) – 1,4%, и по сведениям V ревизии (1794–1796) – 1,5% от общего числа жителей. В Таврической области в соответствии со информацией, приведенной в IV ревизии, евреев-рабанитов насчитывался всего 1%, а по V

ревизии – 0,6% [17, с. 222]. Что касается караимов, то по данным ревизий 1792 и 1796 г. в Крыму их насчитывалось почти 2410 чел. [8, с. 104].

Указом от 23 июня 1794 г. императрица Екатерина II объявила об установлении двойного промыслового налога, который теперь должны были платить, наравне с евреями Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерний, также и еврей-рабаниты, проживавшие в Таврической области. Представителям еврейского населения вышеназванных территорий дозволялось записываться по городам в мещанство и купечество, но при этом правительством было сделано распоряжение, что «с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий». Для купцов эта сумма составляла 2% с указанного ими капитала, а для мещан – 4 рубля. Тех же лиц из евреев, которые не изъявили желание оставаться в Российской империи, предполагалось освободить от этого налога на основании «Жалованной грамоты городам» 1785 г., однако это могло произойти лишь после уплаты ими двойной подати за три года [24, с. 532].

Крымские караимы, которых российская администрация, не вникавшая в различия догматического характера между евреями-рабанитами и караимами, первоначально причислила к евреям, также подпадали под действие данного закона. Тем не менее, подобное положение дел не устраивало представителей караимской общины, и поэтому они обратились к правителю Таврической области генерал-майору С. С. Жегулину с прошением об освобождении их от уплаты двойного промыслового налога [37, с. 77]. С. С. Жегулин, в свою очередь, включил текст ходатайства караимов в свой рапорт от 16 января 1795 г., который направил правителю Новороссии и Бессарабии графу П. А. Зубову. В этом документе в частности речь шла о том, что «общество Таврических Евреев, от многих веков в полуострове обитающих, именуемых Караимы, которые суть другого совсем закона от рабинов, поданным ко мне прошением, ссылаясь на бывших в Тавриде начальников и на меня самого в незасорном их поведении, и что они, составляя состояние свое торговлею, промыслами и садоводством, отправляют по выборам службу и должности с возможным усердием, в платеже податей, законом положенных, всегда исправны и никогда не привержены к таковым порокам, нареканиям и предосудительным поступкам, каковые являются иногда от приходящих вновь на жительство в Тавриду Евреев, рабинами называемых, неотступно просят меня свидетельствовать о сем пред Вашим сиятельством и испросить, яко у милостивого и правосудного начальника, высокого благоволения, во от личности их от новых пришельцов рабинов, здесь водворяющихся, и пожалованием им преимущества во и избавлении навсегда домов их от постоя» [42, л. 10–11]. В тексте этого прошения особенно подчеркивались преимущества, которые караимы смогли получить от российских властей после присоединения Крыма к России. В частности, прежде всего имелась ввиду свобода вероисповедания, на

которую, по словам самого ходатая, находившиеся в европейских и азиатских владениях единоверцы караимов «взирали примечательно».

Имея целью подкрепить изложенные в своем прошении аргументы личным ходатайством, в 1795 г. в Санкт-Петербург направились избранные крымской караимской общиной для этой цели делегаты: евпаторийский купец Шеломо Бабович, экс-управляющий финансами и заведующий монетным двором крымского хана Шагин-Гирея Биньямин бен Шемуэль Ага, а также гахам (духовный глава) Чуфут-Кале Йицхак бен Шеломо. Они были уполномочены общиной представлять интересы караимов перед высшей российской администрацией. Граф П. А. Зубов, приняв караимскую делегацию и рассмотрев поданную ему коллективную петицию, по итогам состоявшейся встречи представил Екатерине II доклад, где изложил основные пункты прошения караимов. В конечном итоге, приняв во внимание все обстоятельства, изложенные в записке П. А. Зубова, императрица 8 июня 1795 г. подписала Сенату указ № 17340 «Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных на всех вообще Евреев податей». В соответствии с положениями этого документа, караимы освобождались от необходимости платить двойной промысловый налог. Помимо этого, наравне с другими купцами и мещанами, проживавшими в Таврической области, они избавлялись от уплаты «рекрутского» сбора и от солдатского постоя в их домах («чтобы без особенной нужды излишнего не было»). Вместе с тем в указе императрицы специально оговаривалось то обстоятельство, «чтобы в общество сих Караимов не входили из тех Евреев, как известны под именем Раббинов», но с уточнением, что «через таковое их облегчение не могло быть обременения прочим обывателям, с которыми они по законам должны нести равные повинности». Распоряжение дополнялось указами Правительствующего Сената от 7 сентября 1794 г. и от 19 октября 1794 г. Помимо всего прочего, караимам разрешалось, на основании государственных узаконений, принятых в Российской империи, владеть движимым и недвижимым имуществом. Соответствующее распоряжение об освобождении караимов от двойного налогообложения последовало затем и в адрес Таврической областной казенной палаты, занимавшейся фискальными сборами с населения Таврической области [24, с. 705–706].

Таким образом, впервые на законодательном уровне караимы смогли закрепить свой новый статус, который уравнивал их с крымскими татарами; одновременно в правовом поле они дистанцировались от евреев-рабанитов. Полученные экономические льготы позволили многим караимским купцам существенно упрочить свое материальное положение, а приобретение земель, покинутых крымскими татарами в ходе их первой эмиграции в середине 80-х гг. XIX в. (причем осуществлялось это практически за бесценок или за минимальную сумму), сделал многих караимов состоятельными землевладельцами и обладателями обширных участков земли в разных районах полуострова. В конце 1795 г. по данным Таврической областной казенной палаты с евреев-ашкеназов и крымчаков, проживавшим на территории области, взимался подушный налог на сумму 1296 руб., а также двойной промысловый налог в размере 80 руб. [7, с. 65]. Что касается

караимов, то по итогам ревизии 1796 г. купцов 3-й гильдии и членов их семей в караимской общине Чуфут-Кале насчитывалось 452 человека (257 мужчин и 195 женщин), а мещан – 39 человек (17 мужчин и 22 женщины) [38, с. 73].

9 декабря 1804 г. правительство приняло высочайше утвержденное «Положение об устройстве евреев». Во вступительной части указа императора Александра I в частности говорилось о том, что, рассмотрев неоднократно поступающие в адрес правительства жалобы на злоупотребления и беспорядки «во вред земледелия и промышленности обывателей в тех Губерниях, где Евреи обитают», было принято решение закрепить указом 9 ноября 1802 г. Положение о создании «Комитета о благоустройстве евреев» (или «Первого еврейского комитета») [25, с. 731]. В него вошли министр юстиции Г. Р. Державин, министр внутренних дел граф В. П. Кочубей, товарищ министра иностранных дел князь А. Ю. Чарторыйский, а также государственный деятель и реформатор М. М. Сперанский. Эти сановники разработали текст статей закона, вызванного якобы необходимостью спасения крестьян от вреда, причиняемого им евреями [16, с. 330]. «Комитет, собрав все сведения к сему принадлежащие, и, сообразив разные предположения о устройстве Евреев доселе бывшие, поднес Нам положение вновь для них составленное, с изъяснением в особенном докладе причин, на коем оно основано», – говорилось далее в тексте «Положения» [25, с. 731].

Этот документ включал пять разделов, в свою очередь, состоявших из 54 пунктов: «О просвещении», «О разных состояниях и промыслах Евреев и преимуществах», «О обязанностях Евреев по вышеозначенным их состояниям» (крестьяне, фабриканты, ремесленники, купцы, мещане), «О гражданском устройстве Евреев» и «О должности Кагалов». В целом «Положение» 1804 г. характеризовалось явной антиеврейской направленностью и было направлено на разрушение традиционного уклада жизни евреев. Что же касается караимов, то действие данного закона, благодаря указу Екатерины II от 8 июня 1795 г., на них не распространялось, как не затронула караимов и перепись еврейского населения, проведенная в Таврической губернии в 1804 г.

Расширение территориальных границ Российской империи в конце XVIII в. за счет ее окраин закономерно привело к увеличению численности населения в государстве, причем в большинстве таких регионов превалировал «иностранческий» компонент. Для административного управления этими категориями населения потребовалось создание особых административно-юридических структур. В 1802 г. было учреждено Министерство внутренних дел Российской империи, а в 1810 г. – Главное управление Духовных дел иностранных исповеданий. В его ведении находились дела лиц католического, армяно-григорианского и протестантских вероисповеданий, а также духовные дела мусульман, евреев, караимов и ламаистов. Указ № 24326 от 17 августа 1810 г. определил сферу компетенций, находившихся в ведении Главного управления, а именно: строительство и упразднение зданий религиозного культа, контроль над состоянием имений и капиталов, брачные дела, надзор за католическими духовными семинариями и монастырями и др. [26, с. 322–328]. 24 октября 1817 г., в соответствии с указом № 27106, к работе приступило

Министерство духовных дел и народного просвещения, контролировавшее все конфессии империи и систему учебных заведений. В состав министерства входил Департамент духовных дел, с обер-прокуратурой Священного Синода и Главным управлением. В составе Департамента его 1-е отделение занималось делами лиц греко-российского вероисповедания, 2-е отделение – делами лиц римско-католического вероисповедания, 3-е – делами униатов и армяно-григориан, а 4-е отделение – делами протестантов, мусульман, иудеев, а также представителей других религий (в том числе, и караимов) [27, с. 815].

Однако 15 мая 1824 г. император Александр I, неудовлетворенный медлительностью действий довольно громоздкого аппарата министерства, упразднил указанную структуру. Тогда же императорским указом Министерство народного просвещения и Главное управление Департамента духовных дел разделили на отдельные ведомства. А 24 августа 1827 г. был утвержден штат Главного управления, состоявшего теперь из трех отделений: 1-го (дела католиков, униатов и армяно-григориан), 2-го (дела протестантов) и 3-го отделений (дела представителей прочих религий). В 1832 г. Главное управление преобразовали в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) и включили его в состав МВД, а в 1836 г. завершилось составление «Свода уставов исповеданий иноверческих и православного», в соответствии со статьями которого регулировались отношения Церкви и государства в России [46, с. 205].

Следующим важным успехом караимов в процессе получения ими правовых льгот стало присвоение им особого статуса в соответствии с законом о рекрутской повинности 1827 г. Указом императора Николая I № 1329 от 26 августа 1827 г. устанавливались нормы военного призыва для евреев. С официальным принятием этого документа достигалась основная цель: российский монарх полагал справедливым, чтобы несение рекрутской повинности было уравнено для всех состояний и сословий его подданных, и поэтому посчитал необходимым «обратить Евреев к отправлению рекрутской повинности в натуре». Призывной возраст для евреев, которые должны были нести воинскую рекрутскую повинность в каждой губернии независимо от христиан, устанавливался в пределах от 12 до 25 лет. Денежный сбор, который полагалось взимать с представителей еврейского населения в качестве замены для них рекрутской службы, отменялся (возможность финансовой компенсации за непредоставление евреями рекрутов предполагалась только в тех случаях, когда за той или иной еврейской общиной не числилось недоимок при уплате казенных податей или земских повинностей, или же у общины отсутствовали долговые обязательства перед какими-либо учреждениями или же частными лицами). В подобных случаях воинским присутствием принималась так называемая «рекрутская квитанция» или от еврейских обществ, или непосредственно от лица, уплатившего требуемую сумму. От рекрутского призыва также могли быть освобождены купцы-евреи, предоставившие свидетельства о своей принадлежности к купеческому сословию (однако такой документ гарантировал только личное освобождение, и его действие не распространялось на членов купеческой семьи). Освобождение от несения рекрутской повинности предоставлялось и тем евреям, кто

окончил начальные, средние и высшие учебные заведения, и мог предоставить свидетельства об отличных успехах и хорошем поведении. В категорию освобожденных от призыва попадали: мастера-ремесленники, работавшие на еврейских фабриках; подмастерья, обучавшиеся ремеслу у христиан; еврей-хлебопашцы и евреи, занимавшиеся земледелием в «малых обществах» [28, с. 727–732]. Российскими евреями этот закон был воспринят как безусловно репрессивный акт со стороны власти [12, с. 48].

Данный указ изначально предполагал привлечение к отбыванию рекрутской повинности и караимов, и их светским и духовным лидерам вновь пришлось предпринимать безотлагательные меры для того, чтобы дистанцироваться в этом вопросе от евреев-рабанитов. Для этого состоятельный евпаторийский купец и будущий караимский гахам Симха бен Шеломо Бабович (сын Шеломо «Чабак» Бабовича, участника первой поездки караимов в Санкт-Петербург в 1795 г.) вместе с газзаном евпаторийской караимской общины Йосефом-Шеломо «Яшаром» Луцким сначала обратились к губернским властям с ходатайством об освобождении караимов от рекрутчины, однако местная администрация данную просьбу отклонила, сославшись на недостаточную компетентность для решения этого вопроса. Тем не менее, личная протекция новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова придала очередной делегации караимов, отправлявшейся в Санкт-Петербург, необходимую легитимность, вселив в ее участников надежду на благополучный исход дела. В конечном итоге С. Бабовичу и Й.-Ш. Луцкому после аудиенции у императора все же удалось добиться отмены действия указа № 1329, который теперь не распространялся на караимов, поскольку Николай I повелел «набор рекрут из Евреев Караимов в Таврической губернии приостановить, ибо там не берут рекрут и из татар» [15, л. 32].

Успех в вопросе освобождения караимов от рекрутской повинности, личное покровительство князя М. С. Воронцова и благосклонность представителей высших кругов власти к караимам в решении многих вопросов правового характера вдохновили Симху Бабовича предпринять новые шаги к достижению новых экономических преференций для караимов. Например, в 1825 г. он составил на имя императора прошение¹, в котором отметил особый статус караимов, дарованный им Екатериной II: «Обращаясь в торговле и промыслах, мы вскоре успели достигнуть счастья, что в Бозе почивающая блаженная и вечной славы достойная памяти Августейшая Бабка Вашего Императорского Величества Великая Екатерина Рескриптом 8-го июня 1795 года, отличив нас от евреев-раввинов, повелено[ла] платимых сими двойных податей, с нас, Караимов, не брать, а взыскивать оные по прежнему на равных с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, с предоставлением местному начальству оказывать нам по возможности и другие выгоды и облегчения». Далее предприимчивый купец излагал от имени крымских караимов новую просьбу, заключающуюся в предоставлении им торговых

¹ Впервые этот документ был введен в научный оборот О. Б. Белым, однако в тексте публикации присутствуют неточности [4, с. 30–35].

льгот. «Но ныне, когда по неизреченному милосердию твоему, предоставлено татарам заниматься всякого рода торговлею и промыслами, не записываясь ни в какие торговые разряды, то есть без всякой по оным в казну заплаты, – писал С. Бабович, – наши торговые дела совершенно подорваны. Ибо мы не можем никакими торговыми промыслами заниматься, не уплатив в казну особенных значительных пошлин, от которых татары вовсе изъяты, заплативши оные вовсе средства, сбывать свои товары и произведения с каковою-либо выгодой, потому что в одном и том же месте татары, не платя ничего за право торговли, имеют возможность продавать свои товары и изделия гораздо низшею против нас ценою, но с достаточною для себя и покупателей выгодой. Одним словом, нам остается или прекратить сами торговые дела, единственное наше занятие или продолжать оные очевидно для нашего в конец разорения» [15, л. 19–20]. Тем не менее, в данном конкретном случае ход прошению С. Бабовичу так и не был дан, поскольку никаких официальных распоряжений от правительства по поводу фискальных обязательств караимов не последовало.

В 1828 г. караимы губерний Северо-Западного края Российской империи, также опасавшиеся возможного набора в рекруты, отправили в Варшаву, к наместнику Царства Польского великому князю Константину Павловичу гевира (предводителя) караимской общины г. Луцка Авраама бен Моше Магаса, с аналогичным ходатайством. Конечный успех миссии подкрепляло распоряжение Комитета Министров об освобождении караимов Литвы и Волынской губернии от рекрутской повинности. Теперь за освобождение от призыва в армию караимы должны были платить по 2 тыс. руб. серебром за каждого рекрута [39, с. 138–139].

Последовавшие за этим события в сфере законодательства, связанные с оформлением гражданских прав караимов, обуславливались внутривластным курсом российского правительства, направленным на дальнейшее юридическое ограничение прав еврейского населения, его гражданских свобод. Так, 20 ноября 1829 г. Николай I подписал указ, в соответствии с которым евреям (за исключением военнотружущих) предписывалось в течение двух лет покинуть Севастополь и Николаев. Определив «неудобным и вредным» пребывание неслужащих евреев в городах Севастополе и Николаеве, российский самодержец объявлял неотложные меры по выселению евреев из городов, которые считались основными военноморскими базами Российской империи на Черном море. В частности, евреям не должны были иметь в этих городах ни постоянного жительства, ни культовых построек, а также не могли быть приписаны ни к одному городскому сословию. Евреям, уже имевшим в Севастополе и Николаеве оседлость, или же тем из них, кто был приписан к этим городам, необходимо было в течение года «переписаться» в другие населенные пункты, открытые для их постоянного пребывания. Принадлежавшую евреям недвижимость в Николаеве и Севастополе (дома, земельные участки, лавки и иную собственность) предлагалось в течении двух лет выставить на продажу (в том случае, если в отведенный правительством срок недвижимость не будет распродана, то она должна была быть реализована на публичных торгах, с оценкой ее стоимости от казны) [29, с. 790].

Завершить высылку евреев из Севастополя и Николаева планировалось в течение двух лет. Тем не менее, неоднократные ходатайства командующего Черноморским флотом адмирала А. С. Грейга (справедливо полагавшего, что высылка евреев может привести к деградации экономики этих городов, и в особенности таких ее отраслей, как ремесленное производство и торговля), смогли лишь отсрочить данные мероприятия. Первоначально срок высылки был перенесен на 1832 г., затем – на 1833 г., и в 1834 г. евреев окончательно выселили из Севастополя [45, стб. 721–723]. Вместе с тем, в Ст. 8 императорского указа № 3268 совершенно недвусмысленно подчеркивалось, что все принятые меры не должны относиться к караимам, которым не запрещалось жить и владеть собственностью в Севастополе и Николаеве на прежних основаниях [29, с. 791]. Евреи смогли получить право вновь селиться в Севастополе лишь в 1859 г., когда Государственный Совет предоставил купцам-евреям всех гильдий, а также евреям, имевшим звание личного или потомственного почетного гражданина и занимавшимся торговлей, право постоянного жительства в Севастополе и Николаеве. Члены их семей и евреи, нанятые в качестве конторщиков, приказчиков и слуг отныне могли селиться здесь без ограничений. Что касается Николаева, то в соответствии с законом от 24 марта 1866 г. № 43139 для лиц из числа евреев были отменены все ограничения на право проживания в Николаевском военном губернаторстве [36, с. 316–318].

Наряду с оформлением гражданских прав караимы постепенно расширяли свое присутствие в экономическом пространстве Российской империи. Первая половина XIX в. характеризуется постепенным проникновением караимского купеческого капитала в крупные промышленные центры империи. Караимские общины в этот период возникают в таких городах Юга России, как Одесса, Николаев, Херсон, Екатеринослав. Растет численность караимов в Таврической губернии (в том числе, и за счет мигрантов, прибывавших в Крым из караимских общин Царства Польского и губерний Северо-Западного края империи). Причем вместе с сородичами в Крым из Волыни и Литвы переселялись и видные караимы-маскилы, носители идей Гаскалы (Еврейского просвещения), что впоследствии не могло не отразиться позитивно на общем образовательном уровне крымской караимской молодежи. Среди прибывших были: Йосеф-Шеломо Луцкий (акроним «Яшар»), его сын Авраам («Абен-Яшар») Луцкий, Мордехай Султанский, Давид Кокизов, Авраам Фиркович. Многие из них известны прежде всего тем, что являются авторами нескольких основополагающих для караимов трудов догматического и богословского характера. Кроме того, отдельные представители караимских общин западных губерний стали духовными лидерами местных караимов: так, например, Йосеф-Шеломо Луцкий даже был избран газзаном евпаторийской общины, что соответствовало должности духовного главы всех караимов Крыма (однако затем он отказался от этой должности, предпочтя ей карьеру учителя). Как полагает М. И. Гаммал, сама биография луцких переселенцев-маскилов может считаться образцом карьеры в традиционной патриархальной караимской общине. Деятельность же газзана Севастопольской кенасы, известного собирателя иудейских древностей Авраама бен Шемуэля

Фирковича неоднократно становилась предметом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей [11, с. 34; 41, с. 106, 185, 329].

Что же касается непосредственно экономических интересов караимов, то традиционными их занятиями в это время по-прежнему остаются торговля, садоводство, виноградарство, табаководство. Как сообщали авторы середины XIX в., караимы были «весьма искусны» в торговле и сельской промышленности; многие из них имели в Крыму большие участки земли, виноградные сады и овчарни [8, с. 104]. Постепенно активность караимов проявлялась и в других сферах экономики, а их присутствие наблюдается уже в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Кременчуге, а также в других российских городах и регионах.

Вскоре российское правительство продолжило разработку новых законодательных решений, направленных на дальнейшее обоснование антиеврейских мер. 13 апреля 1835 г. вступило в действие новое «Положение о евреях» (№ 8054), которым ограничивалось их проживание в ряде местностей Российской империи. Так, евреям-рабанитам разрешалось постоянное жительство в губерниях: Виленской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Минской, Подольской, а также в Бессарабской и Белостокской областях. Постоянное проживание, но с ограничениями, разрешалось евреям: в Киевской губернии (кроме Киева), в Херсонской губернии (кроме Николаева), в Таврической губернии (за исключением Севастополя); в Могилевской и Витебской губерниях (кроме селений); в Черниговской и Полтавской губерниях (кроме казенных и казачьих селений, из которых уже ранее выслали евреев). Статьями «Положения» разрешалось постоянное жительство в Курляндской губернии тем евреям, «кои доселе там записаны по ревизии с семействами их»; переселение же туда евреев из других губерний официально запрещалось. Помимо всего прочего, евреи могли проживать в Лифляндской губернии (в г. Рига и в посаде Шлок Рижского уезда), с теми же ограничениями, как и в отношении Курляндской губернии. В западных пограничных губерниях, в селах и деревнях, отстоящих от границы ближе 50 верст, евреям селиться вновь воспрещалось. Вместе с тем караимы вновь получили льготы от государства, так как в Ст. 21 «Положения» 1835 г. было сделано уточняющее разъяснение о том, что караимы, помимо прав, предоставленных новым законом евреям-рабанитам, могут пользоваться еще и теми льготами, что были им предоставлены ранее правительственными грамотами и постановлениями [30, с. 311]. Таким образом, «Положение» 1835 г. представляло собой свод распоряжений, с прибавлением ряда новых постановлений, еще более ограничивавших права еврейского населения. При этом статус караимов, живущих в России, был юридически подтвержден, а льготы и экономические преференции, полученные ими ранее, способствовали дальнейшему расселению караимов в российских губерниях, увеличению численности караимских общин и росту благосостояния многих их представителей.

Отметим, что власти не ограничились введением в действие «Положения» 1835 г., и в 1840 г. был учрежден «Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России», а одним из основных направлений его работы стала

модернизация системы еврейского образования. 19 декабря 1844 г. было принято «Положение о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов». Таким образом, функции по учету еврейского населения отныне возлагались на органы городского самоуправления, а в задачи еврейских общин по-прежнему входил сбор податей и поставка рекрутов для набора в регулярную армию [34, с. 887].

Одновременно с крымскими караимами оформлением своих гражданских прав занимались и их единоверцы, проживавшие в городах и уездах губерний Северо-Западного края Российской империи. Например, представители караимской общины г. Троки в сентябре 1829 г. обратились к местной администрации с ходатайством, в котором интересовались: имеют ли юридическую силу привилегии, ранее предоставленные караимам польскими королями? (До раздела Речи Посполитой между Прусским королевством, Российской империей и Габсбургской монархией). В соответствии с этими королевскими указами караимам предоставлялось право жить и заниматься ремеслом и торговлей в указанном городе. Во-вторых, ходатаев более всего волновал вопрос: имеют ли право еврей-рабаниты проживать в Троках и пользоваться всеми выгодами наравне с караимами?

Это прошение караимов, после того, как оно было рассмотрено в Троцком поветовом и в Гродненском главных судах, направили в 1-е Отделение 3-го Департамента Правительствующего Сената, вынесшего по этому вопросу свой вердикт. В частности, в документе говорилось о том, что в соответствии с привилегиями, выданными трокским караимам, начиная с 1646 г. польским королем Владиславом IV и подтвержденными впоследствии другими польскими королями (в числе последних назывался Станислав Август, закрепивший правовой статус караимов в 1776 г.), было предоставлено право жить и заниматься промыслами в городе Троках. До рассмотрения данного дела в 1810 г. права трокских караимов никем не были оспорены, и поэтому 1-е Отделение 3-го Департамента Сената в отношении привилегий, выданных караимам, и согласно заключению Троцкого поветового суда, двух заседателей Главного суда, а также в соответствии с постановлениями Виленской казенной палаты и виленского гражданского губернатора, министров народного просвещения, внутренних дел и, наконец, великого князя Константина Павловича, признало, что «привилегии, выданные караимам города Троц разными польскими королями, могут оставаться в своей силе» [29, с. 638, 639].

7 января 1836 г. было обнародовано ранее утвержденное Николаем I мнение Государственного Совета (указ № 7733) «О праве Евреев-Караимов на исключительное от евреев Раббинистов жительство в городе Троках». Документ подтверждал исключительное право караимов, дарованное им польскими королями на проживание в г. Троки. Евреям-рабанитам власти предложили избрать другое местопребывание, а для их переселения устанавливались следующие ограниченные сроки: тем из евреев, кто имел в городе законно приобретенную недвижимость, необходимо было переселиться в течение пяти лет; тем же, кто собственных домов не имел, было сделано распоряжение покинуть город в течение года. В том случае,

если кто-то из евреев-рабанитов содержал в Троках какой-либо откуп, или же иные оброчные статьи по ранее официально заключенным контрактам, то таковым лицам необходимо было покинуть город по истечении двух месяцев [30, с. 18–19].

20 октября 1836 г. Правительствующий Сенат, заслушав доклад министра внутренних дел Д. Н. Блудова, принял высочайше утвержденное положение «О жительстве евреев в городах Вильне и Троках» (указ № 9625). В этом документе в частности речь шла о ранее установленных «Положением» 1835 г. ограничениях как на права евреев относительно их проживания в городах Вильне и Троках, так и на запрет владения ими недвижимостью в г. Каменец-Подольск. Отдельные ограничения, установленные «Положением» 1835 г. на проживание евреев в Подольской и Виленской губерниях, правительство решило упразднить, однако с уточнением, что в губернском городе Вильно евреям жить дозволялось, за исключением двух улиц: «...одной, ведущей от острой Браны до Кафедрального Собора, а другой от Трокской Браны до костела Св. Иоанна; и кроме города Трок». Таким образом, в итоге г. Троки вынужденно покинули 192 еврея, в то время как 172 члена местной караимской общины, которым правительством предоставило исключительное право на жительство в отличие от евреев-рабанитов, по-прежнему оставались в городе. Это разрешение на узаконенное проживание караимов в Троках впоследствии подтверждалось и «Уставом о паспортах и беглых» Свода законов Российской империи 1857 г. [44, с. 9]. Что касается евреев-рабанитов, то им было разрешено вновь поселиться в городе только в 1862 г. [31, с. 123–124; 14, с. 29–32].

Необходимо упомянуть и о том важном обстоятельстве, что караимы западных губерний России (по-видимому, не вполне рассчитывавшие на длительное сохранение статус-кво в отношении правового размежевания с евреями-рабанитами), предприняли необходимые шаги для подтверждения своих претензий на исключительность проживания в Троках и занятия там экономической деятельностью. Поэтому в 1853 г. представители Трокской караимской общины направили императору Николаю I прошение о рассмотрении трех десятков документов на польском языке, предоставленных караимам польскими королями, где подтверждались права и привилегии, выданные членам караимской общины г. Троки. Сам текст прошения, в котором говорилось, что «правительство Русское изъявило утвердить эти права и преимущества, насколько они применимы к настоящему быту и устройству государства», а также копии документов, снабженные переводом на русский язык (в числе прочих к прошению прилагались копии с трех ярлыков, выданных караимской общине Чуфут-Кале крымскими ханами), вместе с сопроводительным письмом Виленского гражданского губернатора с точным, подробным и полным анализом караимских грамот в конечном итоге были рассмотрены императором, одобрены им и переданы министру внутренних дел Д. Г. Бибинову для последующего решения вопроса по существу дела [43, л. 83–85, 173, 173 об., 184–272; 40, с. 183–184].

Завершением первого этапа оформления гражданских прав караимского населения Российской империи стал закон о создании органов караимского конфессионального самоуправления. Подготовкой необходимых документов и

разработкой пунктов «Положения» будущей структуры занимался один из светских лидеров караимской общины Крыма, купец Симха бен Шеломо Бабович. Сегодня в массиве документов, отложившихся в фонде 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора» Государственного архива Республики Крым, сохранились черновики записок, отношений и ходатайств, направленных С. Бабовичем во властные структуры, а также ответы на них вышестоящего начальства.

Наконец, 3 марта 1837 г. последовал указ № 9991 с «Положением об учреждении Таврического Караимского духовного правления», отныне получавшего право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. В тексте закона определялось, что «живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство» [32, с. 132]. Очевидно, что С. Бабович, лично составлявший и курировавший проект «Положения» о создании органа конфессионального управления караимами (рукописный черновик проекта и одна из первых его типографских версий выявлены в делах фондов ГАРК и РГИА О. Б. Белым и Д. А. Прохоровым), ориентировался на документ, принятый ранее в отношении мусульманского духовенства [41, с. 109–114; 4, с. 30–35]. Об этом могут свидетельствовать многие близкие по смыслу формулировки в пунктах, присутствующих в текстах обоих документов. Таким образом, Таврическое Караимское духовное правление, устав которого после внесения необходимых правок утвердил ДДДИИ МВД, получило официальное наименование «Крымского и Одесского караимского общества Таврического губернатора» (до этого носившего название «Дома суда», или «Судебного дома караимов») [43, л. 1–5; 15, л. 41–43 об.]. А 4 апреля 1839 г. был утвержден указ Правительствующего Сената № 19206, в соответствии с которым гахамом (верховным главой) караимского духовенства в Таврической области и городе Одессе утверждался евпаторийский 1-й гильдии купец Симха бен Шеломо Бабович, с тем условием, чтобы в будущем, в соответствии с § 8 принятого Положения, должны были быть избираемы на эту должность по два кандидата [33, с. 348–349].

Таким образом, с законодательным утверждением в 1837 г. «Положения об учреждении Таврического Караимского духовного правления» завершился первый этап конструирования крымскими караимами и их единоверцами, проживавшими в губерниях Север-Западного края Российской империи, новой этноконфессиональной идентичности, направленной на дистанцирование от евреев-рабанитов. Предпринятые религиозной и светской верхушкой крымской караимской общины инициативы, многочисленные прошения и миссии караимских делегаций в столицу империи прежде всего были направлены на получение караимами нового правового статуса, а также экономических и иных привилегий от российского правительства. Антиеврейская направленность внутривластного курса, разработанного российским истеблишментом в конце XVIII – первой половине XIX в., способствовала тому, что караимы стремились не только убедить власти в существовавших у них отличиях от евреев-рабанитов (в связи с этим лидер крымской

караимской общины С. Бабович утверждал, что «караимы отделяют себя от евреев учением, и образом жизни, что они не обращают других в свою веру, что самое правительство не смешивает их с евреями <...> общество наше от прочих евреев отделить, так как мы сохранили древний Закон свой, [и] никакой связи и никаких дел с ними не имеем и иметь не должны»), но даже в том, что караимы могут принести значительно больше пользы государству в экономическом отношении, нежели еврей-рабаниты («живем на местах пребывания своего постоянно, упражняемся в различных рукоделиях трудолюбиво и в высокое покровительство Ея императорского величества отдались добровольно, поведением своим тишиною и доставляемою пользою всему Крыму со стороны распространения полезных рукоделий и торговли заслужили от начальства особенную похвалу и уважение») [15, л. 12 об, 13, 17]. Параллельно с караимами Крыма определенные успехи в получении от государства различных льгот демонстрировали и караимы губерний Северо-Западного края Российской империи, в том числе (что немаловажно), и в вопросе освобождения караимов от рекрутской повинности.

Второй этап документального оформления гражданского статуса караимов относится к 40–60-м гг. XIX в., и характеризуется мероприятиями по дальнейшему принятию российским правительством законов и постановлений, регулировавших различные аспекты социальной и экономической сферы для караимского населения Российской империи. Завершился он принятием закона № 39460 от 8 апреля 1863 г., в соответствии с которым были окончательно оформлены гражданские права караимов. Именно тогда они получили возможность вступать на службу в армию, проходить обучение в высших учебных заведениях, занимать государственные посты, различные административные должности [35, с. 302–306].

Список использованных источников и литературы

1. Ахиезер Г. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. – Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. – С. 292–320.
Ahiezer G. Karaimy Pol'sko-Litovskogo gosudarstva do konca XVII v. Istorija evrejskogo naroda v Rossii: ot drevnosti do rannego Novogo vremeni / Pod red. A. Kulika. – T. 1: Ot Drevnosti do rannego Novogo vremeni. – Ierusalim: Gesharim; M.: Mosty kul'tury, 2010. – S. 292–320.
2. Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015. – 240 с.
Ahiezer G. Zavoevanie Kryma Rossijskoj Imperiej glazami karaimskih hronistov. – Ierusalim: Gesharim; M.: Mosty kul'tury, 2015. – 240 s.
3. Ахиезер Г., Крамаровский М. Г. Еврейские общины средневекового Солхата по археологическим и рукописным источникам: историко-культурные аспекты // Золотоордынское обозрение. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 79–108.
Ahiezer G., Kramarovskij M. G. Evrejskie obshhiny srednevekovogo Solhata po arheologicheskim i rukopisnym istochnikam: istoriko-kul'turnye aspekty // Zolotoordynskoe obozrenie. – 2023. – T. 11, № 1. – S. 79–108.
4. Белый О. Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVIII – нач. XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАК) // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1994. – № 1. – С. 30–35.

Belyj O. B. Iz istorii karaimskoj obshhiny Kryma v konce XVIII – nach. XIX v. (Po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravlenija v CGAK) // Krymskij muzej. – Simferopol': Tavrija, 1994. – № 1. – S. 30–35.

5. Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ГААРК) // Крымский музей: 1995–1996. – Симферополь, 1996. – С. 105–121.

Belyj O. B. Obzor arhivnyh dokumentov po istorii karaimskoj obshhiny v pervoj polovine XIX veka (po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravlenija v GAARK) // Krymskij muzej: 1995–1996. – Simferopol', 1996. – S. 105–121.

6. Белый О. Б. История и культура крымских караимов на страницах журнала «Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления» (1917–1919 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 589–613.

Belyj O. B. Istorija i kul'tura krymskih karaimov na stranicah zhurnala «Izvestija Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Duhovnogo Pravlenija» (1917–1919 gg.) // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. – Simferopol', 2007. – Vyp. 13. – S. 589–613.

7. Борщик Н. Д., Морозан В. В., Прохоров Д. А. Финансовая система Крыма: факты, события, люди. К 240-летию создания финансовых органов Крыма (1784–2024) / Под общ. ред. И. В. Кивико. – Симферополь, 2023. – 370 с.

Borshhik N. D., Morozan V. V., Prohorov D. A. Finansovaja sistema Kryma: fakty, sobytija, ljudi. K 240-letiju sozdanija finansovyh organov Kryma (1784–2024). / Pod obshh. red. I. V. Kiviko. – Simferopol', 2023. – 370 s.

8. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. – Т. XI, Ч. 2: Таврическая губерния. – СПб.: тип. Генерального Штаба, 1849. – [6], 225, 50 с.

Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii, izdavaemoe po vysochajshemu poveleniju pri 1-m Otdelenii Departamenta General'nogo shtaba. – T. XI, Ch. 2: Tavricheskaja gubernija. – SPb.: tip. General'nogo Shtaba, 1849. – [6], 225, 50 s.

9. Гаммал М. Реформы традиционной обрядности караимов Российской империи в XIX – начале XX в. // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О. В. Белова. – М., 2012. – С. 85–102.

Gammal M. Reformy tradicionnoj obrjadnosti karaimov Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX v. // «Staroe» i «novoe» v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii / Otв. red. O. V. Belova. – M., 2012. – S. 85–102.

10. Гаммал М. Караимы в Российской империи // История еврейского народа в России / под ред. И. Лурье. В 2-х т. Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи, 1772–1917. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012. – С. 204–223.

Gammal M. Karaimy v Rossijskoj imperii // Istorija evrejskogo naroda v Rossii / pod red. I. Lur'e. V 2-h t. T. 2: Ot razdelov Pol'shi do padenija Rossijskoj imperii, 1772–1917. – M.: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2012. – S. 204–223.

11. Гаммал М. И. К вопросу о становлении общинной карьеры Авраама Луцкого в 30-х годах XIX века // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. – М.: Изд-во Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2022. – С. 33–55.

Gammal M. I. K voprosu o stanovenii obshhinnoj kar'ery Avraama Luckogo v 30-h godah XIX veka // Kul'tura slavjan i kul'tura evreev: dialog, shodstva, razlichija. – M.: Izd-vo Centra nauchnyh rabotnikov i prepodavatelej iudaiki v vuzah «Sjefer», 2022. – S. 33–55.

12. Гаммал М. И. «Вы поколение, которое увидело деяние Господа!»: отражение политической истории караимов Крыма первой половины XIX в. в публичном пространстве караимской общины // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика: материалы научной конференции, Москва, 4–7 апреля 2023 года. – М.: Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2023. – С. 248–250.

Gammal M. I. «Vy pokolenie, kotoroe uvidelo dejanie Gospoda!»: otrazhenie politicheskoi istorii karaimov Kryma pervoi poloviny XIX v. v publichnom prostranstve karaimskoj obshhiny // Lomonosovskie chtenija.

Vostokovedenie i afrikanistika: materialy nauchnoj konferencii, Moskva, 4–7 aprlja 2023 goda. – M.: Institut stran Azii i Afriki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova, 2023. – S. 248–250.

13. Гаммал М. И. К типологии праздника Пурим в караимских общинах Крыма в первой половине XIX века // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. – 2023. – № 2023. – С. 181–210.

Gammal M. I. K tipologii prazdnika Purim v karaimskih obshhinah Kryma v pervoj polovine XIX veka // Kul'tura slavian i kul'tura evreev: dialog, shodstva, razlichija. – 2023. – № 2023. – S. 181–210.

14. [Гессен Ю.] Троки // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Л. Каценельсона. – СПб.: [б. м.], 1912. – Т. 15. – Стб. 29–32.

[Gessen Ju.] Troki // Evrejskaja jenciklopedija. Svod znanij o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastojashhem / Pod red. L. Kacnel'sona. – SPb.: [b. m.], 1912. – T. 15. – Stb. 29–32.

15. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 241, оп. 1, д. 1.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 241, op. 1, d. 1

16. Егоров В. В. Положение «О устройстве евреев» от 9 декабря 1804 г. как источник законодательства, регулировавшего правовой статус еврейского населения Российской империи в начале XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 4 (1). – С. 330–334.

Egorov V. V. Polozhenie «O ustrojstve evreev» ot 9 dekabrja 1804 g. kak istochnik zakonodatel'stva, regulirovavshego pravovoj status evrejskogo naselenija Rossijskoj imperii v nachale XIX v. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2012. – № 4 (1). – S. 330–334.

17. Кабузан В. М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990. – 256 с.

Kabuzan V. M. Narody Rossii v XVIII v.: Chislennost' i jetnicheskij sostav. – M.: Nauka, 1990. – 256 s.

18. Крамаровский М. Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // Archeologia abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. – М.: Индрик, 2009. – С. 395–431.

Kramarovskij M. G. Religioznye obshhiny v istorii i kul'ture Solhata XIII–XIV vv. // Archeologia abrahamica: issledovanija v oblasti arheologii i hudozhestvennoj tradicii iudaizma, hristianstva i islama. – M.: Indrik, 2009. – S. 395–431.

19. Крамаровский М. Г. Солхатская иудаика // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – М., 2016. – № 5. – С. 6–24.

Kramarovskij M. G. Solhatskaja iudaika // Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'. – M., 2016. – № 5. – S. 6–24.

20. Крамаровский М. Г. Крым (Солхат): к истории караимо-раббанитской общины в XIII–XIV веках // Труды Государственного Эрмитажа. Белградский сборник. К XXIII Международному конгрессу византистов. – СПб., 2016. – Т. 86. – С. 65–84.

Kramarovskij M. G. Krym (Solhat): k istorii karaimo-rabbanitskoj obshhiny v XIII–XIV vekah // Trudy Gosudarstvennogo Jermitezha. Belgradskij sbornik. K XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. – SPb., 2016. – T. 86. – S. 65–84

21. Конкин Д. В. К вопросу о населении Крыма в конце XVIII – начале XIX вв. и первой волне крымско-татарской эмиграции // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2022. – Вып. 27. – С. 628–647.

Konkin D. V. K voprosu o naselenii Kryma v konce XVIII – nachale XIX vv. i pervoj volne krymsko-tatarskoj jemigracii // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. – 2022. – Vyp. 27. – S. 628–647.

22. Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 92–156.

Lashkov F. F. Statisticheskie svedenija o Kryme, soobshhennye kajmakanami v 1783 g. // ZOOID. – 1886. – T. 14. – S. 92–156.

23. [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // ИТУАК. – 1888. – № 6. – С. 36–63.

[Lashkov F. F.] Kameral'noe opisanie Kryma 1784 goda (prodolzhenie) // ITUAK. – 1888. – № 6. – S. 36–63.

24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗРИ–1). – СПб.: Тип. Второго Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 23: с 1789 по 6 ноября 1796 г.

- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1 (PSZRI-1). – SPb.: Tip. Vtoto go Otd-ija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1830. – Т. 23: s 1789 po 6 nojabrja 1796 g.
25. ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. – Т. 28: 1804–1805.
PSZRI-1. – SPb., 1830. – Т. 28: 1804–1805.
26. ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. – Т. 31: 1810–1811.
PSZRI-1. – SPb., 1830. – Т. 31: 1810–1811.
27. ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. – Т. 34: 1817.
PSZRI-1. – SPb., 1830. – Т. 34: 1817.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (ПСЗРИ-2). – СПб.: Тип. Второго Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 2: 1827.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2 (PSZRI-2). – SPb.: Tip. Vtoto go Otd-ija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1830. – Т. 2: 1827.
29. ПСЗРИ-2. – СПб., 1830. – Т. 4: 1829.
PSZRI-2. – SPb., 1830. – Т. 4: 1829.
30. ПСЗРИ-2. – СПб., 1836. – Т. 10, Отд. 1: 1835.
PSZRI-2. – SPb., 1836. – Т. 10, Отд. 1: 1835.
31. ПСЗРИ-2. – СПб., 1837. – Т. 11, Отд. 1: 1836.
PSZRI-2. – SPb., 1837. – Т. 11, Отд. 1: 1836.
32. ПСЗРИ-2. – СПб., 1838. – Т. 12, Отд. 1: 1837.
PSZRI-2. – SPb., 1838. – Т. 12, Отд. 1: 1837.
33. ПСЗРИ-2. – СПб., 1840. – Т. 14, Отд. 1: 1839.
PSZRI-2. – SPb., 1840. – Т. 14, Отд. 1: 1839.
34. ПСЗРИ-2. – СПб., 1845. – Т. 19, Отд. 1: 1844.
PSZRI-2. – SPb., 1845. – Т. 19, Отд. 1: 1844.
35. ПСЗРИ-2. – СПб., 1866. – Т. 38, Отд. 1: 1863.
PSZRI-2. – SPb., 1866. – Т. 38, Отд. 1: 1863.
36. ПСЗРИ-2. – СПб., 1868. – Т. 41, Отд. 1: 1866.
PSZRI-2. – SPb., 1868. – Т. 41, Отд. 1: 1866.
37. Прохоров Д. А. Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ученые записки Крымского Федерального Университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Юридические науки. – Симферополь, 2015. – № 1. – С. 76–88.
- Prohorov D. A. Pravovye osnovy organizacii konfessional'nogo samoupravlenija karaimov v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv. // Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: Juridicheskie nauki. – Simferopol', 2015. – № 1. – S. 76–88.
38. Прохоров Д. А. К проблеме численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII века // Материалы к истории Причерноморья в Новое время: сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов; Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2016. – С. 71–99.
- Prohorov D. A. K probleme chislenosti i social'noj differenciacii karaimskoj obshhiny Chufut-Kale v konce XVIII veka // Materialy k istorii Prichernomor'ja v Novoe vremja: sb. nauch. st. / Red.-sost. D. V. Konkin, N. I. Hrapunov; Nauchno-issledovatel'skij centr istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol', 2016. – S. 71–99.
39. Прохоров Д. А. К истории контактов караимов Крыма и караимских общин Западных губерний Российской империи в конце XVIII – 50-х годах XIX вв. (по документам Государственного Архива Республики Крым) // Вестник Пермского университета. Сер. «История». – 2017. – Вып. 1(36). – С. 136–145.
- Prohorov D. A. K istorii kontaktov karaimov Kryma i karaimskih obshhin Zapadnyh gubernij Rossijskoj imperii v konce XVIII – 50-h godah XIX vv. (po dokumentam Gosudarstvennogo Arhiva Respubliki Krym) // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Istorija». – 2017. – Vyp. 1(36). – S. 136–145.
40. Прохоров Д. А. Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03 / Прохоров Дмитрий Анатольевич. Симферополь, 2020. 570 с. + Прил. (205 с.: ил.). [Электронный

ресурсы]. URL: <http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-d-900-006-06/proxorov-dmitrij-anatolevich> (дата обращения: 25.07.2024).

Prohorov D. A. Krymskie karaïmy v jepohu Srednevekov'ja i v Novoe vremja: dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.03 / Prohorov Dmitrij Anatol'evich. Simferopol', 2020. 570 s. + Pril. (205 s.: il.). URL: <http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-d-900-006-06/proxorov-dmitrij-anatolevich> (дата обращения: 25.07.2024).

41. Прохоров Д. А. Формирование органов конфессионального самоуправления мусульман и караимов Таврической губернии в первой половине XIX в.: общее и отличия // История российской государственности. Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина, Москва, 19 декабря 2020 г. – М., 2021. – С. 109–114.

Prohorov D. A. Formirovanie organov konfessional'nogo samoupravlenija musul'man i karaïmov Tavricheskoj gubernii v pervoj polovine XIX v.: obshhee i otlichija // Istorija rossijskoj gosudarstvennosti. Doklady Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija professora N. P. Eroshkina, Moskva, 19 dekabrja 2020 g. – M., 2021. – S. 109–114.

42. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1239, оп. 3, д. 55069.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA), f. 1239, op. 3, d. 55069.

43. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 565.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA), f. 821, op. 8, d. 565.

44. Свод законов Российской империи. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. – СПб.: Тип. Второго Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии. – 909 с.

Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 14. Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o sodержashhihsja pod strazheju, i o ssyl'nyh. – Spb.: Tip. Vtorogo Otd-ija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii. – 909 s.

45. Севастополь // Краткая еврейская энциклопедия / Изд. при содействии О-ва по исслед. евр. общин в странах рассеяния, Иерусалим; гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. – Иерусалим: Кетер, 1994. – Т. 7. – Стб. 721–723.

Sevastopol' // Kratkaja evrejskaja jenciklopedija / Izd. pri sodejstvii O-va po issled. evr. obshhin v stranah rassejanija, Ierusalim; gl. red. I. Oren (Nadel'), M. Zand. – Ierusalim: Keter, 1994. – T. 7. – Stb. 721–723.

46. Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 204–208.

Terjukova E. A. Departament duhovnyh del inostrannyh ispovedanij i jetnokonfessional'naja politika Rossijskogo gosudarstva (XVIII – nachalo XX v.) // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2010. – № 4. – S. 204–208.

47. Akhiezer G. From Scripturalism to the 'Chain of Tradition': Between Rabbanite and Karaite Judaism // Religions. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 130.

48. Akhiezer G. The Crimean Khan Şahin Giray (1777–1783): The First Modernizer of the Islamic World and his Image in Imperial and Minority Perspectives // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – 2023. – Vol. 66, No. 5–6. – P. 656–676.

49. Miller P. Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia. – Cincinnati: Hebrew Union College Press, 1993. – 252 p.

50. Miller Ph. Agenda in Karaite printing in the Crimea During the Middle Third of the Nineteenth Century // Studies in Bibliography and Booklore. – 1998. – Vol. XX. – P. 82–88.

Tkachev A. The legal status of the Karaites in the Russian Empire and the creation of Karaite self-government bodies (end of the 18th – first half of the 19th century)

The article analyzes the complex of legal and regulatory documentation developed by the Russian government in the course of measures to change the legal status of the Karaite population in Russia. The beginning of the first stage of transformation of the legal status of the Karaites dated back to 1795, when Catherine II signed the law “On the exemption of Taurida Jews, called Karaites, from taxes imposed on all Jews in general”. In accordance with this document, Karaites were exempt from paying the double trade tax, which became mandatory for Rabanite Jews. Subsequently, secular and spiritual leaders of the Karaite communities of

Crimea and the provinces of the North-Western Territory of the Russian Empire repeatedly sent various petitions to higher authorities in order to provide the Karaites with economic and other benefits. In these petitions, their authors pointed out the differences between Karaites and Rabanite Jews in the ethnic and religious context. Decrees of the Senate, resolutions, definitions and orders of the Ministry of Internal Affairs, circulars of the Department of Religious Affairs of Foreign Denominations and other documentation reflect the history of the first stage of the Karaites' struggle for their civil rights. In 1837, a project for the creation of the Spiritual Board of the Karaites in Eupatoria, which became the first official institution of confessional self-government of the Karaites of the Russian Empire, was approved. The second stage of documenting the civil status of the Karaites dates back to the 1840s–1860s and it is characterized by further measures for legislative regulation of various aspects of the socio-economic life of the Karaites.

Keywords: Russian Empire, Crimea, legislation, Karaites, Rabanite Jews, bodies of confessional self-government.

УДК 94 (47)902 КРЫМ, ВЕЙМАРН

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-194-218

**ОТ ИНКЕРМАНА ДО МАНГУПА:
К 120-ЛЕТИЮ Е. В. ВЕЙМАРНА (1905–1990)**

Юрочкин В. Ю.

*Институт археологии Крыма Российской академии наук
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru*

Статья продолжает исследование научной деятельности крымского археолога-медиевиста Е. В. Веймарна (1905–1990). В ней рассматривается период работы в Крымской научно-исследовательской базе (Крымском филиале) АН СССР, а затем в Институте археологии АН УССР между 1948 – 1975 гг. Основная область его научных интересов включала район «пещерных городов» в Юго-Западном Крыму. Он изучал ряд археологических объектов в Инкерманской долине, «пещерные города» Чуфут-Кале и Мангуп. Деятельность Е. В. Веймарна, особенно в 1948-1953 гг., протекала в условиях различных идеологических компаний, связанных с этнической историей полуострова («готский» и «славянский» вопросы, борьба с «марризмом» и т.д.). Учёный стремился воздержаться от острых дискуссий, однако несколько раз оказывался в центре конфликтных ситуаций. Благодаря Е. В. Веймарну археология княжества Феодоро на Мангупе выделилась в особое направление и вышла за рамки «готского вопроса». Учёный внедрил ежегодную практику участия студентов-историков Симферопольского государственного университета в работе экспедиции на Мангупе, сохраняющуюся до наших дней. Кроме того Е. В. Веймарн стал первопроходцем в области «новостроечной» и «военной» археологии. Затрагивается вопрос о научных отношениях Е. В. Веймарна с другим крымским медиевистом – О. И. Домбровским. При работе над статьёй использованы многочисленные документы архива Института археологии Крыма ранее не привлекавшиеся.

Ключевые слова: Крым, Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский, Инкерманская долина, Чуфут-Кале, Мангуп, Крымская научно-исследовательская база (Крымский филиал) АН СССР, Институт археологии АН УССР, 1948–1975 гг.

Введение

Летом 1945 г. состоялся первый полевой сезон Тавро-Скифской экспедиции (далее – ТСЭ) Государственного музея изобразительных искусств (далее – ГМИИ) и Института истории материальной культуры (далее – ИИМК) под руководством П. Н. Шульца. Он ознаменовал новый этап развития археологии Крыма [110, с. 260–270]. Деятельность ТСЭ открывала перспективы формирования на полуострове постоянного коллектива археологов, и П. Н. Шульц был заинтересован в участии специалистов, знакомых со спецификой региона. В ТСЭ был зачислен главный хранитель Центрального краеведческого музея Крыма В. П. Бабенчиков, тогда как его брат – П. П. Бабенчиков, занимал пост заместителя директора по научной части Музея пещерных городов (далее – МПГ) [3, с. 32, 39]. К числу коренных крымчан, но ещё не имевших опыта археологической практики, принадлежал

О. И. Домбровский – выпускник Всесоюзной Академии художеств¹, исполнявший обязанности художника экспедиции [119, с. 164–165].

В начале работы ТСЭ Е. В. Веймарн не принимал участия: он ещё находился на военной службе. П. Н. Шульц, планировавший экспедицию как ежегодное научное предприятие, ранее был знаком с Е. В. Веймарном и после демобилизации пригласил его к сотрудничеству. Уже в 1946 г. Е. В. Веймарн возглавил Бахчисарайский отряд экспедиции, продолжая традиционное сотрудничество с МПГ [112, с. 190]. А в следующем году провёл разведки т.н. «Чатырдагского укрепления», которое в XIX в. считалось участком «длинных стен» времён Юстиниана I. Правда, средневековый материал он здесь не обнаружил [113, с. 411].

Коллектив ТСЭ состоял по большей части из специалистов-антиковедов и Е. В. Веймарн тогда был единственным медиевистом в его составе. Это при том, что кардинальной задачей, от которой зависело будущее крымской археологии, являлось разоблачение «готского вопроса» и исследования в области «славянского вопроса»: т.е. тематика, касающаяся непосредственно средневекового периода [117, с. 292–293]. Е. В. Веймарн, в прошлом связанный с исследованиями Эски-Кермена, как никто другой подходил для этого. Несмотря на успешную работу в Государственном историческом музее (далее – ГИМ), крымское направление открывало широкие перспективы для него как для учёного–практика, тем более что в 1947 г. ему была присвоена кандидатская степень.

В конце 1947 г. создана Крымская научно-исследовательская база АН СССР (далее – КНИБ), а в её составе Сектор истории и археологии (далее – СИА) под руководством П. Н. Шульца. Помимо археологов в неё вошла группа историков под руководством П. Н. Надинского, бывшего партийного и советского руководителя, по инвалидности сосредоточившего внимание на краеведческой работе [103, с. 8]. Изначально предполагалось, что в составе СИА будет ряд подразделений за пределами Симферополя. В их числе – Бахчисарайская станция во главе с Е. В. Веймарном. В составленном им проекте сформированы основные задачи, план полевых и научно-исследовательских работ на 1948–1950, штатное расписание [88, л. 34–44].

Инкерман

В 1947 г. в районе посёлка Инкерман в зоне строительства оказалась территория некрополя позднеримского времени, ещё до войны зафиксированного С. Ф. Стржелецким – товарищем и коллегой Е. В. Веймарна, в то время заместителем директора по научной части Херсонесского музея. К спасению могильника от потенциального разрушения осенью того же года подключились известные археологи. В их числе: Е. В. Веймарн, А. Л. Якобсон, С. Ф. Стржелецкий, А. Д. Удальцов и др. Примечательно, что в связи с этим могильником впервые прозвучала «славянская тема», как аргумент для спасения памятника [114, с. 17].

¹ В это время - Ленинградский Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

Некрополь вблизи Инкерманской крепости (Каламиты) находился в зоне ответственности МПГ¹ поэтому финансирование работ 1948 г., предполагалось осуществлять через это учреждение. Е. В. Веймарн имел многолетние тесные связи с МПГ, планировалась совместная экспедиция. В конце 1947 г. скоропостижно скончался П. П. Бабенчиков. Е. В. Веймарн взял на себя работу по завершению отчёта об охранных раскопках могильника на склоне Чуфут-Кале [3, с. 32].

Экспедиция в Инкерманской долине рассматривалась как совместная: МПГ, КНИБ и ГИМ под научным руководством Е. В. Веймарна. КНИБ обратилась в ГИМ с просьбой дать согласие на зачисление Е. В. Веймарна заведующим Бахчисарайской станцией с 1 июня 1948 г., сохраняя за ним совместительство в ГИМ, предполагавшее нахождение его в течение 4-х зимних месяцев в Москве и проведение совместных исследований КНИБ и ГИМ под его началом. Дирекция ГИМ не возражала [90, л. 31–34]. В итоге Е. В. Веймарн был переведён на половину оклада в связи с зачислением на штатную должность в составе АН СССР [102, л.1].

*Рис. 1. Е. В. Веймарн за рабочим столом. Г. Бахчисарай, 1950 г.
Фото предоставлено С. В. Харитоновым*

¹ Директор – Э. А. Дубинская.

В результате масштабных полевых работ 1948 г. на Инкерменском могильнике было исследовано несколько десятков погребальных сооружений с многочисленным инвентарём III–IV вв., поступившим в МПГ. Примечательно, что при раскопках действительно в одном из захоронений был обнаружен трёхручный сосуд черняховской культуры, славянская атрибуция которой в те годы не подвергалась сомнению [23; 34, с. 17, 18, рис. 4].

В результате проведённых работ Е. В. Веймарн в Крыму фактически стал первопроходцем т.н. «охранной» или «новостроечной» археологии. Учитывая масштабы исследований, необходимость обработки материала и подготовки научного отчёта, в реальности совмещать полноценную работу в Крыму и Москве стало физически невозможно. И с начала 1949 г. Евгений Владимирович полностью оставил должность в ГИМ и переехал в Бахчисарай, где в помещениях МПГ планировалось разместить Бахчисарайскую станцию КНИБ (рис. 1). С переходом на постоянную работу в СИА, Е. В. Веймарн фактически стал вторым его сотрудником, имевшим кандидатскую степень. Поэтому в отсутствие П. Н. Шульца исполнял его служебные обязанности [91, л. 6–29].

«Аборигенные культуры»

На начальном этапе крымским археологам предстояло стать настоящими «бойцами идеологического фронта», учитывая коллизии вокруг политизированных «готского» и «славянского» вопросов [113, с. 364–380; 117, с. 179–189]. От этого зависела дальнейшая судьба крымской академической археологии. Общее направление исследований формулировалось как «Аборигенные культуры Крыма в древности». Это не случайно, в гуманитарных науках того периода господствовало т.н. «учение Н. Я. Марра», которое крымскими археологами понималось как приоритетное изучение роли местных племён в развитии полуострова. Разного рода миграции, влияния и т.п. рассматривались как негативное явление. Ситуацию усугубляла и компания борьбы с «космополитизмом» [92, л. 16–17; 93, л. 52–56]. В СИА «славянский вопрос» решался по-разному. П. Н. Шульц искал предков гипотетических крымских славян в скифских древностях, ограничиваясь преимущественно декларациями. В. П. Бабенчиков сопоставлял материалы раскопок средневекового Коктебьского городища (Тепсень) с древнеславянской керамикой. Хотя официальным руководителем темы «Славяне в Крыму» значился директор КНИБ А. Д. Удальцов, совмещавший эту должность с руководством ИИМК, он не принимал реального участия в её разработке. Исполнителем же являлся В. П. Бабенчиков. Он же активно пытался разоблачать «готский вопрос», ставший одиозным после окончания Великой Отечественной войны [117, с. 179–180].

С самого начала работы в СИА Е. В. Веймарн, старался дистанцироваться от «идеологических направлений». За ним была закреплена тема «Аборигенные культуры Юго-Западного Крыма» [89, л. 3]. Она не выходила за рамки позиций «марризма», а в тоже время противопоставлялась концепции византийского происхождения «пещерных городов». Византийское влияние в эпоху борьбы с «космополитизмом» рассматривалось как негативный фактор, особенно в Крыму

[112, с. 196–199]. Занятая Е. В. Веймарном позиция вполне соответствовала прежним взглядам Н. И. Репникова – В. И. Равдоникаса, в противовес мнению М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона о византийском происхождении «пещерных городов» (рис. 2). В выступлениях учёный лишь старался поддерживать общее мнение. Хотя именно он был единственным в тот момент, кто располагал материальными фактами, указывающими на присутствие на полуострове гипотетических славян, имея в виду черняховский сосуд из Инкермана. Коснулся он и «готского вопроса». Накануне, в 1948 г., завершая отчёт о раскопках покойного П. П. Бабенчикова на склонах Чуфут-Кале, он поддержал версию об отнесении могильника не к готам, а к крымским аланам, предложенную ранее братьями П. П. и В. П. Бабенчиковыми [24, л. 30; 119, с. 173–175].

Другим направлением Е. В. Веймарна, которое он планировал разрабатывать совместно с художником-архитектором А. П. Припусковым, являлась тема «Фортификационные сооружения эпохи средневековья в юго-западном Крыму». Она была логическим продолжением его предвоенных работ, отражённых в диссертации [89, л. 3]. По её итогам под редакцией Е. В. Веймарна предполагалось опубликовать коллективную работу, основанную на материалах Сюреньского укрепления. В ней А. П. Припусков отвечал за архитектурную часть, а О. И. Домбровский – составлял художественно-технологическое описание живописи, делал стилистический и иконографический анализ [92, л. 57]. Однако в связи с уходом А. П. Припускова, проект не был реализован. Но тема была продолжена и её ключевой задачей стало освещение фортификации Эски-Кермена [95, л. 40–42]. По материалам своей диссертации Е. В. Веймарн планировал издание обширной статьи, рецензентом которой должен был выступить О. И. Домбровский [85, л. 53].

Предполагалось, что возглавляемый Е. В. Веймарном Бахчисарайский Горный отряд в составе ТСЭ будет вести работу по изучению древностей киммерийцев, тавров, скифов и аланов [91, л. 20]. Он в тесном взаимодействии с МПГ вёл обследования и разведки Сюреньского укрепления, стен Мангупа, и других памятников горного Крыма, участвовал в воссоздании экспозиции МПГ [13; 73; 91, л. 26; 94, л. 25].

Стоит также отметить, что учёный работал не только в области средневековой археологии. Он принимал участие в разработке тематики «История партизанского движения в Крыму» (1941–1944 гг.) под руководством П. Н. Надинского. В изучение памятников недавнего прошлого внедрялись методы археологического исследования [116, с. 356–357]. В 1949 г. он работал по направлению «Боевой путь Бахчисарайского партизанского отряда в 1941–1942 гг.», составляя карты маршрута, планы лагерей [94, л. 28]. Признавая новаторство Е. В. Веймарна, его стоит рассматривать как родоначальника крымской «военной археологии».

В составе Бахчисарайской станции в 1949 г. на постоянной основе, помимо Е. В. Веймарна, были топограф Н. П. Кацур и архитектор А. П. Припусков, на которых легла большая часть технической работы. Е. В. Веймарн неоднократно обращался с просьбой расширить штат [94, л. 73]. Однако, юридический статус т.н.

Бахчисарайской станции, несмотря на все усилия Е. В. Веймарна и П. Н. Шульца, так и оставался неопределённым.

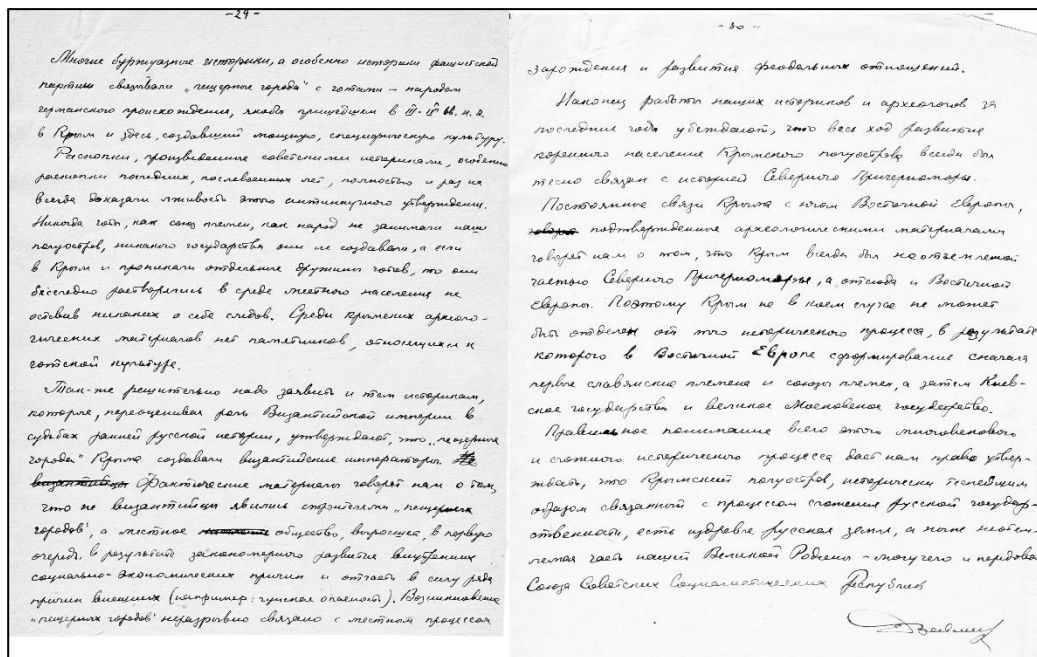

Рис. 2. Автограф Е. В. Веймарна. Ок. 1948–1950 гг.
Борьба с «марризмом» и «славянский вопрос»

Постановлением АН СССР от 29 октября 1949 г. КНИБ АН СССР была реорганизована в Крымский научно-исследовательский филиал АН СССР (далее – КФ АН СССР), а СИА в Отдел истории и археологии (далее – ОИА). Преобразование носило чисто формальный характер, направления работы остались прежними.

Но в 1950 г. началась новая идеологическая компания: на это раз борьбы с «марризмом», затронув фундаментальные основы крымской академической археологии. Последствия сказались несколько позднее, а пока Е. В. Веймарн продолжал начатую научно-исследовательскую деятельность.

В 1950 г. Горно-Крымская экспедиция под его руководством планировала продолжить раскопки городища и могильника Чуфут-Кале, Сюреньского укрепления и разведки в Бахчисарайском районе [95, л. 69]. Тогда же возобновилась активная деятельность Инкерманской археологической экспедиции КФ АН СССР и МПГ под руководством Е. В. Веймарна, снова обусловленная хозяйственным освоением территории в районе реки Чёрная. Раскопки также проводились на территории средневековой крепости Каламита, на её посаде и на сопутствующем могильнике [10; 34, с. 63–89]. Отдельным отрядом под руководством В. П. Бабенчикова исследовался

Чернореченский могильник неподалёку от одноименного села [5, с. 90–123]. В этих работах участвовали сотрудники СИА: антрополог К. Ф. Соколова, художник-реставратор О. И. Домбровский и др. При раскопках Чернореченского могильника II–IV вв. был обнаружен ещё один сосуд черняховской культуры, а также несколько десятков захоронений по обряду кремации, как казалось, сопоставимых с захоронениями славян. Помимо этих раскопок вне плана в этом году Е. В. Веймарну пришлось завершать исследование храма и плитового средневекового могильника в районе Алушты [98, с. 244–249; 101, с. 160–164]. Под руководством Е. В. Веймарна велось составление альбома историко-археологических карт и фотоальбомов по архитектуре и искусству Крыма [97, л. 54]. На протяжении многих лет, по крайней мере, с 1952 г. он по примеру своего учителя Н. И. Репникова собирал материалы к археологической карте полуострова [1; 12; 14–16; 81–84].

Ещё в 1951 г. началась подготовка к работам на территории будущего канала для днепровской воды, для чего была сформирована Северо-Крымская историко-археологическая экспедиция. Е. В. Веймарн возглавил Перекопский отряд [100].

Несмотря на официальную критику «марризма», разработка гипотезы о крымских славянах в древности оставалась приоритетной. Но на практике оказалось, что артефакты, имеющие отношение к «славянскому вопросу», относятся лишь к позднеантичному и средневековому периодам. Автохтонная концепция, в самом начале декларируемая П. Н. Шульцам и связывавшая крымских славян со скифами, не подтверждалась данными археологии. Её в концентрированном виде отразил в своей научно-популярной книге П. Н. Надинский¹. Скифо-славянская, автохтонная концепция в итоге и стала предметом критики как порождение «учения Марра» [115, с. 238–248]. А. Д. Удальцов фактически самоустранился от руководства «славянской темой», а её исполнитель – В. П. Бабенчиков не имел учёной степени и не мог формально возглавить её. Руководство направлением было возложено на Е. В. Веймарна, что вызвало настороженную реакцию В. П. Бабенчикова [3, с. 47].

В 1951 г. тема, руководителем которой был утверждён Е. В. Веймарн, официально формулировалась как «Возникновение и развитие феодальных отношений в Крыму (Страна Дори, Сурож, Коктебель, Корчев, Тмутараканские владения в Крыму)», т.е. территориально включала как область его традиционных научных интересов, так и Восточный Крым – зону работ В. П. Бабенчикова. Последний значился одним из исполнителей темы [97, л. 9]. Что касается результатов предыдущей работы, то по её материалам Е. В. Веймарн подготовил рукопись монографии «Аборигенные культуры Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья» (Сводная работа по могильникам Крыма). Бахчисарай, 1951 г. Она не была издана, но сохранилась в его архиве [11]. Традиционно критикуя «готский вопрос» и роль Византии в Крыму, он предложил неожиданную атрибуцию раннесредневековых могильников типа Суук-Су², обратив внимание, что в них

¹ Идея подготовки П. Н. Надинским книги «Очерки по истории Крыма» изначально возникла на фоне борьбы с «космополитизмом». Единственным кто считал, что такой труд должен готовиться не одним человеком, а коллективом учёных, был Е. В. Веймарн [92, л. 50]

² С начала XX в. они считались готскими.

обнаружено значительное число пальчатых фибул, которые Б. А. Рыбаков связывал с антами. Это, по его мнению, позволяло поставить вопрос о проникновении славянского, антского элемента в Юго-Западный Крым, в частности на южное побережье [96, л. 91–92; 97, л. 14]. Между тем «восточному» направлению поисков славянства (Котель–Тепсень), руководимому В. П. Бабенчиковым, внимания уделялось гораздо меньше [96, л. 110–112].

Как и следовало ожидать, основные коллизии крымской археологии тех лет развернулись вокруг «славянского вопроса», изначально выходявшего за рамки чисто научных штудий, поэтому имевшие довольно драматические последствия. Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий вне плана без обсуждения в ОИА подготовили работу «К вопросу о славянах в Крыму». В ней критиковалась прежняя точка зрения на проблему. Авторы предлагали рассматривать её не как автохтонный процесс, а результат миграции на полуостров материковых жителей примерно с III в. н.э., о чем свидетельствовали материалы Инкерманской долины. Это расселение, по их мнению, имело место и позднее в VI–VII вв. Свидетельство тому – «антские» пальчатые фибулы из могильников Южнобережья, Херсонеса, Боспора. Дальнейшее развитие история славян в Крыму получала уже с образованием Киевского государства и Тмутараканского княжества, в которое вошла восточная часть полуострова [70, л. 39, 40]. По сути, это была первая аналитическая статья Е. В. Веймарна. Рукопись в 1951 г. отправлена в журнал «Вопросы истории», возглавляемый П. Н. Третьяковым – оппонентом П. Н. Шульца, который в его программной статье представлялся в числе апологетов «марризма». Естественно это вызвало негативную реакцию П. Н. Шульца и П. Н. Надинского, а издание статьи приостановлено. В начале 1952 г. её положения пришлось защищать на собрании партийной и учёной общественности в Симферополе. Но в итоге П. Н. Шульц фактически отказался от своей прежней позиции по «славянскому вопросу», озвученной в книге П. Н. Надинского [119, с. 213–217]. Окончательно это произошло на Объединённой научной сессии Отделения истории и филологии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма (далее – Сессия 1952 г.), собравшейся в Симферополе в связи с борьбой с «марризмом» [117, с. 184]. Сам Е. В. Веймарн на Сессии не выступал. По «славянскому вопросу» делал доклад Б. А. Рыбаков, фактически поддержавший «миграционистскую» позицию Веймарна–Стржелецкого [108, с. 12–14]. Вскоре их статья была опубликована [56, с. 94–99]. Таким образом, благодаря Е. В. Веймарну и С. Ф. Стржелецкому, поддержанных Б. А. Рыбаковым, миграционизм вернулся в инструментарий крымских археологов, а их позиция, казалось, разрешила наметившийся кризис в «славянском вопросе». Даже предполагалось сформировать в ОИА «археологическую славянскую группу» [113, с. 399]. Сессия 1952 г. имела очень важное значение для учёных полуострова, а её установок старались придерживаться весь советский период¹.

¹ Титул упомянутой неизданной монографии Е. В. Веймарна «Аборигенные культуры Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья» снабжён его собственноручной пометкой «Рукопись выправлена на основании решений Крымской сессии АН СССР в 1952 г.». [11, л. 1]

В 1952 г. Инкерманская экспедиция продолжила спасательные работы в долине р. Черная у высоты «Сахарная Головка» на раннесредневековом могильнике и у Загайтанской скалы. Материалы этих раскопок, как считал Е. В. Веймарн, могли принести новые материалы, в том числе и касающиеся вопроса о славянских древностях полуострова. Таким образом, Е. В. Веймарн, несмотря на присущую ему прежде научную осторожность, в этот период оказался на острие научной дискуссии, касающейся вопроса о славянах в Крыму. Однако это тема оставила у него не вполне приятные воспоминания, обусловленные последовавшими драматическими событиями [106, с. 147].

В конце 1952 г. началось расследование финансово-хозяйственных обстоятельств работы Инкерманской экспедиции КФ АН СССР и МПГ в прежние годы [118, с. 73–75]. В крымский прессе в начале 1953 г. опубликован фельетон на эту тему [111]. Финансовые нарушения были замечены лишь спустя несколько лет и Е. В. Веймарн, судя по всему, считал дело «заказным», к возбуждению которого причастны сотрудники ОИА из группы истории под руководством П. Н. Надинского [106, с. 147]. Личное дело Е. В. Веймарна разбиралось на общем заседании. Предпринята попытка отстранить его от работы [72, л. 13–29]. Противникам Е. В. Веймарна не удалось достигнуть своих целей: в связи с «бериевской амнистией» 1953 г. суд признал его невиновным и освободил от наказания, а Президиум КФ АН СССР отменил решение об увольнении [76, л. 14–18]. В благополучном исходе дела не последнюю роль сыграла позиция П. Н. Шульца, во время следствия вставшего на защиту своего подчинённого и оппонента. После этого между двумя лидерами крымской археологии вновь восстанавливались тёплые доверительные отношения [118, с. 75].

В Институте археологии АН УССР

После передачи Крыма Украинской ССР на первых порах академическая структура на полуострове сохранялась, находясь теперь в ведении Академии наук союзной республики. И только в 1956 г. Крымский филиал АН УССР был реорганизован, а археологи Крыма составили основу Отдела античной и средневековой археологии (далее – ОАСА) Института археологии АН УССР (далее – ИА АН УССР). Крымскую же группу историков, возглавляемую П. Н. Надинским, перевели в состав Института истории АН УССР [103, с. 13].

Крымские археологи не изменили направлений научной работы, но пресловутые «готский» и «славянский» вопросы в новых условиях уже потеряли актуальность. По стечению обстоятельств Е. В. Веймарн был последним из крымских учёных, кто высказывался в печати в пользу присутствия на полуострове древних славян [28, с. 57] (рис. 3).

Е. В. Веймарн возглавлял Горный Бахчисарайский отряд, как и прежде работавший в тесном контакте с МПГ и формально считался руководителем Бахчисарайской станции, хотя так и не получившей официального статуса. В 1962 г. когда П. Н. Шульц в связи с работой над докторской диссертацией временно оставил

руководство ОАСА, он поручил его Е. В. Веймарну. Ранее он числился учёным секретарём, теперь его место занял О. И. Домбровский [103, с. 15].

Рис. 3. Слева направо: неизвестный школьник, П. Н. Шульц, гость из КНР, О. А. Махнева, Е. В. Веймарн, неизвестный переводчик. Г. Симферополь. Неаполь Скифский. Вторая половина 1950-х гг. Фото предоставлено И. И. Вдовиченко

Пристальное внимание к этнической истории, прежде чрезмерно политизированное, уходило в прошлое, в исторической науке наблюдался уклон в сторону изучения социально-экономических процессов в древних обществах. В этой связи учёный обратился к материалам неукреплённых поселений и концептуальным вопросам развития Юго-Западного Крыма. Уже в 1954 г. в рукописи «Средневековая деревня в Юго-Западном Крыму по археологическим материалам Бахчисарайского и Куйбышевского районов» он наметил схему развития населения в средневековье. По его мнению, после нашествия гуннов в IV в. оседлая жизнь в предгорных районах замерла. Население переместилось в горные долины, где развивалось зерновое хозяйство, виноградарство, садоводство и огородничество. Сельские поселения группировались около средневековых замков, монастырей и «пещерных городов». Свои взгляды он высказал в «Путеводителе по Крыму» [54, с. 92–102]. Работал он так же над периодизацией феодальных отношений на полуострове [71]. Не оставлял разработку и тематики, касающейся раннесредневековых могильников Юго-

Западного Крыма [74]. По материалам раскопок средневекового комплекса Каламиты даже планировал отдельную монографию [31; 79; 80].

Работы этих лет имели, по большей части, публикационный характер и основаны на материалах прежних исследований [25; 26; 99]. Только в 1958 г. в центральном журнале советских археологов была представлена его аналитическая статья о происхождении «пещерных городов» [29, с. 71–79]. В ней автор вновь вступал в дискуссию с ленинградскими коллегами, отождествлявшими их с «длинными стенами» Прокопия Кесарийского. Уже не отрицая весомую роль Византии, он подчёркивал: «пещерные города» отнюдь не однородны. Среди них есть и крепости, и городские поселения, и монастыри, а датировка их эпохой Юстиниана I не доказана. В таком случае их появление могло быть обусловлено не политическими, а экономическими причинами в среде местного населения. Они маркировали торговые маршруты из степи в Херсонес по территории Юго-Западного Крыма. От этнической атрибуции их создателей он вновь воздерживался. Критикуя версию о «длинных стенах» в Юго-Западном Крыму, он вскользь упоминал о недавнем открытии О. И. Домбровским остатков сооружений такого рода на перевалах Крымской яйлы, в которых можно было предполагать следы фортификационной деятельности Византии VI в. Мнение Е. В. Веймарна, обусловлено не только противопоставлением двух направлений, развивавшийся с конца 1920-х гг. Одним из оснований стали результаты его раскопок в районе оборонительных сооружений «пещерного города» Чуфут-Кале, проведённых в 1956–1959 гг. Горно-Крымской экспедицией, под его руководством, совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем (далее – БИАМ) [72]¹. Они показали, что наиболее ранняя фортификация городища относится не к VI в., а к X–XI столетиям, что никак не укладывалось в концепцию возникновения этой серии укреплений при Юстиниане I. Отсюда следовал и другой вывод – Чуфут-Кале не может сопоставляться с раннесредневековыми Фуллами, которые гипотетически предлагалось приурочить к соседнему Кыз-Кермену [38, с. 75]. Это примечательно, поскольку гипотеза о локализации Фулл на Чуфут-Кале в своё время стала основой для «аланской» атрибуции раннесредневекового могильника на склонах городища, поддержанной Е. В. Веймарном. Это ещё раз подчеркнуло зыбкость этнических определений, основанных на археологическом материале. В работах разных лет для населения Юго-Западного Крыма учёный использовал различные варианты, называя это население: тавро-скифским, скифо-сарматским, сармато-аланским, и даже славянским, вероятно сознавая условность атрибуции.

В 1957 г. Е. В. Веймарн по заказу Керченского музея осуществил небольшие предвостановочные археологические работы в интерьере церкви Иоанна Предтечи в Керчи [27]. В 1958 г. вышла большая статья учёного о фортификации Эски-Кермена, основанная на кандидатской диссертации [30, с. 7–54].

Продолжил он и практику новостроечных раскопок. Осенью 1958 г. вблизи «пещерного города» Бакла (у с. Скалистое, Бахчисарайского района) на территории

¹ В 1955 г. в его состав вошёл МПГ.

будущего карьера случайно был обнаружен обширный раннесредневековый могильник. Он принадлежал к той же культуре, с могильниками которой учёному уже приходилось сталкиваться на Эски-Кермене и Чуфут-Кале, а этническая атрибуция которых вызывала столько противоречий. Под руководством Е. В. Веймарна была сформирована Баклинская новостроечная экспедиция ОАСА ИА АН УССР, как и прежде совместно с БИАМ. В 1959–1960 гг. раскопано более 800 погребальных сооружений IV–IX вв. Примечательно, что Е. В. Веймарн настаивал: некрополь не связан с близлежащем «пещерным городом», а население, оставившее его, атрибутировал как скифо-сарматское. [32; 86; 87].

С 1962 по 1964 г. Е. В. Веймарн, исполнял обязанности заведующего ОАСА, передав свои функции учёного секретаря О. И. Домбровскому. Последний сохранял эту должность и в последующие годы, после отъезда П. Н. Шульца в Ленинград и после назначения С. Н. Бибикова руководителем крымских археологов в 1968 г. [103, с. 15].

В 1963 и 1965 гг. Е. В. Веймарн возглавлял Северо-Крымскую экспедицию, работавшую как на полуострове, так и на Херсонщине [53; 69] (рис. 4).

Рис. 4. В первом ряду, слева направо: О. А. Махнева, Т. Н. Высотская, Е. В. Веймарн, А. А. Щепнский. Крым. 1960-е гг. Фото предоставлено И. И. Вдовиченко

В 1963 г. состоялась расширенная публикация материалов исследований Инкерманской археологической экспедиции под руководством Е.В. Веймарна [4].

В 1963–1965 гг. ИА АН УССР работал над разделами фундаментального трёхтомника «Археологія Української РСР». Е. В. Веймарн подготовил раздел, посвящённый области «пещерных городов Крыма». Роль Византии в очерке оставлена без внимания, так же как и проблема «длинных стен» и страны Дори [44, с. 454–467]. Она затронута в разделах по средневековой археологии полуострова, представленных О. И. Домбровским [65, с. 443–453; 66, с. 467–476]. Начиная как художник–реставратор в составе ТСЭ, а затем СИА, О. И. Домбровский к этому времени стал признанным специалистом в области средневековой археологии. В зоне его научных интересов оказался Херсонес, с 1957 г. Южный берег Крыма (далее – ЮБК), наиболее интенсивно исследовавшийся в 1965–1968 гг. [64, с. 5]. Ещё в 1951 г. учёный обратился к памятникам фресковой живописи XIII–XV вв. из района «пещерных городов». Результатом многолетних исследований впоследствии стала монография [63]. Как отмечалось, им были открыты протяжённые участки кладок на Главной гряде, которые он считал «длинными стенами» Прокопия, отделявшими ЮБК от остальной части Таврики [62, 155–167]. Эту версию изначально поддержал Е. В. Веймарн. Возможно, позиция учёного в определённой степени была обусловлена тем обстоятельством, что гипотетические «длинные стены» фактически разделяли зону научных интересов двух ведущих крымских археологов–медиевистов. При этом О. И. Домбровский локализовал страну готов только на ЮБК, никак не затрагивая область «пещерных городов» [109, с. 11–45]. Это позволяло Е. В. Веймарну в своих исследованиях не касаться одиозного «готского вопроса», тогда как О. И. Домбровский не раз затрагивал его в работах, конечно не выходя за рамки решений Сессии 1952 г. [113, с. 417, 418]. Такой научный «нейтралитет» долгое время и сохранялся в направлениях работы двух учёных [39, 43, 46].

К середине 1960 г. у крымских археологов появилась возможность, помимо плановых научных публикаций, изложить свои взгляды для широкой аудитории в научно-популярных изданиях. Первый том книги «Дорогами тысячелетий» был посвящён средневековому периоду, а большая часть текста подготовлена Е. В. Веймарном и О. И. Домбровским [68, с. 6.]. Одна из глав книги, написанных Е. В. Веймарном, носила название «Во владениях «господ Феодоро» и посвящалась истории Мангупского княжества в позднесредневековую эпоху [36, с. 119–132]. Интерес к истории княжества в XV в. проявился у исследователя ещё со второй половины 1950-х гг. [75]. Глава во многом основывалась на исторических сведениях, подчерпнутых из рукописи, приписываемой авторству Н. И. Репникова [59, с. 191–192]. Этот период истории Мангупа долгое время находился в тени «готского вопроса», дискуссии о Дори-Доросе и т.п. Е. В. Веймарн теперь предлагал рассматривать его как самостоятельное направление исследований.

Печатанные работы этих лет посвящены вопросам экономического развития региона, публикации отдельных комплексов и результатов раскопок Скалистинского могильника [33; 34; 35; 40; 42; 55].

После ухода А. П. Припускова и смерти Н. П. Кацура (1954 г.), выполнявших вспомогательную работу, Е. В. Веймарн всю деятельность вёл фактически в одиночку. Больше время проводил в помещении т.н. Бахчисарайской станции на территории БИАМ. В этих условиях особую сложность составляла обработка материала и подготовка к публикации монографии о Скалистинском могильнике [20; 21]. Последнее обстоятельство стало одной из причин осложнений отношений с руководством Отдела. В 1969-1970 гг. учёный даже допускал уход с работы. Это усугубилось смертью С. Ф. Стржелецкого [6, с. 328, 330, 688]. Несмотря на технические сложности, общий черновик монографии о крупнейшем в Крыму раннесредневековом могильнике был сделан уже в 1972 г. [77–84]. Только в 1976 г. для работы над ней, руководство ОИА назначило молодого учёного А. И. Айбабина, специализировавшегося на изучении типологии и хронологии предметов раннесредневековой эпохи [103, с. 28]. Но материал был столь обильным, что на разработку вопросов типологии и хронологии инвентаря понадобилось не одно десятилетие. Благодаря А. И. Айбабину работа была издана и Скалистинский могильник заслуженно приобрёл статус эталонного для Крыма памятника этой эпохи [48].

Возвращение в Феодоро-Мангуп

Несмотря на технические сложности, Е. В. Веймарн не оставил полевые исследования. Ещё в 1966 г. он привлёк студентов для работы на городище Чуфут-Кале [8; 37]. А начиная со следующего года, при участии студентов-практикантов Крымского государственного педагогического института, в котором он вёл курс археологии, учёный возобновил исследования Мангупского городища, прежде всего в связи с разработкой археологического контекста княжества Феодоро [41, с. 391–393; 50–52]. В 1971 г. он запланировал монографию «Мангуп: из истории княжества Феодоро XIII–XV вв.», она включала 5 глав и была призвана обобщить материалы прежних и новых исследований памятника [19]. В ней рассматривался вопрос о формировании Мангупского княжества на фоне острой экономической и политической борьбы с Крымским ханством и генуэзскими колониями. Уточнялось время становления княжества и предпринималась попытка на основе археологических данных определить границы его территории в целом и отдельных вотчин, входивших в его состав [104, л. 3]. Монография должна была подвести итог исследованиям позднесредневековых памятников Юго-Западного Крыма, тем более что накануне была опубликована работа его давнего коллеги и оппонента А. Л. Якобсона [120].

Но интерес к региону проявлял и О. И. Домбровский. В 1972 г. в рамках разрабатываемой им темы «Горный Крым в V–XV вв.» он подготовил обширный очерк о поселениях и укреплениях ЮБК, предлагая их классификацию и схему развития [64, с. 5–6]. Однако изначально планировался к изданию и второй его очерк «Средневековые укрепления Юго-Западного предгорья Таврики». В нем «пещерные города» затрагивались лишь попутно и преимущественно рассматривались малоизвестные объекты, классифицированные по аналогии с южнобережными:

убежища сельских общин; «византийские» укрепления времён фемы Херсона; феодальные замки и укрепленные монастыри. Делался вывод о трансформации византийской фемы в феодальное государство после падения Херсона, а затем и Византии в целом. Как пример рассматривался Мангуп – Феодоро, переросший из фемного укрепления в столицу одноименного княжества. Подход был, несомненно, новаторским и во многом сглаживал прежнее противопоставление «византийского» и «местного» фактора в развитии региона. Но и сам автор признавал: тема в значительной мере перекликается с научными интересами А. Л. Якобсона и Е. В. Веймарна. Это заставило его повременить с публикацией [103, с. 25]. Свои соображения О. И. Домбровский изложил в редактируемой им научно-популярной серии «Археологические памятники Крыма» в брошюре о Мангупском княжестве, вне плана подготовленной в соавторстве с О. А. Махневой [67]. О. И. Домбровский предложил Е. В. Веймарну выступить общественным редактором брошюры. Е. В. Веймарн пытался настоять на поправках к изданию, но учтены они не были и он отказался от какого-либо участия в издании. Ситуацию он воспринял довольно эмоционально и подготовил обстоятельную рецензию на брошюру, сохранившуюся только в рукописи [18, л. 57–111]¹ (рис. 5).

Рис. 5. Слева направо: Е. В. Веймарн, Т. Н. Высотская, В. Н. Корпусова, О. А. Махнева. Г. Симферополь. Здание Института минеральных ресурсов. До 1965 г. Фото предоставлено И. И. Вдовиченко

¹ Она имела довольно красноречивое название: «Ложка дёгтя, испортившая бочку с мёдом». Правки в рецензию вносил А. Л. Якобсон.

Все эти годы Е. В. Веймарн собирал материалы о Мангупе [7]. Раскопки памятника велись до 1974 г. [51, с. 263–264]. В них также принимали участие сотрудники Уральского (Н. И. Бармина) и Симферопольского (В. Н. Даниленко, А. Г. Герцен) университетов, БИАМ (И. И. Лобода) [60, с. 12–45]. Несмотря на успешные результаты, в 1975 г. Е. В. Веймарн был вынужден выйти на пенсию, причём помимо воли. Судя по его воспоминаниям, приведённым И. С. Пиоро, во многом это было связано с недоразумениями, возникшими в ходе работ на Мангупе и противоречиями с О. И. Домбровским [106, с. 147].

Вместе с тем он дал начало регулярным исследованиям, проводимым в качестве археологической практики Симферопольским государственным университетом им. М. В. Фрунзе под руководством А. Г. Герцена.

Несмотря на уход, Е. В. Веймарн продолжил работу в области крымской археологии, оставаясь жить в Бахчисарае. В 1976 г. им в соавторстве с сотрудником БИАМ М. Я. Черёфом в серии «Археологические памятники Крыма» издана брошюра о памятниках Качинской долины. Она позволила в популярной форме изложить концепцию развития региона в средневековую эпоху [57, с. 8–12]. Издавались материалы исследований окрестностей Мангупа [58, с. 139–153]. Продолжалась подготовка к изданию материалов Скалистинского могильника и других раскопок с его участием [2; 43, с. 255–258; 45, с. 247–262; 46, с. 19–33; 47, 69–88; 49, с. 247–262]. Располагая значительными материалами, он в содружестве с М. Я. Черёфом в 1981 г. планировал обширную работу о «пещерных городах» Крыма [9; 17].

В 1977 г. Е. В. Веймарн покинул Бахчисарай, перебравшись к дочери в Москву. В конце жизни годы давали о себе знать, особенно ухудшилось зрение, уже на позволявшее вести полноценную научную работу [61, с. 363–366; 22, л. 3].

Волею судьбы на протяжении всей жизни Е. В. Веймарн занимался регионом, связанным с Византией и крымскими готами. Однако сложная политизированная обстановка заставляла очень осторожно касаться вопросов этнической истории. Вероятно поэтому его «этнические» взгляды выглядят довольно расплывчатыми и даже противоречивыми и не исключено – не всегда искренними. Возможно, поэтому такой интерес и заботу он проявил по отношению к молодому киевскому археологу И. С. Пиоро, ещё студентом начавшему работу в Мангупском отряде. Тема Мангупа, Дори и крымских готов, соотношение этноса и археологических культур, стали ведущими в научных работах украинского исследователя. При этом большинство его взглядов были диаметрально противоположны прежним позициям Е. В. Веймарна. Учёные состояли в переписке, Е. В. Веймарн всячески поддерживал молодого коллегу, представил положительный отзыв на его диссертацию, посвящённую этнической истории позднеантичного и раннесредневекового Крыма. Фактически она подводила итог под исследованиями «готского» и «славянского» вопросов [113, с. 432–433]. Но в 1974 г. в силу разногласий с руководством кафедры Киевского университета, диссертация, безусловно, новаторская для своего времени, была отклонена [107, с. 4–6]. Её удалось защитить только в эпоху Перестройки, а в следующем году вышла монография, подготовленная на её основе [105]. В том же,

1990 г. Е. В. Веймарн отмечал 85-летие со дня рождения и именно И. С. Пиоро представил юбилейную статью о нем, оказавшуюся в итоге некрологом: 9 ноября 1990 г. Е. В. Веймарна не стало (рис. 6).

Рис. 6. Слева направо: Е. В. Веймарн, П. Н. Шульц, С. Н. Бибилов. Горный Крым. До 1966 г. Архив Института археологии Крыма РАН

Выводы

1. Научный потенциал Е. В. Веймарна как археолога с новой силой раскрылся в Крыму в послевоенный период в подразделениях КНИБ (КФ) АН СССР, а затем в ИА АН УССР.

2. Основная деятельность Е. В. Веймарна протекала в г. Бахчисарае, где постоянно проживал учёный. Работа велась на т.н. Бахчисарайской научно-исследовательской станции в помещении МПГ, а затем БИАМ.

3. Помимо известных публикаций, Е. В. Веймарн является автором ряда монографических исследований, сохранившихся лишь в рукописях.

4. В сложный период идеологических компаний, да и позднее Е. В. Веймарн стремился воздерживаться от участия в дискуссиях, касающихся вопросов этнической истории. Однако в силу обстоятельств несколько раз оказывался в центре конфликтных ситуаций.

5. Благодаря Е. В. Веймарну история и археология Мангупа, как столицы позднесредневекового княжества Феодоро, выделилась в отдельное направление исследований, не связанное с «готским вопросом».

6. Е. В. Веймарн может рассматриваться как родоначальник «новостроечной» и «военной» археологии на полуострове. Благодаря ему, внедрена практика приобщения студентов-историков к исследованию Мангупа сохранившаяся до наших дней.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамова Н. А., Севастьянов А. В. Глава об археологических памятниках долины реки Качи из неопубликованной работы Н. И. Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 272–307.
Abramova N. A., Sevast'yanov A. V. Glava ob arheologicheskikh pamyatnikah doliny reki Kachi iz neopublikovannoy raboty N. I. Repnikova «Materialy k arheologicheskoy karte yugo-zapadnogo nagor'ya Kryma» // Neizvestnye stranicy arheologii Kryma: ot neandertal'cev do genuezcev. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. – S. 272–307.
2. Айбабин А. И, Веймарн Е. В. Склеп 406 Скалистинского могильника // Советская археология. – 1983. – № 4. – С. 213–218.
Ajbbabin A. I, Vejmarin E. V. Sklep 406 Skalistinskogo mogil'nika // Sovetskaya arkhеologiya. – 1983. – № 4. – S. 213–218.
3. Акимченков В. В. «Старые опытные археологические разведчики»: братья Бабенчиковы // Гераклеяский сборник. – Вып. I («Гераклеяский сборник 1936 г.»). – СПб.: Алетея, 2018. – С. 25–48.
Akimchenkov V. V. «Starye opytne arheologicheskije razvedchiki»: brat'ya Babenchikovy // Geraklejskij sbornik. – Vyp. I («Geraklejskij sbornik 1936 g.»). – Spb.: Aleteja, 2018. – S. 25–48.
4. Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. – Т. XIII. – 160 с.
Arheologichni pam'yatki URSR. – 1963. – T. XIII. – 160 s.
5. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. – Т. XIII. – С. 90–123.
Babenchikov V. P. Chornorichens'kij mogil'nik // Arheologichni pam'yatki URSR. – 1963. – T. XIII. – S. 90–123.
6. Бессмертная легенда Херсонеса. Неопубликованное наследие Инны Анатольевны Антоновой / ред. А. В. Зайков, Т. А. Прохорова. – Севастополь: ГМЗ ХТ, 2022. – 796 с.
Bessmertnaya legenda Hersonesa. Neopublikovannoe nasledie Inny Anatol'evny Antonovoj / red. A. V. Zajkov, T. A. Prohorova. – Sevastopol': GMZ HT, 2022. – 796 s.
7. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 13–20.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 13–20.
8. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 21–25.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 21–25.
9. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 27–28.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 27–28.
10. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 30–32.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 30–32.
11. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 36, 293 л.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 36, 293 l.
12. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 42–50.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 42–50.
13. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 63, 257 л.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 63, 257 l.
14. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 68, 86 л.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 68, 86 l.
15. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 70–72.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 70–72.
16. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 76, 112 л.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 76, 112 l.
17. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 80, 312 л.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 80, 312 l.
18. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 84, 272 л.
BIKAMZ, f. 22, op.1, d. 84, 272 l.
19. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 86, 278 л.

- ВІКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 86, 278 л.
20. ВІКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 88–90.
ВІКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 88–90.
21. ВІКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 95, 152 л.
ВІКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 95, 152 л.
22. ВІКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 99, 62 л.
ВІКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 99, 62 л.
23. Веймарн Е. В. Отчёт о полевых археологических исследованиях в Инкермане в 1948 г. // ИА РАН НА, ф.1, р-1, д. 188. 187 с.
Vejmarn E. V. Otchyot o polevyh arheologicheskikh issledovaniyah v Inkermane v 1948 g. // IA RAN NA, f.1, r-1, d. 188. 187 s.
24. Веймарн Е. В. Отчёт об углублённых разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. // ИА РАН. НА, ф.1, р-1, д. 187. 124 л.
Vejmarn E. V. Otchyot ob uglublyonnyh razvedkah alanskogo mogil'nika u podnozhia Chufut-Kale v 1948 g. // IA RAN. NA. f.1, r-1, d. 187. 124 l.
25. Веймарн Е. В. Разведка оборонительных стен и некрополя Дорос-Феодоро-Мангуп // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – №34. – С. 419–429.
Vejmarn E. V. Razvedka oboronitel'nyh sten i nekropolya Doros-Feodoro-Mangup // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. – 1953. – №34. – S. 419–429.
26. Веймарн Е. В. О работе Инкерманской экспедиции // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1955. – №4. – С. 32–34.
Vejmarn E. V. O rabote Inkermanskoj ekspedicii // Kratie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1955. – №4. – S. 32–34.
27. Веймарн Е. В. Отчёт Горно-Крымской экспедиции ОАСа ИА АН УССР по изучению церкви Иоанна Предтечи [1957] // ИАК РАН НА, ф. о-1, оп.1, д. 84. 58 с.
Vejmarn E. V. Otchyot Gorno-Krymskoj ekspedicii OASA IA AN USSR po izucheniyu cerkvi Ioanna Predtechy [1957] // IAK RAN NA, f. o-1, op.1, d. 84. 58 s.
28. Веймарн Е. В. Крим у середні віки // Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ: АН УРСР, 1957. – С. 580–597.
Vejmarn E. V. Krim u seredni viki // Narisi starodavn'oi istorii Ukraïns'koï RSR. Kiïv: AN URSR, 1957. – S. 580–597.
29. Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // Советская археология. – 1958. – №1. – С. 71–79.
Vejmarn E. V. «Peshchernye goroda» Kryma v svete arheologicheskikh issledovaniy 1954–1955 gg. // Sovetskaya arkheologiya. – 1958. – №1. – S. 71–79.
30. Веймарн Е. В. Оборонительные укрепления Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М.: АН СССР, 1958. – С. 7–54.
Vejmarn E. V. Oboronitel'nye ukrepleniya Eski-Kermena (opyt rekonstrukcii) // Istoriya i arheologiya srednevekovogo Kryma. M.: AN SSSR, 1958. – S. 7–54.
31. Веймарн Е. В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. М.: АН СССР, 1958. – С. 54–62.
Vejmarn E. V. O vremeni vznikhnoveniya srednevekovoj kreposti Kalamita // Istoriya i arheologiya srednevekovogo Kryma. M.: AN SSSR, 1958. – S. 54–62.
32. Веймарн Е. В. Отчёт о работе Баклинской экспедиции [1959–1960] // ИАК РАН НА, ф. о-1, оп. 1, д. 1. 113 л.
Vejmarn E. V. Otchyot o rabote Baklinskoj ekspedicii [1959–1960] // IAK RAN NA, f. o-1, op. 1, d. 1. 113 l.
33. Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1960. – №10. – С. 109–117.
Vejmarn E. V. O vinogradarstve i vinodelii v drevnem i srednevekovom Krymu // Kratie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1960. – №10. – S. 109–117.

34. Веймарн С. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. – Т. XIII. – С. 15–89.
 Vejmarн S. V. Arheologichni roboti v rajoni Inkermana // Arheologichni pam'yatki URSR. – 1963. – T. XIII. – S. 15–89.
35. Веймарн Е. В. Пещерные города Крыма и вопрос о зарождении и развитии феодальных отношений // Материалы сессии, посвящённой итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. – Баку, 1965. – С. 146–147.
 Vejmarн E. V. Peshchernye goroda Kryma i vopros o zarozhdenii i razvitii feodal'nyh otnoshenij // Materialy sessii, posvyashchyonnoj itogam arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij 1964 g. v SSSR. – Baku, 1965. – S. 146–147.
36. Веймарн Е. В. Во владениях господ Феодоро // Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. – Симферополь: Крым, 1966. – С. 119–132.
 Vejmarн E. V. Vo vladeniyah gospod Feodoro // Dorogoj tysyacheletij. Ekskursii po srednevekovomu Krymu. – Simferopol': Krym, 1966. – S. 119–132.
37. Веймарн Е. В. Раскопки на средневековом городище Чуфут-Кале // Археологические исследования в Украине. – №1. Киев: Наукова думка, 1967. – С. 187–190.
 Vejmarн E. V. Raskopki na srednevekovom gorodishche Chufut-Kale // Arheologicheskie issledovaniya v Ukrainе. – №1. Kiev: Naukova dumka, 1967. – S. 187–190.
38. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев: Наукова думка, 1968. – С. 45–82.
 Vejmarн E. V. O dvuh neyasnyh voprosah srednevekov'ya Yugo-Zapadnogo Kryma // Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma. – Kiev: Naukova dumka, 1968. – S. 45–82.
39. Веймарн Е. В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. – 1971. – №1. – С. 61–65.
 Vejmarн E. V. Odne z vazhlyvix pitan' rann'oseredn'ovichnoї istorії Krimu // Seredni viki na Ukraini. – 1971. – №1. – S. 61–65.
40. Веймарн Е. В. Основные результаты исследования Скалистинского могильника // Труды конференции, посвящённой итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 г. – Тбилиси, 1971. – С. 265–267.
 Vejmarн E. V. Osnovnye rezul'taty issledovaniya Skalistinskogo mogil'nika // Trudy konferencii, posvyashchyonnoj itogam polevyh arheologicheskikh issledovanij v SSSR v 1970 g. – Tbilisi, 1971. – S. 265–267.
41. Веймарн Е. В. Работы на средневековом городище Мангуп в 1971 г. // Труды 15-й научной конференции Института археологии АН УССР. – Одесса, 1972. – С. 391–393.
 Vejmarн E. V. Raboty na srednevekovom gorodishche Mangup v 1971 g. // Trudy 15-j nauchnoj konferencii Instituta arheologii AN USSR. – Odessa, 1972. – S. 391–393.
42. Веймарн Е. В. Раннесредневековые могильники Юго-Западного Крыма как исторический источник // Матеріали 13 конф. ІА АН УРСР. – Київ, 1972. – С. 292–294.
 Vejmarн E. V. Rannesrednevekovye mogil'niki YUgo-Zapadnogo Kryma kak istoricheskij istochnik // Materiali 13 konf. IA AN URSR. – Kiïv, 1972. – S. 292–294.
43. Веймарн Е. В. Ещё раз о Таврическом лимесе // Античная древность и средние века. – 1973. – С. 255–258.
 Vejmarн E. V. Eshchyo raz o Tavricheskom limese // Antichnaya drevnost i srednie veka. – 1973. – S. 255–258.
44. Веймарн С. В. Пам'ятки південно-західного Криму // Археологія УРСР. – Киев, 1975. – Т. 3. – С. 454–467.
 Vejmarн S. V. Pam'yatki pivdenno-zahidnogo Krimu // Arheologiya URSR. – Kiev, 1975. – T. 3. – S. 454–467.
45. Веймарн Е. В. Скалистинский склеп 420 // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1979. – №158. – С. 247–262.
 Vejmarн E. V. Skalistinskij sklep 420 // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1979. – №158. – S. 247–262.

46. Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия // Античная древность и средние века. – 1980. – Т. 17. – С. 19–33.
 Vejmarn E. V. Ot kogo mogli zashchishchat' gotov v Krymu «dlinnye steny» Prokopiya // Antichnaya drevnost i srednie veka. – 1980. – Т. 17. – С. 19–33.
47. Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Античная древность и средние века. – 1982. – С. 69–88.
 Vejmarn E. V. Zhilye usad'by Eski-Kermenskogo gorodishcha // Antichnaya drevnost i srednie veka. – 1982. – С. 69–88.
48. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. – Киев: Наукова думка, 1993. – 200 с.
 Vejmarn E. V., Ajbabin A. I. Skalistinskij mogil'nik. – Kiev: Naukova dumka, 1993. – 200 s.
49. Веймарн Е. В., Амброз А. К. Большая пряжка из Скалистинского могильника: (Склеп 288) // Советская археология. – 1980. – №3. – С. 247–262.
 Vejmarn E. V., Ambroz A. K. Bol'shaya pryazhka iz Skalistinskogo mogil'nika: (Sklep 288) // Sovetskaya arkhеologiya. – 1980. – №3. – С. 247–262.
50. Веймарн Е. В., Герцен А. Г., Лобода И. И., Пиоро И. С. Исследования Мангупского городища // Археологические открытия 1971 г. – М: Наука, 1972. – С. 265–266.
 Vejmarn E. V., Gercen A. G., Loboda I. I., Pioro I. S. Issledovaniya Mangupskogo gorodishcha // Arkheologicheskie otkrytiya 1971 g. – М: Nauka, 1972. – С. 265–266.
51. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // Археологические открытия 1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 263–264.
 Vejmarn E. V., Ivanov L. I. Raskopki na Mangupe // Arkheologicheskie otkrytiya 1973 g. – М.: Nauka, 1974. – С. 263–264.
52. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чореф М. Я. Археологические исследования княжества Феодоро // Феодальная Таврика. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 123–139.
 Vejmarn E. V., Loboda I. I., Pioro I. S., Choref M. Ya. Arheologicheskie issledovaniya knyazhestva Feodoro // Feodal'naya Tavrika. – Kiev: Naukova dumka, 1974. – С. 123–139.
53. Веймарн Е. В., Ратнер И. Д. Отчёт о работах СКЭ ИА АН УССР // ИАК РАН НА, ф.О-1, оп. 1, д. 86, 87.
 Vejmarn E. V., Ratner I. D. Otchyot o rabotah SKE IA AN USSR // IAK RAN NA, f. O-1, op. 1, d. 86, 87.
54. Веймарн Е. В., Секеринский С. А. Крым в средние века // Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1956. – С. 92–102.
 Vejmarn E. V., Sekerinskij S. A. Krym v srednie veka // Putevoditel' po Krymu. Simferopol', 1956. – С. 92–102.
55. Веймарн Е. В., Смирнов А. П. Сосуд с росписью из могильника у с. Скалистое // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1965. – №100. – С. 102–107.
 Vejmarn E. V., Smirnov A. P. Sosud s rospis'yu iz mogil'nika u s. Skalistoe // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1965. – №100. – С. 102–107.
56. Веймарн Е. В., Стржеleckий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // Вопросы истории. – 1952. – №4. – С. 94–99.
 Vejmarn E. V., Strzheleckij S. F. K voprosu o slavyanah v Krymu // Voprosy istorii. – 1952. – №4. – С. 94–99.
57. Веймарн Е. В., Черев М. Я. «Корабль» на Каче. – Симферополь: Таврия, 1976. – 57. 88 с.
 Vejmarn E. V., Cheref M. Ya. «Korabl'» na Kache. – Simferopol': Tavriya, 1976. – 57. 88 s.
58. Веймарн Е. В., Черев М. Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. – 1978. – №7. – С. 139–153.
 Vejmarn E. V., Cheref M. Ya. Peshchernyj ansambl' Chil'ter v Krymu // Peshchery Gruzii. – 1978. – №7. – С. 139–153.
59. Герцен А. Г. О двух рукописях сочинения А. А. Васильева в архиве ЛОИА АН СССР // Византийский временник. – 1979. – Т. 40. – С. 191–192.

Gercen A. G. O dvuh rukopisyah sochineniya A. A. Vasil'eva v arhive LOIA AN SSSR // Vizantijskij vremennik. – 1979. – Т. 40. – С. 191–192.

60. Герцен А. Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // Материалы по истории и этнографии Таврии. – 2017. – Вып. XXII. – С. 12–45.

Gercen A. G. K 50-letiyu vozobnovleniya arheologicheskogo izucheniya Mangupa: nachal'nyj etap // Materialy po istorii i etnografii Tavrii. – 2017. – Вып. XXII. – С. 12–45.

61. Дворченко И. И., Вдовиченко И. И. Е. В. Веймарн и Бахчисарай // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. 3. – Симферополь: Антика, 2008. – С. 362–367.

Dvorchenko I. I., Vdovichenko I. I. E. V. Vejmarn i Bahchisaraj // Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik. – Вып. 3. – Simferopol': Antikva, 2008. – С. 362–367.

62. Домбровский О. И. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір // Археологія. – 1961. – Т. 12. – С. 155–167.

Dombrovs'kij O. I. Starodavni stini na perevalah golovnoho pasma Krims'kih gir // Arheologiya. – 1961. – Т. 12. – С. 155–167.

Dombrovs'kij O. I. Starodavni stini na perevalah golovnoho pasma Krims'kih gir // Arheologiya. – 1961. – Т. 12. – С. 155–167.

63. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – Киев: АН УССР, 1966. – 110 с.

Dombrovskij O. I. Freski srednevekovogo Kryma. – Kiev: AN USSR, 1966. – 110 s.

64. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 5–56.

Dombrovskij O. I. Srednekovove poseleniya i «isary» krymskogo YUzhnoberezh'ya // Feodal'naya Tavrika. Materialy po istorii i arheologii Kryma. – Kiev: Naukova dumka, 1974. – С. 5–56.

65. Домбровский О. И. Пам'ятки південнобережної та гірської частин Криму // Археологія УРСР. – Том 3. – Київ: Наукова думка, 1975. – С. 467–476.

Dombrovs'kij O. I. Pam'yatki pivdennoberezhnoї ta girskoї chastin Krimu // Arheologiya URSR. – Том 3. – Київ: Naukova dumka, 1975. – С. 467–476.

66. Домбровский О. И. Середньовічний Херсонес // Археологія УРСР. Киев, 1975. Т. 3. С. 443–453.

Dombrovs'kij O. I. Sredn'ovichnij Hersones // Arheologiya URSR. Kiev, 1975. Т. 3. С. 443–453.

67. Домбровский О. И., Махнева О. А. Столица феодоритов. – Симферополь: Таврия, 1973. – 104 с.

Dombrovskij O. I., Mahneva O. A. Stolica feodoritov. – Simferopol': Tavriya, 1973. – 104 s.

68. Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь: Крым, 1966.

190 с. Dorogoj tysyacheletij. Ekskursii po srednevekovomu Krymu. Simferopol': Krym, 1966. 190 s.

69. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 1, 39 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 1, 39 l.

70. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 5, 49 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 5, 49 l.

71. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 7, 89 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 7, 89 l.

72. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 15, 35 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 15, 35 l.

73. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 19, 84 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 19, 84 l.

74. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 20, 51 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 20, 51 l.

75. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 26, 9 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 26, 9 l.

76. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 35, 48 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 35, 48 l.

77. ИАК РАН НА. ф. Л-10, оп.1, д. 28, 84 л.

IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 28, 84 l.

78. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 34, 260 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 34, 260 l.
79. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 36, 106 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 36, 106 l.
80. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 38, 139 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 38, 139 l.
81. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 42, 132 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 42, 132 l.
82. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 48, 41 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 48, 41 l.
83. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 49, 302 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 49, 302 l.
84. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 50, 172 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 50, 172 l.
85. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 53, 73 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 53, 73 l.
86. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 61, 257 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 61, 257 l.
87. ИАК РАН НА., ф. Л-10, оп.1, д. 63, 97 л.
IAK RAN NA., f. L-10, op.1, d. 63, 97 l.
88. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 13, 67 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 13, 67 l.
89. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 14, 17 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 14, 17 l.
90. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 15, 41 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 15, 41 l.
91. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 18, 35 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 18, 35 l.
92. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 21, 145 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 21, 145 l.
93. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 24, 97 л.
IAK RAN. NA., f. R-2, op. 2, d. 24, 97 l.
94. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 22, 105 л.
IAK RAN. NA., f. R-2, op. 2, d. 22, 105 l.
95. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 23, 106 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 23, 106 l.
96. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 31, 127 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 31, 127 l.
97. ИАК РАН. НА, ф. Р-2, оп. 2, д. 29, 107 л.
IAK RAN. NA, f. R-2, op. 2, d. 29, 107 l.
98. Кирилко В. П. Новое и забытое старое о храме Алуштинского могильника // Археология Евразийских степей. – 2018. – №4. – С. 244–249.
Kirilko V. P. Novoe i pozabytoe staroe o hrame Alushtinskogo mogil'nika // Arheologiya Evrazijskih stepej. – 2018. – №4. – S. 244–249.
99. Крис Х. И., Веймарн Е. В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1958. – №71. – С. 65–71.
Kris H. I., Vejmar E. V. Kurgan epohi bronzy bliz Bahchisaraya // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoj kultury. – 1958. – №71. – S. 65–71.
100. Материалы работ Северо-Крымской историко-археологической экспедиции в 1951 г. // ИАК РАН, ф. о-1, оп. 1, д. 17.
Materialy rabot Severo-Krymskoj istoriko-arheologicheskoy ekspedicii v 1951 g. // IAK RAN NA NA, f. o-1, op. 1, d. 17.

101. Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев: Наукова думка, 1968. – С. 155–168.
- Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma. – Kiev: Naukova dumka, 1968. – S. 155–168.
102. ОПИ ГИМ, ф. НВА, оп. 1л, д. 65, 19 л.
ОПИ ГИМ, f. NVA, op. 1l, d. 65, 19 l.
103. От Сектора к Институту. Очерки истории. К 75-летию Института археологии Крыма РАН. / ред. сост. В. В. Майко, В. Ю. Юрочкин. – Симферополь: Ариал, 2023. – 96 с.
Ot Sektora k Institutu. Ocherki istorii. K 75-letiyu Instituta arheologii Kryma RAN. / red. sost. V. V. Majko, V. Yu. Yurochkin. – Simferopol': Aerial, 2023. – 96 s.
104. Отчёт Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР за 1974 г. // ИАК РАН НА, ф. 3, оп. 1. д. 37, 47 л.
Otchyot Otdela arheologii Kryme Instituta arheologii AN USSR za 1974 g. // IAK RAN NA, f. 3, op. 1. d. 37, 47 l.
105. Пиоро И. С. Крымская Готия. – К: Лыбидь, 1990. – 198 с.
Pioro I. S. Krymskaya Gotiya. – K: Lybid', 1990. – 198 s.
106. Пиоро И. С. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. – 1990. – №4. – С. 144–148.
Pioro I.S. Skladna dolya arheologa (do 85-richchya Evgena Volodimirovicha Vejmarna) // Arheologiya. – 1990. – №4. – S. 144–148.
107. Предисловие // Готы и Рим. – К.: Стилос, 2006. 256 с.
Predislovie // Goty i Rim. – K.: Stilos, 2006. 256 s.
108. Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани. Тез. докл. на сессии по истории Крыма. – Крымиздат, 1952. – 15 с.
Rybakov B. A. Slavyane v Krymu i na Tamani. Tez. dokl. na sessii po istorii Kryma. – Krymizdat, 1952. – 15 s.
109. Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев: Наукова думка, 1968. – С.11–45.
Solomonik E. I., Dombrovskij O. I. O lokalizacii strany Dori // Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma. – Kiev: Naukova dumka, 1968. – S.11–45.
110. Чемодуров Н. Н. Деятельность Тавро-скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху. – Т. 6. – Симферополь, 2020. – 260–283.
Chemodurov N. N. Deyatel'nost' Tavro-skifskoj ekspedicii: k 75-letiyu nauchnogo predpriyatiya // Krym v sarmatskuyu epohu. – T. 6. – Simferopol', 2020. – 260–283.
111. Шантырь С. Тайна Инкерманского могильника // Крымская правда. – 1953. – №10 (14 января).
Shantyry' S. Tajna Inkermanskogo mogil'nika // Krymskaya pravda. – 1953. – №10 (14 yanvarya).
112. Юрочкин В. Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // История и археология Крыма. – Симферополь. – Вып. IV. Симферополь, 2016. С. 187–204.
Yurochkin V. Yu. Sessii po istorii Kryma i stanovlenie arheologicheskoy nauki v poslevoennom Krymu // Istoriya i arheologiya Kryma. – Simferopol'. – Vyp. IV. Simferopol', 2016. –187–204.
113. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. – Симферополь: Сонат, 2017. – 495 с.
Yurochkin V. Yu. Gotskij vopros. – Simferopol': Sonat, 2017. – 495 s.
114. Юрочкин В. Ю. «Инкерман-48» или первые спасательные раскопки в послевоенном Крыму // V Bahchisarajskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Vejmarna. K 100-litiyu Bahchisarajskogo muzeya. Bahchisaraj 7–8 sent. 2017 g. Tez. dokl. i soobshchenij. Bahchisaraj, 2017. – С.16–17.
Yurochkin V. Yu. «Inkerman-48» ili pervye spasatel'nye raskopki v poslevoennom Krymu // V Bahchisarajskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Vejmarna. K 100-litiyu Bahchisarajskogo muzeya. Bahchisaraj 7-8 sentyabrya 2017 g. Tez. dokl. i soobshchenij. Bahchisaraj, 2017. – S.16–17.
115. Юрочкин В. Ю. П. Н. Шульц и П. Н. Третьяков: к истории несостоявшейся дискуссии о «крымских славянах» // История и археология Крыма. – Симферополь, 2019. – Вып. 9. – С. 238–248.

Yurochkin V. Yu. P. N. Shul'c i P. N. Tret'yakov: k istorii nesostoyavsheysya diskussii o «krymskikh slavyanah» // *Istoriya i arheologiya Kryma*. – Simferopol', 2019. – Vyp. 9. – S. 238–248.

116. Юрочкин В. Ю. Сектор истории и археологии КНИБ АН СССР и начало изучения партизанского движения в Крыму // *Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Военно-исторические чтения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2020. – С. 355–361.*

Yurochkin V. Yu. Sektor istorii i arheologii KNIB AN SSSR i nachalo izucheniya partizanskogo dvizheniya v Krymu // *Materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Voенно-istoricheskie chteniya. Simferopol': Biznes-Inform, 2020. – S. 355–361.*

117. Юрочкин В. Ю. «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983) // *Российская археология*. – 2021. – № 4. – С. 179–189.

Yurochkin V. Yu. «Slavyanskij vopros» i akademicheskaya arheologiya v poslevoennom Krymu. K 120-letiyu Pavla Nikolaevicha SHul'ca (1901–1983) // *Rossiyskaya arkheologiya*. – 2021. – № 4. – S. 179–189.

118. Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Инкерманское дело» Е.В. Веймарна: «славянский след» // *I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (5–7 сент. 2012 г.) – Бахчисарай, 2012. – С. 73–75.*

Yurochkin V. Yu., Emel'yanova N. S. «Inkermanskoe delo» E. V. Vejmarна: «slavyanskij sled» // *I Bahchisarajskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Vejmarна. Tezisy dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (5–7 senty. 2012 g.) – Bahchisaraj, 2012. – S. 73–75.*

119. Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // *Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев*. – СПб., 2017. – С. 157–231.

Yurochkin V. Yu., Majko V. V. Goty, skify, slavyane: etnicheskie kul'bity krymskoj arheologii poslevoennoj epohi // *Neizvestnye stranicy arheologii Kryma: ot neanderta'cev do genuezcev*. – SPb., 2017. – S. 157–231.

120. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // *МИА*. – 1970. – № 168. – 223 с.

Yakobson A. L. Rannesrednekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoj Tavriki // *MIA*. – 1970. – № 168. – 223 s.

Yurochkin V. Yu. From Inkerman to Mangup. To the 120th anniversary of E. V. Weimarn (1905–1990)

The article continues the research of the scientific activity of the Crimean Medieval archaeologist E. V. Weimarn (1905–1990). It examines the period of work at the Crimean Research Base (Crimean branch) USSR Academy of Sciences, and then at the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR between 1948–1975. His main area of scientific interest included the area of «cave towns» in Southwestern Crimea. The scientist explored a number of archaeological sites in the Inkerman Valley, the «cave cities» of Chufut-Kale and Mangup. Activities of E. V. Weimarn, especially in 1948–1953, took place in the conditions of various ideological companies that are associated with the ethnic history of the peninsula («Gothic» and «Slavic» issues, the fight against «Marrism», etc.). As a result, the scientist sought to refrain from sharp discussions, but several times found himself in the center of conflict situations. Thanks to E.V. Weimarn, the history of the principality of Feodoro on Mangup stood out in a special direction and went beyond the «Gothic question». The scientist introduced the annual practice of student historians of Simferopol State University participating in the expedition to Mangup, which has been preserved to this day. In addition, E. V. Weimarn became a pioneer in the field of «new-building» and «military» archaeology. The issue of E. V. Weimarn's scientific relations with another Crimean medievalist, O. I. Dombrovsky, is touched upon. When working on the article, numerous documents from the archive of the Institute of Archeology of the Crimea, which were not previously involved, were used.

Keywords: Crimea, E. V. Weimarn, O. I. Dombrovsky, Inkerman Valley, Chufut-Kale, Mangup, Crimean Research Base (Crimean branch) of the USSR Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. 1948–1975.

УДК 550.4+929+908

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-219-251

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И Н. А. ГОЛОВКИНСКИЙ: ЭПИЗОДЫ ТВОРЧЕСКИХ И ЖИЗНЕННЫХ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ¹

Янин Е. П.

*Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН
Москва, Российская Федерация
E-mail: yanin@geokhi.ru*

Восстановлена история знакомства и творческого общения В. И. Вернадского с Н. А. Головкинским – крупным русским геологом, талантливым педагогом, профессором Казанского и Новороссийского (Одесского) университетов, внесшего значительный вклад в развитие отечественной и мировой геологической мысли, геоморфологии и палеогеографии, гидрогеолога (в 1886–1897 гг.) Таврического губернского земства, обязанности которого он «исполнял с величайшим успехом и юношеским увлечением», став уже при жизни «лучшим знатоком водного дела в России» и «отцом гидрогеологии Крыма». Н. А. Головкинский, по мнению его современников, был человеком обширных познаний, тонкого гуманистического образования, с самобытным, глубоким умом, бескорыстным и скромным, строгим к себе и снисходительным к другим. В. И. Вернадский лично встретился с Н. А. Головкинским во время своего первого посещения (летом 1893 г.) Крыма, хотя уже был хорошо знаком с его научными работами и высоко оценивал некоторые из них. По словам В. И. Вернадского, Н. А. Головкинский – оригинально и самостоятельно мыслящий геолог – оказал на него большое влияние, а разговоры с ним очень много дали ему во время поездки в Крым в 1899 г. Особое внимание уделяется общению В. И. Вернадского с другими его и Н. А. Головкинского знакомыми – семьями Келлеров и Винбергов, И. М. Педдакасом, Н. А. Умовым, с которыми он еще ближе сошелся во время этого посещения Крыма. Подробно рассматривается история несостоявшегося конкурса на получение премии имени Н. А. Головкинского за лучшую работу по третичным отложениям Таврической губернии и их водоносности. Использование архивных материалов – дневника за 1893 г., воспоминаний и научных записей В. И. Вернадского, писем к нему Н. Е. Вернадской и др. – дали возможность не только уточнить, но и восстановить многие моменты его крымской поездки, а также восприятия им творчества Н. А. Головкинского. Впервые опубликованы два письма Н. А. Головкинского В. И. Вернадскому, которые позволяют узнать о научных, научно-организационных и общественно-политических вопросах, которые обсуждались ими во время их крымских бесед.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, Н. А. Головкинский, И. М. Педакас, Н. А. Умов, Крым, Карабах, Келлеры, Винберги, Таврическая губерния, земство, письма, гидрогеология

В июле 1893 г. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), в то время хранитель Минералогического кабинета и приват-доцент Московского университета, впервые приехал в Крым. В известной книжке указывается, что 19 июля 1893 г. он «прибыл пароходом из Новороссийска в Керчь, а 20 июля был уже в Ялте, откуда на лошадях добрался до Карабаха» [35, с. 17]. Сохранившиеся письма Вернадского жене, Наталье Егоровне, и имеющиеся архивные материалы позволяют уточнить его путь из Вернадовки (Тамбовская губерния), где он тогда находился, до Карабаха. В

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ГЕОХИ РАН (№ FMMZ-2024-0039).

частности, в письме от 15 июля 1893 г. к жене, уже отдыхавшей в Крыму, Вернадский сообщает, что собирается выехать в Крым «завтра» (т. е. 16 июля, это была пятница) или «послезавтра» (т. е. 17 июля, в субботу) [30, с. 55]. Он также пишет, что ему «очень хочется быть скорее» с женой и сыном, «но, очень может быть, я еще остановлюсь кое-где», планируя, в частности, ехать «более дальним путем», на Новороссийск, где постарается «осмотреть выходы нефти в Ильской станице» [30, с. 55]. Есть все основания считать, что желание поскорее увидеться с семьей перевесило, поскольку 19 июля Вернадский был уже в Керчи, о чем свидетельствует запись в его дневнике [8, л. 53 об.]. Вряд ли, даже выехав из Вернадовки 16 июля на Новороссийск и осмотрев его окрестности, он мог бы за столь короткий срок добраться до Керчи. Надо отметить, что еще 16 июня 1893 г. в письме жене из Вернадовки он сообщал: «совсем боюсь, что очень мало мне придется быть в Крыму, так как в Москве мне надо быть к 20 августа, а, думаю, следует даже неделей раньше, да и в августе следовало бы побывать в деревне. Поездку на Тамань, должно статься, придется отложить, так как едва ли успею» [30, с. 36].

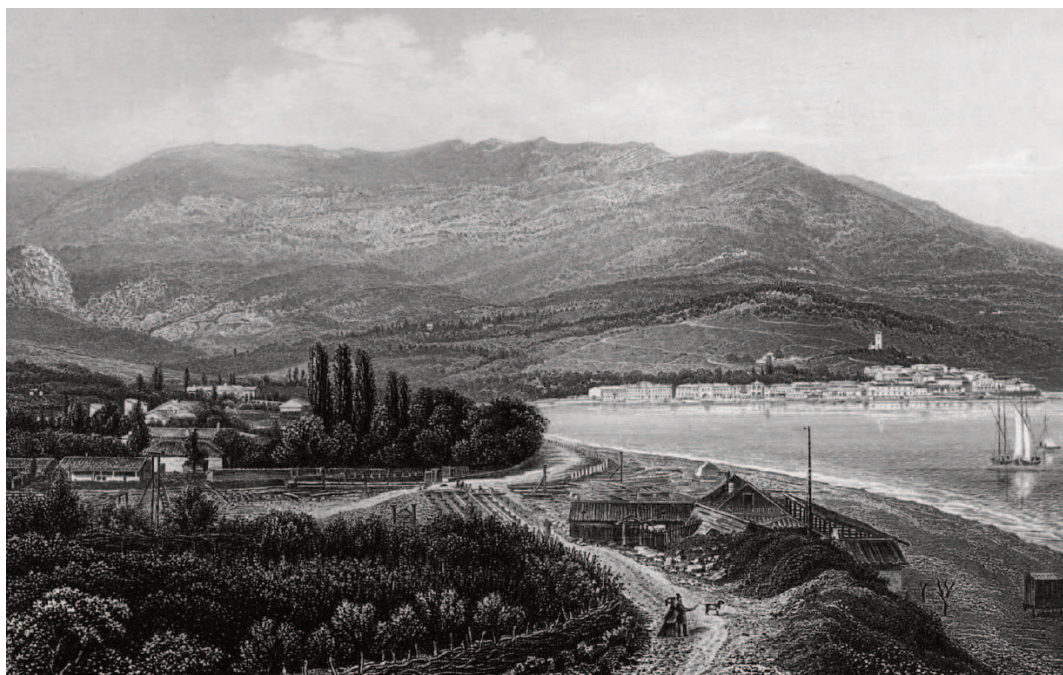

Керчь. Общий вид бухты. Старая фотография

В «Хронологии 1884–1943 гг.», составленной Н. Е. Вернадской, есть запись, что Владимир Иванович «приехал в Керчь через Таганрог», осматривал здесь музей, посетил Булганак и Царский Курган; сообщается также, что Вернадский «на Азовском море вынес большую качку» [11, л. 24], т. е. в Керчь он прибыл из Таганрога на пароходе. Из Керчи, также пароходом, Вернадский отправился в Ялту,

о чем свидетельствует помета в его дневнике: «Пароход между Керчью и Ялтой. 20 VII 93» [8, л. 58]. Судя по всему, в Ялте он посетил Никитский ботанический сад [11, л. 24]. Из Ялты Вернадский проследовал (очевидно, уже на лошадях) по адресу, указанному ему женой в письме: «Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, имение “Карабах”» [15, л. 10 об.]. Здесь в Карабахе (с 1948 г. пос. Бондаренково), в имении Келлеров, и находилась (с 29 мая 1893 г. [15, л. 21]) его семья – жена Наталья Егоровна и сын Георгий [9, л. 78]. Следующая запись в дневнике сделана Вернадским 22 июля 1893 г. уже в Карабахе [8, л. 58].

С 3 июня 1893 г. в Карабахе находились близкие друзья Вернадских – М. С. Гревс с дочерью и С. Ф. Ольденбург с сыном [15, л. 26]. Гревс (урожд. Зарудная) Мария Сергеевна (1860–1941) – двоюродная сестра Н. Е. Вернадской, выпускница Бестужевских высших женских курсов, жена Ивана Михайловича Гревса (1860–1941), известного историка, друга Вернадского со студенческих лет. Дочь – это Екатерина Ивановна Гревс (1887–1942), позже (в 1914 г.) она окончила консерваторию по классу фортепьяно, в 1917 г. – историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Петрограде, после 1917 г. работала библиотекарем, служащей в различных конторах, умерла в блокадном Ленинграде. Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) – историк, востоковед, впоследствии академик, друг Вернадского со студенческой поры, его сын – Сергей Сергеевич Ольденбург (1888–1940) – будущий историк, публицист.

Ялтинская бухта [5]

В Крыму В. И. Вернадский пробыл до 20-х чисел августа 1893 г., затем уехал в Полтаву, на экскурсию, где пробыл совсем недолго. Так, 17 августа 1893 г. запись в его дневнике сделана еще в Крыму [8, л. 61 об.], следующая, 24 августа 1893 г., уже в Полтаве [8, л. 63], а в письме жене от 28 августа он сообщает, что «сегодня ночью» уезжает в Москву [30, с. 57], следующее его письмо ей, написанное в Москве, датируется 31 августа 1893 г. [30].

Биюк-Ламбат [36]

Надо отметить, что интерес Вернадского к Крыму был давний. Еще в 1888 г. он подумывал переехать в Крым (из-за состояния здоровья жены) на постоянное жительство, о чем не раз писал ей в своих письмах. Например, в сентябре 1888 г., находясь в зарубежной командировке, он пишет Наталье Егоровне из Лондона: «мне представляется самым лучшим нам устроиться в Крыму» [29, с. 182]. 7 июня 1893 г. из Вернадовки, ей же: «Мне страшно хочется света, тепла – я мечтаю о юге, но когда-то попаду туда! Здесь среди холодов великорусской степи я исполняю все это устройство, и все помыслы мои идут лишь из чувства долга, нет сердца моего в этом. Как бы иначе, где-нибудь в Малороссии или еще лучше – еще южнее. Ты пишешь – нет исторических традиций в Крыму, но меня туда влечет в сильной степени моя любовь к греческой древности, к той эпохе, когда человеческая – и физическая и

духовная – личность достигала такой красоты. Здесь было влияние Милета, Афин, отсюда на границе с незатронутым еще наукой и философией северо-востоком проникала высшая форма человеческой культуры до Перми и до степей Восточной Азии. Я думаю об этом, и бессвязно хорошее чувство родится во мне, и я что-то переживаю» [30, с. 31]; 1 июля 1893 г., также из Вернадовки, пишет о своем желании «купит клочок земли в Крыму» [30, с. 49]. Как известно, это желание он смог осуществить только в 1912 г., когда, купив участок земли в урочище Батилиман, начал обустраивать свою крымскую дачу, о чем достаточно подробно рассказано в известной книге [35].

К этой, первой своей поездке в Крым В. И. Вернадский начал готовиться еще весной 1893 г., о чем свидетельствуют его записи в дневнике. Так, 18 апреля 1893 г. он отметил: «Читал о Крыме» [8, л. 49 об.], 29 апреля 1893 г. записал: «Частично читал для крымской поездки» [8, л. 50]; 1 мая 1893 г. – читал литературу по геологии и флоре Крыма [8, л. 50]. Об этом же он пишет в письмах жене: 16 мая 1893 г. из Москвы: «Читаю я много – главным образом по Крыму» [30, с. 17], 26 мая: «Читаю, главным образом готовлюсь к Крыму» [30, с. 22], 18 июня из Тамбова: «Я теперь кое-что читаю о Крыме» [30, с. 41]. Показательно, что В. И. Вернадский с 1886 г. был в хороших, доверительных отношениях с Константином Константиновичем Фохтом (1860–1920), впоследствии известным исследователем Крыма, который уже тогда интересовался геологией Крымского полуострова [102]. В частности, 30 марта 1887 г. на заседании Отделения геологии и минералогии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей Фохт сделал обширное сообщение о третичных отложениях юго-западного Крыма [94, с. 25], причем непосредственно перед ним со своим сообщением («Отчет о поездке в Рускеалу») выступил Вернадский [24]. Не исключено, что Фохт уже с этого времени был лично знаком с Н. А. Головкинским и рассказывал о нем Вернадскому.

Но именно в это – первое – посещение Крыма и состоялось личное знакомство В. И. Вернадского с Николаем Алексеевичем Головкинским (1834–1897) – замечательным русским геологом и педагогом, талантливым художником и поэтом, профессором Казанского университета (1869–1871), профессором (1871–1886), деканом физико-математического факультета (1875–1877) и ректором (1877–1881) Новороссийского (Одесского) университета, гидрогеологом – в 1886–1897 гг. – Таврического губернского земства [81]. К сожалению, как в указанной выше добротной биографии Головкинского [82], так и в самой известной биографии Вернадского [61] какие-либо сведения о жизненных и творческих пересечениях этих двух ученых отсутствуют; эпизодические сведения о их общении имеются в статье Н. В. Бобкова и его соавторов [20]. В литературе (см., например, [34; 35; 51]) обычно лишь приводится (нередко не совсем точно и с неправильным указанием страницы первоисточника) фрагмент воспоминаний Вернадского о Головкинском из «Главнейших биографических дат», вошедший в книгу «Страницы автобиографии В. И. Вернадского», опубликованную в 1981 г. [91, с. 179]. Нет упоминаний о его встречах с Вернадским и в публикациях, посвященных «крымскому периоду жизни

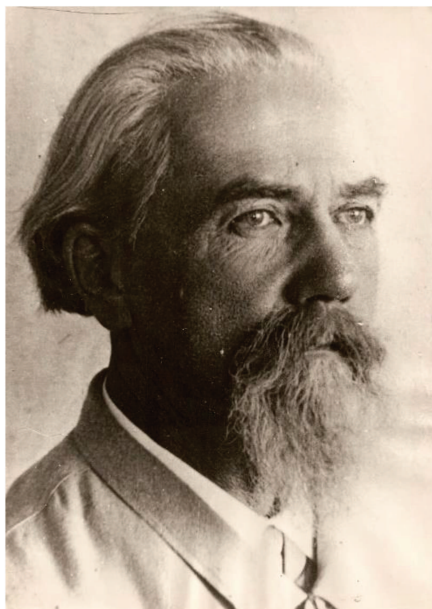
Головкинского» (см., например, [1]). В предлагаемом сообщении предпринята попытка хоть как-то восполнить этот пробел.

Прежде всего, напомним, что своей деятельностью в Крыму в качестве земского гидрогеолога Н. А. Головкинский, которого уже при жизни называли лучшим знатоком водного дела в России и «отцом гидрогеологии Крыма» [67], оставил большой след в истории этого уникального края. По мнению известного историка геологии Д. И. Гордеева (1903–1981), именно благодаря деятельности Н. А. Головкинского Таврическое земство заняло первое место в России по успехам гидрогеологического изучения своей территории и решению в связи с этим задач водоснабжения [47]. Между прочим, еще в 1880 г. Головкинским были произведены разведки на каменный уголь в районе Балаклавы в урочище Мегало-Яло, в ходе которых он впервые дал описание Балаклавского проявления гагата (разновидности лигнита, ископаемого угля черного цвета) [43]. Как отметил С. П. Попов, именно Головкинский дал «ряд указаний на месторождения минералов, о которых он упоминает в своих геологических описаниях» [69, с. 11]. По мнению близкого друга Головкинского, профессора и декана факультета физико-математических наук Варшавского университета, петрографа и минералога, члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук (с 1896 г.), крымчанина А. Е. Лагорио (1852–1944), «трудно сказать, что было более плодотворно, его ли академическая деятельность как профессора или, во второй период его жизни, эта деятельность во время служения им земству и в его лице всему краю» [58, с. 143]. Действительно, авторитет Головкинского в области гидрогеологии Крыма был чрезвычайно высок. Недаром, в «Новороссийском календаре на 1891 год» была опубликована его крупная статья «Артезианские колодцы Таврической губернии», содержание которой выходит за рамки заявленной темы и которая и сейчас читается с большим интересом [44]. Статья свидетельствует о прекрасном знании ее автора предмета своих исследований, в ней приводится немало любопытных исторических сведений, она содержит несколько оригинальных рисунков. К статье приложен список артезианских скважин Таврической губернии (с их краткой характеристикой) и цветная схема геологической карты Таврической губернии. Известно, что наследники профессора Головкинского в свое время передали в Естественно-исторический музей Таврического губернского земства его геологическую библиотеку (907 книг) и собранную им коллекцию минералов и окаменелостей [65]. Надо заметить, что на заседании Таврического земского собрания 12 января 1910 г. было с сожалением указано, что библиотека, подаренная Головкинским, лежит «где-то под верстаками» [93].

К сказанному выше следует добавить, что во время Крымской войны Николай Головкинский доблестно служил в сводном Уланском полку, был награжден памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте и вышел в отставку в чине поручика.

Профессор Новороссийского университета А. А. Браунер (1857–1941), в 1876–1881 гг. учившийся на естественном отделении физико-математического факультета, называет Головкинского прекрасным лектором и особо отмечает его чуткое и

сердечное отношение к студентам [22]. Бывший студент Головкинского, затем его ассистент, потом заместитель и преемник по кафедре минералогии Р. А. Прендель (1851–1904) писал о своем учителе: «Простота и ясность изложения, широта и убежденность во взглядах, им излагаемых, замечательная красота слога и обработанность лекций составляли отличительную черту его чтений. Понятно, что он сразу завоевал умы и сердца слушателей, отсюда тот громадный успех, которым он пользовался среди студентов» [70, с. 11].

Н. А. Головкинский [62]

По мнению А. Е. Лагорио, из беседы с Головкинским «можно было всегда вынести какую-нибудь новую мысль, оригинальное воззрение; она никогда не проходила без пользы и бесследно. Этот человек обширных познаний, тонкого гуманистического образования, с самобытным, глубоким умом, с душою артиста, относившийся всегда строго-критически к окружающим его явлениям, был в то же время скромн и строг к себе, совершенно бескорыстен и чрезвычайно доверчив и снисходителен к другим. Его светлый облик навсегда оставит в сердцах тех, кто его знал, отрадное и благодарное воспоминание» [58, с. 147]. Как сказано в некрологе Головкинского, прочитанного 23 сентября 1897 г. доктором Н. Н. Вакуловским (1852–1918) на заседании С.-Петербургского минералогического общества, «все сталкивавшиеся в жизни с Н. А. знают хорошо, какое чарующее впечатление он оставлял при ближайшем с ним знакомстве» [23, с. 51].

В. И. Вернадский также не забыл свою первую встречу с Н. А. Головкинским и впоследствии вспоминал его в своих дневниковых записях. Надо отметить, что уже до их личной встречи Вернадский был хорошо знаком с научным творчеством Головкинского. Точно известно, что он, еще в начале своей научной деятельности, проштудировал «Руководство к геологии» Чарльза Лайеля, переведенное на русский язык и значительно дополненное Головкинским [84; 85]. В рабочих бумагах Вернадского за 1885–1886 гг. есть выписки из второго тома указанного издания книги [7, л. 4]. Среди записей и заметок Вернадского по геологии и минералогии 1886 года имеется выписка из работы Головкинского [43] о нахождении лигнита (гагата) в Крыму в окрестностях Балаклавы [6, л. 9]. Вернадский был также знаком с магистерской [39] и докторской [40, 41] (запись об этой работе есть в бумагах Вернадского за 1885–1886 гг. [7, л. 91]) диссертациями Головкинского. Естественно, что работы «старых» геологов Вернадский воспринимал несколько критически. Так, 10 октября 1890 г. он записал в своем дневнике: «Читая иные раб[оты] 60-х годов – с трудом их понимаешь, как с трудом понятны теоретические рассуждения

флогистоников – таково впечатленье] работ Лаврова, Головкинского и т. п.» [8, л. 8 об.]. Тем не менее 30 сентября 1890 г. Вернадский отметил в своем дневнике: «Прочел вчера Головкинского: “О кремнек[ислых] соедин[ениях]” (“Зап[иски]

*В. И. Вернадский, фотография
около 1895 г. [12, л. 2]*

Казанск[ого] Универс[итета]”, 1861 [год] – типическая статья для [18]60-х годов в России, и хотя кажется она иногда смешной, невыдержанной, легкомысленной – много в ней живого, молодого – задорного» [8, л. 4 об.]. В данном случае речь идет о работе (кандидатской диссертации Головкинского) [37], на которую есть ссылка в магистерской диссертации Вернадского [25, с. 10]. Вернадский не забыл упомянуть Головкинского и в своей «Истории природных вод»: «В конце XIX, в начале XX столетия началось изучение почвенной росы – паров почвенного и подземного воздуха – частью в связи с изучением механизма наземной росы, частью в связи с влажностью почвы (русские исследователи – Головкинский, Измаильский и др.)» [27, с. 251].

Напомним, что именно Головкинский впервые в мировой геологической литературе ввел четкое представление о колебательных движениях земной коры, разработал метод

выявления их в разрезе осадочных пород, установил зависимость формирования слоев от передвижения береговой линии («фациальный закон Головкинского»), доказал связь речных террас и современных геоморфологических форм с вертикальными движениями земной коры. Именно Головкинский ввел в русскую литературу понятие «фация» и представление о геологическом горизонте, а также (в 1871 г.) термин «палеогеография», обозначив им новую научную дисциплину. Он – автор конденсационной гипотезы образования грунтовых вод и основоположник научно обоснованной стратегии поиска глубокозалегающих артезианских вод, первым в России выдвинул идею организации «артезианских обсерваторий», т. е., в современной терминологии, стационарных режимных гидрогеологических станций, сам организовал первую такую станцию в г. Саки. Головкинский – автор стратификационно-тектонической гипотезы асимметрии речных долин и «правил» формирования речных террас. Работы Головкинского в указанных выше областях получили высокую оценку [3; 4; 53; 57; 79; 80; 82; 83; 89; 90]. Между прочим, для знаменитого Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона он подготовил порядка 40 статей крымской тематики, в том числе крупную статью о Крымском полуострове.

Есть все основания полагать, что не могли пройти мимо Вернадского и слова Головкинского, произнесенные им в публичной лекции (прочтенной 6-го декабря

1875 года в пользу славян, пострадавших при восстании в Герцоговине), в которой он попытался, в частности, ответить на вопрос, каковы последствия взаимоотношения человеческого общества и окружающей среды: человек (как «вершинная почка органической жизни») «захватил огромное количество сил природы и употребляет их как свою личную силу и для защиты и для нападения: камни и металлы, вода и воздух, растения и животные – все служит ему и как сила и как материя. Но несмотря на то, что одержана решительная победы над всеми другими организмами, обеспечена личная безопасность и спокойное существование, человек продолжает захват внешних сил с возрастающей энергией; он истребляет не только враждебное, но и все то, что хотя и безвредно, но от него независимо и свободно: уже на сотнях тысяч квадратных верст леса и луга диких растений и стада диких животных вытеснены культурными; человек регулирует текущие воды, прорывает горы и перешейки. И каждый новый акт его деятельности увеличивает запас сил, которыми он располагает. Куда же и каким образом будет направлен этот новый вид силы? Или – какой смысл имеет явление, известное под именем цивилизация?» [42, с. 127–128]. Не менее любопытны следующие слова Головкинского: «Если я пожелаю узнать, содержится ли в морской воде, в растворе, серебро, то обыкновенный химический анализ, как бы тщательно я его не сделал, дает отрицательный результат, тогда как анализ некоторых кораллов дает вполне ясно весомое количество названного металла: полип, скелет которого мы называем кораллом, пропускает через себя, в течение своей долгой жизни, громадное количество морской воды, недоступное нам при лабораторном анализе, и концентрирует в себе крайне разреженные частицы серебра» [42, с. 106]. Замечательны его мысли о роли воды для развития органической жизни на Земле и утверждение о том, что «без воды органическая жизнь на земле немыслима» [42, с. 36]. Все эти высказывания и утверждения Головкинского в той или иной мере нашли отражение и в научном творчестве Вернадского, а сформулированному Головкинским принципу, что «не следует писать или, по крайней мере, давать читать другим, пока не прочтешь все, что было написано об этом предмете замечательного» [81, с. 122–123], Вернадский следовал всю свою творческую жизнь.

Любопытно, что в отчете о помощи голодавшим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии в 1891–1892 г. в списке лиц, от которых получены пожертвования, указана «г-жа Головкинская – 10 рублей» [87]. Не исключено, что в данном случае речь может идти о жене Головкинского (Ольге Ивановне, урожд. Аксептович) или, например, о его старшей дочери Ольге Николаевне Головкинской (род. в 1859 г.), которая в то время была классной надзирательницей Одесской городской 2-й женской гимназии.

Большой интерес представляют письма Н. Е. Вернадской, написанные ей в то время Вернадскому из Крыма. Так, 29 мая 1893 г., уже после приезда в Карабах, она пишет ему: «Нас тут встретили очень дружелюбно и хорошо. Местность восхитительная. <...> Как чудно красива крымская природа... небо, море, очертания гор, все это напоминает Италию» [15, л. 21–22], 5 июня: «Нам здесь замечательно хорошо. И место и люди очаровательные. Мать Келлеров прелестная женщина, также

их сестра и младший брат. Особенно же меня привлекает к себе и интересуется Лев Вас[ильевич]. Очень я бы хотела, что он поселился в Москве. <...> Это чистый и необыкновенно полно живущий идеей человек!» [15, л. 29]. Льва Келлера она не раз упоминает в своих письмах Вернадскому. Так, 6 июня: «Все тебя ждут... Лев Вас[ильевич] может тебя познакомить с геологом Головкинским, по-видимому, очень интересным человеком, нашим соседом. Я читаю теперь его драму в рукописи, по рекомендации Л[ьва] Вас[ильевича]» [15, л. 32]. (Между прочим, есть упоминания о публикации Головкинским научно-фантастического рассказа на геологическую тематику под заголовком «Из мрака морей и времен» в журнале «Мир» в 1881 г. и подписанном псевдонимом «Н. Томский» [60; 63].)

Н. Е. Вернадская с сыном Георгием

С Львом Келлером, который, со слов Н. Е. Вернадской, и познакомил Вернадского с Головкинским, Владимир Иванович близко дружил с университетских времен. Это был, по словам Вернадского, «большой чудака и крупный ум, <...>, мой большой друг» [101, с. 195–196]. Лев Васильевич Келлер (1863–1939) – математик, гидромеханик, метеоролог, доктор физико-математических наук, профессор Главной геофизической обсерватории; автор трудов по гидромеханике и динамической

метеорологии. Окончил Симферопольскую гимназию (1880) и математическое отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета (1884, со степенью кандидата), здесь же работал хранителем кабинета практической механики (в 1888 г. уволен, согласно прошению, от этой должности). Жил в Крыму, занимался виноградарством, затем стажировался в Берлине (1893–1894), где посещал лекции в Берлинском университете. Работал в области земской статистики в Мелитопольском уезде (1896–1899), с 1900 г. – в Петербурге в Управлении делами железнодорожного пенсионного комитета Министерства путей сообщения. После Великой Октябрьской революции некоторое время служил в Комиссариате по делам страхования. Вернувшись по семейным обстоятельствам в Крым, работал (с 1921 г.) на кафедре математики Крымского университета в Симферополе. В 1923 г. приглашен на работу в Главную геофизическую обсерваторию в Отдел теоретической метеорологии (Петроград), в 1925 г. возглавил указанный Отдел, переименованный позже в Институт теоретической метеорологии. В 1933 г. по личной просьбе освобожден от обязанностей директора Института, но продолжал работать в нем до самой своей смерти. Сохранились пять его писем (первое датируется 29 февраля 1892 г., последнее – 15 сентября 1921 г.) к Вернадскому [18].

Несколько слов об упомянутых Н. Е. Вернадской «матери, сестре и младшем брате» Келлерах. «Мать» – это Александра Петровна, в девичестве Кеппен (1831–1911) – старшая дочь П. И. Кеппена (1793–1864), известного русского ученого, академика (с 1843 г.) Санкт-Петербургской академии наук, с 1859 г. жила в Карабахе, унаследовала большую часть имения Карабах, жена Василия Федоровича Келлера (1822–1887), директора Императорского Никитского ботанического сада (1860–1865). По воспоминаниям современницы, Александра Петровна «обладала прекрасным голосом и чудесно пела» [99, с. 346]. «Сестра» – Нина Васильевна Келлер (1870–?), получила медицинское образование, после чего была направлена фельдшером в одну из больниц Москвы. По возвращении в Карабах работала в Ялтинской городской больнице. В 1928 г. выселена из имения и жила в деревне Корбек (ныне – село Изобильное, около Алушты). Ее муж – М. М. Москвин, врач [86]. «Младший брат» – это Максим Васильевич Келлер (1874–1964), учился в С.-Петербургском университете, из которого был исключен в 1894 г. из-за участия в деятельности общества «Народная воля». До 1905 г. находился в ссылке и на поселении в Архангельской губернии. Член Петроградской городской управы в 1917 г. [86].

Из письма Н. Е. Вернадской от 10 июня: «Сегодня мы все вместе были у Винбергов... К ним приехал Чехов, проводящий лето с семьей в Ялте по случаю нездоровья своей дочери...» [15, л. 35 об.].

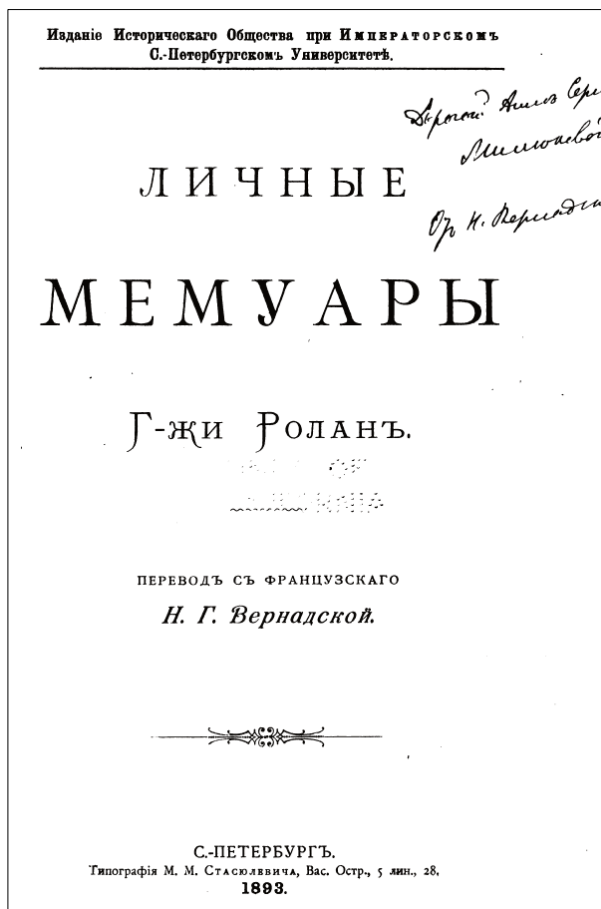
Глава семейства Винбергов – Владимир Карлович Винберг (1836–1922) – давний близкий знакомый Вернадского, выпускник Лесного и Межевого институтов, участвовал в Севастопольской военной кампании, в 1856–1863 гг. был военным лесничим, штабс-капитан в отставке, земский деятель, избирался гласным Ялтинского уезда, членом и председателем Ялтинской уездной земской управы и гласным Таврического губернского собрания, мировым судьей Ялтинского уезда (не

утвержден Сенатом), председателем Таврической губернской земской управы, был депутатом Государственной думы 4 созыва от Таврической губернии, входил в Конституционно-демократическую партию, член Петербургского комитета грамотности (с 1887), когда, очевидно, и познакомился с Вернадским; с 1916 г. член Таврической ученой архивной комиссии, арестован в 1921 г. и умер в заключении от сыпного тифа. Он отец Лидии Владимировны Клейбер (?–1918) – жены рано умершего близкого друга Вернадского Иосифа Андреевича Клейбера (1863–1892), талантливого астронома, математика, социолога, специалиста по теории вероятностей (см. [101, с. 61–72, там же воспоминания о нем Вернадского, с. 153–164). Вернадский поддерживал с семьей Клейбера очень теплые отношения, помогал вдове и дочери – Нине Иосифовне Клейбер (~1891–1912?) – слушательнице историко-философского факультета Московских высших женских курсов. Показательно, что еще в 1888 г. Вернадский, находясь в зарубежной командировке в Германии (в Мюнхене), 7 мая написал письмо В. К. Винбергу и 18 мая получил от него ответ [13, л. 34].

Упомянутый Н. Е. Вернадской Чехов – это Николай Владимирович Чехов (1865–1947) – ученый и педагог, деятель образования и истории педагогики, доктор педагогических наук, один из членов-учредителей и действительный член Академии педагогических наук РСФСР (1944), профессор педагогического факультета 2-го МГУ, заслуженный деятель науки РСФСР (1940). В то время заведующий училищами Богородицкого земства Тульской губернии. В архиве Вернадского отложились два его письма, датируемые 1894 г., в одном из которых Чехов просит Вернадского помочь занять ему «где-нибудь 300 р[ублей]» для того, чтобы его семья «могла прожить в Ялте до мая» [14]. Дальний родственник А. П. Чехова (см. [56]).

24 июня Вернадская пишет Владимиру Ивановичу из Карабаха: «Я рада, что я пожила с Келлерами, которых всех полюбила, особенно Льв[а] Вас[ильевича] <...> ... Да и все очень прелестные, такие глубокие, сердечные...» [15, л. 44 об.].

Очень любопытно письмо Н. Е. Вернадской от 30 июня, в котором она сообщает мужу, что ««занята то переводом, то детьми <...>. Мой перевод быстро движется вперед. Осталось всего 20 стр[аниц] и затем придется перечитать всю третью часть и кое-где поправить» [15, л. 51 об.–52]. В данном случае речь идет о переводе мемуаров французской писательницы Манон Ролан (1754–1793), который был издан в конце 1893 г. по постановлению Комитета Исторического общества при С.-Петербургском университете от 20 декабря 1893 г. [59], председателем этого Общества был Николай Иванович Кареев (1850–1931) – известный историк, философ, социолог и педагог, член-корреспондент С.-Петербургской академии наук (1910), почетный член Академии наук СССР (1929). В своих письмах Вернадская упоминает указанные мемуары и Петербургское историческое общество, а 8 июля пишет, что закончила перевод, еще раз пересмотрит его и отправит Сергею [15, л. 57], т. е. С. Ф. Ольденбургу, который был одним из членов-учредителей указанного Исторического общества, созданного в 1889 г.

Титульный лист книги, которую Н. Е. Вернадская переводила в Карабахе летом 1893 г., с дарственной надписью Анне Сергеевне Миллюковой (1861–1935), жене Павла Николаевича Миллюкова (1859–1943), историка, публициста, лидера Конституционно-демократической партии, министра иностранных дел Временного правительства в 1917 г.

30 ноября 1942 г., находясь в Боровом, Вернадский записал в «Хронологии 1900 года»: «Мне кажется, в 1900 году скончался в свое имении в Крыму в “профессорском уголке”, мне кажется, около Ай-Тодор (?), бывший профессор Новоросс[ийского] университета Никол[ай] Алексеев[ич] Головкинский. Я был у него раз или два и до сих пор помню. Мне кажется, я был у него раз или два пешком из Биюк-Ламбата. Очень интересный разговор и о Крыме и о геологии. Я читал его курс геологии. Был, кажется, с В. Келлером. У него <т. е. у Головкинского> был Педдакас. Интересный разговор об осаждении вод над Феодосией из воздуха – вопрос и до сих пор спорный

и научно плохо выясненный, о собирании и сохранении капельно-жидкой воды из паров воздуха в кучах камней = приписывалось “генуэзцам”. Головкинский по сравнению с Иностранцевым и Докучаевым казался более европейцем. В земской жизни Крыма он играл большую роль. 33е губ[ернское] земское собр[ание] учредило при Общ[еств]е исп[ытателей] природы премию имени гидрогеолога Н. А. Головкинского в 500 р[ублей] за лучшую работу по геологии и гидрогеологии Тавр[ической] губ[ернии]. Срок I.XII 1901. (Bull. Soc. Nat. V. 1900, № 3. Прот. 55)» [10, л. 9 об., л. 45 об.].

Вспоминает Вернадский о встрече с Головкинским в Крыму в «Хронологии 1941 г.» [33, с. 144] и в «Хронологии 1942 г.» [33, с. 356]. В «Главнейших биографических датах», записанных со слов Вернадского его секретарем А. Д. Шаховской в 1943 г., под 1900 г. указано: «Умер в своем имении в Крыму, в “профессорском уголке”, бывший много лет в отставке профессор Новороссийского ун-та в Одессе Н. А. Головкинский, оригинально, самостоятельно мысливший геолог, оказавший на меня большое влияние. Разговоры с ним и знакомство с его недоконченными лекциями мне в свое время много дали в 1899 г. Одна из тем, которую он впервые передо мной поставил, – вопрос о конденсации воды из паров воздуха кучами камней. Эти кучи камней приписывались генуэзцам. По сравнению с Докучаевым и Иностранцевым Головкинский казался мне более европейским исследователем с широким кругозором. В земской жизни Крыма он играл большую роль и был земским гидрологом» [37, л. 58].

Несколько замечаний к этим воспоминаниям Вернадского. Прежде всего, он явно запямятовал, говоря о том, что был у Головкинского, «кажется, с В. Келлером». Как было отмечено выше, с Головкинским его познакомил Лев Келлер – старший брат Владимира Васильевича Келлера (с ним Вернадский действительно был близко знаком). В. В. Келлер (1867–1940) – юрист по образованию, крупный крымский землевладелец, винодел, виноторговец, производитель качественного табака, с 1893 г. (?) вплоть до 1920 г. жил в Крыму, в своем имении Карабах. Он участник борьбы с голодом в Моршанском уезде Тамбовской губернии (в 1891–1892 гг.); гласный Таврической губернской земской управы. Инициатор строительства (1896) и попечитель земского училища в Биюк-Ламбате, а также проведения телефонной линии через свое имение из Ялты в Алушту (расходы на ее доведение до Карабаха оплачивал сам). Нередко упоминается «на крымских страницах» дневника Вернадского за 1920 г., затем (по данным [96]) эмигрировал в Германию.

Сохранились 33 письма В. В. Келлера к Вернадскому [17], причем 32 из них написаны в основном из Вернадовки (некоторые из Моршанска) в период с 17 декабря 1891 г. по 14 апреля 1892 г., когда В. В. Келлер активно участвовал в борьбе с голодом; последнее письмо датируется 8 сентября 1893 г. – из Карабаха, в нем он сообщает Вернадскому об отъезде Н. Е. Вернадской в Полтаву. Не исключено, что именно в 1892 г. В. В. Келлер и пригласил Вернадского с семьей посетить Крым. Кстати, свои письма жене в Крым Вернадский направлял по адресу: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма. Владимиру Васильевичу Келлеру, с просьбой передать Н. Е. Вернадской [30].

Тем не менее дружбы (в настоящем смысле этого слова) между ними не было, они были добрыми знакомыми; после 1893 г., насколько известно, не переписывались, а общались, судя по всему, через общих знакомых. Например, 9 августа/27 июля 1908 г. из Лондона Вернадский пишет жене: «Здесь встретился с Владимиром Васильевичем Келлером. Он делал поездку на Скандинавский полуостров и теперь возвращается в Карабах. Очень было приятно его видеть» [32, с. 256].

Упомянутый Вернадским Педдакас – это Педдакас (Иоганнес Паддакас) Иван Мартынович (1861–1941), который вполне заслуживает о себе самостоятельного очерка. Здесь же лишь укажем, что родился он в местечке Эрвита Эстляндской губернии (ныне Эстония) в семье мещан лютеранского исповедания [78]. Затем его семья переехала на жительство в Таврическую губернию, где он окончил (с золотой медалью) гимназию в Симферополе, в 1884 г. был зачислен студентом на первый курс естественного отделения физико-математического факультета С.-Петербургского университета. На четвертом курсе в декабре 1887 г. был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках. Осенью 1888 г. ему разрешили сдачу окончательного экзамена экстерном, в мае 1889 г. он получил свидетельство, что выдержал устное испытание на степень кандидата, в июне 1890 г., проживая в Гурзуфе Таврической губернии, Педдакас подал прошение на подготовку кандидатской диссертации (ботанической тематики), которая была одобрена профессором ботаники А. Н. Бекетовым (1825–1902). 16 марта 1891 г. Педдакасу выдается диплом об окончании университета, в котором указано, что 24 сентября 1890 г. он утвержден в степени кандидата естественных наук. В то время Педдакас проживал в Биюк-Ламбате, где познакомился с Н. А. Головкинским и вскоре стал его ближайшим помощником в гидрогеологических изысканиях, проводимых Таврическим земством. С 1899 г. Педдакас числился в штате Управления земледелия и государственных имуществ Таврической и Екатеринославской губерний при Главном управлении землеустройства и земледелия. К 1912 г. он – коллежский асессор, гласный Алуштинской городской думы. В 1913–1914 гг. – как старший техник Отдела земельных улучшений – занимался изысканиями при подготовке проекта каптирования источника на новом Романовском шоссе в урочище «Царская кухня» Никитской казенной лесной дачи. Проживая в Профессорском уголке в урочище Баар-Дере, он хорошо знал окрестные родники и привлекался местными дачевладельцами к гидротехническим изысканиям и проектам. Сведений о его деятельности после 1917 г. немного. Так, в 1925–1926 гг. И. М. Педдакас упоминается на страницах издаваемого Российским обществом по изучению Крыма (РОПИК) журнала «Крым». В частности, сообщается, что в июле 1924 г. в г. Алуште организовалось музейное бюро (точнее, инициативная группа по организации Алуштинского музея), в которое вошел «гидрогеолог И. М. Педдакас» [88, с. 64]. В 1926 г. указана информация о том, что «каптаж источника Пичхи (Бурун-Кая) был произведен гидрогеологом И. М. Педдакасом под руководством проф. В. А. Обручева» [77, с. 42]. Сохранились два письма (за 1931 г.) Педдакаса Вернадскому [19], из которых следует, что он находится в очень тяжелых

материальных условиях и работает ночным сторожем в санатории «Металлист», «а днем приходится подметать двор, улицу и чистить отхожие места, а жена моя состоит уборщицей у металл[истов] же» [19, л. 3 об.]. Опубликовано любопытное письмо И. М. Педдакаса Сталину [48]. Между прочим, в упомянутом выше отчете о помощи голодавшим некоторым местностям Моршанского и Кирсановского уездов, Тамбовской губернии, в 1891–92 г., в списке лиц, от которых получены пожертвования, указан – перед госпожой Головкинской – и «И. М. Педдакс – 25 рублей» [87].

Вернадский запомнил знакомство с Педдакасом, о чем отметил в «Хронологии 1941 г.»: «В июне, или июле 1941 умер *Иван Мартынович Педдакас* в Крыму. Я встречал его у *Головкинского* в дни моей молодости. <...> Это был человек одной идеи – выяснение <роли> куч камней – как собирателей росы – генуэзцами или более ранними <обитателями Крыма> (Узкое. 21. X. 1943)» [33, с. 144]. Есть сведения, что И. М. Педдакас умер 19 мая 1941 года в Алуште, место его захоронения неизвестно [78].

Сообщая о своих «разговорах» с Головкинским и о его «недоконченных лекциях», которые в 1899 г. ему «много дали», Вернадский, возможно, имеет в виду свою научную поездку летом указанного года в Крым, а относительно «недоконченных лекций» Головкинского – можно предположить, что речь идет о какой-то работе последнего, с которой Вернадский мог ознакомиться в рукописи во время своего первого посещения Крыма, либо он имеет в виду курс лекций Головкинского («Записки по минералогии»), изданный литографированным способом в 1879 г. в Одессе.

Изучение росы – как составной части атмосферной воды – с давних пор привлекало внимание человека [100; 103]. Конденсация играет существенную роль в водном балансе Горного Крыма. Это определило тот факт, что атмосферная влага, осаждающаяся на земной поверхности (на скалах) в виде росы, использовалась для водоснабжения средневековых городов Крыма [52]. Есть сведения, согласно которым, постоянно возобновляемый водяной пар атмосферы обеспечивал водой поселения древних греков (генуэзцев) на побережье Черного моря еще 25 веков назад [97].

Крымские встречи и беседы (а их явно было несколько) с Головкинским нашли отражение и в дневнике Вернадского. Так, в Карабахе, 2 августа 1893 г., Вернадский записал: «Вчера разговор с Голов[кинским] о кристал[ографии] перевели на основные метафизические вопросы. Любоп[ытно] здесь возрождение к интер[есу] к чисто политич[еским] вопр[осам] – хотя в общем среди реакции иногда страшно. А чувство рабства давит и гнетет. Теперь новые появляются “реформы”. Скоро суд станет привилегией немногих. Разрушение суда для народа кажется мне является одной из характерн[ых] черт царя Александра III. Как выразился один моршанский крест[ьянин] о Тамб[овском] земск[ом] нач[альнике]: “Теперь нет суда, а есть начальники”» [8, л. 59]. Запись в дневнике 3 августа 1893 г.: «Читал Головкинского об артезианских колодцах Крыма и о Чатырдаге» [8, л. 59]. В данном случае речь идет о работах Головкинского [44] и [45].

Алуита и гора Кабель [36]

Еще одна запись Вернадского в дневнике, 10 августа 1893 г.: «Познакомился у Головкинского с Умовым» [8, л. 50].

Головкинский дружил с Умовым еще со времен совместной работы в Новороссийском университете. Николай Алексеевич Умов (1846–1915) – известный физик, педагог, научно-общественный деятель, основатель учения о движении энергии, экстраординарный (1875) и ординарный (1880) профессор Новороссийского университета, профессор (1893–1911) и заведующий кафедрой физики и физическим кабинетом (с 1896 г.) Московского университета; редактор журнала «Научное слово» (1903–1906) и журнала «Временник» Общества им. Х. С. Леденцова (1910–1914); один из организаторов в Москве Общества по распространению технических знаний, Педагогического общества при Московском университете и «Общества Московского научного института»; почетный член (с 1906) и президент (1897–1914) Московского общества испытателей природы, в 1911 г. в знак протеста против реакционной политики Министерства народного просвещения в числе большой группы профессоров и преподавателей (среди которых был и Вернадский) покинул Московский университет. Их знакомство в Крыму, невольным посредником которого стал Головкинский, практически сразу же переросло в тесное творческое общение и

имело большое значение для В. И. Вернадского, поскольку философско-мировоззренческая концепция Н. А. Умова была ему очень близка (см., например, [66]). Позже Вернадский писал, что «крупный русский мыслитель физик Н. А. Умов в широких, красивых образах дал нам цельную оригинальную картину мироздания» [28, с. 54].

Дом Максима Васильевича Келлера в имении Карабах, постройки 1880-х годов. Фото 1935 г. Есть сведения, что именно в этом доме жили Вернадские во время первого посещения Крыма

Это (первое) посещение Крыма, судя по всему, многое дало Вернадскому. Так, 24 августа 1893 г. уже в Полтаве он записал в дневнике: «Очень многое хочется записать из крымских набросков и наблюдений и я вообще начинаю ясно сознавать, как много может быть полезна такая записная тетрадь: привыкаешь и мысль яснее и точнее определять и вспоминаешь, перечитывая многое старое: и мысли и впечатления и лица. Очень много может дать наблюдение семейной жизни, нам много дает наблюдение и размышление над житейскими мелкими фактами. Я начинаю видеть некоторые новые стороны семейной жизни, хотя в общем очень сильно и пожалуй прочнее сомневаюсь в постоянстве и силе семьи. Семьи Келлеров и Винбергов, с которыми теперь ближе сошлись, представляют из себя совершенно особые явления в русской жизни. На них можно изучать больше то, как в сущности

строится современное русское общество. По крови в них нет ничего не только русского, но даже славянского. По духу это одни из самых симпатичных и красивых проявлений нашей общественной жизни. Келлеры по матери внуки довольно известного ученого и деятеля первой половины нашего столетия П. И. Кеппена...» [8, л. 63–63 об.]. В этот же день в письме жене из Полтавы он вновь упоминает о своем желании купить землю в Крыму [30, с. 56], а 31 августа 1893 г., уже находясь в Москве, он пишет, что «все более и более» мечтает о Крыме, все более склоняется к покупке здесь земли [30, с. 58].

Показательны также письма Н. Е. Вернадской, написанные Вернадскому после его отъезда в Полтаву. Так, 28 августа она пишет из Карабаха: «Лев Вас[ильевич] <Келлер> тебе достал камней, он целый день пропадает с Максом <Келлером> для этого, притащили целый мешок. Я уже их завернула. Скоро вышлю ящик» [15, л. 84]. Из письма ее перед самым отъездом из Карабаха в Полтаву, 6 сентября: «Посылаю тебе накладную на мой багаж и 2 ящика твоих камней. Беру тебе еще один камень от Головкинского» [15, л. 90]. Любопытный факт – судя по всему, в коллекции Минералогического кабинета Московского университета, по крайней мере, во времена Вернадского имелись образцы крымских минералов и горных пород, которые были собраны братьями Львом и Максимом Келлерами, а также «один камень», переданный Н. А. Головкинским.

Слова В. И. Вернадского (из указанных выше его воспоминаний) о том, что «Головкинский скончался в 1900 г.» – абберрация памяти (Головкинский ушел из жизни в 1897 г.), но (спустя сорок с лишним лет) 1900 год упомянут Вернадским неспроста. История, о которой вспомнил Вернадский, вполне заслуживает более подробного рассмотрения, хотя бы потому, что свидетельствует, скажем так, о трепетном отношении как Таврического губернского земства, так и Московского общества испытателей природы (МОИП) к памяти Н. А. Головкинского.

Так, 26 октября 1900 г. на заседании МОИП, на котором присутствовал Вернадский, секретарь Общества, известный геолог (бывший, кстати, в 1895–1900 гг. земским гидрогеологом Московской губернии) В. Д. Соколов (1855–1917) доложил отношение Таврической губернской земской управы от 5 октября 1900 г. за № 5201 следующего содержания: «Таврическое губернское земское собрание XXXIII очередной сессии, по предложению одного из гласных, в память полезной деятельности покойного гидрогеолога Таврического земства Н. А. Головкинского постановило учредить премию в Московском обществе испытателей природы в 500 рублей за лучшее сочинение по гидрогеологии и геологии Таврической губернии, назначив сроком представления сочинения 1-е декабря 1901 года и просит Общество взять на себя труд по оценке представленных сочинений и установления условий на соискание премии». Было «постановлено принять изложенное предложение и войти в ближайшее сношение с Таврической губернской земской управой для выяснения подробностей по настоящему делу» [71, с. 54–55]. Чуть позже Общество разработало Положение о конкурсе на премию имени Н. А. Головкинского, утвержденное управляющим Министерством народного просвещения 25 июля 1901 г. [68], согласно которому премия может быть выдана только русским ученым за лучшее сочинение

на русском языке, написанное на тему «Третичные отложения Таврической губернии и их водоносность».

19 апреля 1901 г. на заседании МОИП, на котором также присутствовал Вернадский, было сообщено, что «Таврическая губернская земская управа отношением от 13 апреля 1901 г. за № 2195, выражая благодарность за труд по выработке условий на соискание премии имени *Н. А. Головкинского*, сообщает, что она вполне согласна со всеми пунктами выработанных Обществом и препровожденных ей условий, за исключением § 12, который для большей ясности она полагала бы необходимым изменить в том смысле, что издание премированного сочинения, в случае неиздания его автором, составляет лишь *право* Таврического губернского земства, а не *обязанность* его, и что это право наступит, если сочинение не будет издано самим автором *в течение года* после присуждения премии». Постановлено изложить этот параграф в следующей редакции: «Если сочинение, удостоенное премии, не будет издано самим автором или каким-либо научным учреждением в течение года со дня присуждения премии, то право на издание его предоставляется Таврическому губернскому земству». Решено также «возбудить надлежащее ходатайство о разрешении на учреждение при Обществе, на счет пожертвования со стороны Таврического губернского земства, единовременной денежной премии имени *Н. А. Головкинского*» [72, с. 19–20].

Шесть с половиной лет спустя, 15 ноября 1907 г., на заседании МОИП, на котором присутствовал и Вернадский, секретарь Общества В. Д. Соколов, от имени Совета, предложил «Конкурс на соискание премии имени *Н. А. Головкинского*, учрежденной при Обществе на счет пожертвования со стороны Таврического губернского земства, ввиду того, что на него не было представлено ни одного сочинения, и за отсутствием работ, удовлетворяющих требованиям конкурса и достойных означенной премии, признать не состоявшимся». Соколов также предложил «снестись с Таврическим губернским земством по вопросам: 1) не угодно ли ему будет снова повторить конкурс с оставлением той же темы – «Третичные отложения Таврической губернии и их водоносность», как наиболее, по мнению Общества, соответствующей интересам Земства, и тех же условий, назначив сроком представления сочинений 1 сентября 1909 года, и 2) в случае несогласия на это, не угодно ли будет ему сумму, ассигнованную на премию имени *Н. А. Головкинского*, оставить в распоряжении Общества с тем, чтобы оно, наметив определенную задачу, связанную с разработкою вышеуказанной темы, командировало для разрешения ее, под своим руководством и контролем, соответствующее лицо, обязанное отчетом перед Обществом». Было постановлено принять эти предложения [73, с. 19–20].

Затем, 22 января 1909 г., на заседании МОИП сообщено, что Таврическая губернская земская управа отношением от 5 января с. г. за № 32 уведомляется о своем согласии на продление конкурса до 1 сентября 1910 г. [74, с. 2]. Год спустя, 29 апреля 1910 г., на заседании МОИП было доложено, что к 1 марту сего года ни одного сочинения для соискания премии имени *Н. А. Головкинского* не поступило. Было решено образовать Комиссию из всех живущих в Москве членов-геологов Общества

для рассмотрения соответствующих сочинений, не представленных на конкурс [75, с. 19].

16 декабря 1910 г. на заседании МОИП от имени его Совета вновь было предложено повторить конкурс, но вместо темы «Третичные отложения Таврической губернии и их водоносность» объявить тему «Водоносность третичных отложений Таврической губернии». Сочинение это должно представлять собой как полную сводку (т. е. обобщение) литературных данных по изучению третичных отложений, так и результаты обработки материалов о водоносности этих отложений, имеющихся в распоряжении Таврического земства. Постановили принять это предложение и снести по сему предмету с Таврическим губернским земством [76, с. 56].

Конкурс, к сожалению, так и не состоялся. Можно, очевидно, согласиться с мнением С. И. Романовского [81], что авторитет Головкинского и его знания в гидрогеологии Крыма были настолько велики, что не нашлось специалиста, рискнувшего принять в этом конкурсе участие.

В литературе есть сообщение, что «до самой смерти Н. А. Головкинский состоял в переписке с В. И. Вернадским» [35, с. 22]. Это, безусловно, слишком громкое утверждение, поскольку в архиве Вернадского имеются лишь два письма к нему Головкинского, написанные последним уже после их крымской встречи. Очевидно, что и Вернадский (в это же время) написал ему не более 3-х писем, так что вряд ли это можно назвать полноценной перепиской. К сожалению, каких-либо сведений о судьбе писем Вернадского Головкинскому обнаружить не удалось. Возможно, что они отложились в каких-либо материалах в фондах Государственного архива Республики Крым.

Первое письмо Головкинского (из Кастели) написано в ответ на письмо Вернадского от 20 октября 1893 г. и датируется 27 октября 1893 г. [16, л. 1–2 об.]:

«Многоуважаемый Владимир Иванович!

Благодарю Вас за письмо от 20го октября, только что полученное. Хотелось бы пространно побеседовать с Вами о многих вопросах, в нем затронутых, но письмо получило бы объем тетрадки, а тетрадок – ни мне писать, ни Вам читать некогда. Выберу кое-что и буду краток.

Вопрос об ассоциации для меня непонятен, вероятно потому, что неизвестен мне. Буду ждать циркулярной постановки его, о которой Вы упоминаете. А пока, хотя Вы жестоко громите людей, думающих что “мы не созрели”, я должен повиниться, что часто сомневаюсь в нашей зрелости. Мне кажется, обратная ошибка страшнее.

Я получил от Распорядительного комитета, подписанное Тимирязевым, приглашение не только участвовать в Съезде, но даже произнести речь в одном из Общих собраний. Лестно и приятно было бы это, но я мог только поблагодарить и уклониться. Ведь мы с Вами уже беседовали на эту тему.

Искренно сочувствую Вашему увлечению вопросом о полиморфизме. С давних пор храню убеждение (или верование?), что это не только важнейший, но единственный существенный вопрос кристаллологии. Все остальное о кристалле – есть только побочное, логическое следствие той же сущности... Пусть все свойства вещества представляют разные стороны или формы чего-то одного, но *эта*

сторона наиболее наглядная и определенная... Я много раз вспоминал наш разговор на Кастели, за вечерним чаем, у плющевой стены; Вы тогда отвергали протемперируемые мною косые сфеноиды <осевой диэдр> (как элементарные формы) вопросом: почему форма большой симметрии не может быть столь же элементарна? Скользкий вопрос, как и однородные с ним: почему дуб менее элементарен, чем Protocoseus <одноклеточная водоросль>, обезьяна, – чем Амобеа <амеба>? Если допустить, что эволюционный процесс есть капризная выдумка, то эта выдумка полнее удовлетворяет мысль, чем простое представление мира таким, каким он есть теперь. Я думаю, эволюционное представление потому полнее, что оно, так сказать, перспективно, т[аким] о[бразом], столько мы в пространстве, сколько и во времени. Ах, не отвергайте, плагисфеноидов <особого рода сфеноиды, имеющие сходство со сфеноидами ромбической системы>!

Вы очень заинтересовали меня сообщением о работе московского геолога над крымским лейасовым сланцем. Дай бог ему успеха (геологу, конечно, а не сланцу)! Я не сомневаюсь, что сланец далеко выйдет за тесные пределы лейаса. Но почему этот геолог облачается в домино <плащ или накидка с капюшоном> и маску?

Искренне Вам преданный

Н. Головкинский

Р. С. Геннадий Алексеевич <Гаич?> скоро вышлет Вам фотографию с берегового сланца. Я однако не удовлетворен этим снимком, хотя он снят превосходно: лучшая часть пласта разрушена».

Второе письмо написано Головкинским 10 февраля 1894 г. [16, л. 3–3 об.]:

«Многоуважаемый Владимир Иванович!

Давно, еще до съезда, собирался я написать Вам, но многие спешные дела побуждали откладывать письмо со дня на день. К делам присоединились печальные хлопоты по семейному событию: 11 января скончался младший сын мой Виктор, живший последние годы на Кастели. Он умер от чахотки.

Я хотел обратиться к Вам (и обращаюсь теперь) с просьбою содействовать мне в приобретении некоторых печатных следов Съезда, именно – списка членов Съезда и протоколов Геологической секции и Общих собраний, если таковые (протоколы) могут быть получаемы посторонним лицом. Дело ассоциации, как видел я <из> газет, слишком затянулось. Прошу Вас иметь в виду, что я добровольный кандидат в члены подобных учреждений, если требуются денежные взносы, не слишком крупные.

Нельзя ли выслать протоколы наложенным платежом? Хотелось бы также знать, какое общее впечатление вынесли Вы из Съезда?

Ваш преданный слуга

Н. Головкинский

Письма (особенно первое) примечательны с разных сторон. Прежде всего, дружеский тон писем свидетельствует о том, что между Вернадским и Головкинским установились теплые, доверительные отношения. Из первого письма мы узнаем о тех научных вопросах, которые обсуждались Вернадским и Головкинским во время их крымских бесед – о проблемах кристаллографии, особенно о полиморфизме, об эволюционном процессе. В частности, интересна оценка Головкинским «вопроса о

полиморфизме», которым в то время был «увлечен» Вернадский. Головкинский, судя по всему, не только обсуждал с Вернадским этот вопрос «на Кастели, за вечерним чаем, у плющевой стены», но и был знаком с его работой о сущности и значении полиморфизма (т. е. способности некоторых минералов и иных кристаллических веществ существовать при одном и том же химическом составе в состояниях с различной атомной кристаллической структурой), которая была опубликована в 1892 г. [26] и представляла собой изложение пробной лекции Вернадского, которую он прочитал 28 сентября 1890 г. в Московском университете [11, л. 21] и в которой показал, что полиморфизм есть общее свойство материи, причем каждое определенное химическое соединение в твердом состоянии может иметь несколько полиморфных разностей, а каждая полиморфная разность аналогична физическому состоянию вещества. В свою очередь, для каждого определенного химического соединения существует несколько твердых состояний. Связь между составом и кристаллической формой вещества (морфотропия) может быть замечена только после тщательного изучения полиморфных разностей. Можно сравнить только соответственные полиморфные разности. Сходство или различие должно наблюдаться как в точках перехода из одной разности в другую, так и в кристаллических формах всех разностей (изодиморфизм). Характерно также высказывание Головкинского об «эволюционном процессе в пространстве-времени». Как известно, проблема пространства и времени чрезвычайно интересовала Вернадского (см. подробнее об этом в [2]), начиная со студенческой скамьи, когда в 1885 г. он впервые задался вопросом – «Что такое пространство и время?» и подчеркнул, что «и время и пространство отдельно в природе не встречаются, они неразделимы» [55, с. 60]. Очевидно, что – в той или иной мере – данная проблема обсуждалась им и с Головкинским.

Относительно «вопроса об ассоциации», поднятого в первом письме Головкинского, то речь идет о так называемой Русской ассоциации естествоиспытателей и врачей, вопрос о необходимости которой был поднят еще в 1869 г. на Втором съезде русских естествоиспытателей, когда известный геолог, профессор Г. Е. Щуровский (1803–1884) предложил создать Товарищество русских естествоиспытателей [98, с. 68]. Затем вопрос о создании «Русской ассоциации» вновь был поднят в 1890 г. на VIII съезде русских естествоиспытателей и врачей, по поручению которого известный зоолог, один из основателей российской антропологии, профессор Московского университета (с 1867), член-корреспондент Петербургской академии наук (1890) А. П. Богданов (1834–1896) разработал детальную структуру будущей организации [21]. К этому вопросу обращались еще не раз, но лишь 31 мая 1916 г. устав Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей был утвержден министром народного просвещения, а 5 октября 1916 г. состоялось заседание Совета Объединения, членами которого являлись члены Совета XII Съезда русских естество испытателей и врачей [54]. Вернадский был избран членом Правления Объединения и вошел в состав его Совета. С 20 по 24 августа 1917 г. в Москве прошел Организационный съезд Ассоциации [64]. Вернадский, как следует из первого письма Головкинского (и последующих

событий), был активным сторонником создания Ассоциации и, говоря словами Головкинского, «жестoko громил людей», не согласных с этим. Головкинский же называет себя «добровольным кандидатом в члены подобных учреждений», но при условии, если на это не потребуются слишком крупные денежные взносы.

Что касается работы «московского геолога над крымским лейасовым сланцем», то в данном случае имеется в виду Дмитрий Петрович Стремоухов (1865–1925) – геолог и палеонтолог; он окончил Училище правоведения (1877), служил в Министерстве юстиции в должности помощника прокурора (до 1917 г.), в конце 1890-х гг. увлекся геологией; в последние годы жизни – ученый секретарь Московского отделения Геологического комитета [49]. С начала 1893 г. он проводил геологические исследования в Крыму, где предметом его изучения были юрские отложения близ Балаклавы и где он собрал достаточно полную коллекцию ископаемых. Анализ собранного фактического материала позволило ему отнести эти сланцы не к лейасовым отложениям (лейас – нижний отдел юрской системы), как считалось ранее, а к более поздним – батским и келловейским [92], т. е., соответственно, к верхнему и нижнему ярусам среднего отдела юрской системы.

Распорядительный комитет, от которого Головкинский получил приглашение, – это комитет по организации IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. Съезд прошел 3–11 января 1894 г. в Москве, его председателем был член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор К. А. Тимирязев (1843–1920) [50]. Это было масштабное научное мероприятие: число только зарегистрированных участников Съезда составило 2170 человек, а общее число докладов – 395. Кроме трех общих собраний, состоялось несколько соединенных заседаний секций Съезда с различными научными обществами, а также немало заседаний разных секций. В это время многие музеи, коллекции, художественные и научные учреждения Москвы были открыты для обзора их членами Съезда. Участниками Съезда были также совершены экскурсии в Кремль, на городскую бойню, электрическую станцию, водоканалы и др. Два любопытных факта о Съезде. Так, на общем заседании Съезда, состоявшегося 11 января 1894 г. в Колонном зале Дворянского собрания, присутствовал Лев Толстой, которого участники встретили овацией, а в заседаниях подсекции статистики Секции географии, антропологии и этнографии принимал участие тогда мало известный широкой публике помощник присяжного поверенного Самарского окружного суда В. И. Ульянов (будущий Ленин).

В. И. Вернадский был членом Распорядительного комитета Съезда, выступил на секции минералогии и геологии с докладом «К вопросу о так называемых искусственных двойниках», на заседании секции 11 января был избран почетным председателем, а также вошел в состав организованной на съезде Комиссии по выработке особой инструкции для наблюдения над падением метеоритов и проекта ходатайства перед министром народного просвещения об издании установленным порядком соответствующего распоряжения. Н. А. Головкинский, к сожалению, не смог принять участия в работе Съезда, что, судя по всему, было связано с различными обстоятельствами, среди которых – финансовые трудности, проблемы со здоровьем,

болезнь младшего сына Виктора (родившегося в 1862 г.), о смерти которого он сообщил Вернадскому в письме от 11 января 1894 г.

Из дневника Вернадского можно узнать, что 11(24) марта 1920 г., находясь в Ялте, после избрания его ординарным профессором Таврического университета, он начал читать «путеводитель Крыма» [31, с. 54]. Не исключено, что Владимир Иванович читал 6-е издание известного путеводителя, подготовленного к изданию Н. А. Головкинским [46].

В 1943 г. Вернадский напишет: «Если мне суждено будет еще прожить, хотел бы написать еще “Пережитое и передуманное”. Я видел столько удивительных людей...» [95, с. 83]. Одним из таких удивительных людей был и Николай Алексеевич Головкинский – замечательный русский геолог и выдающийся крымский гидрогеолог, оказавший, по словам Вернадского, на него большое влияние.

Колонный зал Дворянского собрания, г. Москва, фото 1890 г.

В 2026 г. исполняется 140 лет с начала работы Н. А. Головкинского в должности гидрогеолога Таврической губернской земской управы, гидрогеолога, который своей деятельностью «сооружил себе столько памятников, что ими обеспечивается ему навсегда во всех слоях населения края благодарная память. Редко случалось человеку, и человеку ученому, приобрести такую популярность, в лучшем смысле слова, стяжать столько любви и уважения в целом крае, как это сделал Николай

Алексеевич своими высокими качествами» [58, с. 145]. Есть надежда, что эта дата не останется без внимания со стороны ученых, специалистов по водному хозяйству, краеведов, общественных организаций, исполнительных органов власти Республики Крым. Вполне по силам подготовить и издать сборник, посвященный памяти Н. А. Головкинского, в который включить, например, его избранные научные работы, письма, стихи, рисунки и другие материалы.

Список использованных источников и литературы

1. Аджиева Л. С. Крымский период жизни и деятельности Н. А. Головкинского // Актуальные проблемы гуманитарных наук: труды VI Международной научно-практической конференции (г. Евпатория, 13–15 мая 2020 г.). – СПб.: МОО «ИС», 2020. – С. 15–20.
Adzhieva L. S. Krymskij period zhizni i dejatel'nosti N. A. Golovkinskogo // Aktual'nye problemy gumanitarnyh nauk: trudy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Evpatorija, 13–15 maja 2020 g.). – SPb.: MOO «IS», 2020. – S. 15–20.
2. Аксенов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространстве: историко-научное исследование. – М.: ИИЕТ им. С. И. Вавилова, 2006. – 392 с.
Aksenov G. P. V. I. Vernadskij o prirode vremeni i prostranstve. Istoriko-nauchnoe issledovanie. – M.: IIET im. S. I. Vavilova, 2006. – 392 s.
3. Александров И. Н. Роль Н. А. Головкинского в развитии геоморфологии в нашей стране // Известия ВГО. – 1962. – Т. 94, вып. 6. – С. 511–515.
Aleksandrov I. N. Rol' N. A. Golovkinskogo v razvitii geomorfologii v nashej strane // Izvestija VGO. – 1962. – T. 94, vyp. 6. – S. 511–515.
4. Алексеев В. П., Амон Э. О. Основной фациальный закон Н. А. Головкинского: проблематика и новые горизонты // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. – 2018. – № 4. – С. 17–23.
Alekseev V. P., Amon Je. O. Osnovnoj facial'nyj zakon N. A. Golovkinskogo: problematika i novye gorizonty // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Geologija i razvedka. – 2018. – № 4. – S. 17–23.
5. Альбом всех лучших видов Крыма. 26 гравюр на стали с текстом. – Одесса: Издание Эмиля Берндта, 1869. – 103 с.
Al'bom vsekh luchshih vidov Kryma. 26 gravjur na stali s tekstom. – Odessa: Izdanie Jemilja Berndta, 1869. – 103 s.
6. Архив Российской академии наук (далее АРАН), ф. 518, оп. 1, д. 241.
Arhiv Rossijskoj akademii nauk (dalee ARAN), f. 518, op. 1, d. 241.
7. АРАН, ф. 518, оп. 1, д. 242.
ARAN, f. 518, op. 1, d. 242.
8. АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 5.
ARAN, f. 518, op. 2, d. 5.
9. АРАН, ф. 518, оп. 2., д. 32.
ARAN, f. 518, op. 2, d. 32.
10. АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 33.
ARAN, f. 518, op. 2, d. 33.
11. АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 64.
ARAN, f. 518, op. 2, d. 64.
12. АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 112.
ARAN, f. 518, op. 2, d. 112.
13. АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 154.
ARAN, f. 518, op. 2, d. 154.
14. АРАН. Ф. 518, оп. 2, д. 1802.
ARAN, f. 518, op. 2, d. 1802.
15. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 259.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 259.

16. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 433.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 433.
17. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 749.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 749.
18. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 750.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 750.
19. АРАН ф. 518, оп. 3, д. 1245.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1245.
20. Багров Н. В. Ена В. Г., Орехов В. В. Крым в творческой биографии В. И. Вернадского // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2019. – Т. 5(15), вып. 3. – С. 5–27.
Bagrov N. V. Ena V. G., Orekhov V. V. Krym v tvorcheskoy biografii V. I. Vernadskogo // Geopolitika i jekogeodinamika regionov. – 2019. – Т. 5(15), вып. 3. – С. 5–27.
21. Богданов А. П. Нужна ли Русская ассоциация естествоиспытателей и научных врачей для вспомоществования развитию научных работ по естествознанию в России и для расширения научной деятельности съездов русских естествоиспытателей и врачей: Доклад, составленный по поручению Распорядительного комитета VIII Петербургского съезда естествоиспытателей и врачей. – М.: Тип. М. Г. Волчанникова, 1891. – 2+34+1 с.
Bogdanov A. P. Nuzhna li Russkaja associacija estestvoispytatelej i nauchnyh vrachej dlja vspomoshhestvovaniya razvitiju nauchnyh rabot po estestvoznaniyu v Rossii i dlja rasshireniya nauchnoj dejatel'nosti s#ezdov russkih estestvoispytatelej i vrachej: Doklad, sostavlennyy po porucheniju Rasporjaditel'nogo komiteta VIII Peterburgskogo s'ezda estestvoispytatelej i vrachej. – М.: Тип. М. Г. Volchaninova, 1891. – 2+34+1 s.
22. Браунер А. А. Геологи Новороссийского университета (из студенческих воспоминаний) // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 15. – М.: Наука, 1972. – С. 5–10.
Brauner A. A. Geologi Novorossijskogo universiteta (iz studencheskih vospominanij) // Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 15. – М.: Nauka, 1972. – С. 5–10.
23. Вакуловский Н. Н. А. Головкинский: [Некролог] // Записки Императорского С.-Петербургского минералогического общества. Вторая серия. – 1898. – Часть 35. – Протоколы заседаний. – С. 50–53.
Vakulovskij N. N. A. Golovkinskij: [Nekrolog] // Zapiski Imperatorskogo S.-Peterburgskogo mineralogicheskogo obshhestva. Vtoraja serija. – 1898. – Chast' 35. – Protokoly zasedanij. – С. 50–53.
24. Вернадский В. И. Отчет о поездке в Рускеалу // Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей. – 1887. – Т. XVIII. – С. 24–25.
Vernadskij V. I. Otchet o poezdke v Ruskealu // Trudy S.-Peterburgskogo obshhestva estestvoispytatelej. – 1887. – Т. XVIII. – С. 24–25.
25. Вернадский В. И. О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах. – М.: МОИП, 1891. – 100 с.
Vernadskij V. I. O gruppe sillimanita i roli glinozema v silikatah. – М.: MOIP, 1891. – 100 s.
26. Вернадский В. И. О полиморфизме как общем свойстве материи // Ученые записки Московского ун-та. Отдел естественно-исторический. – 1892. – Вып. 9. – С. 1–18.
Vernadskij V. I. O polimorfizme kak obshhem svojstve materii // Uchenye zapiski Moskovskogo un-ta. Otdel estestvenno-istoricheskij. – 1892. – Vyp. 9. – С. 1–18.
27. Вернадский В. И. История минералов земной коры. Том второй. История природных вод. Часть первая. Выпуск II. – Л.: ОНТИ ХИМТЕОРЕТ, 1934. – С. 203–403.
Vernadskij V. I. Istorija mineralov zemnoj kory. Tom vtoroj. Istorija prirodnyh vod. Chast' pervaja. Vypusk II. – L.: ONTI HIMTEORET, 1934. – С. 203–403.
28. Вернадский В. И. Живое вещество. – М.: Наука, 1978. – 358 с.
Vernadskij V. I. Zhivoe veshhestvo. – М.: Nauka, 1978. – 358 s.
29. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1886–1889). – М.: Наука, 1988. – 304 с.
Vernadskij V. I. Pis'ma N. E. Vernadskoj (1886–1889). – М.: Nauka, 1988. – 304 s.
30. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1893–1900). – М.: Техносфера, 1994. – 368 с.
Vernadskij V. I. Pis'ma N. E. Vernadskoj (1893–1900). – М.: Tehnosfera, 1994. – 368 s.

31. Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Январь 1920–март 1921. – Киев: Наукова думка, 1997. – 327 с.
Vernadskij V. I. Dnevniky 1917–1921. Janvar' 1920–mart 1921. – Kiev: Naukova dumka, 1997. – 327 s.
32. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской, 1901–1908. – М.: Наука, 2003. – 295 с.
Vernadskij V. I. Pis'ma N. E. Vernadskoj, 1901–1908. – M.: Nauka, 2003. – 295 s.
33. Вернадский В. И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. – М.: РОССПЭН, 2010. – 542 с.
Vernadskij V. I. Dnevniky. Ijul' 1941 – avgust 1943. – M.: ROSSPJeN, 2010. – 542 s.
34. В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др. – Київ: Либідь, 2004. – 312 с.
V. I. Vernadskij i Krym: ljudi, mesta, sobytija / M. V. Bagrov, V. G. Ena, V. V. Lavrov i dr. – Kiïv: Libid', 2004. – 312 s.
35. В. И. Вернадский и Крым: Люди, места, события / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др. – 2-е издание, переработанное. – Київ: Либідь, 2012. – 248 с.
V. I. Vernadskij i Krym: Ljudi, mesta, sobytija / M. V. Bagrov, V. G. Ena, V. V. Lavrov i dr. – 2-e izdanie, pererabotannoe. – Kiïv: Libid', 2012. – 248 s.
36. Воспоминание о Крыме. – Ялта. Изд-во фотографий П. Семенова, 1900-е годы. – 53 фотографии.
Vospominanie o Kryme. – Jalta. Izd-vo fotografij P. Semenova, 1900-e gody. – 53 fotografii.
37. Главнейшие биографические даты (Материалы для биографии акад. В. И. Вернадского) // АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 65, л. 58.
Glavnejshie biograficheskie daty (Materialy dlja biografii akad. W. I. Vernadskogo) // ARAN, f. 518, op. 2, d. 65, l. 58.
38. Головкинский Н. А. О кремнекислых соединениях // Ученые записки Казанского университета. – 1861. – Кн. 2. – С. 3–81.
Golovkinskij N. A. O kremnekislyh soedinenijah // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. – 1861. – Kn. 2. – S. 3–81.
39. Головкинский Н. А. О послетретичных образованиях по Волге и в ее среднем течении. – Казань, 1865. – 76 с.
Golovkinskij N. A. O posletretichnyh obrazovanijah po Volge i v ee srednem techenii. – Kazan', 1865. – 76 s.
40. Головкинский Н. А. О пермской формации в центральной части Камско-Волжского бассейна. – СПб., 1868. – 145 с.
Golovkinskij N. A. O permskoj formacii v central'noj chasti Kamsko-Volzhskogo bassejna. – SPb., 1868. – 145 s.
41. Головкинский Н. А. О пермской формации в центральной части Камско-Волжского бассейна // Материалы для геологии России. Том 1. – СПб. – 1869. – С. 273–417 + VI табл.
Golovkinskij N. A. O permskoj formacii v central'noj chasti Kamsko-Volzhskogo bassejna // Materialy dlja geologii Rossii. Tom 1. – SPb. – 1869. – S. 273–417 + VI tabl.
42. Головкинский Н. А. Мысли о прошедшем и будущем нашей планеты // Записки Императорского Новороссийского университета. – 1876. – Т. XVIII. – Часть ученая. – С. 105–148.
Golovkinskij N. A. Mysli o proshedshem i budushhem nashej planety // Zapiski Imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. – 1876. – T. XVIII. – Chast' uchenaja. – S. 105–148.
43. Головкинский Н. А. К геологии Крыма. Изыскания в окрестностях Балаклавы – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. – 46 с.
Golovkinskij N. A. K geologii Kryma. Izyskanija v okrestnostjah Balaklavy – Odessa: Tip. P.A. Zelenogo, 1883. – 46 s.
44. Головкинский Н. А. Артезианские колодцы Таврической губернии // Новороссийский календарь на 1890 год. – Одесса, 1890. – С. 131–169.
Golovkinskij N. A. Artezianskie kolodcy Tavricheskoj gubernii // Novorossijskij kalendar' na 1890 god. – Odessa, 1890. – S. 131–169.
45. Головкинский Н. А. Источники Чатырдага и Вадучана. – Симферополь, 1892. – 235 с. + 2 карты.
Golovkinskij N. A. Istochniki Chatyrdaga i Vaduchana. – Simferopol', 1892. – 235 s. + 2 karty.

46. Головкинский Н. А. Путеводитель по Крыму. – Симферополь, 1894. – XVI+552+X с.
Golovkinskij N. A. Putevoditel' po Krymu. – Simferopol', 1894. – XVI+552+X s.
47. Гордеев Д. И. Основные этапы истории отечественной гидрогеологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 383 с.
Gordeev D. I. Osnovnye jetapy istorii otechestvennoj gidrogeologii. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – 383 s.
48. Гуркович В. Н. Письмо гидрогеолога И. М. Педдакаса из Алушты товарищу Сталину // Историческое наследие Крыма. Сборник статей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2014. – С. 51–54.
Gurkovich V. N. Pis'mo gidrogeologa I. M. Peddakasa iz Alushty tovarishhu Stalinu // Istoricheskoe nasledie Kryma. Sbornik statej. – Simferopol': ООО «Antikva», 2014. – S. 51–54.
49. Дмитрий Петрович Стремоухов: [Некролог] // Известия Геологического комитета. – 1925. – Т. 44, № 50. – С. 995–997.
Dmitrij Petrovich Stremouhov: [Nekrolog] // Izvestija Geologicheskogo komiteta. – 1925. – T. 44, № 50. – S. 995–997.
50. Дневник IX-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей, издаваемый Распорядительным комитетом Съезда / Под ред. Д. Н. Зернова. № 1–10. – М., [1894]. – 388 с.
Dnevnik IX-go S'ezda russkih estestvoispytatelej i vrachej, izdavaemyj Rasporjaditel'nym komitetom S#ezda / Pod red. D. N. Zernova. № 1–10. – M., [1894]. – 388 s.
51. Ена В., Ена Ал., Ена Ан. Открыватели земли Крымской. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 520 с.
Ena V., Ena Al., Ena An. Otkryvateli zemli Krymskoj. – Simferopol': Biznes-Inform, 2007. – 520 s.
52. Жуков Н. Н. О древних гидротехнических сооружениях в ближайших окрестностях г. Феодосии в связи с вопросом об изучении принципов добычи влаги из атмосферы // Сборник статей по экономике, быту и истории феодосийского района. Выпуск 1. – Феодосия, 1931. – С. 14–23.
Zhukov N. N. O drevnih gidrotehnicheskikh sooruzhenijah v blizhajshih okrestnostjah g. Feodosii v svjazi s voprosom ob izuchenii principov dobychi vlagi iz atmosfery // Sbornik statej po jekonomike, bytu i istorii feodosijskogo rajona. Vypusk 1. – Feodosija, 1931. – S. 14–23.
53. Зорина С. О., Алексеев В. П., Амон Э. О., Хасанова К. А. Возрастное скопление слоев: факты и геологические следствия (к 150-летию фундаментальной работы Н. А. Головкинского) // Георесурсы. – 2018. – Т. 20, № 4, ч. 1. – С. 278–289.
Zorina S. O., Alekseev V. P., Amon Je. O., Hasanova K. A. Vozrastnoe skol'zhenie sloev: fakty i geologicheskie sledstvija (k 150-letiju fundamental'noj raboty N. A. Golovkinskogo) // Georesursy. – 2018. – T. 20, № 4, ch. 1. – S. 278–289.
54. Известия Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. Выпуск I. – М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1917. – 16 с.
Izvestija Obedinenija (Associacii) russkih estestvoispytatelej i vrachej. Vypusk I. – M.: Tipografija t-va I. D. Sytina, 1917. – 16 s.
55. Из дневников В. И. Вернадского (публ. и прим. И. И. Мочалова) // Природа. – 1967. – № 12. – С. 55–60.
Iz dnevnikov V. I. Vernadskogo (publ. i prim. I. I. Mochalova) // Priroda. – 1967. – № 12. – S. 55–60.
56. Кожин В. В. Из хроники семейной родословной: Людмила Александровна Чехова // Гуманитарная парадигма. – 2021. – № 2 (17). – С. 126–142.
Kozhin V. V. Iz hroniki semejnoy rodoslovnoj: Ljudmila Aleksandrovna Chehova // Gumanitarnaja paradigma. – 2021. – № 2 (17). – S. 126–142.
57. Кумурджи М. И. О работах Н. А. Головкинского по гидрогеологии Крыма // Записки Ленинградского горного института. – 1958. – Т. 34, вып. 2. – С. 75–79.
Kumurdzhi M. I. O rabotah N. A. Golovkinskogo po gidrogeologii Kryma // Zapiski Leningradskogo gornogo instituta. – 1958. – T. 34, vyp. 2. – S. 75–79.
58. Лагорио А. Е. Памяти Н. А. Головкинского // Ежегодник по геологии и минералогии России, издаваемый под редакцией Н. Криштафовича. – 1897–1898. – Том II. – С. 141–147.
Lagorio A. E. Pamjati N. A. Golovkinskogo // Ezhegodnik po geologii i mineralologii Rossii, izdavaemyj pod redakciej N. Krishtafovicha. – 1897–1898. – Tom II. – S. 141–147.

59. Личные мемуары г-жи Ролан / Пер. с фр. Н. Г. Вернадской. – СПб.: Изд. Исторического об-ва при имп. С.-Петербургском ун-те, 1893. – 154 с.
Lichnye memuary g-zhi Rolan / Per. s fr. N. G. Vernadskoj. – SPb.: Izd. Istoricheskogo ob-va pri imp. S.-Peterburgskom un-te, 1893. – 154 s.
60. Ломоносов гидрогеологии // <https://d-r.su/lomonosov-gidrogeologii>.
Lomonosov gidrogeologii // <https://d-r.su/lomonosov-gidrogeologii>.
61. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский. – М.: Наука, 1982. – 488 с.
Mochalov I. I. Wladimir Ivanovich Vernadskij. – M.: Nauka, 1982. – 488 s.
62. Музей истории Крымского федерального университета // https://museum.cfuv.ru/history/photochronicle/vernadskii/crimean_places.
Muzej istorii Krymskogo federal'nogo universiteta // https://museum.cfuv.ru/history/photochronicle/vernadskii/crimean_places.
63. «Он учил нас жить самостоятельно, светло и красиво» // <https://new.crimiz.ru/rubriki/100-kultura-iskusstvo-obrazovanie-nauka/23269-on-uchil-nas-zhit-samostoyatelno-svetlo-i-krasivo>.
«On uchil nas zhit' samostojatel'no, svetlo i krasivo» // <https://new.crimiz.ru/rubriki/100-kultura-iskusstvo-obrazovanie-nauka/23269-on-uchil-nas-zhit-samostoyatelno-svetlo-i-krasivo>.
64. Организационный съезд Объединения (Ассоциации) Русских Естествоиспытателей и Врачей. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1917. – 3 с.
Organizacionnyj s'ezd Ob`edinenija (Associacii) Russkih Estestvoispytatelej i Vrachej. – M.: Tip. T-va I. D. Sytina, 1917. – 3 s.
65. Отчет по Естественнo-историческому музею Таврического губернского земства за 1900 год: Год I. – Симферополь: Типография Спиро, 1900. – 2+22 с.
Otchet po Estestvenno-istoricheskomu muzeju Tavricheskogo gubernskogo zemstva za 1900 god: God I. – Simferopol': Tipografija Spiro, 1900. – 2+22 s.
66. Панков Э. В. Философско-мировоззренческая концепция Н. А. Умова: автореф. дис. канд. философских наук. – М., 2001. – 16 с.
Pankov Je. V. Filosofsko-mirovozzrencheskaja koncepcija N. A. Uмова: avtoref. dis. kand. filosofskih nauk. – M., 2001. – 16 s.
67. Педдакас И., Кортацци А. Настоящее положение водоснабжения на южном берегу Крыма // Сельское хозяйство и лесоводство. – 1904. – Т. 215, № 12. – С. 653–666.
Peddakas I., Kortacci A. Nastojashhee polozhenie vodosnabzhenija na juzhnom beregu Kryma // Sel'skoe hozjajstvo i lesovodstvo. – 1904. – T. 215, № 12. – S. 653–666.
68. Положение о конкурсе на премию имени Н. А. Головкинского, учрежденную при Императорском Московском обществе испытателей природы // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1902. – Т. 5. – С. 216.
Polozhenie o konkurse na premiju imeni N. A. Golovkinskogo, uchrezhdennuju pri Imperatorskom Moskovskom obshhestve ispytatelej prirody // Ezhegodnik po geologii i mineralologii Rossii. – 1902. – T. 5. – S. 216.
69. Попов С. П. Минералогия Крыма. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 351 с.
Popov S. P. Mineralogija Kryma. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. – 351 s.
70. Прендель Р. А. Памяти Н. А. Головкинского // Записки Крымского горного клуба. – 1897. – № 12. – С. 9–15.
Prendel' R. A. Pamjati N. A. Golovkinskogo // Zapiski Krymskogo gornogo kluba. – 1897. – № 12. – S. 9–15.
71. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы // Бюллетень МОИП. Новая серия. – 1900. – Т. 14. – С. 54–55.
Protokoly zasedanij Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva ispytatelej prirody // Bjulleten' MOIP. Novaja serija. – 1900. – T. 14. – S. 54–55.
72. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы // Бюллетень МОИП. Новая серия. – 1901. – Т. 15. – С. 19–20.
Protokoly zasedanij Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva ispytatelej prirody // Bjulleten' MOIP. Novaja serija. – 1901. – T. 15. – S. 19–20.

73. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы // Бюллетень МОИП. Новая серия. – 1907. – Т. XXI. – С. 19–20.
Protokoly zasedanij Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva ispytatelej prirody // Bjulleten' MOIP. Novaja serija. – 1907. – T. XXI. – S. 19–20.
74. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы // Бюллетень МОИП. Новая серия. – 1909. – Т. XXIII. – С. 2.
Protokoly zasedanij Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva ispytatelej prirody // Bjulleten' MOIP. Novaja serija. – 1909. – T. XXIII. – S. 2.
75. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы // Бюллетень МОИП. Новая серия. – 1910. – Т. XXIV. – С. 19.
Protokoly zasedanij Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva ispytatelej prirody // Bjulleten' MOIP. Novaja serija. – 1910. – T. XXIV. – S. 19.
76. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы // Бюллетень МОИП. Новая серия. – 1910. – Т. XXIV. – С. 56.
Protokoly zasedanij Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva ispytatelej prirody // Bjulleten' MOIP. Novaja serija. – 1910. – T. XXIV. – S. 56.
77. Ракицкий Н. П. Экспортные возможности Крыма // Крым. Журнал общественно-научный и экскурсионный. – 1926. – № 2. – С. 20–64.
Rakickij N. P. Jeksportnye vozmozhnosti Kryma // Krym. Zhurnal obshhestvenno-nauchnyj i jekskursionnyj. – 1926. – № 2. – S. 20–64.
78. Родники Ивана Педдакаса, бассейн р. Кара-узенъ // https://irsl.narod.ru/springs/rd_Ivana_Peddakasa.html.
Rodniki Ivana Peddakasa, bassejn r. Kara-uzen' // https://irsl.narod.ru/springs/rd_Ivana_Peddakasa.html.
79. Романовский С. И. Вклад Н. А. Головкинского в развитие геоморфологии в нашей стране // Геоморфология. – 1978. – № 3. – С. 112–117.
Romanovskij S. I. Vklad N. A. Golovkinskogo v razvitie geomorfologii v nashej strane // Geomorfologija. – 1978. – № 3. – S. 112–117.
80. Романовский С. И. Методологическое наследие Николая Алексеевича Головкинского // Методология геологических наук. – Киев: Наукова думка, 1979. – С. 32–47.
Romanovskij S. I. Metodologicheskoe nasledie Nikolaja Alekseevicha Golovkinskogo // Metodologija geologicheskikh nauk. – Kiev: Naukova dumka, 1979. – S. 32–47.
81. Романовский С. И. Николай Алексеевич Головкинский. 1834–1897. – Л.: Наука, 1979. – 192 с.
Romanovskij S. I. Nikolaj Alekseevich Golovkinskij. 1834–1897. – L.: Nauka, 1979. – 192 s.
82. Романовский С. И. Вклад Н. А. Головкинского в теоретический фундамент стратиграфии: (К столетию со дня смерти) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 1997. – Т. 5, № 4. – С. 106–111.
Romanovskij S. I. Vklad N. A. Golovkinskogo v teoreticheskij fundament stratigrafii: (K stoletiju so dnja smerti) // Stratigrafija. Geologicheskaja korrelyacija. – 1997. – T. 5, № 4. – S. 106–111.
83. Романовский С. И., Соловьев Ю. Я. Идеи Н. А. Головкинского в решении проблем слоеобразования, стратиграфии, фациального анализа, палеогеографии, геоморфологии: К 150-летию со дня рождения // Известия АН СССР. Сер. геол. – 1985. – № 1. – С. 116–121.
Romanovskij S. I., Solov'ev Ju. Ja. Idei N. A. Golovkinskogo v reshenii problem sloeobrazovanija, stratigrafii, facial'nogo analiza, paleogeografii, geomorfologii: K 150-letiju so dnja rozhdenija // Izvestija AN SSSR. Ser. geol. – 1985. – № 1. – S. 116–121.
84. Руководство к геологии Ч. Лайеля. Т. I. Пер. Н. А. Головкинского с VI-го английского издания 1865 г., значительно дополненного и иллюстрированного 770 рисунками. – СПб., 1866. – 496 с.
Rukovodstvo k geologii Ch. Lajelja. T. I. Per. N. A. Golovkinskogo s VI-go anglijskogo izdaniya 1865 g., znachitel'no dopolnennogo i illjustrirovannogo 770 risunkami. – SPb., 1866. – 496 s.
85. Руководство к геологии Ч. Лайеля. Т. II. Пер. Н. А. Головкинского с VI-го английского издания. с 730 рисунками. Вместо глав 28, 29, и 33–38 английского оригинала, трактующих о кристаллических породах, в русском издании помещены вся Петрография, Петрогенетическая геология и Вулканизм по 3-му исправленному изданию учебника геологии Г. Креднера – СПб., 1878. – 563 с.

Rukovodstvo k geologii Ch. Lajelja. T. II. Per. N. A. Golovkinskogo s VI-go anglijskogo izdanija. s 730 risunkami. Vmesto glav 28, 29, i 33–38 anglijskogo originala, traktujushhih o kristallicheskih porodah, v russkom izdanii pomeshheny vsja Petrografija, Petrogeneticheskaja geologija i Vulkanizm po 3-mu ispravlennomu izdaniju uchebnika geologii G. Krednera – SPb., 1878. – 563 s.

86. Сайт А. Ю. Краснолукого. Генеалогия // http://redbow.ru/f/genealogiya_1.pdf.

Sajt A. Ju. Krasnolukogo. Genealogija // http://redbow.ru/f/genealogiya_1.pdf.

87. Семь месяцев среди голодающих крестьян: отчет о помощи голодавшим некоторым местностям Моршанского и Кирсановского уездов, Тамбовской губернии, в 1891–92 г. / Сост. А. А. Корнилов. – М., 1893. – 232+36 с.

Sem' mesjacev sredi golodajushhih krest'jan. Otchet o pomoshhi golodavshim некотoryh mestnostej Morshanskogo i Kirsanovskogo uezdov, Tambovskoj gubernii, v 1891–92 g. Sostavlen A. A. Kornilovym. – М., 1893. – 232+36 с.

88. Сергеев П. О музеях в Алуште // Крым. Общественно-научный журнал. – 1925. – № 1. – С. 64.

Sergeev P. O muzee v Alushte // Krym. Obshhestvenno-nauchnyj zhurnal. – 1925. – № 1. – S. 64.

89. Сократов Г. И. Из истории русской геологии второй половины XIX в. (к 50-летию со дня смерти Н. А. Головкинского и 80-летию его теории) // Записки Ленинградского горного института. – 1949. – Т. 15–16. – С. 41–70.

Sokratov G. I. Iz istorii russkoj geologii vtoroj poloviny XIX v. (k 50-letiju so dnja smerti N. A. Golovkinskogo i 80-letiju ego teorii) // Zapiski Leningradskogo gornogo instituta. – 1949. – T. 15–16. – S. 41–70.

90. Соловьев Ю. Я. Возникновение и развитие палеогеографии в России. – М.: Наука, 1966. – 234 с. Solov'ev Ju. Ja. Voznikovenie i razvitie paleogeografii v Rossii. – М.: Nauka, 1966. – 234 s.

91. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. – М.: Наука, 1981. – 349 с.

Stranicy avtobiografii V. I. Vernadskogo. – М.: Nauka, 1981. – 349 s.

92. Стремоухов Д. П. Сланцы Мегало-Яло близ гор. Балаклавы (геолого-палеонтологическое исследование) // Бюллетень МОИП. – 1894. – Т. VIII. – С. 307–324.

Stremouhov D. P. Slancy Megalo-Jalo bliz gor. Balaklavy (geologo-paleontologicheskoe issledovanie) // Bjulleten' MOIP. – 1894. – T. VIII. – S. 307–324.

93. Ушатая Р. И. История библиотек города Симферополя: конец XIX – первая половина XX века. // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 98, т. 2. – С. 18–30.

Ushataja R. I. Istorija bibliotek goroda Simferopolja: konec XIX – pervaja polovina XX veka. – Simferopol': Mezhdunarodnyj centr «Krym», 2007. – № 98. – T. 2. – S. 18–30.

94. Фохт К. К. О третичных отложениях юго-западного Крыма // Труды С.- Петербургского общества естествоиспытателей. – 1887. – Т. XVIII. – С. 25–29.

Foht K. K. O tretichnyh otlozhenijah jugo-zapadnogo Kryma // Trudy S.- Peterburgskogo obshhestva estestvoispytatelej. – 1887. – T. XVIII. – S. 25–29.

95. Шаховская А. Д. Хроника большой жизни // Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 15. – М.: Молодая гвардия, 1988. – С. 33–85.

Shahovskaja A. D. Hronika bol'shoj zhizni // Prometej: istoriko-biograficheskij al'manah serii «Zhizn' zamechatel'nyh ljudej». T. 15. – М.: Molodaja gvardija, 1988. – S. 33–85.

96. Шекшуева Т. Г. История Алушты в лицах. Вып. 29. – Алушта: МБУК «Алуштинская ЦБС. Центральная городская библиотека им. С. Н. Сергеева-Ценского, 2024 // <https://alushta-cbs.crm.muzkult.ru/media/2024/04/16/1325805650/30.pdf>.

Shekshueva T. G. Istorija Alushty v licah. Vyp. 29. – Alushta: MBUK «Alushtinskaja CBS. Central'naja gorodskaja biblioteka im. S. N. Sergeeva-Censkogo, 2024 // <https://alushta-cbs.crm.muzkult.ru/media/2024/04/16/1325805650/30.pdf>.

97. Шестаков Ф. В. Конденсация водяных паров в почвогрунтах и приземном слое (Библиографический указатель 1877–1987 гг.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – 76 с.

Shestakov F. V. Kondensacija vodjanyh parov v pochvogruntah i prizemnom sloe (Bibliograficheskij ukazatel' 1877–1987 gg.). – Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1980. – 76 s.

98. Щуровский Г. Е. Вступительная речь // Труды Второго съезда русских естествоиспытателей в Москве, происходившего с 20 по 30 августа 1869 года. – М.: Университетская типография (Катков и К^о), 1870. – С. 59–68.

Shhurovskij G. E. Vstupitel'naja rech' // Trudy Vtorogo s'ezda russkih estestvoispytatelej v Moskve, proishodivshogo s 20 po 30 avgusta 1869 goda. – М.: Universitetskaja tipografija (Katkov i K^o), 1870. – S. 59–68.

99. Эшлиман К. К. Воспоминания / Сообщил В. Кашкаров // Русский архив. – 1913. – Кн. 3. – С. 327–359.

Jeshliman K. K. Vospominanija / Soobshhil V. Kashkarov // Russkij arhiv. – 1913. – Кн. 3. – S. 327–359.

100. Янин Е. П. Оценка воздействия на окружающую среду возможности практического использования и особенности химического состава росы // Экологическая экспертиза. – 2015. – № 6. – С. 2–23.

Yanin E. P. Ocenka vozdeystvija na okruzhajushhuju sredu vozmozhnosti prakticheskogo ispol'zovanija i osobennosti himicheskogo sostava rosy // Jekologicheskaja jekspertiza. – 2015. – № 6. – S. 2–23.

101. Янин Е. П. Из архивного наследия академика В. И. Вернадского. Об ученых и их деятельности. – М.: НП «АРСО», 2022. – 319 с.

Yanin E. P. Iz arhivnogo nasledija akademika V. I. Vernadskogo. Ob uchenyh i ih dejatel'nosti. – М.: NP «ARSO», 2022. – 319 s.

102. Янин Е. П. Из архивного наследия академика В. И. Вернадского. Начало творческого пути, 1885–1888 гг. – М.: НП «АРСО», 2024. – 464 с.

Yanin E. P. Iz arhivnogo nasledija akademika V. I. Vernadskogo. Nachalo tvorcheskogo puti, 1885–1888 gg. – М.: NP «ARSO», 2024. – 464 s.

103. Möller D. On the History of the Scientific Exploration of Fog, Dew, Rain and Other Atmospheric Water // DIE ERDE. – 2008. – V. 13, № 1–2. – P. 11–44.

Yanin E. P. V. I. Vernadsky and N. A. Golovkinsky: episodes of creative and of life intersections

The article describes the acquaintance and creative communication of V. I. Vernadsky with N. A. Golovkinsky, a prominent Russian geologist, talented teacher, professor at Kazan and Novorossiysk (Odessa) universities, who made a significant contribution to the development of patronymic and world geological thought, geomorphology and paleogeography, hydrogeologist (in 1886–1897) of the Taurida provincial Zemstvo, whose duties he «performed with the greatest success and youthful enthusiasm», becoming during his lifetime «the best water expert in Russia» and «the father of hydrogeology of the Crimea». N.A. Golovkinsky, according to his contemporaries, was a man of extensive knowledge, a subtle humanistic education, with an original, deep mind, selfless and modest, strict to himself and condescending to others. V. I. Vernadsky personally met N. A. Golovkinsky during his first visit to the Crimea (in the summer of 1893), although I was already well acquainted with his scientific works and appreciated some of them. According to V. I. Vernadsky, N. A. Golovkinsky, an original and independent-minded geologist, had a great influence on him, and conversations with him gave him a lot during a trip to the Crimea in 1899. Special attention is paid to V. I. Vernadsky's communication with his and N. A. Golovkinsky's other acquaintances – the Keller and Vinberg families, I. M. Peddakas, N. A. Umov, with whom he became even closer during this trip to the Crimea. The history of the competition for the N. A. Golovkinsky Prize for the best work on tertiary sediments of the Taurida province and their water content is considered in detail. The use of archival materials – the diary for 1893, the memoirs and scientific notes of V. I. Vernadsky, letters to him by N. E. Vernadskaya, I. M. Peddakas – made it possible not only to clarify, but also to restore many moments of his Crimean trip, as well as his perception of the work of N. A. Golovkinsky. For the first time, two letters from N. A. Golovkinsky to V. I. Vernadsky have been published, which allow us to learn about the scientific, scientific, organizational, and socio-political issues that they worried about and discussed during their Crimean conversations.

Keywords: V. I. Vernadsky, N. A. Golovkinsky, I. M. Peddakas, N. A. Umov, Crimea, Karabakh, Keller family, Vinberg family, Taurida province, zemstvo, letters, hydrogeology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Айбабина
Елена
Акимовна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры геометрического и компьютерного моделирования энергоэффективных зданий Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

**Горлов
Владимир
Николаевич**

доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Российская Федерация)

**Дорофеев
Денис
Владимирович**

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

**Жиляков
Константин
Александрович**

аспирант кафедры «История» Мелитопольского государственного университета (г. Мелитополь, Российская Федерация)

**Зайцева
Татьяна
Борисовна**

доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск, Российская Федерация)

**Кудрявцев
Владислав
Юрьевич**

ассистент кафедры истории России Курского государственного университета (г. Курск, Российская Федерация)

**Ломакин
Дмитрий
Анатольевич**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; заведующий фондовым отделом Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

**Мутьев
Андрей
Викторович**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Ордена Трудового Красного Знамени Медицинского института имени С. И. Георгиевского» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация)
Постникова Екатерина Георгиевна	доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск, Российская Федерация)
Приезжева Софья Генриховна	научный сотрудник Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» (г. Севастополь, Российская Федерация)
Ткачев Антон Сергеевич	аспирант кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Юрочкин Владислав Юрьевич	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Российская Федерация)
Янин Евгений Петрович	кандидат геолого-минералогических наук, руководитель Группы «Научное наследие В. И. Вернадского и его школы» Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН (г. Москва, Российская Федерация)

СОДЕРЖАНИЕ

Ганцев В. К.

Историческая топография деревни Ходжа-Сала у северного подножия
Мангупа (Юго-Западный Крым) в Позднесредневековом и Новое время 3

Горлов В. Н.

Генеральный план развития Москвы 1971 г. как наиболее удачный
и наименее реализованный в XX веке 27

Дорофеев Д. В.

Феликс Гилберт. Интеллектуальная история: историография
генезиса внешней политики США (1940-е гг. –
первая половина 1970-х гг.) 43

Жиряков К. А.

Дефиниция «Эпоха викингов»: генезис и основные подходы
в современной историографии 62

Кудрявцев В. Ю.

Образ Вьетнама середины 1970-х – середины 1980-х гг.
в путевых очерках советских журналистов 79

Ломакин Д. А., Айбабина Е. А.

Неизвестный Василий Макурин: к истории семьи и знаменитого дома 91

Мутьев А. В.

Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях Крыма
в конце 30-х – начале 40-х годов XX века 116

Непомнящий А. А.

Из истории личной библиотеки Арсения Маркевича:
к 170-летию со дня рождения ученого 128

Постникова Е. Г., Зайцева Т. Б.

«Переживание истории» в эго-документах советской
интеллигенции (на материале семейных архивов Г. С. Гуна) 139

Приезжева С. Г.	
Отделение военно-морской цензуры на Черноморском флоте в период героической обороны Севастополя (1941–1942 гг.).....	161
Ткачев А. С.	
Правовой статус караимов в Российской империи и создание органов караимского самоуправления (конец XVIII – первая половина XIX века)	175
Юрочкин В. Ю.	
От Инкермана до Мангупа: к 120-летию Е. В. Веймарна (1905–1990)	194
Янин Е. П.	
В. И. Вернадский и Н. А. Головкинский: эпизоды творческих и жизненных пересечений	219
Сведения об авторах	252